

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
И СИМВОЛИЧЕСКИЙ
ОБЛИК ПРОВИНЦИИ
В ТВОРЧЕСТВЕ А.П. ЧЕХОВА**

Ростов-на-Дону
2016

УДК 821.161.1.09“18”
ББК 83.3 (2Рос=Рус)5

*Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект 14-04-00237*

Авторский коллектив:

Алферьева А.Г., Кондратьева В.В., Ларионова М.Ч.,
Малых И.В., Субботина Т.М., Шипулина О.А., Цымбал А.А.

**Историко-культурный и символический облик провинции
в творчестве А.П. Чехова** – Ростов н/Д: Foundation, 2016. – 348 с.
ISBN 978-5-4376-0160-0

В книге представлены историко-биографический, этнокультурный и мифопоэтический подходы к изучению жизни и творчества А.П. Чехова; выявлены исторические, географические, ландшафтные, социокультурные факторы, определяющие содержание, особенности поэтики и языка «провинциального текста», в частности образа южнорусской провинции в творчестве Чехова. Впервые подробно рассмотрен и описан этнокультурный и региональный компонент в эпике и драматургии А.П. Чехова. Представлены малоизвестные материалы историко-культурного и этнокультурного характера.

Монография адресована студентам, аспирантам, литературоведам, музейным работникам, всем читателям Чехова.

ISBN 978-5-4376-0160-0

УДК 821.161.1.09“18”
ББК 83.3 (2Рос=Рус)5

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	5
1. ДЕВЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ И ВСЯ ЖИЗНЬ.	
ГОРОД ТАГАНРОГ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ	8
1.1. Формирование культурного, социального, исторического пространства Таганрога (<i>А.А. Цымбал</i>)	8
1.2. Семья Чеховых и ее окружение (1850–1870-е гг.) (<i>О.А. Шипулина</i>).....	62
1.3. Таганрогские впечатления: гимназия, учителя, соученики (<i>А.Г. Алферьева</i>)	108
1.4. Таганрогская ономастика в ранней прозе А.П. Чехова (<i>А.Г. Алферьева</i>).....	177
1.5. «Разные разности»: несколько заметок о гимназических газетах (<i>И.В. Малых</i>).....	192
2. «ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ТЕКСТ»	
В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ (<i>М.Ч. Ларионова</i>)....	203
2.1. Традиционная культура юга России в произведениях А.П. Чехова	203
2.2. Малороссийская этнокультурная традиция в творчестве А.П. Чехова	212
2.3. А.П. Чехов и казаки	244
3. ТОПОГРАФИЯ ПРОВИНЦИИ. МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ	
ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МОДЕЛИ (<i>В.В. Кондратьева</i>)	264
3.1. Степной мир в рассказах А.П. Чехова: структура и семантика	264
3.2. Пространственные образы юга России в прозе А.П. Чехова	285

3.3. Поэтика оппозиции «столица-провинция» в произведениях А.П. Чехова	300
4. ВОКЗАЛЫ И ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ СТАНЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ А.П. ЧЕХОВА 1890-х гг. (Т.М. Субботина)	317
4.1. Постоялые дворы в контексте чеховского мотива остановки в пути	318
4.2. От постоянного двора к железнодорожной станции: развитие семантики пограничности	330
4.3. Усадьба, дача, дом-вокзал в пьесе «Вишневый сад»: между культурой и природой	337

Введение

Современная филология и культурология определяют провинцию как один из важнейших объектов научного рассмотрения. Наряду с «петербургским текстом» и «московским текстом» в сложившейся семиотической традиции изучения пространства русской литературы и культуры выделяется «провинциальный текст». Все более утверждается направление, исследующее образ провинции в русской культуре в его целостности.

Тема монографии обусловлена наличием ряда нерешенных теоретических вопросов по проблеме провинции в творчестве А.П. Чехова, в частности вопроса о соотношении понятий «провинциальный» и «региональный». В основе стабильности существования провинции и ее культуры лежит устойчивая система, которую определяют региональная специфика, этнокультура и традиционная культура. Как правило, при исследовании феномена провинции в произведениях Чехова внимание ученых концентрируется на биографическом, социальном, культурологическом, психологическом аспектах¹, но не рассматривается региональная самобытность юга России, где соединились малороссийская, казачья, греческая, еврейская, армянская и др. культуры. А ведь именно южнороссийский ареал в большой степени составляет чеховский «провинциальный текст». Например, «казачий» или «малороссийский» контекст ряда мотивов, образов, бытовых реалий легко просматривается в произведениях Чехова.

---

¹ Бердников Г.П. Чехов. – М., 1978; Громов Л.П. Реализм А.П. Чехова во второй половине 80-х годов. – Ростов-н/Д, 1958; Громов М.П. Книга о Чехове. – М., 1989; Катаев В.Б. Чехов и Таганрог: к проблеме культурного ответа // Таганрогский вестник: Мат-лы Междунар. конф. – Таганрог, 2004; Кузичева А.П. Чехов. Жизнь «отдельного человека». – М., 2010; Полоцкая Э.А. Мелиховский контекст «Дяди Вани» // Чеховиана: Мелиховские труды и дни. – М., 1995; Разумова Н.Е. Творчество А.П. Чехова в аспекте пространства. – Томск: ТГУ, 2001; Седегов В. Таганрогские детали в произведениях Чехова // Чеховские чтения. – Таганрог; Ростов н/Д, 1974; Собенников А.С. Оппозиция дом – мир в художественной аксиологии А.П. Чехова и традиция русского романа // Чеховиана. Чехов и его окружение. – М., 1996; Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. – СПб., 2007; Сухих И.Н. Чехов в жизни: сюжет для небольшого романа. – М., 2010.

Актуальность предложенной темы обусловлена возрастающим в настоящее время интересом к социокультурным аспектам жизни регионов России и возникшей потребностью углублённого исследования изображения провинциального мира и человека в творчестве А.П. Чехова, занявшем пограничное место между классическим периодом русской литературы и эпохой модернизма и положившим начало новому эстетическому мышлению в русской литературе. Научная новизна заключается в соединении историко-биографического, этнокультурного и мифопоэтического подходов, а также в выявлении исторических, географических, ландшафтных, социокультурных факторов, определяющих содержание, жанровые формы, особенности поэтики и языка «провинциального текста», в частности образа южнорусской провинции в творчестве Чехова. Рассматривается и описывается этнокультурный и региональный компонент в эпике А.П. Чехова.

В монографии представлена попытка изучить феномен южнороссийского «провинциального текста» путем комплексного изучения историко-культурной, социальной среды, малоизученной этнокультурной среды, путем выявления символов и эталонов традиционной культуры, определяющих самобытный образ юга России, который раскрывается в произведениях Чехова посредством художественной коннотации устоявшихся моделей, сюжетов, мотивов.

В проекте используется комплексный междисциплинарный подход к изучению жизни и творчества А.П. Чехова, развиваются принципы интерпретации художественного текста, пространственных образов в культурно-историческом, этнокультурном, фольклорно-мифологическом и интертекстуальном аспектах. Авторы исследуют генезис и фундаментальные параметры мировидения писателя с помощью выявления основных составляющих культурной экосистемы Таганрога и Приазовья. Определяется своеобразие провинциального мира и человека провинции в эпике и драматургии А.П. Чехова, рассматриваются главные принципы организации пространства провинции.

В монографии представлены и проанализированы ранее не публиковавшиеся архивные документы, в частности материалы рукописных журналов, отражавших жизнь мужской гимназии в период учебы в ней А.П. Чехова. Подробно исследован вопрос о таганрог-

ском окружении семьи Чеховых. Показано влияние на творчество писателя малороссийской культуры. Выявлен особый «казачий» контекст некоторых мотивов, образов и бытовых реалий и дано этнокультурное разъяснение этому художественному явлению. В ходе исследования топографии провинции на материале чеховских рассказов выявлены типологически устойчивые пространственные модели. Проанализирована фольклорно-мифологическая оппозиция «свой/чужой» как сюжетообразующая в прозе А.П. Чехова. Исследован локус вокзала как существенная составляющая «провинциального текста» Чехова. В этой связи выявляется его пограничный и инфернальный характер, а также охарактеризован вокзально-дачный пейзаж как комически сниженный вариант традиционно-романтического «садового» пейзажа.

Таким образом, в монографии выявляются особенности геоэтнического, исторического, культурного и психоэнергетического потенциала Таганрога и Приазовья, которые, несомненно, оказали влияние на формирование личности и мироощущения А.П. Чехов.

Исследование показало, что в произведениях Чехова, с одной стороны, отражается внутренняя исключительность южнорусского региона, с другой – воплощается образ провинции вообще. Проведенное исследование позволило прийти к выводу о том, что региональная традиционная культура и фольклорно-мифологический компонент во многом определяют чеховский «провинциальный текст», который в дальнейшем особым образом трансформируется в произведениях писателей XX века.

Все произведения А.П. Чехова цитируются по Полному собранию сочинений и писем в 30 т. (М: Наука, 1974–1988). В тексте в круглых скобках буквой С. обозначаются сочинения, П. – письма, римской цифрой – том, арабской – страница: (С. X, 28) или (П. I, 31).

В.В. Кондратьева

1 ДЕВЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ И ВСЯ ЖИЗНЬ. ГОРОД ТАГАНРОГ И ЕГО ОБИТАТЕЛИ

1.1. ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО, СОЦИАЛЬНОГО, ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ТАГАНРОГА

А.А. Цымбал

Таганрог – город с удивительной, редкой судьбой. Пасынок истории, которому при рождении было обещано так много, а досталось мало. Весь XVIII век он во многом был первым: первый «регулярный» город, первая военно-морская база, первый торговый порт на юге, лелеял мечту – стать южной столицей и стал резиденцией императора – Александра I, мимолётной столицей, где закончились дни победителя Наполеона. Но более молодые соперники обошли его во всём, оттеснив на обочину истории.

Провинция, никогда не признававшая себя таковой и высокомерно напоминая о первенстве своего происхождения всем административным центрам (будь то Петербург, Екатеринослав, Одесса, или же Ростов), отстаивавшая свои достижения в области культуры. Каких только восторженных эпитетов не удостоивался Таганрог от своих жителей и приезжих, но при этом во все времена считалось, что у города всё в прошлом, а настоящее его буднично и неинтересно. Так было всегда.

Городское население, сложившееся в результате непростой истории отличалось непостижимым и противоречивым характером. Эмоциональные, но при этом «себе на уме», приветливые, но не «дающие спуску» никому, консервативные и на первый взгляд инертные, таганрожцы, в то же время, стремятся быть во всём первыми. Они очень критично относятся ко всему. Ещё в 1893 году известный

таганрогский журналист А.Б. Тараховский опубликовал в газете «Таганрогский вестник» афоризм местных жителей: «Можно угодить всему миру, но таганрожцу никогда»¹. С тех пор мало что изменилось.

Жители ругают свой город, но не позволяют этого делать другим. Уехав из Таганрога, трепетно любят его, доказывают, что он лучший на свете, но редко возвращаются обратно.

В апреле 1887 года А.П. Чехов, находясь на родине, писал родным в Москву: «...я мог убедиться как грязен, пуст, ленив, безграмотен и скучен Таганрог» (П. П., 57). Эти слова писателя нередко вспоминают, чтобы рассказать о его таганрогском детстве и юности. Но обстоятельства жизни Чехова и его семьи в Таганроге во многом опровергают эту резкую характеристику. Дети неудачливого купца П.Е. Чехова получили гимназическое образование, обучались игре на музыкальных инструментах, участвовали в любительских спектаклях. В пору своей юности будущий писатель имел возможность посещать театр, городскую библиотеку, концерты. В городе была культурная среда, придававшая особый характер городской жизни и местному населению.

Таганрог в середине XIX века был старейшим городом Екатеринославской губернии и крупным торговым портом, сыгравшим значительную роль в развитии южнорусской торговли.

Его рождение было связано с преобразовательной деятельностью Петра I и явилось её первым зримым результатом. На протяжении столетий Россия политически, экономически и в культурном отношении была изолирована от стран Европы. Отсутствие выхода в море было главной помехой в естественном развитии страны. «Борьба за моря» стала главным направлением внешней политики России при Петре I. На юге мощным и грозным противником российского государства была Турецкая империя, которая с XV века укрепилась на берегах Чёрного и Азовского морей. Выход в Азовское море прикрывала мощная турецкая крепость Азов, самый северный форпост Османской империи.

В июле 1696 года, в ходе второго Азовского похода, русские войска заняли эту крепость. Пётр I ликовав: это была первая победа России над Турцией, блистательное начало его самостоятельного правления.

---

¹ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 467.

Взятие Азова стало знаменательной вехой на пути превращения России в морскую державу.

Чтобы упрочить положение на Азовском море, создать российский морской плацдарм на юге, нужно было построить гавань для стоянки военно-морского флота и крепость, охраняющую ее. Азов не мог стать базой для Российского военно-морского флота из-за мелководья гирл Дона, поэтому через несколько дней после разгрома турок, 27 июля 1696 года, Петр I отправился осматривать азовские берега в поисках места для размещения гавани. Выбор пал на высокий мыс Таган-Рог. Это географическое название было известно со времён средневековья. Так называли полуостров кочевники и казаки испокон века, использовавшие его высокие берега как ориентир при выходе в море. Самым распространённым переводом названия можно считать «Приметный мыс», хотя существует ещё несколько версий.

История Таганрога началась на прибрежной песчаной отмели, примыкающей к подножию обрыва, на месте между нынешним Никольским спуском и бывшим маяком.

12 (22) сентября 1698 года Пушкарский приказ принял окончательное постановление о строительстве гавани и крепости на мысе Таган-Рог.

С этой даты начинается отсчёт истории города, первоначально называвшегося Троицк на Таган-Роге. Своё название в петровский период крепость получила благодаря первой церкви, заложенной в строящемся форпосте в 1698 году, с благословения Преосвященного Авраамия, митрополита Белгородского и Обоянского. Освящена она была в 1699 году, в присутствии основателя Таганрога Петра I, вернувшегося из морского похода к Керчи.

В строительстве участвовали многие иностранные инженеры, приглашённые Петром I. На строительство гавани и крепости на мысу Таган-Рог в июле 1698 года Пушкарский приказ направляет швейцарца Руэля, австрийских подданных – инженеров Эрнеста фон Боргсдорфа, Рейнгольда, Трузина и датчанина Юлия Франка.

Таганрог без особого преувеличения можно назвать «пробным камнем» петровских реформ. Рубеж столетий (1690–1700) – начало важных реформ: рождение флота и новой армии, создание новой культуры и строительство новых городов. Архитектура, преобразование строительного дела были важной частью реформ петровской

эпохи. Строительство новых русских городов по новым, европейским градостроительным законам стало зримым воплощением трансформации жизни страны.

В XVII веке в градостроительстве Европы особое значение обретает направляющая, ориентирующая роль улицы. В это время в Риме была начата прокладка прямых улиц, соединяющих наиболее значительные здания. Позже приём планировки римских улиц был повторён в Версале, при этом использовалась радиально-лучевая система, разработанная итальянским архитектором Скамоцци при проектировании крепости Пальма де Нуова. Дальнейшее развитие этот приём получил при строительстве Петербурга, Карлсруэ – столицы герцогства Баденского и др. Но между Версалем и Петербургом был Таганрог ...

Некоторая заминка при строительстве крепости на Азовском море, из-за отъезда Петра I в заграничное путешествие, кое в чём пошла ей на пользу. Царь, вернувшись из-за границы, хотел, чтобы крепость походила на регулярные города Европы, с их прямыми улицами и кварталами правильной формы, с размещением домов по внешним границам квартала. Подобной застройка до этого времени не знало русское градостроительство, с его неширокими извилистыми улицами, следующими за рельефом.

Строителями Таганрога был создан план города-крепости, опиравшийся на новейшие достижения европейского градостроительного искусства. Его авторами были иностранные инженеры Боргсдорф и Трузин.

Город был задуман, как сложный организм с системой площадей, радиально расходящихся от оконечности мыса улиц, пересечённых переулками. Эта планировка сохранилась в Таганроге до сих пор, несмотря на все превратности его истории.

Высокие земляные валы защищали территорию города-крепости от нападений неприятеля. В середине XIX века валы петровской крепости отделяли самую старую часть города, застроенную преимущественно саманными домами. В самих валах были вырыты землянки, в которых жили самые обездоленные и неимущие горожане. Район имел дурную славу, и появляться здесь с наступлением вечера было опасно. Жители, которых таганрожцы по неизвестной причине называли фараонами, составляли самый «беспокойный элемент» в населении Таганрога.

На протяжении всего девятнадцатого столетия городские власти боролись с незаконной застройкой этой территории, носившей среди таганрожцев дурную славу. Валы срывали и пробивали через них прямые улицы. В 1870-е годы городские власти разработали проект по переселению жителей «крепости» за город. За переулком Кладбищенским был спроектирован под застройку район, получивший название «Новый Петербург». Он имел планировку напомилавшую сетку линий Васильевского острова и также как в Петербурге, эти улицы были пронумерованы. Переселявшимся в этот район город выдавали компенсацию за снесённое в крепости жильё и ссуду для строительства нового. Таганрожцы без энтузиазма переезжали на новое место жительства и дали новому району своё название – Собачеевка.

В бывшей Адмиралтейской слободке, располагавшейся в районе Никольской церкви, в XVIII веке проживали офицеры, моряки, служащие Азовской флотилии, стоявшей в таганрогской гавани. С переводом флота в Севастополь, это район стал местом расселения рыбаков и получил название Богудония (по одной из версий, по фамилии жившего здесь богатого рыбопромышленника Богудона). Это было «государство в государстве», особый мир. Прожив в Таганроге много лет, можно было так и не побывать в Богудонии, а попав туда заблудиться на извилистых крутых улицах, ведущих к морю. Но таганрогским мальчишкам, бегавшим в Турецкую бухту ловить рыбу, этот район был хорошо известен.

Летом любители рыбалки добирались по отмелям до острова Черепаха, который также был свидетельством грандиозных портостроительных работ времен Петра I.

Гордостью строительного искусства стала обширная гавань с площадью водной поверхности 774 тысячи квадратных метров, построенная венецианским инженером Матео Симонтом возле таганрогской крепости. Она воплотила лучшие достижения инженерной мысли той эпохи.

В исключительно короткий срок, за 11 лет, строительство основных сооружений гавани было завершено. Был выполнен огромный объём работ: забито около 30 тысяч свай, заготовлено и уложено в подводную часть моллов свыше 50 тысяч кубометров камня. Общая протяжённость оградительных сооружений достигла 1 700 метров.

С моря гавань прикрывал форт, построенный на искусственно намытом острове и названном Черепаха. В те времена, когда Антон Чехов с друзьями рыбачил на этом острове, полузатопленном водой, мало что напоминало о мощном петровском форте, защищавшем Таганрог с моря от нападения турецкой эскадры.

Строительство крепости и гавани в основном было завершено к 1709 году, а спустя всего три года, Пётр I, потерпевший поражение в войне с Турцией, был вынужден отдать приказ о разрушении крепости и передачи её территории туркам. Войска и население покидают разрушенную крепость.

Пройдут годы... На берегах Невы вырастет «Северная Пальмира», застроенная шедеврами Трезини, Фонтана, Шлютера, Расстрели. Появится плеяда русских архитекторов, усвоивших приёмы европейского строительства. Начнут регулировать застройку старых русских городов: Москвы, Владимира, Твери. Новые формы и приёмы проникнут в провинцию. А на берегах Азовского моря только руины разрушенной по Прутскому мирному договору крепости будут долго напоминать о том, что всё начиналось здесь...

Именно в петровскую эпоху Таганрог сыграл свою главную роль в российской истории. Он был первой военно-морской базой русского государства, самой большой крепостью на юге; строительным полигоном, где опробовались новые приёмы градостроительного и фортификационного искусства, в дальнейшем широко использовавшиеся в российском градостроении, а также крупнейшим населённым пунктом в новых землях (здесь проживало 10 тысяч человек) и единственным морским портом, через который русское правительство пыталось наладить торговые связи со странами Азии и Европы.

П.П. Филевский, подводя итог петровскому периоду в истории Таганрога писал: «Коротки были дни Таганрога под властью Петра Великого, но они наложили на чело его печать исторического величия, они создали ему имя в истории и осветили его блеском славы гениального человека»².

Эта «печать исторического величия» и не давала покоя последующим поколениям таганрожцев, сетовавшим об упадке и запустении

---

² Филевский П.П. История Таганрога. – М., 1898. – С. 72.

и с удовольствием распространявшим легенду о том, как Таганрог едва не стал столицей.

Почти на четверть века Приазовье вновь оказалось под властью турок. Таганрог все эти годы лежал в развалинах, забытый и брошенный.

В результате русско-турецкой войны 1736–1739 годов Россия вернула контроль за территориями, отвоёванными Петром I у Турции в конце XVII века. Но из-за предательской политики австрийских союзников была вынуждена подписать Белградский мирный договор и восстановление таганрогской крепости было отложено ещё на полвека.

В условиях роста могущества Российского государства подобное, зависимое от Турции, положение, сложившееся на юге после заключения Белградского договора, не могло сохраняться долго. Возрождение Таганрога стало реальной исторической неизбежностью. Это произошло в правление Екатерины II, ставшей продолжательницей многих дел Петра Великого.

С самого начала её царствования, в 1760-е годы главным направлением российского внешнеполитического курса стала борьба за северное побережье Чёрного моря. Большую роль в этом должны были сыграть восстановленный Азовский флот и таганрогская крепость. 16 октября 1768 года Турция объявила войну России, а уже в апреле 1769 года отряд Азовской армии под командованием генерал-фельдмаршала П.А. Румянцева, возглавляемый бригадиром де Жедерасом, занял Таганрог. О чём было доложено императрице, и что вызвало её радость. Она возвращает своей державе детище Петра Великого!

Началось восстановление таганрогской крепости, гавани и Азовской военной флотилии. При восстановлении крепости и гавани широко применялся опыт петровской эпохи, многие сооружения возводились на сохранившихся фундаментах начала XVIII века.

Война 1768–1774 годов закончилась победой русского оружия и сделала Россию Черноморской державой. Кючук-Кайнарджийский мирный договор, подписанный по окончании военных действий, окончательно закрепил за Россией восстановленные крепости Азов и Таганрог. Он дал толчок экономическому освоению огромных южных территорий, в котором Таганрогу была отведена большая роль.

В конце XVIII века из первого военно-морского форпоста России на юге он превратился в один из крупнейших торговых портов империи. И до 1823 года занимал первое место по экспорту среди портовых городов юга и успешно вёл конкурентную борьбу с молодой Одессой.

Большое значение для развития торговли имело существование в Таганроге с конца XVIII века своего карантина и таможни. В 1805 году указом императора Александра I был создан Таганрогский таможенный округ. В его состав вошли Керченская и Бердянская таможни, а также Полтавская и Мариупольская таможенные заставы, что подчеркнуло приоритетное значение города как административного и торгового центра региона.

Через таганрогский порт Россия вывозила в Европу зерно, продукты животноводства, рыбу и икру, железо, лес, пеньку, парусину, а ввозила из стран Средиземноморья вина, фрукты, табак, чай, кофе, сахар, бумагу, ткани, предметы роскоши.

С началом навигации шумела и бурлила жизнь в таганрогском порту. Гавань и рейд покрывались лесом мачт сотен судов, пришедших со всех концов света. Как дивная музыка звучали для любителя странствий названия городов, куда отправлялись корабли из таганрогской гавани: Константинополь, Венеция, Афины, Триест, Ливорно, Генуя, Марсель. На причале, набережной, Бирже, у небольших кабачков-остерий, можно было встретить греков, турок, итальянцев, англичан, французов. «Все они в своих национальных костюмах оживлённо беседовали каждый на своём языке, производя впечатление какого-то маленького международного уголка в русском городе», – писал Александр Чехов, старший брат великого писателя³.

Значительную роль в развитии таганрогской торговли играли греческие купцы. Так в 1869 году в Таганроге среди купцов было 481 грека, 242 еврея, 30 немцев⁴. Если русское купечество в основном контролировало внутригородскую и ярмарочную торговлю, то греки держали в своих руках экспортно-импортные сделки со странами Европы и Азии. Филиалы их компаний находились в крупнейших портах мира.

---

³ Чехов Ал.П. Записки случайного туриста // Дон. – 1980. – № 1. – С. 48

⁴ Ведомость о числе купцов г. Таганрога. 1869 г. РГИА Ф.1287. Оп. 37. Д. 2193.

Превращение Таганрога в крупнейший порт в конце XVIII века было во многом обусловлено политикой Екатерины II по заселению Приазовья. Необходимо было освоить огромные территории, вошедшие в этот период в состав Российской империи. С этой целью в Азовскую губернию, созданную в 1775 году правительство переселяло христианские народы, пострадавшие от турецкого ига.

28 марта 1775 года императрица дала на имя графа А.Г. Орлова рескрипт о судьбе греков участвовавших в русско-турецкой войне 1768–1774 годов в составе русской армии и флота. В нём говорилось: «...всем тем, кои честь и славу победного Нашего оружия в минувшую войну подвигами своими утверждали, но и родственникам их и словом всем благонамеренным объявить Высочайшим Нашим именем, что правосудие и природная Наша к добру склонность, приемлет их под праведный Свой покров»⁵.

Греческим офицерам были пожалованы за военную службу большие земельные наделы. Они стали одними из первых помещиков Приазовья.

Грекам уделялось особое внимание и забота не только в связи с популярностью при дворе Екатерины II «греческого проекта», предполагавшего восстановление православной империи на берегах Босфора, но и потому, что императрица и Потёмкин понимали, что тысячелетние торговые связи в Средиземноморье держали в своих руках греческие купцы. Переселившись в Россию, их соотечественники могли использовать этот опыт в развитии торговли в новых южных русских городах. Эмигрантам из европейских провинций Турецкой империи были даны по приезду в Россию многочисленные льготы. Эта политика очень быстро принесла хорошие плоды. Население Таганрога быстро выросло.

Греки, имевшие тысячелетний опыт морской торговли в короткий срок сделали Таганрог известным во всех крупнейших портах Европы. Их деловые и семейные связи помогли привлечь в маленький молодой азовский порт корабли со всего света.

В каждой греческой семье Таганрога хранились предания о героических предках, воевавших с турецкими поработителями и необыкновенных, гордых красавицах, сопровождавших этих героев

---

⁵ Филевский П.П. Указ. соч. С. 98.

в боевых странствиях, венецианских купцах, на чьих кораблях отправлялись в Святую землю во времена Крестовых походов рыцари-крестоносцы. Многие таганрогские семьи считали себя потомками византийских древних родов и даже императорских династий, средиземноморской знати, венецианских дождей.

В Таганроге греческие семьи поселились на отведённом по распоряжению Потёмкина месте, в форштадте крепости. Так было положено начало Греческой улице Таганрога. В 1781 году здесь была открыта греческая церковь Св. Константина и Елены. Впоследствии для неё было выстроено каменное здание, украшавшее улицу в течение полутора веков и снесённое в 1930-е годы. В подготовительном классе школы при этой церкви учились трое старших сыновей П.Е. Чехова, мечтавшего в будущем устроить их на службу в одну из торговых греческих контор.

К началу XIX века греки составляли треть населения города. Здесь были открыты греческие церкви, школы, действовало одно из старейших представительных учреждений юга России – Греческий магистрат, созданный в 1781 году.

Грекам город обязан и своим своеобразным архитектурным обликом. Большинство особняков на главных улицах города были выстроены для греческих торговых семей. Путешественники, посещавшие Таганрог в середине XIX века, отмечали, что по красоте построек Таганрог был первым городом в Екатеринославской губернии⁶.

Архитектурный облик города сложился в первой четверти XIX века. Создание градоначальства и позднее, в 1806 году, строительного комитета способствовало упорядочению застройки, а также повлекло за собой возведение новых общественных зданий за счет казны. Строительный комитет под руководством архитектора Дюпона де Ларю, незадолго перед этим участвовавшего в застройке Одессы, разработал генеральный план застройки города. Он был утвержден в 1808 году. По этому плану сохранялся радиально-лучевой принцип планировки города. Улицы Таганрога прямыми лучами расходились от единого центра, которым являлась вся

---

⁶ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Екатеринославская губерния / Сост. В. Павлович – СПб., 1862. – С. 333.

территория крепости, их пересекали параллельно расположенные переулки. Главной административной улицей города стала Петровская, а композиционной осью в планировке города – улица Полицейская (позднее Александровская). Граница города была намечена по Кладбищенскому переулку (ныне пер. Смирновский). На въезде в город по Ростовской дороге, в начале этого переулка, в 1814 году был установлен шлагбаум с золочеными шарами (навершиями), ставший памятником победы русского оружия над Наполеоном. В 1806 году по распоряжению императора Александра I в Таганроге был основан Аптечный сад. Вначале своего существования он имел сугубо прикладное значение. Здесь выращивались лекарственные растения для аптек Екатеринославской губернии, а также Москвы и Петербурга. Но уже во время пребывания в Таганроге императора в 1825 году сад получил статус Казённого. Александр I купил для его расширения большой участок выгонной земли и выделил из своих средств 25 тыс. рублей. В дальнейшем сад разросся, его тенистые аллеи стали любимым местом прогулок жителей города. Ко времени пребывания Александра I относится появление ещё одного парка – Елизаветинского. Он появился возле Карантина, на высоком берегу с которого открывался прекрасный вид на море. Это место было выбрано самим императором, который нарисовал план будущего сада и часто приезжал сюда с императрицей.

После смерти Александра I, его вдова по-прежнему любила приезжать в Карантин и сидеть на скамье над обрывом, люблюсь морским видом. В апреле 1826 года, покидая Таганрог, Елизавета Алексеевна передала сад, бывший собственностью царской семьи, городу. Сад стали называть Елизаветинским парком. В память о пребывании в Таганроге императора Александра I и его супруги в нём была сооружена каменная беседка – ротонда, увенчанная бюстами императорской четы. Она была позднее описана в рассказе А.П. Чехова «Огни».

В середине XIX века Таганрог считался одним из самых зелёных и благоустроенных городов на юге Российской империи.

Генеральный план предусматривал создание нескольких городских ансамблей на площадях Петровской, Иерусалимской, Екатерининской, Александровской, а также строительство торговых и культовых сооружений, частных особняков. Особую роль в формировании архитектурного облика города играли церкви. Они строились в основ-

ном на средства от частных пожертвований горожан. Большинство храмов Таганрога были построены в первой половине XIX века. В их числе была уже упоминавшаяся греческая церковь Св. Константина и Елены, каменное здание для неё было построено на пожертвования греков в 1809 году; старейшая церковь Таганрога – Никольская, в екатерининскую эпоху игравшая роль главного храма адмиралтейства; католический костел, построенный по ходатайству градоначальника Б.Б. Кампенгаузена в 1807–1810 годах; в 1810 году была заложена на территории нового кладбища Всехсвятская церковь, а в 1814 году на центральной площади города – Петровской – был заложен Успенский собор. О последнем культовом сооружении хотелось бы сказать особо не только потому, что это был главный таганрогский храм, но также и потому, что он – интереснейший памятник архитектуры эпохи классицизма. Проект был разработан известным русским архитектором, адъюнкт-профессором Академии художеств Авраамом Мельниковым. Во второй половине XIX века Успенский собор был перестроен, при этом его облик значительно русифицирован: пристроена колокольня, в оформлении фасада введен декор в псевдорусском стиле. Именно в этом соборе крестили будущего писателя, Антона Чехова.

Из культовых сооружений начала девятнадцатого века необходимо упомянуть также ансамбль Иерусалимского греческого монастыря, построенный в 1814 году на средства героя греческого национально-освободительного движения, таганрогского помещика И.А. Варваца. Особым указом Александра I монастырь был подчинен Иерусалимскому патриарху: «Мы полагаем, что таковое, в пределах Нашей Российской церкви посвящение монастыря Святому Гробу Господню, приемлемо будет праведно за новое ознаменование того единения, которое свято и непоколебимо содержится в Нашей Российской церкви с Греческою»⁷.

Основанный таким видным деятелем греческого национально-освободительного движения, как И.А. Варваца, монастырь стал одним из центров этерийского движения, ставившего своей целью освобождение Греции от турецкого господства. Его стены неоднократно слышали клятвы греческих патриотов, вступавших в обще-

---

⁷ Филевский П.П. Указ. соч. С. 276.

ство «Филики Этерия» и посвящавших свою жизнь делу борьбы за освобождение Эллады от турецкого ига. С началом войны за независимость Греции в 1821 году Иерусалимский монастырь в Таганроге стал одним из центров нелегальной переправки людей и оружия в повстанческие войска. В декабре 1825 года в соборе Иерусалимского монастыря отпевали императора Александра I.

В середине XIX века в кельях монастыря находили пристанище паломники, отправлявшиеся в паломничество в Иерусалим или Афонский монастырь. В церковном хоре греческого монастыря пел П.Е. Чехов со своими сыновьями – Николаем и Антоном.

Строились и казённые дома для нужд таганрогского градоначальства. Градоначальник П.А. Папков в 1814 году решил выстроить новый дом для казённой квартиры главы градоначальства. С этой целью он выкупил дом сотника Николаева, продававшийся с торгов, и капитально перестроил его по проекту архитектора Ф. Молла, после чего в 1816 году продал городу за 52 тысячи рублей. Его стали использовать как дом для гостей градоначальника. Именно в нем в 1820 году во время путешествия на Кавказ останавливался герой Отечественной войны 1812 года генерал Н.Н. Раевский с семьей, а также сопровождавший их в этой поездке А.С. Пушкин. Впоследствии это здание стало местом пребывания императора Александра I. После кончины императора 19 ноября 1825 года в этом доме был открыт один из первых мемориальных музеев России: «Высочайший Дворец Императора Александра I в Таганроге». Ещё при императрице Елизавете Алексеевне, по её желанию, была устроена домовая церковь во имя воздвижения Св. Креста. В ней не раз приходилось петь в церковном хоре под руководством отца Павла Егоровича братьям Чеховым. Антон Павлович позднее вспоминал об этих страницах своего детства: «...бывало я и два моих брата среди церкви пели трио “Да исправится” или же “Архангельский глас”, на нас все смотрели с умилением и завидовали моим родителям, мы же в это время чувствовали себя маленькими каторжниками» (П. V, 20).

С пребыванием императора связано появление первого монумента в Таганроге. 11 октября 1831 года состоялось открытие памятника Александру I на месте, выбранном императрицей Елизаветой Алексеевной, напротив Александро-Невского Иерусалимского монастыря,

где отпевали императора в траурные дни. Средства для памятника были собраны горожанами и выделены членами императорской семьи. Его автором стал известный русский скульптор, академик Иван Петрович Мартос. Это был первый памятник победителю Наполеона, установленный в Российской империи.

Так как жизнь городу давала в первую очередь торговля, то особое внимание уделялось строительству, направленному на удовлетворение её нужд. В начале XIX века кипели оживленные строительные работы в районе порта. Здесь возводились амбарные и складские сооружения Купеческой и Лесной бирж (их к 1816 году было построено более 100), здание таможни (1809), многочисленные кабаки-остерии, куда заходили моряки иностранных судов, стоявших на рейде. В это же время мостились и благоустраивались спуски к морю, связывавшие район порта с городом. Самым знаменитым из них стала Каменная лестница, построенная по завещанию таганрогского купца Герасима Федоровича Депальдо (1788–1823). Он был представителем одного из именитых греко-римских родов, происходившего, по семейному преданию, от северо-итальянских графов Тибальдо. Скончался Депальдо 17 февраля 1823 года, за 17 дней до смерти им было составлено завещание, по которому свой капитал в 909 994 руб. 32 коп. он разделил между родственниками, а также выделил из них 100 тысяч на заведение и содержание странноприимного дома для потерпевших бедствие мореплавателей, 10 тысяч рублей – для раздачи от них ежегодно процентов бедным в Таганроге, 10 тысяч руб. на постройку Всехсвятской кладбищенской церкви и 15 тысяч – на строительство каменного спуска к морю⁸.

Лестница строилась по проекту архитектора П. И. Македонского, руководил строительством инженер Анисимов. 14 октября 1823 года она была уже построена. Депальдовская лестница (как её называли местные жители) стала первым благоустроенным спуском к морю, и таганрожцы с гордостью утверждали, что она старше знаменитой Потёмкинской и напоминает им лестницу Акрополя.

Огромные капиталы, нажитые на экспортно-импортной торговле, купечество и помещики Таганрога вкладывали в строительство особняков, которые и поныне являются украшением города. Дома

---

⁸ РГИА.Ф.1287. Оп. 12. Д. 164. Л.18.

таганрогских помещиков Грекова, Кирсанова, греческих купцов Пагоната, Авиерино, Магула, Комнено-Варваца и др. были достойны столичных улиц. Подлинной архитектурной жемчужиной города стал дворец, построенный в 1848 году, для одного из богатейших помещиков юга России Н.Д. Алфераки. Именно о них известный русский архитектор и любитель старины Г.К. Лукомский писал: «Вот полузабытый ныне город особняков-вилл, разбросанных на высоком берегу красивой бухты Азовского моря – город прекрасных образцов строительства Александровского времени. Многие из них шедевры зодчества эпохи раннего классицизма в Россию»⁹.

Не только экономика города, его облик, но и жизнь в нем были подчинены интересам торговли. Значительная часть населения своими основными занятиями были связаны с портом. Негоцианты и консулы, купцы и биржевые спекулянты, таможенники и контрабандисты, судовладельцы и матросы, драгели и стивадоры жили торговлей. Одни наживали огромные состояния, другие зарабатывали на «хлеб насущный», третьи – растрачивали всё в биржевых сделках. В таганрогских домах, где летом в открытые окна доносился шум моря и порта, шли разговоры о судах, пришедших в гавань и тех товарах, которые они привезли. Местные мальчишки часами просиживали в порту, наблюдали, как разгружаются корабли из Константинополя или с Эгейских островов и мечтали стать смелыми шкиперами «для кого не страшны ураганы»...

Нуждам жителей города служила внутригородская торговля.

В 1780 году азовский губернатор В.А.Чертков учредил в Таганроге ярмарки, положив начало внутренней торговле в Таганроге. 9 мая открывалась Никольская, а 15 августа – Успенская ярмарка. Они представляли собой основную форму внутренней торговли и способствовали расширению и укреплению экономических связей Таганрога со многими районами России.

Для ярмарок были построены ярмарочные корпуса между Ярмарочным и Кладбищенским переулком, но во второй половине XIX века масштаб торговли расширился, и ярмарка заняла и площадь перед новым зданием вокзала, перекинувшись за городскую

---

⁹ Лукомский Г.К. Памятники старинной архитектуры России в типах художественного строительства. – Ч.1. – М., 1916. – С 132.

черту. Вот как описывал Успенскую ярмарку Ал.П. Чехов в «Записках случайного туриста»: «Настоящая же, заправская ярмарка с действительно приезжими купцами раскидывалась на площади между теперешним вокзалом и корпусами. Тут было пёстро, весело и суетливо. На полотнищах на земле пестрели заманчивые, грошовые игрушки, суздальского письма иконы и всякая галантерея, а далее шли палатки с ситцами и кумачами. Немного в стороне были навалены сундуки и колёса, затем тянулись бондарные товары и лес. А в центре этой сутолоки гремела поистине дерущая уши музыка в балагане госпожи Боцмановой, в каруселях и в качелях, вздымавших высоко на воздух невзыскательную серую публику. Будущий писатель весь, всею своею детскою душой уходил в эти детские игрушки и балаган»¹⁰.

Основными центрами постоянной городской торговли были базары, где велась торговля продовольственными товарами. «На первом месте в отношении торговли внутренней стоит г. Таганрог. Здесь для торговли отведены 147 магазинов и 279 лавок. Большая часть из них расположены на площадях: первая – Петровская (старый базар), вторая – Александровская (новый базар), третья – Екатерининская (рыбный базар) и четвёртая – Ярмарочная площадь, на которой построен каменный гостинный двор»¹¹. Помимо них, практически в каждом доме центральных улиц и Ярмарочного переуллка на первом этаже размещались лавки и магазины.

Особая роль Таганрога в развитии экономики региона в начале XIX века способствовала превращению его в крупный административный центр на юге империи. 8 октября 1802 года император Александр I издал указ о реформировании административной системы на юге России. Таганрог вошёл в состав Екатеринославской губернии, но получил особый статус – градоначальства. Было учреждено шесть градоначальств в крупнейших портовых городах. Создание градоначальств призвано было дать большую свободу для развития южнорусской торговли, и эта задача была выполнена.

---

¹⁰ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 96.

¹¹ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Екатеринославская губерния. – СПб., 1862. – С. 211.

Таганрогский градоначальник был наделён особыми полномочиями: указом Александра I от 12 июня 1808 года освобождён от подчинения административным органам Новороссийского края и подчинён непосредственно центральным правительственным учреждениям. В его ведении с 1807 года находились города Ростов, Нахичевань и Мариуполь. Впоследствии значение градоначальства стало падать. В 1834 году Ростов был изъят из подчинения таганрогского градоначальника и стал уездным городом. Нахичевань и Мариуполь вышли из состава градоначальства гораздо позднее, в 1859 году. К середине XIX века город уже утратил своё первенство в торговле на юге, и постепенно уступал свои административные полномочия.

Молодые приморские города Азово-Черноморского бассейна стали отеснять его с первых позиций. Сложилась парадоксальная ситуация: торговые обороты росли, а значение порта при этом падало. С первых мест город постепенно отошёл на 8-е по импорту и 10-е – по экспорту. От жителей всё чаще можно было услышать о том, что у Таганрога всё в прошлом.

Но у него были преимущества, которых не могли иметь другие молодые города юга России. У города была История: он был первенцем петровских реформ, «мимолётной столицей» в эпоху Александра I. Здесь всё начиналось, всё когда-то было впервые. Местное население, среди которого было немало выходцев из старой средиземноморской торговой элиты, имело особые традиции и немалое влияние не только в России, но и в Средиземноморском регионе. Семьи Бенардаки, Алфераки, Ралли, Скараманга поражали деловые круги Петербурга и финансовых центров Европы коммерческим размахом и капиталами.

Значительный подъём патриотизма и общественной жизни вызвали события Крымской войны. Если для всей России эта война принесла горечь поражения, то Таганрог праздновал победу над неприятелем. Торговый город вспомнил о том, что он создавался Петром I как военный форпост, защищавший южные рубежи русского государства.

Успехи России во внешнеполитической деятельности 20–30-х годов на Востоке резко обострили ее отношения с Англией и Францией. Конфликт усугубился после подписания между Россией и Турцией соглашения по Черному морю, согласно которому его акватория была

закрыта для военно-морских сил нечерноморских держав. Стремясь ослабить влияние России на Ближнем Востоке, англичане открыто поддерживали кавказскую войну, снабжая горцев оружием, порохом и посылая туда своих эмиссаров.

4 октября 1853 года Турция объявила войну России. В октябре 1853 года англофранцузская эскадра, нарушив международную конвенцию о проливах, вошла в Босфор, а в конце декабря в Черное море. В марте 1854 года Англия и Франция, присоединились к военным действиям и официально объявили войну России. В ходе военных действий они натолкнулись на ожесточенное сопротивление защитников Севастополя. Англо-французское командование приняло решение войти в Азовское море, захватить приморские города, в которых в это время скопилось много хлеба, и перерезать основную дорогу, ведущую на Кавказ.

15 февраля 1854 года в таганрогском градоначальстве было объявлено военное положение, вместо градоначальника назначен военный губернатор генерал-майор Георгий Петрович Толстой.

С первых дней войны жители города участвовали в укреплении обороноспособности Приазовья и Таганрога. В городе было собрано 8 527 рублей для приобретения каботажных судов, которые затем вынуждены были затопить в Керченском проливе, чтобы преградить доступ английскому флоту. Командовать обороной было поручено генералу Ивану Ивановичу Краснову, который прибыл в Таганрог 9 марта 1854 года. 29 апреля в город вошел полк под командованием полковника Шумакова. Береговая линия была укреплена сторожевыми постами. В самом Таганроге были собраны все силы, от госпитальной команды до досмотрщиков таможни: 28 человек офицерского и унтер-офицерского состава, 564 человека рядовых и 35 человек морских служащих. Для подкрепления в Таганрог было направлено 3 дружины ополчения – Тамбовского, Моршанского и Борисоглебского.

19 мая 1855 года на Таганрогском рейде в 6 часов вечера показались первые неприятельские пароходы. В городе началась паника, многие уезжали в Бахмут, Новочеркасск, в пригородные имения. Наглухо заколачивались магазины и дома.

Англо-французская эскадра стояла на рейде до 22 мая. В этот день она двинулась на Таганрог, на берег от неприятеля были посланы парламентарии, которые причалили к Воронцовской набережной,

куда прибыли представители градоначальства: помещик Франк и известный поэт Николай Федорович Щербина, в это время находившийся на родине и посылавший в газету «Московские ведомости» корреспонденции о военных событиях

В ультиматуме англичан и французов предлагалось сдать город без боя, отведя войска на 1,5 мили от него. Для принятия решения был дан час. Таганрог ответил отказом. Через час, ведя ожесточенную бомбардировку города, англо-французское командование попыталось высадить в районе Лесной биржи, Каменной лестницы и Градоначальнического спуска десант, который был обезврежен силами городской милиции и небольшим отрядом казаков.

На другой день неприятельская эскадра снялась с якоря и ушла в сторону Мариуполя. 7 июля неприятель вновь объявился на Таганрогском рейде. С 8 по 15 июля город был подвергнут бомбардировке, но значительного урона она не нанесла. Вечером 23 июля была одна из самых продолжительных бомбардировок. В период конца июля-августа бомбардировкам и попыткам высадки десанта подвергались городские окрестности. Но захват казаками английского парохода «Джаспер», севшего на мель, отбил у англо-французского командования желание проводить какие-либо активные действия на побережье. Последняя бомбардировка города состоялась 31 августа, а 2 сентября англо-французская эскадра покинула Таганрогский рейд.

Английский офицер Берроу писал в своем дневнике: «В плохо укрепленном Таганроге мы встретили отчаянное сопротивление русских, сюда как бы долетел дух защитников Севастополя»¹².

Многие участники обороны Таганрога были награждены, а город получил почётную грамоту императора. 27 октября 1857 года в она была доставлена в Таганрог. На Петровской площади состоялся парад, которым командовал генерал И.И. Краснов.

С событиями Крымской войны совпали важные события в жизни семьи Чеховых: в октябре 1854 года Павел Егорович женился на Евгении Яковлевне Морозовой и переехал в дом тещи на улице Мало-Греческой. В этом доме молодой чете пришлось пережить не-

---

¹² Крупницкая Г.А. Таганрог в николаевское время (1825–1855) / Энциклопедия Таганрога. – Таганрог, 2008. – С. 75.

однократные бомбардировки города вражеской эскадрой. В конце июля 1855 года после очередного артобстрела П.Е. Чехов вывез беременную супругу в слободу Крепкую, где 10 августа родился первенец Павла Егоровича и Евгении Яковлевны Чеховых – Александр.

После отражения неприятеля и последовавших за этим торжественных мероприятий город как будто воспрял ото сна, городская жизнь оживилась, общество консолидировалось. В нём родилось немало проектов по развитию экономики, просвещения, культуры и благотворительности в Таганроге, было проведено в жизнь немало начинаний, ставших основой последующего развития города и края.

Из Петербурга на родину съехались помещичьи семьи Бенардаки, Алфераки, Война. Выйдя в отставку с поста чиновника особых поручений военного министерства, в Таганроге поселился известный писатель и общественный деятель Н.В. Кукольник. Во время войны он неоднократно посещал город, контролируя снабжение Азово-Кавказской армии. Он стал автором многих проектов о создании университета, газеты, Азовской губернии, строительства железной дороги и т. д. Кипучая энергия не позволила поэту «почивать на лаврах» и вкушать прелести тихой провинциальной жизни. С его появлением Таганрог вступает в полосу «учредительской лихорадки», а Нестор Васильевич оказывается в эпицентре общественной жизни города. Он участвует в создании акционерного общества «Companied, Alimention», учреждает литературно-драматическое общество, выступает ходатаем по вопросу строительства железной дороги к Таганрогу. Его петербургские связи, богатый опыт помогли решить многие вопросы городской жизни. Особенно они пригодились, когда решался вопрос о строительстве Курско-Харьковской железной дороги. Это был поистине драматический момент, сплотивший местное общество в борьбе за будущее города.

Указом 1857 года было образовано Главное общество российских железных дорог. В 1862 году под руководством главноуправляющего путей сообщения генерал-лейтенанта П.П. Мельникова был разработан проект строительства сети главных линий железных дорог России. В его основу входили первоочередные требования экономики страны: связь земледельческих губерний с промышленными районами и вывозными портами. Южная железная дорога должна

была проходить к Азово-Черноморскому бассейну «и к Таганрогу на Азовском или Ростове близ устья реки Дон». Последнее утверждение привело к бурным дискуссиям, переписке, ходатайствам мэров названных городов и их уважаемых граждан.

Таганрожцы понимали, что строительство железной дороги для города вопрос жизненной важности. Она удешевляла перевозку товаров из порта, напрямую связывала город с центром страны. Но этим планам противостояла коалиция во главе с городским головою Ростова-на-Дону А.А. Байковым, которая доказывала, что дорогу надо строить через Ростов, минуя Таганрог. Представители таганрогского общества и местное отделение коммерческого банка создали особый комитет. Он действовал с 1863 по 1868 год и поставил перед собой задачу: «собрать по этому предмету все необходимые данные, ходатайствовать о Всемилостивейшем разрешении на сооружение железной дороги от Харькова на Таганрог и Ростов»¹³.

Задача была выполнена весьма успешно.

В феврале 1866 года на самом высоком уровне было решено считать Курско-Азовскую железную дорогу самой важной и принято компромиссное соглашение о целесообразности проведения веток дороги к Таганрогу и к Ростову-на-Дону. 1 марта 1868 года концессия на строительство Курско-Харьковско-Азовской железной дороги была отдана подрядчику С.С. Полякову, его брат Яков Соломонович строит ж/д ветку к Таганрогу и возводит на границе города здание вокзала, ставшее одним из красивейших на юге Российской империи.

Борьба за строительство железной дороги через Таганрог стала одной из ярких страниц в истории города, который на протяжении почти двухсот лет играл важнейшую роль в развитии края.

Но большинство других благородных начинаний этого периода не имело такого успеха. После того, как в трудной борьбе с Ростовом таганрогское общество отстояло в 1869 году проект строительства железной дороги на Таганрог, энтузиазм постепенно иссяк. Так и не удалось создать Азовскую губернию, открыть университет, организовать акционерное общество по переработке сельскохозяйственных продуктов и превратить край во «вторую Калифорнию». Покинул Таганрог известный карикатурист и издатель К.Д. Данилов, привле-

---

¹³ Дело о строительстве железной дороги. ГАРО. Ф. 577. Д. 430. Л.2.

чѐнный Кукольником, его эмоциональными рассказами о невероятных перспективах развития Приазовья. Писатель горячо советовал своему петербургскому знакомому, оставить службу и перебраться в Таганрог. Получив наследство, тот открыл здесь на свои средства книжный магазин и библиотеку. Вскоре в сатирическом журнале «Искры», с которым он сотрудничал, появились карикатуры на таганрогские темы. В библиотеке Данилова, организованной поистине со столичным размахом, была организована первая в городе читальня, а в магазине, находившемся при ней, можно было заказать книжные новинки из столичных издательств, купить литографии с портретами известных писателей.

Но дело, организованное на «широкую ногу», не пользовалось успехом у таганрогской публики. Растратив всё унаследованное состояние, Данилов продал свою библиотеку таганрогскому купцу А.М. Миронову. Часть книг из неё впоследствии попала в собрание городской библиотеки.

Несмотря на пессимизм местных жителей, постоянно сокрушённо вздыхавших о прошлом процветании, цифры свидетельствовали о стабильном экономическом и социальном развитии города. В 1860-м году население Таганрога было 21 279 человек: 13 568 мужчин и 7 711 женщин. Большинство жителей, около 14,5 тысяч человек, принадлежали к мещанскому сословию. Остальное население было довольно пѐстрым по социальному составу: 570 дворян, 59 священнослужителей, 705 купцов, 707 – ремесленников, 3 016 крестьян, 278 бывших дворовых людей, 97 вольных матросов, 540 солдат, солдатских вдов и матерей, 607 иностранных подданных. Интересы иностранных граждан защищало 12 консульств¹⁴.

Кроме русских и украинцев в Таганроге проживали: 3 тысячи греков, 100 – немцев, 40 – французов, 15 – англичан, 200 – итальянцев, 363 – еврея, 30 – армян, 3 – татарина и один араб. Основная масса населения исповедовала православную веру. Кроме того, 412 человек были католиками, 363 – иудеями, 72 – протестантами, 31 – армяно-григорианского вероисповедания, 3 – мусульманского. Жители города посещали 14 храмов, среди которых были Успенский собор, девять православных русских церквей, две греческих церкви, в которых

---

¹⁴ Отчёт таганрогского градоначальства за 1860 г. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 986.

служба велась на греческом языке, католический костёл и синагога¹⁵.

Эти цифры напоминают нам о том, что Таганрог, как и многие портовые города, был многонациональным во все периоды своей истории города. В XVIII веке, когда шёл процесс заселения Приазовья, правительство не только поощряло стихийную миграцию, но и планомерно переселяло сюда разные народы. Уже упоминалось о переселении греков. Но в том же 1775 году, когда было дано распоряжение Екатерины II об их переселении, аналогичные решения были приняты о расселении под Таганрогом 300 семей малороссов и переселении из Крыма армян.

Став крупным портом город привлёк жителей европейских стран: французов, англичан, бельгийцев, немцев, итальянцев. Диаспора последних была довольно представительной. Торговля итальянских государств с Россией через таганрогский порт помогла многим итальянским купеческим семьям сохранить и приумножить свои капиталы. В начале XIX века десятки судовладельцев и торговцев с Аппенинского полуострова обосновались в Таганроге. Среди них был дядя знаменитого героя итальянского освободительного движения Джузеппе Гарибальди. Да и сам он, будучи капитаном торгового судна, часто заходил в таганрогский порт. Именно здесь он встретил своих соотечественников, политических эмигрантов и был принят в общество «Молодая Италия», в дальнейшем посвятив свою жизнь борьбе за свободу Италии от австрийского господства.

В начале XIX века в Таганроге поселились первые еврейские семьи. К середине девятнадцатого столетия еврейская община стала довольно большой и представительной. Покидавших «черту оседлости» привлекал «идиллический городок, которому смешанное население придавало тёплые нерусские краски». Так писал ещё один знаменитый уроженец Таганрога, поэт и «отец российского джаза», Валентин Парнах¹⁶. Здесь евреи обретали возможность открыть своё дело, поступить на государственную службу, дать детям образование в одной из старейших гимназий, приобщить их к ценностям мировой и в первую очередь русской культуры и конечно получить от-

---

¹⁵ Отчёт таганрогского градоначальства за 1860 г. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 986.

¹⁶ Парнах В. Пансион Мобер. Воспоминания // Диаспора. Новые материалы. – Т. VII. – СПб., 2005 – С. 23.

носителю свободу. Вот как вспоминал об этом Валентин Парнах: «Я родился в еврейской, вполне обрусевшей семье, родным языком для нас был русский... Я не подвергался никакому давлению со стороны местных единоверцев. Они от меня ничего не требовали и сами мало придерживались религии. В этом смысле я жил как еврей-интеллигент европейских стран... Наш город был одним из немногих мест Российской империи, где никогда не было еврейских погромов»¹⁷.

Таганрог был гостеприимным городом и пользовался славой места, где предприимчивый человек может заработать состояние. Из разных районов Российской империи и из-за границы приезжали сюда энергичные и деятельные предприниматели, открывали небольшое дело. Смотришь, через год-другой в купеческих гильдейских списках появилась новая фамилия.

В городе были открыты синагога еврейское начальное училище. К концу столетия еврейские купцы стали оказывать значительное влияние на деловую и общественную жизнь города. Имена предпринимателей Поляковых, Безчинских, Бродских, Фельдманов и др. были известны по всей России.

Особую группу населения Таганрога составляли представители казачьей элиты. Здесь проживали семьи Платовых, Кирсановых, Грековых, Иловайских, Красновых, Денисовых и др. Вокруг Таганрога находились многочисленные имения донских офицеров, появившиеся здесь в конце XVIII века. Многие из них имели в Таганроге особняки и, выйдя в отставку, жили здесь, активно участвуя в деловой, общественной и культурной жизни города.

На протяжении всего XIX века наблюдался постоянный приток в Таганрог людей из различных районов империи, а также из-за границы. Многонациональный Таганрог принимал чужаков доброжелательно.

За два пореформенных десятилетия население города (1860–1880-е гг.) выросло в два раза, что свидетельствовало о его привлекательности и благоприятной экономической среде. Однако это не успокаивало таганрожцев. Особенно их раздражало возвышение ближайшего соседа – Ростова. Конкурентная борьба с ним обострялась, и Таганрог проигрывал её по многим позициям. Многие торговые

---

¹⁷ Парнах В. Указ. соч. С. 23.

фирмы основали в свои филиалы или вообще перебравшись в Ростов, который с середины XIX века развивался как динамичный торговый центр юга.

С обидой восприняли жители города и включение в 1870 году Таганрогского градоначальства в Ростовское земство. Таганрогский градоначальник, некогда бывший «оком Государевым» в Приазовье и полновластно управлявший всеми военными, гражданскими и судебными учреждениями края, утратил значительную часть своих полномочий. Но это было закономерным следствием Городской реформы 1870 года, которая значительно повысила роль местных жителей в управлении городами.

Органы городского самоуправления начали формироваться в Таганроге еще в екатерининскую эпоху. Уже упоминалось о создании в Таганроге первого представительного учреждения – греческого магистрата, члены которого избирались из числа уважаемых граждан и содержались за счет греческого общества Таганрога. Подчинялся он губернским властям и защищал интересы греческого населения (как купеческого, так и мещанского). Просуществовавший до 1836 года греческий магистрат был первым институтом городского самоуправления, возникшим в новых землях.

Одновременно с греческим, был открыт и русский купеческий магистрат. В соответствии с городовым положением 1785 года, эти учреждения имели судебно-гражданский характер и должны были защищать интересы города, руководствуясь следующими правилами: заботиться о нуждах и недостатках города, ходатайствовать за него перед высшими инстанциями, следить за тем, чтобы с жителей города не взимались незаконные подати и т. д. Члены городского магистрата избирались горожанами, имевшими в городе имущество и платившими городские налоги.

В начале XIX века магистрат состоял из шести человек: двух бургомистров и четырех ратманов, служивших по выбору три года. Штат канцелярии, содержащийся на городские налоги, состоял из восьми человек, считавшихся государственными служащими. В состав магистратов входили также сиротский суд, ведавший делами опеки, словесный суд под председательством полицмейстера, впоследствии замененный мировым. Надзор за законностью и порядком в городе осуществляла с 1784 года управа благочиния, с 1797 года

преобразованная в полицию. Полицмейстер ее возглавлявший назначался губернскими властями и был им подотчетен.

Наряду с созданием четкой административной системы градоначальства в первой половине XIX века продолжали совершенствоваться и органы общественного самоуправления. По новому городовому положению, в 1831 году в Таганроге была учреждена шестигласная Городская Дума. Шесть членов Думы избирались горожанами, обладавшим высоким имущественным цензом. В случае банкротства или другой ситуации, связанной с утратой имущества и положения в обществе горожанин лишался избирательных прав.

На Думу было возложено управление городским хозяйством, а также формирование городского бюджета, при этом она обязана была давать отчет градоначальнику во всех доходах и расходах. Магистрат также сохранялся в городе как судебный орган. Интересы различных категорий граждан защищали такие учреждения как цехи (магросов, драгилей, стивадоров), ремесленная управа, мещанский и купеческий старосты. В 1808 году был учреждён один из первых в России Коммерческих судов, занимавшихся рассмотрением торговых и имущественных дел.

Таким образом, в первой половине XIX века была создана система административных и судебно-правовых органов, основывающаяся на сословно-имущественном принципе и включавшая в себя представительные учреждения (Дума и Управа).

В соответствии с её положениями, главным органом городского общественного управления стала Городская Дума, избираемая лицами, облеченными избирательным правом. Городской голова, стоявший во главе органов самоуправления, и стал фактическим главой города. Возглавляемые им Дума и Управа имели широкие полномочия в сфере развития городского хозяйства и пользовались ими во благо города.

Реформа городского управления 1870 года значительно повысила роль представительных органов, а также ликвидировала систему городских магистратов и других сословных и цеховых объединений, дублировавших в решении многих вопросов городскую Думу.

Уже в 1872 году жители Таганрога, платившие налоги и обладавшие имуществом, позволявшем участвовать в выборах, избрали 72 гласных городской Думы. На её первом заседании был избран

городской голова, стоявший во главе Думы и её исполнительного органа – Управы. Им стал таганрогский купец П.Ф. Пёрушкин.

Градоначальник утратил значительную часть своих полномочий, но продолжал оставаться главной административной инстанцией города, на него был возложен надзор за законностью деятельности органов управления. В пределах своих полномочий городское управление действовало самостоятельно.

Система управления городом, сложившаяся после реформы 1870 года, сохранялась до революции, несмотря на значительные административно-территориальные изменения, произошедшие после ликвидации Таганрогского градоначальства в 1887 году. Таганрог был присоединен к Области Войска Донского (ОВД). Из Таганрогского градоначальства образован Таганрогский округ, в состав которого вошли Миусский округ и первый стан Ростовского уезда. Местопребыванием управлений округа назначался Таганрог. Все права и обязанности, лежавшие по закону на таганрогском градоначальнике, присваивались войсковому наказному атаману Войска Донского. С переменой своего статуса Таганрог утратил свою самостоятельность. Зато войсковая администрация получила возможность решить многие финансовые проблемы за счёт богатых городов.

В бюджет войскового правления перешли ежегодные пособия, которые платил Таганрог в Гос. казначейство (49 065 руб.), поземельный налог – 30 850 руб., особый налог в войсковой капитал – 44 528 руб.

Любое же городское начинание теперь было гораздо труднее воплотить в жизнь, а получить финансирование на какие-то городские нужды практически невозможно. По любому вопросу, требовавшему разрешения властей, Городская Дума обращалась в Новочеркасск наказному атаману, он выходил на военного министра, а тот в свою очередь обращался к императору. Очень часто проекты обустройства Таганрога тормозились уже на уровне наказного атамана, а уж военного министра совсем не интересовали проблемы коммунального хозяйства Таганрога. Так были погребены многие проекты, направленные на улучшение жизни горожан и требовавшие дополнительного финансирования: строительство водопровода и канализации, запуск трамвая, устройство глубокого порта и т. д. Но, несмотря на все сложности, Городская Дума во второй половине XIX – начале XX вв. довольно много сделала для развития города.

В органах городского управления по-прежнему большую роль играли представители греческих семей. В разное время Думу возглавляли: С. Вальяно, К. Фоти, А. Алфераки, П. Иорданов, Н. Лицин, А. Хандрин. По свидетельству П.П. Филевского, «многие молодые люди с успехом проходили гимназию и университет и являлись в Таганрог в качестве врачей, юристов и т.п. и таковые являются вполне интересными и полезными для города гражданами»¹⁸.

О некоторых из них хотелось бы сказать особо, так как это современники А.П. Чехова, их имена можно встретить среди его адресатов. А.Н. Алфераки, Н.А. Лицын и П.Ф. Иорданов сменяя друг друга на посту Городского головы, стояли во главе таганрогского самоуправления три десятилетия. За это время город значительно изменился: из захиревшего торгового порта превратился в крупный промышленный центр. В несколько раз выросла численность населения и территория, были открыты многие больницы и школы.

Греческие семьи Таганрога не были однородны по своему положению и состоянию. Мы видим это на примере людей, избравшихся в Думу. А. Алфераки происходил из богатейшей греческой семьи Таганрога, с конца XVIII века получившей российское дворянство, П. Иорданов был представителем богатого купеческого рода, первым в семье получившим дворянский титул. Отец Н. Лицина не был особо успешен в торговле и не оставил сынусостояния. Положения в обществе он добивался сам. Но объединяло их стремление служить интересам общества и родного города. Это было третье поколение греческих переселенцев. Они родились в России, получили здесь воспитание и образование и влились в ряды русской интеллигенции, оказывавшей во 2-ой половине XIX века огромное влияние на развитие культуры и общественной жизни. Культурные, образованные люди, стоявшие во главе городского управления, стремились делать для Таганрога гораздо больше, чем присланные издалека чиновники, коими были прежние градоначальники.

А.Н. Алфераки (1846–1919)

В марте 1881 года таганрогская Городская Дума избрала Городским головой представителя одной из самых влиятельных и богатых

---

¹⁸ Филевский П.П. Указ. соч. С. 98.

греческих семей – Ахиллеса Николаевича Алфераки. Его дед, участник знаменитого Чесменского сражения, сражаясь под русскими знамёнами, своей доблестью, силой оружия завоевал себе право жить в России и носить дворянский титул. Он был одним из крупнейших помещиков Приазовья в конце XVIII века и первым предводителем дворянства Ростовского уезда. Отец Ахиллеса – Николай Дмитриевич значительно преумножил отцовское наследство и стал одним из богатейших людей на юге. Но не только богатство и роскошный дворец, построенный в Таганроге, оставили его имя в памяти потомков. Он был тонким знатоком и ценителем искусств, коллекционером, меценатом. Закончив историко-юридический факультет Харьковского университета, долгое время состоял попечителем и директором Харьковского театра и, фактически, содержал его на свой счёт. перебравшись в Петербург, он стал почётным членом благотворительного общества по попечению детских приютов, помогал деньгами музыкантам, литераторам, художникам и артистам. Его дети росли в атмосфере любви к искусству и благоговению перед человеческим талантом. Хорошее домашнее образование призвано было развить в них разные способности. В таганрогском дворце Алфераки всё время звучала музыка. Французский музыкант Воланж обучал детей игре на рояле и скрипке, а сын «первого русского революционера» П.А. Радищев был их первым гувернёром и втолковывал основы наук. Основательное домашнее образование позволило Ахиллесу Николаевичу блистательно закончить историко-философский факультет Московского университета и получить звание кандидата наук. В возрасте 25 лет он вернулся в Таганрог. После смерти отца и старших братьев, Ахиллес остался главным наследником и хозяином имения под Таганрогом. В 1871 году образованного молодого помещика избрали почётным Мировым судьёй Ростовского уезда. Но в это время Алфераки больше занимался хозяйственной деятельностью. Он вёл дела своего имения и построил в Таганрогском порту первую большую паровую мельницу. Алфераки был одним из первых местных помещиков, кто рискнул вести хозяйство по-новому и считал, что в этих краях необходимо наладить переработку сельскохозяйственной продукции, что дало бы больше прибыли местным хозяйствам. Для него вообще было характерно перспективное мышление и, управляя городом, он со-

ставлял проекты, планы, которые казались таганрогским гласным слишком фантастическими, но, как показало время, многие из этих проектов были осуществлены спустя некоторое время. Несмотря на свои гуманитарные склонности и художественную натуру (А.Н. Алфераки прекрасно пел, музицировал, сочинял музыку, писал стихи и рисовал), он весьма энергично взялся в Таганроге не только за дела своего имения, но и за исполнение хлопотной должности Городского головы. Скептики, считавшие, что от этого музицирующего барина будет мало толка, вскоре умолкли. К моменту избрания Городским головой А.Н. Алфераки уже несколько лет был членом Городской Думы и активно участвовал в разработке многих её постановлений. Под председательством Алфераки Дума утвердила бюджет города, в два раза превышавший прежние. В местную казну поступило 270 тысяч 946 рублей, а израсходовано было 270 тысяч 938 руб.¹⁹

Значительная часть этих средств была потрачена на озеленение и замощение улиц в Таганроге, а также на развитие начального образования.

Именно в это время были разбиты первые таганрогские бульвары, улицы центральной части замощены, а вдоль мостовых высажены в два ряда деревья. При этом сам Алфераки на свои личные средства озеленил сквер возле памятника Александру I. Сажены деревья были доставлены из его имения.

В 1881 году Городская Дума, возглавляемая Алфераки, избрала особую педагогическую комиссию, которая должна была всесторонне изучить положение дел начального образования в Таганроге. В своём докладе 1882 года комиссия признала, что существующие начальные училища, предназначенные в основном для детей «недостаточных граждан», не удовлетворяют потребностям города: они переполнены, и из года в год десяткам детей отказывали в поступлении из-за отсутствия мест. Было отмечено неудачное расположение училищ: все они находились в центре Таганрога, хотя их основной контингент состоял из беднейшего населения окраин. По предложению комиссии на окраинах города были открыты три новых начальных училища: два мужских и одно женское. В 1886 году в городе начало работать женское городское училище с 6-ти летним

---

¹⁹ ГАРО. Ф. 577. Оп. 1. Д. 82. Л.2.

сроком обучения, на содержание которого ежегодно отпускалось 6 550 рублей.

В судьбе ещё одного учебного заведения Алфераки сыграл решающую роль. 7 августа 1873 года, еще, будучи гласным Городской Думы, он разработал положение о мореходных классах. Спустя год в Таганроге была открыта мореходная школа с 3-х летним курсом обучения, затем преобразованная в мореходные классы. Во главе их стоял распорядительный комитет, председателем которого с 1877 по 1886 годы был Ахиллес Николаевич Алфераки. Его сменил на этом посту капитан 1-го ранга Ипполит Ильич Чайковский, брат великого композитора. С 1883 по 1894 год он жил в Таганроге, где служил агентом Русского общества пароходства и торговли (РОПиТ).

Городской голова активно участвовал в создании благотворительных организаций: «Общество призрения неимущих», «Общество пособия бедным ученикам и ученицам начальных училищ», для которых одним из первых пожертвовал довольно значительные суммы. Как уже говорилось на заседаниях Думы, Ахиллес Николаевич вносил немало новых предложений, которые поначалу казались излишне расточительными, но со временем были осуществлены и принесли пользу городу. Так случилось с предложением Алфераки установить к 200-летию Таганрога памятник Петру I и создать городской музей. Осуществить их суждено было великому таганрожцу А.П. Чехову, который был лично знаком с Алфераки и высоко оценивал его деятельность по развитию Таганрога.

На одном из заседаний Думы Ахиллес Николаевич познакомил гласных со своим проектом капитальной реконструкции порта. Его обстоятельная докладная записка по этому вопросу, направленная в Министерство Внутренних дел, помогла городу получить средства, необходимые для начала работ по реконструкции порта, которые развернулись в 1888 году.

Но даже хлопотная должность Городского головы не могла заставить А.Н. Алфераки забыть его главное увлечение – музыку. Он активно участвовал в работе Таганрогского музыкально-драматического общества, основанного в 1883 году. Собрания общества часто происходили в его доме на Греческой. Каждый вечер из окон этого особняка раздавались звуки рояля, скрипки, мужские и женские голоса, исполнявшие романсы, арии из опер. Именно

на 1880-е годы приходится расцвет деятельности музыкально-драматического общества, основавшего в Таганроге первые музыкальные классы, симфонический оркестр, которым с 1886 по 1889 годы руководил известный дирижёр и композитор В.И. Сук. Занятия музыкой были своего рода отдушиной для Алфераки. Они отвлекали от тяжких хозяйственных забот, финансовых неурядиц (мельница Алфераки приносила больше убытков, чем доходов), спасали от скуки провинциальной жизни и облегчали груз обязанностей, лежавших на его плечах. Он редко находил понимание среди местных деятелей и видел, с каким трудом осуществляются любые планы по развитию города.

В конце 1887 года А.Н. Алфераки попросил снять с него полномочия главы городского управления, и 11 декабря был отправлен в отставку «без награждения чином». Сейчас трудно сказать, что послужило причиной этому, – финансовый крах, разочарование в общественной работе, несогласие с решением правительства Александра III, ликвидировавшего градоначальство в Таганроге, включившего город в состав Области Войска Донского. Может быть всё вместе взятое. А.Н. Алфераки покинул свой пост и переехал в Петербург. В Таганрог он приезжал часто по делам имения. В городе его помнили: он долгое время избирался гласным Городской Думы, членом правления таганрогского отделения Общества Красного Креста, членом театральной дирекции. Но, теперь его больше занимало музыкальное творчество.

В Петербурге он вошёл в кружок композиторов, объединявшихся вокруг известного мецената и издателя М.П. Беляева. Именно в издательстве Беляева были изданы многие романсы и пьесы для фортепиано, написанные А.Н. Алфераки. Всего им создано более ста романсов, множество произведений для фортепиано, две оперы: «Лесной царь» и «Купальская ночь». Романсы Алфераки получили высокую оценку П.И. Чайковского.

1891 году Ахиллес Николаевич возвратился на службу. 7 марта 1891 года газета «Донская пчела» сообщила: «...на должность управителя канцелярии Министра внутренних дел назначен А.Н. Алфераки... А.Н. пользуется широкой известностью во всём южном крае, как выдающийся городской и земский деятель, принимавший горячее участие во всех вопросах местной жизни... он был Городским головой в Таганроге, уездным предводителем дворянства, председа-

телем таганрогского комитета торговли и мануфактур, попечителя местных школ»²⁰.

С Таганрогом связь Ахиллеса Николаевича не прерывалась. В 1898 году во время празднования 200-летия Таганрога, он выступал на торжественном заседании Городской думы с прочувствованной речью, пронизанной любовью к городу и надеждой на его дальнейшее процветание. Его радовали перемены к лучшему. И, бывший в это время Городским головой Н.А. Лицын увидел в словах своего предшественника высокую оценку своего труда.

Н.А. Лицын (1838–1920)

Н.А.Лицын родился в семье таганрогского купца третьей гильдии. Его отец – Анастасий Иванович был уже вторым поколением греческого купеческого рода, перебравшимся в Таганрог в конце XVIII в.

Родители постарались дать своим детям хорошее образование. Сыновья окончили Таганрогскую гимназию. Завершив обучение в гимназии в 1856 году, Николай поступил в Харьковский университет на медицинский факультет. К этому времени Анастасий Иванович обанкротился, и сыну пришлось, обучаясь в университете, самому зарабатывать себе на жизнь и учёбу. В 1861 году, окончив университет, он вернулся в родной город.

Вернувшись в 1861 году в родной город, молодой врач Н.А. Лицын сразу занял видное положение. Врачей в городе было мало, им приходилось вести большую частную практику, которая приносила основной доход. Кроме того, существовали городские должности, которые исполняли на общественных началах. Но среди местных врачей существовала конкуренция, так как работа на благо общества считалась особенно почётной. По словам таганрогского историка П.П. Филевского, Лицын «...начал своё служение обществу врачом, причём предложил свои услуги безвозмездно женской гимназии, откуда перешёл в мужскую гимназию. Всегда считался очень хорошим врачом, незаменимым, в особенности, в консультациях, но практику медицинскую стал впоследствии сокращать, увлекшись делами финансовыми в Обществе Взаимного кредита и общественными...»²¹.

²⁰ Цит по: Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 449.

²¹ Гаврюшкин О.П. По старой Греческой. – Таганрог, 2003. – С. 76.

Как врач Николай Анастасьевич пользовался большим уважением среди таганрожцев. Судя по отзывам современников, он был профессионалом высокого класса. К его консультациям прибегали в самых сложных случаях. Вспомним о том, что А.П. Чехов обратился к нему и своему соученику по гимназии доктору Шамковичу за советом, когда заболел и искал наиболее подходящий климат для жительства. К сожалению, земляки ничем не смогли обнадёжить писателя и не рекомендовали ему возвращаться в его родной город с его холодной ветреной зимой.

Врач Н.А. Лицын участвовал в борьбе с эпидемиями чумы и холеры, которые во 2-ой половине XIX в. уносили сотни тысяч человеческих жизней. Особое внимание он уделял лечению туберкулёза. В этом направлении в Таганроге конца XIX в. были достигнуты большие успехи: разработана система методов ранней диагностики, создано общество борьбы с туберкулёзом, во главе которого стоял Н.А. Лицын. На средства, собранные горожанами, был открыт санаторий для лечения больных, организована бесплатная столовая для неимущих, страдавших чахоткой. При этом необходимо отметить, что городу принадлежало одно из первых мест в Российской империи по количеству средств, собранных на борьбу с туберкулёзом. Во главе этой большой работы на протяжении нескольких десятилетий стоял Н.А. Лицын, заслугу которого в этой области переоценить невозможно. Городское общество врачей многие годы избирало его своим президентом. Время показало, что он был не только умелым руководителем и организатором, но и нравственной опорой для врачей. В 1911 году, отмечая 50-летие профессиональной деятельности Н.А. Лицына, врачи Таганрога в приветствии, обращенном к юбиляру, писали следующее: «Общество привыкло видеть в Вашем лице образ безукоризненного исполнения тяжёлого и ответственно-го долга врача в самом широком смысле этого слова»²².

Деятельная натура таганрогского доктора не позволила ему ограничиться только врачебной практикой. Будучи врачом женской гимназии, он стал активным членом гимназического совета. В 1865 году после ухода со своего поста председателя попечительного совета

---

²² Дело семьи Лицыных. Почётный адрес в честь 50-летия общественной деятельности Н.А. Лицына ТГЛИАМЗ. ФПИ Ф.7-029.

таганрогской Мариинской гимназии Ф.К. Орема на эту должность был избран Лицын. Позднее он стал сначала членом общества вспомоществования, бедным ученикам и ученицам таганрогской гимназии, а в 1894 году был избран заведующим таганрогскими начальными училищами. Его стараниями в городе были открыты: четырехклассное женское, техническое и коммерческое училища, построено здание для параллельных классов Мариинской гимназии. Вклад Н.А. Лицына в дело развития образования в Таганроге был огромен.

В своей общественной работе он не ограничивался только здравоохранением и образованием. Практичный ум и деловая хватка, унаследованные от предков-купцов, помогли Николаю Анастасьевичу управлять делами первого общества взаимного кредита в Таганроге. Он принял участие в создании этой финансовой организации в 1866 году и долгое время пользовался чрезвычайным доверием его членов, избравших Лицына председателем правления. В этом же году в Таганроге было основано Благотворительное общество, одним из учредителей которого стал Николай Анастасьевич. Он же был в списке первых благотворителей Общества. В 1872 году Лицын оставил должность гимназического врача и полностью посвятил себя общественной деятельности. К этому времени он был избран членом Городской Думы. Это был первый состав депутатов, избранный после городской реформы 1870 году.

Кстати, Н.А. Лицын был единственным бессменным членом Думы, избравшимся в неё с 1872 по 1920 годы. Редкий пример долголетия общественного деятеля. Будучи избранным в орган городского самоуправления, он не оставил своих обязанностей в вышеперечисленных обществах и комитетах. Принимал активное участие во всех благотворительных мероприятиях, а также учреждении новых обществ и комитетов.

В разные годы он был членом попечительного комитета среднего восьмиклассного технического училища, председателем попечительского совета коммерческого училища, старшиной таганрогского биржевого комитета, председателем арбитражной комиссии при бирже, почётным мировым судьёй Таганрогского округа, выборщиком в члены Государственного Совета и т. д. С 1897 по 1905 годы Н.А. Лицын избирался Городским головой Таганрога. Под его руководством Дума и Управа сделали многое для развития образования,

здравоохранения, благоустройства Таганрога. Это был настоящий прорыв вперёд: в городе появилась разветвлённая сеть медицинских учреждений для разных слоев населения, были открыты новые школы и училища (к 1910 году в Таганроге насчитывалось 59 учебных заведений). В бытность Лицына таганрогским Городским головой учреждены, построены и открыты уже упоминавшиеся выше восьмиклассное техническое училище с ремесленной школой, коммерческое училище, мужское и женское училища им. Св. Владимира, построено прекрасное здание четырёхклассного женского училища с ремесленными курсами при нём; построены городской холодильник и скотобойня, открыты городская аптека, музей, учреждена Биржа, установлен памятник Петру I. Н.А. Лицын стоял во главе комитета по празднованию 200-летия Таганрога и вёл переписку с А.П. Чеховым, взявшим на себя переговоры со скульптором М.М. Антокольским – автором великолепного памятника Петру I. Городской голова пригласил знаменитого земляка на празднование 200-летия Таганрога, на закладку и открытие памятника основателю города.

За свою многогранную деятельность действительный статский советник Лицын был награждён орденом Анны 2-ой степени, двумя орденами св. Владимира 4-ой и 3-й степени, в зале заседания Городской Думы был вывешен его портрет, а при местных учебных заведениях учреждены четыре стипендии имени Действительного статского советника Н.А. Лицына.

В юбилейном издании, посвященном 300-летию Дома Романовых имя таганрогского Городского головы стоит в ряду видных деятелей Российской империи. Его службе на благо России дана высокая оценка: «Один сухой перечень тех ответственных постов, которые занимал или занимает в данное время действительный статский советник Лицын, ясно подсказывает, насколько велико значение плодотворной деятельности этого неутомимого и преданного Царю и родине, самоотверженного государственного деятеля для местного края, не избалованного столь энергичными и высоко полезными тружениками»²³.

Тем трагичнее выглядит финал жизни этого энергичного человека, сделавшего так много для развития родного города. В преклонном

---

²³ Трёхсотлетие царствования дома Романовых. – М., 1913. – С. 297.

возрасте ему пришлось пережить ужасы революции и гражданской войны, увидеть крушение того мира, над созданием которого он так долго трудился, испытать страх за будущее своих многочисленных потомков. Кто знает, не вспоминал ли он в эти тяжёлые годы ушедших родственников и знакомых: верную спутницу жизни, жену Александру Дмитриевну, ушедшую в мир иной в 1911 году, Антона Павловича Чехова, умершего задолго до начала революционных бурь, и многих других знакомых и друзей. Они оказались счастливее его: ушли вместе со своей эпохой.

Достигнув 80-летнего возраста, бывший Городской голова Таганрога, имел право на спокойную старость в окружении большой семьи, но вместо этого в 1920 году его выселили из собственного дома, сын Борис пропал без вести во время Гражданской войны. Самого Николая Анастасьевича постоянно вызывали на допросы в ВЧК. После одного из таких допросов Н.А. Лицын скончался от сердечного приступа. По одной из версий, он застрелился, не выдержав душевных страданий при виде разрушений дел рук своих.

П.Ф. Иорданов (1858–1920)

Приемник Н.А. Лицына на посту Городского головы, Павел Фёдорович Иорданов также происходил из греческой купеческой семьи, окончил таганрогскую гимназию и медицинский факультет Харьковского университета. Кроме схожих внешних обстоятельств жизни и семейного родства, их объединяло то, что они были представителями одной из самых престижных профессий XIX века.

Век развития естественных наук и техники сделал химиков, биологов, инженеров, врачей особенно популярными. Самые известные из них (Пирогов, Боткин, Бехтерев) становились кумирами молодёжи. Образ врача олицетворял собой идеи практического служения народу, прогресса и общественной пользы. Поэтому многие таганрогские юноши избирали эту профессию. Популярность врачей подтверждал и тот факт, что таганрожцы с редким постоянством выбирали людей этой профессии членами Городской Думы. Работая в органах городского самоуправления, они могли использовать свой опыт и знания жизненных условий различных слоев населения.

Недаром, именно в период управления городом Лицыным, а затем Иордановым, было сделано, как никогда много для здравоохранения,

образования и благоустройства Таганрога. Закончив, как и его предшественник, медицинский факультет Харьковского университета в 1882 году, П.Ф. Иорданов вернулся в Таганрог и занял должность городского санитарного врача. В 1885 году он был избран членом Городской Думы и вошёл в водопроводную комиссию, которая занималась вопросами водоснабжения Таганрога. В это же время Иорданов стал членом Попечительного Совета Таганрогской женской гимназии. В 1890 году в Таганроге была создана комиссия по заведыванию Городским садом, призванная навести порядок в саду, отданном ранее на откуп частным арендаторам и изрядно его запустившим. Как санитарный врач П.Ф. Иорданов был включён в состав и этой комиссии. Он активно участвовал в работе благотворительных обществ и в 1892 году был избран директором Николаевского детского приюта. Можно сказать, что Павел Фёдорович был самым энергичным таганрогским деятелем этого времени, участником, инициатором многих передовых начинаний в жизни города. С его участием в Таганроге были открыты первая городская аптека, музей, установлен памятник Петру I. Во всех этих делах большую помощь родному городу оказывал Антон Павлович Чехов, с которым Иорданов вёл постоянную переписку. Соученик великого писателя по гимназии стал связующим звеном между ним и родиной. На его имя приходили посылки с книгами для библиотеки, которые Чехов покупал по всему свету.

С 1893 года Иорданов стал членом комиссии по сооружению памятника Петру I. Члены комиссии обратились к Чехову с просьбой походатайствовать перед знаменитым скульптором М. Антокольским о создании памятника основателю города. В знак уважения великому писателю Антокольский бесплатно предоставил памятник Петру I. Деньги собирались только на оплату работ по отливке статуи, которые производились в Париже под личным присмотром знаменитого скульптора.

С 1895 года на П.Ф. Иорданова были возложены обязанности заведующего библиотекой и создаваемым музеем. Со свойственной ему энергией он вёл работу по сбору музейных предметов, завязав обширную переписку с известными коллекционерами, деятелями культуры и столичными музеями. На его плечах также лежала большая часть работы по подготовке празднования 200-летнего юбилея

Таганрога, а также проведения в городе 1-ой всероссийской переписи населения 1897 года.

Активная деятельность П.Ф. Иорданова в качестве члена Управы не осталась незамеченной в местном обществе и в 1905 году его избрали Городским головой. В тяжелое время революционных потрясений Павел Фёдорович возглавил городские органы управления. Таганрогские власти проявили максимум мудрости и терпения, сумев сохранить в городе относительный порядок. В частности, Таганрог был единственным городом в области Войска Донского, где «чёрная сотня» не спровоцировала еврейских погромов, удалось избежать и больших уличных беспорядков, с человеческими жертвами. Документы Городской Управы свидетельствуют о том, что и в это сложное время Городской голова заботился не только о сиюминутных интересах, но и о перспективах развития Таганрога, как крупного торгово-промышленного центра. Им была подготовлена записка правительству о распространении на Таганрог навигационных сборов и обустройстве глубокого порта. Она отличалась глубоким знанием дела и государственным подходом к местным проблемам.

Столичные власти заметили энергичного таганрогского Городского голову, и в 1909 году он был приглашён в Петербург, где стал членом Совета Министерства торговли и промышленности, а с 1912 года – членом Государственного Совета. Но и в Петербурге он продолжал заниматься делами родного города, пытаясь претворить в жизнь проект глубокого порта и ходатайствуя в правительстве по выделению средств на его реализацию.

В начале первой мировой войны, Иорданов был направлен в распоряжение верховного начальника санитарной и эвакуационной части армии принца Ольденбургского, а в 1915 году назначен его помощником. В это время он стал членом Совета министров на правах министра, а в январе 1917 года сенатором и тайным советником.

Революция прервала эту блестящую карьеру, и Иорданов вернулся к медицине. Он стал помощником уполномоченного Центрального комитета российского общества Красного Креста. В 1919 году Павел Фёдорович сопровождал транспортный пароход «Ганновер» в Константинополь. На борту корабля находились больные и раненые из

России, объятай пламенем гражданской войны. В английском госпитале, где они были размещены, вспыхнула эпидемия тифа. Иорданов, возглавлявший работу по размещению беженцев из России, также заболел, но до последнего дня находился на своём посту. Годы министерской работы не стёрли из памяти врача клятву Гиппократа, и он остался ей верен. Умер П.Ф. Иорданов 1 марта 1920 года в вверенном ему госпитале. Позже, его сын, служивший в министерстве иностранных дел Ватикана, перевёз останки отца в Рим и захоронил его в семейном склепе на кладбище Фестацчо.

На примере этих судеб мы видим, что во второй половине XIX века формируется слой социально ответственных жителей города, активно участвовавших в его управлении.

Развитие общественной жизни, вовлечение всё новых слоёв населения в решение вопросов, связанных с насущными проблемами города, стало возможным благодаря людям, которых таганрогский историк П.П. Филевский называл «энтузиастами 60-х годов».

Яркий след в истории Таганрога оставили: врач таганрогской гимназии Н.П. Гудзенко, юристы А.Н. Говберг, Д.П. Война, А.А. Боголюбов, А.Н. Миллер, преподаватели и директора учебных заведений Я.С. Флоренсов, Э.Р. Рейтлингер, П.П. Филевский, А.Ф. Дьяконов и многие другие. Все они неоднократно избирались в органы городского управления.

К числу их можно отнести и Павла Егоровича Чехова, занимавшегося общественной деятельностью и избиравшегося ратманом Мещанской управы, членом торговой депутации и награждённого серебряной медалью на Станиславской ленте²⁴.

В 70-е – 80-е годы XIX века в Таганроге развернулись большие работы по благоустройству. Были замощены все центральные улицы, большое внимание уделялось их освещению и озеленению: разбивались скверы, высаживались деревья на улицах и площадях. Один из первых бульваров, появился в 1866 году и был назван в честь градоначальника Таганрога И.А. Шестакова.

Значительное внимание городское управление уделяло развитию образования. В эпоху Александра II ряд преобразований коснулся

---

²⁴ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 69, 112.

народного просвещения. И в этой сфере шли процессы демократизации. Школьный устав 1864 года объявил образование открытым для всех сословий.

К началу 1861 года в Таганроге числилось 10 учебных заведений: мужская классическая гимназия, три частных пансиона, две начальные частные школы, еврейская и греческая школы, уездное и приходское училища, в них работали 70 учителей, которые обучали 620 человек²⁵.

Таганрогская мужская гимназия – была детищем александровских реформ. Указ о её создании был подписан императором в 1806 году. В гимназии обучались не только дети местных дворян и купцов, но и отпрыски знаменитых казачьих родов, малороссийского дворянства, приезжавшие из Новочеркасска, Екатеринослава, Ростова. В гимназии были созданы первая метеостанция, физическая лаборатория, историко-географический музей и старейшая в городе библиотека. Её выпускники внесли значительный вклад в развитие русской культуры. Среди них: поэт Н. Щербина; писатель, издатель первого литературного альманаха на украинском языке А. Корсун; историк права и создатель первой книги по Российской геральдике А. Лакиер; композитор С. Майкопар; известный инженер-мостостроитель Н. Белелюбский; художник-передвижник К. Савицкий. Конечно, нельзя не вспомнить самого знаменитого выпускника – А.П. Чехова.

Но обучение в гимназии было платным и, несмотря на систему стипендий, созданную таганрогскими благотворителями, доступно далеко не всем. Кроме того, гимназический курс был достаточно сложен, включал наряду с основами общеобразовательных дисциплин (грамматика, математика, физика, география, история, естественная история) основы философских наук (этика, эстетика, основы политэкономии), а также изучение языков как современных (обычно немецкий и французский), так и древних. Далеко не все могли справиться с программой и, пройдя все семь классов, получить аттестат об окончании. Несмотря на это, число гимназистов росло год от года.

---

²⁵ Материалы для географии и статистики, собранные офицерами Генерального штаба. Екатеринославская губерния. – СПб., 1862. – С. 336.

В связи с общими процессами демократизации в российском обществе гимназическое образование становится более доступным, т.к. именно классическая гимназия давала высокий уровень знаний и позволяла поступить в университет. Семья А.П. Чехова тому пример. Материальные трудности не помешали детям П.Е. Чехова получить гимназическое образование и продолжить учёбу в высших учебных заведениях.

В 1860–1870-х годах число учебных заведений значительно выросло. При всех церквях были открыты церковно-приходские и воскресные школы, дававшие бесплатное начальное образование. В приходских начальных училищах также преподавались основы грамотности и велась подготовка к поступлению в гимназию. Высшие начальные училища, наряду с сокращённым четырёхклассным гимназическим курсом, давали профессиональную подготовку, преподавалось столярное, сапожное, портняжное ремесло.

В пореформенный период развивается женское образование. В августе 1861 года в Таганроге открывается женское начальное училище, через год преобразованное в Мариинскую женскую гимназию.

Преподаватели таганрогских учебных заведений имели высокую подготовку. В Таганрог направлялись выпускники Санкт-Петербургского, Московского, Дерптского, Харьковского университетов, Киевской духовной академии.

На нужды образования выделялись средства из городского бюджета, которые увеличивались год от года. Значительные суммы поступали из благотворительных обществ и частных пожертвований. В Таганроге при всех учебных заведениях были созданы общества вспомоществования бедным ученикам, выплачивавшие пособия учащимся из неимущих слоёв, помогавшие им с одеждой, обувью, учебниками. Некоторые члены общества содержали пансионеров из числа приезжих, оплачивая их учёбу в гимназиях и училищах и выдавая средства на проживание.

Особой формой помощи были городские благотворительные капиталы и стипендии. Они выделялись из городских средств, личных пожертвований и средств, собранных по подписке. Во второй половине XIX века было учреждено более 20 стипендий. Благодаря им, получили образование: А.П. Чехов – в Московском университете;

П.П. Филевский, таганрогский историк – в Харьковском университете; И.К. Таранани, известный учёный-зоолог – в Петербургском университете и другие менее известные таганрожцы.

В течение второй половины XIX столетия в Таганроге было создано около тридцати благотворительных учреждений, содержавшихся за счёт пожертвований и городских сборов.

В 1851 году образовано первое благотворительное детское учреждение города – Николаевский детский приют для призрения детей сирот. В царствование Николая I подобные учреждения были открыты лишь в восьми городах империи. Приют был открыт на средства, собранные по подписке, а также за счёт городских благотворительных капиталов. Инициатором его создания и бессменным председателем попечительского совета стал Марк Николаевич Комнено-Варваца, один из крупнейших благотворителей Таганрога середины XIX века. Он же предоставил свой дом для размещения женской гимназии на тот период, пока для неё строилось здание.

Одной из первых пореформенных инициатив таганрожцев стало создание Благотворительного общества в 1866 году, членами которого стали многие именитые граждане города. В год его создания, один из учредителей общества К.Г. Бенардаки пожертвовал дом со службами и землёй. В нём на средства общества была открыта швейная школа с приютом-интернатом для девочек.

Велика была роль благотворительности и в развитии здравоохранения. Большая часть лечебных заведений Таганрога в этот период была создана на средства от частных пожертвований. Практически все состоятельные жители города были вовлечены в деятельность десятка благотворительных обществ, объединявших жителей города «на ниве благородного сострадания ближнему и помощи нуждающимся»²⁶. Это было ярким проявлением общественной инициативы, которой в пореформенную эпоху отводилась большая роль в преобразовании страны.

Город благоустраивался, открывались школы, больницы, приюты для стариков и детей, проводились общественные мероприятия на средства имущих жителей города, среди которых были также вла-

---

²⁶ Цымбал А.А. Из истории богоугодных заведений // Вехи Таганрога. – 2006. – № 27. – С. 38.

дельцы экспортных контор Л.Н. Скараманга, Д.А. Негропonte, банкиры Я.С. Поляков, А.Б. Нентцель, И.Л. Коресси, биржевой маклер Э.Н. Алафузов, купцы Хандрины, Гладковы, Пёрушкины и мн. др.

Активное участие в общественной жизни стали принимать женщины. Они не желали больше мириться с изолированной домашней жизнью или быть только «украшением светских салонов». Всеми доступными им средствами они стремились служить обществу, в основном на «ниве благотворительности». Имена дам-благотворительниц были известны всем нуждавшимся в помощи: Е.М. Лакиер, В.С. Магула, Е.И. Бенардаки, М.М. Добровольская, Э.И. Плиские и др.

Но общественная жизнь города не ограничивалась лишь вопросами благотворительности, хотя эта её сторона и была важнейшей. Создавались также организации, деятельность которых была направлена на развитие экономических знаний, защиту профессиональных и потребительских интересов. Это были: общества «Самопомощь», «Бережливость», сельскохозяйственное общество, общество взаимного страхования от огня и взаимного кредита, общество врачей, любителей правильной охоты, музыкально-драматическое общество и многие другие.

Средоточием культурной и общественной жизни стали клубы, где проводили свободное время представители привилегированных слоёв местного населения. Наряду с действовавшим с 1812 года Коммерческим клубом, в 1869 году открывается новый – Таганрогское общественное собрание. Оба клуба имели свои библиотеки, в них устраивались музыкальные вечера, благотворительные базары, маскарады и балы для членов собрания и их семей.

Во многом утратив своё лидирующее положение в экономике и в административном управлении края, Таганрог продолжал оставаться крупным культурным центром. Ему принадлежит «пальма первенства» в развитии культуры региона. Многие местные учреждения стали первыми на юге России. Это гимназия, театр, парк, оркестр, музыкальные и художественные классы.

Как крупный торговый порт, Таганрог с конца XVIII в. привлекал художников, музыкантов, артистов, стремившихся найти здесь состоятельных ценителей искусства. Связи с Европой через порт, а также преобладание среди местной элиты людей иноземного происхождения (греков, итальянцев и др.) способствовали культурному

обмену со странами южной Европы и предопределили некоторые особенности городской жизни. Среди них трепетное отношение таганрожцев к музыкальному и театральному искусству.

Датой основания таганрогского театра считается 1827 год, когда было получено разрешение генерал-губернатора Новороссии М.С. Воронцова на выделение средств на содержание постоянной театральной труппы. До этого в городе гастролировали заезжие актёрские труппы, среди которых были и греческие драматические артисты, дававшие спектакли на родном языке. В 1808 году градоначальник Таганрога Б.Б. Кампенгаузен обратился в Министерство внутренних дел с ходатайством об учреждении в городе театра. Но, в связи с обстоятельствами военного времени, его проект был отклонён²⁷.

Начало постоянному таганрогскому театру положила труппа русских артистов под управлением В.М. Петровского, которая осталась в городе и стала регулярно давать спектакли. В ноябре 1828 года градоначальник Таганрога Дунаев в очередном рапорте Новороссийскому губернатору по поводу содержания театра за счёт городских доходов писал: «Мысль, что существование театра в торговых, и особенно портовых городах, имеет немаловажное влияние и на самую торговлю оных, оправдывается последними тремя годами, в которые начали приезжать в Таганрог вольные труппы актёров, с появлением оных приметно прибавилось здесь число российских торговцев и иностранцев, привлекаемых не одними выгодами по торговле, но и желанием иметь приятное отдохновение между своими занятиями»²⁸.

Видимо, этот аргумент сыграл свою роль. Разрешение было получено, и городская администрация стала регулярно выделять деньги на содержание театра. Таким образом, театр стал первым культурно-зрелищным учреждением таганрогского градоначальства и всего Приазовья.

Начиная с 1845 года, городские власти просили правительство о выделении денег на строительство нового театра. Здание театра было построено в 1866 году, но не на государственные средства, а на деньги таганрожцев, создавших для этого акционерное общество. Автор проекта здания одесский архитектор К. Лондерон.

---

²⁷ ГАРО.Ф. 583.Оп1. Д 2.Л. 2.

²⁸ Там же.

В середине XIX в. драматический театр в Таганроге переживает кризис. С 1850-х годов на сцене театра и в сердцах таганрожцев царит опера. Именно эта любовь заставила жителей города пожертвовать деньги на строительство нового здания для театра. Но драма и в этот период не исчезает бесследно со сцены Таганрога. В это время в театре работает две труппы, которыми руководят два антрепренёра: драмой – Н.И. Новиков, оперой – Луиджи Росси де Руджиеро. Но состав русской драматической труппы – 20 человек, а оперной – 100²⁹.

Привлечённые хорошими условиями сцены, всеобщей любовью к театру, в Таганрог на длительные гастроли приезжают актёры со всех концов России. Здесь играют М.Г. Савина, П.А. Стрепетова, Н.Х. Рыбаков, А.П. Ленский, А. Олдридж и многие другие корифеи сцены. Под влиянием этих выдающихся мастеров актёрского искусства в театре сложились традиции сценического реализма, пронесённые через десятилетия.

Именно в это время на галёрке среди шумной, молодой публики с восторгом смотрит театральные постановки гимназист Антон Чехов. Он не только сформировался под влиянием театра родного города, но впоследствии сам оказал исключительное влияние на развитие театрального искусства в Таганроге. Все пьесы Чехова после премьер на столичной сцене шли в Таганроге, причём с неизменным успехом. Сенсационной стала постановка 23 апреля 1904 года греческой труппой под руководством Ф. Пафантиса пьесы А.П. Чехова «Медведь» на греческом языке. Можно сказать, что тогда впервые великий драматург зазвучал на языке Гомера.

С историей театра связаны многие страницы музыкальной культуры Таганрога. Благодаря ему, в городе в 1829 году появился оркестр, который не только участвовал в постановке пьес, но играл на балах, участвовал в городских мероприятиях. Музыкальные спектакли театров всегда пользовались неизменным успехом.

Многонациональное население создало Таганрогу славу музыкального города. Позднее А.П. Чехов так охарактеризовал своих земляков: «...Все музыкальны, одарены фантазией и остроумием,

---

²⁹ Третьяков В.Ф. Очерки истории Таганрогского театра с 1827 по 1927 гг. – Таганрог, 1927. – С. 4.

нервны, чувствительны» (П. II, 54). Среди таганрогских греков было немало тонких знатоков и ценителей музыки.

С 1863 года в городе постоянно выступали итальянские оперные труппы. Богатые таганрогские негоцианты посылали в Италию своих агентов, нанимавших на их средства итальянских артистов и музыкантов. Они же создали акционерное общество для постройки здания театра. В течение 15 лет опера не сходила со сцены театра. В это время Таганрог называли «городом второй в России итальянской оперы». В сезоне 1870–1871 годов «...одна за другой было поставлено более 15-ти опер»³⁰.

Как писал таганрогский историк П.П. Филевский: «Таганрогская публика, довольно равнодушная к другим искусствам, оказалась большой любительницей музыки; причём эта любовь и понимание музыки было и есть присуще ей... Не следует думать, что только высший класс увлекался оперой; увлекались решительно все. Уличные и народные песни были забыты: извозчики, стивадоры, горничные, прачки – все пели Лукрецию Борджию, Лучию, Трубадура, Роберта Дьявола, Бал-Маскарад, Риголетто, Сивильского цирюльника. Самые разнообразные элементы: гимназисты, чиновники, приказчики, негоцианты сходились на одном общем поприще – увлечении оперой»³¹. Мелодии опер звучали на улицах и в домах таганрожцев и не казались иностранной экзотикой, скорее были привычной музыкальной средой.

Увлечение таганрожцев оперой сыграло огромную роль в развитии культуры Таганрога. С одной из оперных трупп приехал в город уроженец Генуи Гаэтано Молла. Женившись на русской хористке, он остался в Таганроге, руководил городским оркестром и стал здесь одним из первых музыкальных педагогов. Ни одно поколение таганрожцев было обязано ему своим музыкальным воспитанием. В том числе и Антон Чехов – благодарный слушатель концертов оркестра под управлением Г. Молла. По вечерам в городском саду собирались таганрогские любители музыки. Частыми посетителями этих концертов были гимназисты.

Среди цветов и деревьев музыка звучала особенно вдохновенно, оставляя след в душе: «Прежде, бывало, музыка увертюру выделяет

---

³⁰ Азовский вестник. – 1871. – № 7. – С. 50

³¹ Филевский П.П. Указ. соч. С. 364.

так, что чуть не до слёз доводит, а уж на подвиги так подвизает...», – вспоминал Александр Павлович Чехов, старший брат писателя³².

Так как домашнее музицирование было любимым занятием в таганрогских семьях, то музыка звучала не только на концертах, она наполняла пространство, была привычной составляющей городской жизни. Даже не обладавший особой музыкальностью Александр Павлович, вспоминая таганрогскую юность, не мог не отметить особую атмосферу города: «...греческая, итальянская аристократическая молодёжь воспитывалась на музыке, и не было почти ни одного греческого или итальянского дома, из окон которого в тихий южный летний вечер не доносились бы звуки фортепиано, скрипки или виолончели...»³³.

Среди таганрожцев было немало ярких талантливых музыкантов, имена некоторых из них вошли в историю русской музыки: С.Я. Майкопар, А.Д. Бродский, Н.К. Аверино, В.А. Золотарёва, Н.Д. Дмитриева. Известный композитор, профессор Петербургской консерватории С.Я. Майкопар писал о таганрогском периоде своей жизни: «Музыку у нас любили, и среди “высших” кругов населения были серьёзные и талантливые музыканты. Достаточно указать на таких музыкантов, как братья Алфераки, семью Аверино, пианистку Маврокордато, выступавших в концертах с серьёзными программами в настоящем первоклассном исполнении. В городе в домах процветало серьёзное музицирование, культивировалось не только сольное исполнение, но и камерная музыка»³⁴.

В прекрасном двухсветном зале Коммерческого Собрания (дворец Алфераки) постоянно проходили концерты, в которых таганрогские музыканты исполняли произведения европейских и русских композиторов. Средства от продажи билетов использовались для благотворительных целей. В этом же зале выступали знаменитые музыканты, гастролеры которых были неотъемлемой частью музыкальной жизни города. По словам Майкопара: «В своих концертных поездках крупнейшие артисты не обходили нашего города... Они

---

³² Шапочка Е.А. Таганрогская гимназия в воспоминаниях Ал.П. Чехова // Памятники культуры. Новые открытия. – М., 2000. – С. 58.

³³ Там же. С. 61

³⁴ Майкопар С.М. Годы учения. – М., 1938. – С. 15.

знали, что у нас не было недостатка не только в любителях музыки, но и в хороших знатоках...»³⁵.

Таганрожцы наслаждались виртуозной игрой пианисток Лауры Карер и Софьи Ментер, братьев Рубинштейн, скрипачей Контского и Безекирского, виолончелиста Портена, певиц Дезире Арто, Паулины Лукка, Алисы Барби, солистов Петербургской оперы А.П. Крутиковой и Б.Б. Корсова. Произведения М.П. Мусоргского они слушали в исполнении самого автора и известной певицы М.П. Леонтьевой. В марте 1876 года шестнадцатилетний Антон Чехов сообщал родным: «Я был вчера в доме Алфераки на концерте... билет на концерт профессора Ауэра дал мне директор гимназии» (П. I, 14).

Концерт основателя русской скрипичной школы, профессора Петербургской консерватории Леопольда Ауэра и известного пианиста и композитора, ученика Н. Рубинштейна и П.И. Чайковского, Сергея Танеева был событием не только в жизни гимназиста Чехова, впервые услышавшего игру музыкантов высочайшего класса, но и для всех таганрожцев, присутствовавших в зале дворца Алфераки.

Первое посещение театра Антоном Чеховым также принесло новые музыкальные впечатления.

С 1870-х годов в моду в Европе и в России входит оперетта. Таганрог следивший за всеми музыкальными новинками также пережил кратковременное увлечение опереттой. Она появилась на таганрогской сцене благодаря Григорию Ставровичу Вальяно, сыну богатого таганрогского купца, входившего в дирекцию таганрогского театра. Г.С. Вальяно, закончив Царскосельский лицей, решил посвятить себя театральному делу и стал антерпренёром. В 1865 году он взял в Ростове в аренду театр Гайрабетова и, набрав новую труппу, открыл театр, сразу заслуживший огромную популярность у горожан. Его по праву считают основателем театрального дела в Ростове-на-Дону.

Побывав в Париже, где он обретал опыт организации театрального дела, Вальяно «заболел опереттой» и решил познакомить с модной новинкой своих земляков. Как писали ростовские журналисты в 1875 году к десятилетию ростовского театра: «Ростов – врата, через которые Оперетта, начала покорение бескрайних просторов

---

³⁵ *Майкопар С.М.* Указ. соч.

России. Известный антрепренёр, пленившись Оффенбахом, закупил партитуры и либретто, перевёл их на русский и поставил в Ростове за один сезон 35 (!) оперетт»³⁶.

Вскоре Г.С. Вальяно привёз оперетту и в Таганрог. В октябре 1873 года в таганрогском театре под руководством Вальяно была поставлена самая знаменитая оперетта Оффенбаха «Елена Прекрасная». В афишах значилось: фантастико-комическая опера в 3-х действиях. Сочинение Галеви и Мельяка, переведенное с французского языка Вальяно, музыка Жака Оффенбаха, в главных ролях известные певицы О.В. Кольцова Н.А. Полонская.

Именно этот спектакль стал первым в жизни Чехова. Музыка, красочные костюмы актёров, атмосфера театра – всё произвело на подростка потрясающее впечатление. Как вспоминал Иван Чехов, с братом побывавший на этом спектакле: «Идя из театра, мы всю дорогу, не замечая ни погоды, ни неудобной мостовой, шли по улице и оживлённо вспоминали, что делалось в театре»³⁷.

Несколько сезонов музыка Оффенбаха, Лекока, Зуппе, Эрве звучала в таганрогском театре. Но, несмотря на высокое мастерство известных артистов, которых приглашал Вальяно, лёгкий жанр в Таганроге, привыкшем к итальянской опере, не прижился, и уже к концу 1870-х годов на смену оперетте на сцене театра пришли драматические спектакли.

Но не только музыканты и новинки оперного искусства прибывали в Таганрог из Европы. Через порт в город доставлялись и книги. В 1-ой половине XIX в. складываются богатейшие книжные собрания известных таганрогских семей: Скараманга, Алфераки и др. Основная часть их состояла из роскошных изданий на иностранных языках.

В начале XIX в. в Таганроге появились первые общественные библиотеки. Это библиотеки мужской гимназии (1806 г.) и Коммерческого клуба (1812 г.). В старейшем книжном собрании города – библиотеки гимназии, в первую очередь можно было найти учебную литературу, научные издания, журналы. Особый фонд составляли

---

³⁶ Антрепренёр ростовской оперетты Вальяно URL:[http:// www.rostovbereg.ru](http://www.rostovbereg.ru).

³⁷ Чехов Ив. В Таганрогском театре. Из школьных лет Антона Чехова. Сборник воспоминаний. – М., 1962. – С. 111.

книги, пожертвованные гимназии. В числе дарителей были известные литераторы: Н.Ф. Щербина, Н.В. Кукольник, завещавшие библиотеке свои книжные собрания.

Библиотека Коммерческого клуба была небольшой. Главное, что интересовало её посетителей – периодические издания и, в частности, газета «Биржевые ведомости», которую на протяжении многих лет выписывал клуб. Впоследствии 906 томов из Коммерческого клуба было пожертвовано в фонд городской библиотеки.

В середине XIX в. на фоне общественного подъёма растёт число различных просветительских инициатив. В 1858 году в Таганрог приезжает известный издатель и карикатурист К. Д. Данилов. Он открывает в городе книжный магазин и библиотеку при нём. В библиотеке было 5 000 книг, а также журналы «Современник», «Искра», «Русское слово». Книжный салон и библиотека Данилова были единственным предприятием такого рода в провинциальной России. Но оно было задумано слишком широко, поэтому просуществовало недолго. Постоянных читателей было мало, денег хозяин не получал. Растратив свой капитал, Данилов вернулся в Петербург. Перед отъездом он продал свой магазин и библиотеку таганрогскому купцу Миронову.

Наконец, по решению Городской Думы, в 1876 году была открыта городская публичная библиотека. К открытию таганрожцы пожертвовали в неё более 1000 томов. Спустя год после открытия, в январе 1877 года, в библиотеке насчитывалось 2924 книги и 169 читателей³⁸. Большинство среди них составляли гимназисты. Один из них, Антон Чехов, впоследствии сыграл в истории библиотеки большую роль, постоянно пополняя её книжное собрание и интересуясь состоянием библиотечной работы в родном городе.

Приведённые факты свидетельствуют о том, что в Таганроге этого периода росло число образованных, читающих людей, а развитие издательского дела говорит о том, что многие из них брались за перо.

Первой таганрогской газетой стал «Полицейский листок», выходивший с 1859 по 1870-й годы. Издание это носило официальный характер. В нём помещались распоряжения городских властей, публикации о финансовых сделках, торгах, сведения об уголовных

---

³⁸ ГАРО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 6. Л. 190.

преступлениях и различных происшествиях. В 1870 году вместо «Полицейского листка» начала выходить газета «Ведомости таганрогского градоначальства». Это издание сохранило официальную направленность.

В 1871 году начала издаваться частная газета «Азовский вестник» (издатель П.С. Муссури, редактор Ф.Р. Браславский). На её страницах можно было прочесть самые разнообразные новости из жизни города, фельетоны, театральные рецензии, а также литературные опыты таганрожцев.

Их авторы зачастую оставались неизвестными, так как скрывались под псевдонимами. Литературные достоинства этих произведений можно поставить под сомнение, но сам факт их появления был отраден. Он свидетельствовал о росте культурных потребностей местного населения. Конечно, для истории русской литературы Таганрог – это прежде всего родина Чехова, но, кроме него, среди выпускников таганрогской гимназии было немало людей, ставших известными литераторами. Это крупный поэт середины XIX в. Н.Ф. Щербина; украинский драматург и писатель А. Корсун; знаменитый журналист О.К. Натович; литературный критик Н.Я. Абрамович; его брат Владимир, издававший свои рассказы, повести и стихотворения под псевдонимом Ленский; биограф Л.Н. Толстого, литературный критик П.А. Сергиенко. Имена многих из них ныне позабыты, но в своё время эти люди были весьма известны и внесли свой вклад в развитие русской литературы.

Таким образом, во второй половине XIX века, несмотря на все сетования жителей на провинциальную скуку, Таганрог был крупным динамично развивающимся экономическим и культурным центром на юге страны. К этому времени здесь сформировались театральные, музыкальные, художественные традиции, были созданы учреждения культуры, игравшие большую роль в жизни жителей города.

Многие уроженцы Таганрога стали известными деятелями российской культуры. Но и уехав из родного города, они с теплотой вспоминали его, мечтая вернуться. Но почти никогда не возвращались: в детство вернуться нельзя. «Я родился в приморском белом городишке... Везде балконы и террасы. Сады полны чайных роз, сирени, гелиотропов. Стройные улицы, обсаженные белыми акаци-

ями и пирамидальными тополями, составляли сплошной сад. Летом весь город источал благоухание. Маленький порт, куда я часто ходил с отцом, казалось младенчески улыбался»³⁹.

Литература

1. Азовский вестник. – 1871. – № 7.
2. Антрепренёр ростовской оперетты Вальяно URL:[http:// www.rostovbereg.ru](http://www.rostovbereg.ru).
3. Ведомость о числе купцов г. Таганрога. 1869 г. РГИА Ф. 1287. Оп. 37. Д. 2193.
4. Вехи Таганрога. – Таганрог, 2004. – № 20.
5. *Гаврюшкин О.П.* По старой Греческой. – Таганрог, 2003.
6. ГАРО. Ф. 577. Оп. 1. Д. 82. Л.2.
7. ГАРО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 6. Л. 190.
8. ГАРО. Ф. 583. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.
9. Дело о строительстве железной дороги. ГАРО. Ф. 577. Д. 430. Л.2.
10. Дело семьи Лицыных. Почётный адрес в честь 50-летия общественной деятельности Н.А. Лицына ТГЛИАМЗ. ФПИ. Ф. 7–029.
11. *Крупницкая Г.А.* Таганрог в николаевское время (1825–1855) // Энциклопедия Таганрога. – Таганрог, 2008.
12. *Лукомский Г.К.* Памятники старинной архитектуры России в типах художественного строительства. – Ч.1. – М., 1916.
13. *Майкопар С.М.* Годы учения. М., 1938.
14. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Екатеринославская губерния / Сост. В. Павлович. – СПб., 1862.
15. Отчёт таганрогского градоначальства за 1860 г. РГИА. Ф. 1263 Оп. 1. Д. 986.
16. *Парнах В.* Пансион Мобер. Воспоминания // Диаспора. Новые материалы. – Т. VII. – СПб., 2005.
17. Ведомость о числе купцов г. Таганрога. 1869 г. РГИА Ф. 1287 Оп. 37 Д. 2193.
18. РГИА. Ф. 1287. Оп. 12. Д. 164. Л.18.
19. Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003.

---

³⁹ *Парнах В.Я.* Указ.соч. С. 22

1.1. Формирование культурного, социального, исторического пространства

20. *Третьяков В.Ф.* Очерки истории Таганрогского театра с 1827 по 1927 гг. – Таганрог, 1927.
21. Трёхсотлетие царствования дома Романовых. – М., 1913.
22. *Филевский П.П.* История Таганрога. – М., 1898.
23. *Цымбал А.А.* Из истории богоугодных заведений // Вехи Таганрога. – Таганрог, 2006. – № 27.
24. *Чехов Ал.П.* Записки случайного туриста // Дон. – 1980. – № 1.
25. *Чехов Ив.* В Таганрогском театре. Из школьных лет Антона Чехова. Сборник воспоминаний. – М., 1962.
26. Чеховиана. Чехов и его окружение. – М., 1996.
27. *Шапочка Е.А.* Таганрогская гимназия в воспоминаниях Ал.П. Чехова // Памятники культуры. Новые открытия. – М., 2000.

1.2. СЕМЬЯ ЧЕХОВЫХ И ЕЕ ОКРУЖЕНИЕ (1850–1870 гг.)

О.А.Шипулина

Таганрог чеховских времен нельзя безапелляционно назвать захолустной российской провинцией, как изначально считалось в чеховедении (ключевое слово здесь – «захолустной»). Именно тогда, в середине века, в этом своеобразном городе познакомились и 29 октября 1854 года обвенчались приказчик таганрогского первогильдейского купца и по совместительству Городского Головы Павел Чехов и девица Евгения Морозова. Молодожены не были местными жителями. Оба оказались в Таганроге в 1840-е годы. Павел приехал в 1844 году из Воронежской губернии, Евгения в 1847 – из Тамбовской. Со своим укладом, своими понятиями и представлениями о жизни, присущими каждому из них от рождения, влились эти уроженцы других краев в таганрогское общество, и, судя по всему, были приняты этим обществом вполне благосклонно. Их дети уже по рождению были таганрожцами и воспитывались в специфической атмосфере южнороссийского портового города и южнорусской провинциальной культуры.

И сам город, и, в особой степени, городское общество составляли своеобразный фон исоздавали ту атмосферу, в которой росли и формировались будущий писатель и его братья. Как известно, фон имеет немаловажное значение в создании портрета: он может оттенить портретируемого, подчеркнуть его особенности и оригинальность, а может нивелировать и даже «забить» его. Другими словами, фон несомненно будет влиять на конечный результат. А потому пригляди́мся пристальнее к фону детства будущего писателя – таганрогскому окружению чеховской семьи, для чего обратимся к 60-м годам XIX в.

КУПЕЧЕСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ

В орбите семейного общения были люди разные: купцы, приказчики, мещане, чиновники, лица духовного звания. А поскольку Таганрог середины XIX в. был, в первую очередь, городом торговым, то большая часть чеховского окружения приходилась на представителей купеческого сословия. Как подтверждение этого, приведем

строчки из письма самого А.П. Чехова от 29 августа 1888 года, адресованного А.С. Суворину: «Я страшно испорчен тем, что родился, вырос, учился и начал писать в среде, в которой деньги играют безобразно большую роль» (П. II, 322).

Согласно «Сведениям о состоянии городского управления в Таганроге», в начале 1861 года в городе было 11 купцов 1-й гильдии, 16 купцов 2-й гильдии и 253 купца 3-й гильдии. Всего 280 лиц купеческого звания¹.

Среди местных купцов 1-й гильдии не было. Купеческие капиталы по 1-й гильдии объявили 5 иностранных и 6 иногородних купцов. Местных купцов 2-й гильдии в Таганроге было семеро. Иностранных и иногородних – 4 и 5 соответственно. Наконец, местных купцов 3-й гильдии было 185 человек. В это число входил и Павел Чехов, перешедший из мещанского сословия в купеческое в конце 1857 года. Остальные 68 купцов были иностранными и иногородними.

В царской России представители купеческого сословия обладали немалыми правами: освобождались от телесных наказаний, рекрутской повинности, пользовались свободой передвижения, имели право обучать детей в гимназии. Вот почему П.Е. Чехов всеми силами стремился занять прочное место в таганрогском купеческом обществе. Вот почему так держался за купеческое звание после отмены 3-й гильдии в 1863 году, хотя оплачивать 2-ю гильдию ему было непросто. За особые заслуги купцов награждали медалями и орденами. Так, в 1872 году Павел Чехов был награжден медалью «За усердие». Этим была отмечена его добросовестная служба в торговой депутации.

Российское купечество делилось на гильдии по имущественному признаку в зависимости от объявленного капитала. Размеры объявляемых капиталов для соответствия 1-й, 2-й и 3-й гильдиям в разное время менялись, но принцип оставался прежним: к 3-й гильдии относились наименее состоятельные торговцы, к 1-й – самые богатые.

Каждая гильдия, помимо общих, имела свои права и ограничения. К примеру, согласно «Городовому положению» 1827 года, которое действовало до начала 1870-х годов, купцам 3-й гильдии не только

---

¹ Сведения о состоянии городского управления в Таганроге. 1861. ГАРО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.

дозволялось, но и поощрялось «производить мелочный торг по городу и по уезду ...возить товар водою и сухим путем по селам и сельским торжкам»².

Весьма желательно было участие купцов 3-й гильдии во всевозможных ярмарках. Купцам 3-й гильдии позволялось «иметь трактиры... торговые бани, постоянные дворы для проезжих и прохожих людей», «производить рукоделия», «иметь и содержать малые речные суда».

Купцам 3-й гильдии запрещалось «ездить по городу в карете и впрягать зимою и летом более одной лошади»³.

Купцы 2-й гильдии имели право на внутреннюю розничную и мелкооптовую торговлю, устройство небольших заводов и фабрик. Они могли торговать по всей империи и иметь крупные речные суда.

Купцы 3-й и 2-й гильдии не имели права в пограничных местах или портах участвовать в отпуске и выписке товаров, а следовательно, не имели «законного права производить мену, продажу или покупку непосредственно с иностранцем, ибо сие принадлежит к правам 1-й гильдии»⁴.

Купцам 1-й гильдии принадлежало право крупно-оптовой торговли. Им разрешалось торговать не только в Российской империи, но и за ее пределами, для чего они могли иметь морские суда.

В конце 1850-х – начале 1860-х годов к 3-й гильдии относились купцы, имевшие капитал от 1 000 до 5 000 руб. серебром; ко 2-й гильдии – от 5 000 до 10 000 руб. и к 1-й – свыше 10 000 руб.

В таганрогских гильдейских списках того времени напротив каждой из фамилий стоят абсолютно одинаковые цифры: 2400 руб. по 3-й гильдии и 6000 руб. – по 2-й гильдии⁵. Что это означает?

Дело в том, что объявление купеческого капитала было на совести объявлявшего. Каждый мог назвать сумму по собственному усмотрению. И никто не имел права проверить или оспорить его. При этом все дальнейшие выплаты: оплата купеческого свидетельства, налоги, подати, всевозможные казенные и местные сборы – соот-

² Городовое положение с принадлежащими к оному узаконениями. Собрание законов о купцах, мещанах, посадских и цеховых. – СПб., 1827. – С. 292–293.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Об объявлении по г. Таганрогу купеческих капиталов на 1860 г. ГАРО. Ф. 589. Оп. 1. Д. 10.

ветствовали объявленному капиталу. Естественно, у 1-й гильдии они были самыми высокими. Случалось, купцы занижали размеры своих капиталов на случай непредвиденных обстоятельств (пожара, разорения), неполучения ожидаемой прибыли, а также во избежание лишних налоговых и иных расходов.

Государство было заинтересовано в преумножении капиталов русского купечества. Поэтому для успешного ведения торговли и во избежание «банкротства неосторожного» купцам надлежало иметь специальные купеческие книги. Крупные торговцы вели довольно обширную бухгалтерию. Им надлежало иметь не менее 7 специальных книг. Купцам помельче, розничным торговцам, у которых торг был более 1000 руб., предписывалось иметь, по крайней мере, следующие книги:

«1 – товарную, в которую вносили товары с ценами по времени их приема.

2 – денежную: о приходе и расходе.

3 – долговую: кому, за что и сколько когда должен с отметками уплаты.

4 – такую же о своих долгах.

5 – домашним расходам»⁶.

Были такие книги и у Павла Егоровича. Позднее, в 1870-е годы, дежуря в отцовской лавке, Антону не раз приходилось делать записи в долговой книге. Об этом сообщал в своих воспоминаниях старший брат писателя Александр Павлович Чехов. Когда же отец разорился и уехал в Москву, оставшимся в Таганроге сыновьям он писал: «Антоша и Ваня, поберегите долговую книгу, которая осталась у Мамаши в Комоде, она мне нужна будет и все бумаги, которые были в Конторке, очень нужны»⁷. Ожидая окончания гимназического курса и приезда сына в Москву, напоминал: «Главные мои Книги лавочные заברי с собою, ты их должен знать, иначе все дело пропало, я полагаю что ты в этом деле был всегда созерцателем по коммерции, более всех был в Лавке»⁸.

---

⁶ Городовое положение с принадлежащими к оному узаконениями... – СПб., 1827. – С. 292–293.

⁷ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 203.

⁸ Там же. С. 257.

Как видим, необходимые условия ведения бизнеса в России середины XIX в. Павел Егорович Чехов соблюдал. Каковы же были его партнеры? Кто конкретно составлял фон «подрастания» и взросления будущего писателя?

Прежде чем перейти к личностям, необходимо подчеркнуть, что лица и контакты 1860-х годов не нашли отражения в творчестве А.П. Чехова. Но все они, как в мозаике, составляли лицо родного города писателя. Того города, который неуловимо, неназвано присутствует во многих чеховских рассказах.

На момент рождения третьего сына, Антония, отец семейства Павел Чехов был купцом 3-й гильдии и тесно общался, по большей части, с себе подобными торговцами, то есть с третьегильдейскими купцами и приказчиками. Но в числе его контактов были и лица повыше рангом. Обратимся первоначально к ним и остановимся на четырех фамилиях: И.Е. Кобылин, П.Ф. Пёрушкин, М.В. Кумба и Н.А. Алафузов.

Все четверо были людьми более старшего поколения, нежели П.Е. Чехов. Их купеческий стаж в разы больше чеховского, опыт в коммерции значительный. Трое из четверых – Кумба, Алафузов и Пёрушкин – в 1859–1861 годы входили в состав таганрогской торговой депутации⁹. В это время Павел Чехов находился еще в начале своей самостоятельной купеческой карьеры. С большой долей вероятности можно утверждать, что в означенный период кто-то из названных (а возможно, каждый) посещал с инспекцией лавку начинающего купца Чехова.

В обязанности торговых депутатов входил надзор за соблюдением правил торговли (он осуществлялся в течение года) и ежегодная проверка всех торговых точек города в присутствии губернского чиновника Казенной палаты, по окончании которой составлялся итоговый документ. В торговую депутацию могли быть избраны лица, которые пользовались исключительным доверием купеческого общества¹⁰. В 1866 году чести быть избранным в торговую депутацию удостоился Павел Чехов.

---

⁹ Дело о проведении проверки торговли в Таганроге в 1859 г. торговым департаментом. ГАРО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 213.

¹⁰ Брокгауз Ф., Ефрон И. Энциклопедический словарь: в 80-ти тт. – Т. 66. – СПб., 1901. – С. 618.

Из названных выше купцов самым старшим был М.В. Кумба. Потомственный Почетный Гражданин Михаил Васильевич Кумба в конце 1850-х – начале 1860-х годов числился иногородним купцом 2-й гильдии с объявленным капиталом в 6 000 руб. Однако фактически вел более крупную торговлю, что, впрочем, было характерно для всех купцов, речь о которых впереди. По данным «Списка о генеральной поверке торговли по г. Таганрогу в 1861 г.», Кумба содержал на бирже магазин с заграничными товарами на 50 000 руб. С отменой 3-й купеческой гильдии в 1863 году он автоматически перешел в 1-ю гильдию. В списках таганрогских домовладельцев постоянно не значился. В начале 1860-х годов за ним числился кирпичный дом неподалеку от домовладения Е.М. Чехова¹¹. Позднее, по некоторым данным, семья Михаила Васильевича проживала на Греческой улице. Сын его, Михаил Михайлович, впоследствии нередко принимал участие в благотворительных концертах в пользу бедных¹². Возможно, в силу преклонного возраста Михаил Васильевич редко участвовал в инспекционных рейдах (в 1859 году ему было 70 лет) и лишь подписывал акты и итоговые документы.

Потомственным Почетным Гражданином Таганрога был и другой купец – выходец из Мариуполя Николай Алафузов. До 1863 года он числился по 3-й купеческой гильдии среди иногородних купцов, хотя фактически вел крупную торговлю. Отец и сыновья Алафузовы занимались виноторговлей, что и позволило семье сколотить немалый капитал. Наибольшую известность в городе приобрел впоследствии Эпаминонд Николаевич Алафузов, с 1880-х годов много лет прослуживший в городском самоуправлении и торговой депутации. Это был деятельный благотворитель, состоявший в различных комитетах помощи неимущим, член таганрогского отделения Общества Красного Креста, попечитель Общины сестер милосердия, которой и завещал один из своих домов. В настоящее время в этом доме располагается одна из городских поликлиник.

Семейство Алафузовых, как и Кумба, – представители греческой части населения Таганрога. Два других купца из четырех названных –

---

¹¹ Окладная книга для записи раскладного квартирного сбора по утвержденной раскладке на 1862 г. ГАРО. Ф. 569. Оп. 1. Д. 15.

¹² Таганрогский вестник. 1882. 26 февраля. ТГЛИАМЗ. ФРК. Ф. 1–020.

русские. С ними Павел Чехов контактировал на протяжении почти всех лет его таганрогской биографии.

Так, с Павлом Филипповичем Пёрушкиным отец будущего писателя мог познакомиться еще в конце 1840-х годов, когда Пёрушкин, торгуя бакалеей, объявил в Таганроге капитал по 3-й гильдии¹³. Дела шли успешно, торговля расширялась. Некоторое время Павел Филиппович держал лавку в соседнем Ростове. К началу 1860-х годов Пёрушкин стал купцом 2-й гильдии. В 1861 году у него две бакалейные лавки на 1 200 и 3 000 руб., большой «ренсковой» погреб (с винами, на что необходимо было особое свидетельство), торговля табаком и сигаретами (также по отдельному свидетельству)¹⁴.

В это же время его лавка на Старом базаре соседствует с лавкой П.Е. Чехова. По свидетельству приказчика Пёрушкина, Г. Басова, его хозяин понижал цены на свои товары, желая избавиться от конкурента. А еще раньше предлагал начинающему купцу Чехову сахар мелким оптом по довольно высокой цене.

В 1870-е годы Пёрушкин был в числе наиболее состоятельных купцов Таганрога, владел семью домами в разных частях города, несколькими земельными участками¹⁵.

Будучи человеком состоятельным, Пёрушкин много жертвовал на благотворительные цели, в 1866 году был одним из учредителей таганрогского Благотворительного общества для оказания нуждающимся помощи как материальной, так и другой. Особая заслуга Пёрушкина – в деле развития женского образования в Таганроге. В начале 1860-х годов Павел Филиппович был главным жертвователем на учреждение первого женского училища в городе. А в 1870-е годы, будучи Городским Головой, настоял на выделении 50 000 руб. на постройку здания женской гимназии. Когда же постройка была окончена, на собственные средства приобрел недостающую классную мебель и позднее устроил гимназическую церковь¹⁶. Портрет Пёрушкина был

---

¹³ Именной гильдейский список купцов Таганрога. 1849–1850. ГАРО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 370.

¹⁴ Список о генеральной поверке торговли по г. Таганрогу в 1861 г. ТГЛИАМЗ. ЧФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.

¹⁵ Раскладка налога на недвижимые имущества г. Таганрога на 1873 г. ТГЛИАМЗ. ФПИ. Ф. 1–11.

¹⁶ *Филевский П.П.* История города Таганрога. – М., 1898. – С. 304.

вывешен в актовом зале гимназии. В 1877 году за деятельное участие в жизни города и в делах благотворительности Павел Петрович был возведен в Потомственные Почетные Граждане города.

Но, пожалуй, самая известная фигура в купеческом окружении П.Е. Чехова – Иван Евстратьевич Кобылин, в своем роде, крестный отец купца Чехова.

«1844 – из Ольховатки переехал в Таганрог – 20 июля к купцу Кобылину.

1845 – начал там заниматься торговлей по конторской части»¹⁷. Это строчки из дневника П.Е. Чехова. Автор начал вести его в Мелихове, таганрогские события описывал по памяти. Но даже спустя почти 50 лет, помнил дату своего приезда и фамилию хозяина, у которого прослужил более 13 лет. Для Павла Чехова эти годы были своеобразными коммерческими университетами.

Иван Евстратьевич Кобылин – личность в городе знаменательная. Купец-старообрядец, владелец бакалейных, гастрономического и москательного (торговля красками) магазинов, меняльной конторы (1830-е гг.), загородной скотобойни. Был купцом 1-й гильдии, в отдельные годы объявлял капитал по 2-й и по 3-й гильдии. Более 50 лет занимался торговлей, около 40 лет состоял в городском самоуправлении, из них 15 лет – Городской Голова¹⁸. Крупный домовладелец: имел 4 дома и каменную лавку на Старом базаре. Кобылин был членом многих комитетов, обществ и других подобных образований, жертвовал на нужды церкви, принимал участие в благотворительных начинаниях. Будучи попечителем Николаевского детского приюта и не имея своих детей, в 1850 году усыновил подкидыша Михаила, ставшего впоследствии его наследником¹⁹. Общественная и благотворительная деятельность этого купца не прошла незамеченной. В 1850 году И.Е. Кобылин получил Потомственное Почетное Гражданство, а позднее был награжден орденом Святой Анны II степени.

---

¹⁷ Чехов П.Е. Жизнь Павла Чехова // Вокруг Чехова / Сост. Е.М. Сахарова. – М., 1990. – С. 23.

¹⁸ Дело о составлении формулярного списка о службе бывшего Городского Головы Кобылина. 1848. ГАРО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 318.

¹⁹ Дело об усыновлении купцом Кобылиным подкидыша Михаила. 1850. ГАРО. Ф. 589. Оп. 1. Д. 23.

Уйдя от Кобылина в 1857 году, П.Е. Чехов не потерял с ним связей. По неподтвержденным данным, бывший хозяин первое время кредитовал начинающего купца товарами. Возможно, не отказывал в помощи и впоследствии, когда отец будущего писателя разорился и уехал в Москву. «Антоша, Кобылин в Москве, – пишет отец сыну 1 октября 1876 года, – я буду с ним видаться и о тебе попрошу»²⁰. «Антоша, ты бы постарался сходить к Кобылину... я его просил дать нам пособие... немедленно сходи к нему... он знает наши обстоятельства» (П.Е. Чехов – Антону 1 ноября 1876 г.)²¹. Те же наставления и в письме от 25 ноября²². Ответные письма Антона до нас не дошли, но, возможно, юноша, не желая унижаться перед богатым купцом, Кобылина не посещал.

Умер Кобылин скоропостижно. Вот что писал об этом брату в Москву 25 июня 1878 года Митрофан Егорович Чехов: «...хоть он был больной, но на ногах; часто гулял по городу в карете и в день своей смерти намерен был покататься, но не успел. Святых тайн небыл приобщен... Пригласительный траурный билет был от Михаила Ивановича прислан и мне, вследствие чего я был при погребении и на обеде»²³.

Продолжая знакомство с купеческим окружением отца будущего писателя, еще раз подчеркнем, что основными представителями этого окружения были люди приблизительно того же, что и он, достатка – купцы 3-й, а с 1863 года 2-й гильдии. Долгое время круг этих лиц представляли несколько фамилий. Архивные исследования последних лет позволили не только расширить этот круг, но и получить более полное представление о тех, кто в него входил. В результате, таких лиц набралось более двух десятков. В чеховедении они по большей части не были известны либо упоминались вскользь. Рассказать здесь обо всех даже коротко не представляется возможным. А потому ограничимся неполным списком и на отдельных личностях остановимся подробнее. Вот лишь несколько фамилий:

---

²⁰ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. С. 202.

²¹ Там же. С. 206.

²² Там же. С. 208.

²³ Там же. С. 252.

Александр и Никанор Гнутовы,
Константин и Михаил Болотовы,
Константин, Василий и Спиридон Титовы,
Ерофей и Ермолай Семеновы,
Афанасий и Иван Попандопуло,
Антон и Степан Макаренко,
Афанасий и Иван Рафаэло,
Дмитрий Софьянопуло,
Андрей Тарасевич,
Дмитрий Романенко,
Константин Поляпин,
Гавриил Яншин,
Антон Хаджиев,
Продром Хаджи-Христо,
Петр Шакун,
Мефодий Шафранов
и другие.

Список можно продолжать и далее. Но пока поставим многоточие и попытаемся представить какие-то общие, а в отдельных случаях и более подробные характеристики. Начнем с конца списка.

Итак, Петр Шакун и Мефодий Шафранов – купеческие старосты. В неопубликованных материалах Чеховского фонда ТГЛИАМЗ откладывались в сторону материалы с этими двумя фамилиями, хотя в бытность Павла Егоровича таганрогским купцом (1857–1875 гг.) ему приходилось пересекаться не с одним таким старостой.

Должность городского купеческого старосты, хотя и считалась почетной, была необычайно хлопотной, отнимала много времени, что, естественно, наносило ущерб его собственной торговле. Вот почему купцы соглашались выполнять эти обязанности, как правило, в течение одного срока. Купеческого старосту избирали на один год. Жалованья не полагалось. А между тем, в его обязанности входило многое. Помимо взимания всевозможных сборов, староста принимал определенное участие в деятельности торговой депутации. В частности, в составлении итогового списка о ежегодной генеральной поверке торговли, проводимой в городе торговым департаментом под руководством чиновника губернской

Казенной Палаты. Фонды ТГЛИАМЗ располагают таким документом на 1861 год, где в числе купцов, прошедших поверку, значится и Павел Чехов²⁴. Вместе с торговыми депутатами К. Поляпиным, П. Пёрушкиным, А. Гнутовым и чиновником Екатеринославской Казенной Палаты А. Минченко документ подписал староста Мефодий Шафранов. Это был купеческий сын, ровесник Павла Чехова, незадолго до него объявивший в Таганроге капитал по 3-й гильдии и торговавший зерновым хлебом²⁵. Согласно правилам, в конце года все купцы, а также те, кто только приступал к самостоятельной торговле, объявляли капитал на год следующий. Старосты занимались оформлением документов и составлением купеческих списков. Особенно много хлопот было с теми, кто объявлял капитал впервые. Так, документы начинающего купца Павла Чехова в конце 1857 – начале 1858 годов выправлял староста Петр Шакун²⁶. Это был уже немолодой купец 3-й гильдии, отец четверых взрослых детей. На Петровской площади он торговал в небольшой мясной лавочке.

В середине 1870-х годов фамилии Шакуна и Шафранова исчезают из купеческих списков. Очевидно, оба потеряли возможность оплачивать гильдию и перешли в мещанское сословие. М. Шафранов, судя по всему, разорился тогда же, когда и П. Чехов (середина 1870-х гг.). А вот семейство П. Шакуна сохранило свой маленький бизнес. В 1883–1887 годах на Петровской базарной площади все еще значилась мясная лавка мещанина Ивана Петровича Шакуна²⁷. Дело в том, что мещанам, приписанным в городское мещанское общество, разрешалось иметь не более одной лавки по промысловому свидетельству или билету²⁸.

В приведенной вышесписке можно выделить группу купцов, связанных с Павлом Егоровичем «службой по выборам».

---

²⁴ Список о генеральной поверке торговли по г. Таганрогу в 1861 г. ТГЛИАМЗ. ЧФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.

²⁵ Книга с наименованием купцов. 1857. ГАРО. Ф. 189. Оп. 1. Д. 8.

²⁶ Дело о перечислении ростовского мещанина Павла Чехова в Таганрогское купечество. ТГЛИАМЗ. ЧФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2.

²⁷ Список торговцам Петровской площади за 1887 г. ГАРО. Ф. 577. Оп. 1. Д. 367.

²⁸ Рапорт гласного Коринфео о проведении поверки торговли в Таганроге в 1859 г. торговым департаментом. ГАРО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 213.

Следует отметить, что бывший крепостной Павел Чехов охотно занимался делами общественными, мечтая о награждении медалью. Впервые на общественную должность Павла Егоровича, по его собственному свидетельству, избрали 2 января 1860 года. Он стал ратманом полиции²⁹.

Согласно городовому положению, действовавшему до начала 1870-х годов, в Таганроге производились трехгодичные, годовые и чрезвычайные выборы на различные должности. Так, городской голова, бургомистры, ратманы магистрата и полиции, члены депутатского собрания, писарь и старосты для составления обывательской книги, а также некоторые другие члены городского общественного управления избирались на 3 года. Городовые оценщики, депутаты квартирной комиссии, словесные судьи и другие – на 1 год³⁰. В случае выбытия кого-либо по уважительной причине ежегодно проводились довыборы. Основные выборы на трехлетие проходили в Таганроге в 1856, 1859, 1862, 1865 и последующие годы. Таким образом, судя по дате избрания – 1860 год – Павел Егорович стал ратманом полиции в результате чрезвычайных выборов, то есть довыборов.

«Ратман» в переводе с немецкого означает «советник, помощник». Вместе с Чеховым кандидатом на ту же должность был избран купец Ерофей Семенов, который в случае болезни или отсутствия в городе основного выборного должен был заместить его. Необходимость в замещении возникла в августе-сентябре 1861 года, когда Павел Чехов надолго заболел. Полицейское управление, лишившись помощника, направило в Городскую Думу отношение с просьбой о присылке кандидата. Семенов был вызван в Думу на 14 августа для того, чтобы «привести к присяге на верность службы»³¹. Однако ни в августе, ни в сентябре кандидат к присяге не явился. Переписка между полицией и Думой продолжалась более месяца. В конце концов, Дума вынуждена была обратиться за помощью к ... полиции и «просить, чтобы она

---

²⁹ Чехов П.Е. Жизнь Павла Чехова // Вокруг Чехова / сост. Е.М.Сахарова. – М.,1990. – С. 24.

³⁰ Дело о доставлении Градоначальнику сведений по программе относительно устройства общественного хозяйственного управления городов. 1861. ГАРО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 157.

³¹ Отношение таганрогской полиции № 11028 от 9 августа 1861 г. в Городскую Думу. ГАРО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 261.

купца Ерофея Семенова для принятия присяги на верность службы выслала в Думу немедленно»³². После 29 сентября переписка между Думой и полицией прекратилась. Что произошло ранее – выздоровели Чехов или явился Семенов – осталось неизвестно.

Ерофей Семенович Семенов – таганрогский купец с 1853 года, давний знакомый Павла Чехова³³. С конца 1850-х годов оба торговали бакалеей на Петровской площади. Впоследствии в 1869–1874 годы они окажутся дальними соседями по кварталу. В это время Чеховы будут проживать в доме Моисеева, недалеко от вокзала и Нового базара. Позднее, планируя постройку собственного дома, Павел Егорович обратится к Семенову с просьбой занять деньги на строительство. В Памятной книжке отца писателя сохранились записи о долгах этому купцу: «14 Июля 300 руб. Семенову, 29-го Августа 300 руб. Семенову»³⁴. Очевидно, расплатиться с Ерофеем Семеновичем Павлу Егоровичу не удалось, о чем он сообщает в письмах к жене, Евгении Яковлевне: «Значит Косенку и Ерофею Семеновичу объявить, что мы неможем им теперь заплатить деньги или дать вексель» (9 июня 1876 г.)³⁵; «...я буду писать <...> Косенку и Ерофею чтоб они с Банками сами разделявались» (19 июня 1876 г.)³⁶. Однако, не смотря на это, Ерофей Семенович с большим сочувствием относился к чеховскому семейству. Он передавал слова поддержки и участия уехавшим в Москву Чеховым через Митрофана Егоровича: «При встрече моей с Ерофеем Семеновичем он всегда говорит вам поклон, и желанье, чтобы возвратились опять в Таганрог, где кой как и чемнибудь, по его выражению, можно перебиваться, вот как я, указывал он на себя» (М.Е. Чехов – П.Е. Чехову 25 июня 1877 г.)³⁷. Дело в том, что еще до разорения Чеховых Ерофей Семенович прекратил выплату купеческой гильдии и перешел в мещанское сословие. Тем не менее, как и упомянутый выше П. Шакун, он сохранил промысел

---

³² Отношение таганрогской полиции № 11028 от 9 августа 1861 г. в Городскую Думу. ГАРО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 261.

³³ Алфавит купцам россиянам 1858 г. ГАРО. Ф. 589. Оп. 1. Д. 10а.

³⁴ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 183.

³⁵ Там же. С. 190.

³⁶ Там же. С. 193.

³⁷ Там же. С. 229.

свой, поменяв лишь предмет торговли: в 1887 году на Петровской площади держал мясную лавочку³⁸.

Водил знакомство отец писателя и с братом Ерофея, мещанином Ермолаем Семеновым, который в 1866 году был базарным старостой на Петровской площади³⁹. Судя по всему, это был весьма деятельный человек. В 1880-е годы он товарищ директора и заведующий кассой таганрогского городского Общественного банка, в 1890-е – мещанский староста. Вот что писал о нем городской историк П.П. Филевский: «Наиболее значительную поддержку Общество пособия бедным ученикам и ученицам таганрогских городских начальных училищполучает от Управы, как городской, так и мещанской, староста которой Семенов Е. всегда ратует в интересах этого общества»⁴⁰.

Большое значение П.Е. Чехов придавал своему избранию в торговую депутацию. Должность торгового депутата, и в самом деле, считалась очень почетной и позволяла заводить полезные знакомства. Так же, как и ратманом полиции, торговым депутатом П.Е. Чехов стал в результате довыборов. В депутацию его избрали в феврале 1866 года взамен умершего Александра Гнутова, речь о котором пойдет ниже. Сослуживцами Чехова в период 1866–1867 годов были Афанасий Рафаэло, Андрей Тарасевич, Антон Хаджиев и Продром Хаджи-Христо. Обратимся к этим купцам.

Старший из них, Андрей Павлович Тарасевич, был знаком с Чеховым, как минимум, с конца 1850-х годов, когда оба торговали бакалеей на Петровской площади. В разные годы этот купец был членом Городской Управы, гласным Городской Думы, с 1863 года являлся одним из подрядчиков на строительстве Митрофановской церкви. В торговой депутации состоял не один срок. В семье Тарасевичей было шестеро детей: двое сыновей и четыре дочери⁴¹. Один из сыновей продолжил семейную торговлю, другой стал ветеринарным врачом, одна из дочерей – акушеркой. К Андрею Павловичу судьба оказалась благосклонна. Ему удалось избежать разорения

---

³⁸ Список торговцам Петровской площади за 1887 г. ГАРО. Ф. 577. Оп. 1. Д. 367.

³⁹ Дело о генеральной поверке торговли в Таганроге в 1866 г. торговым департаментом. ГАРО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 216.

⁴⁰ Филевский П.П. Указ. соч. С. 322.

⁴¹ Алфавит коренным купцам Таганрога. 1883 г. ГАРО. Ф. 589. Оп. 1. Д. 40.

в 1870-е годы, когда многие купцы по причине упадка торговли вынуждены были переходить в мещанское сословие. Торговое дело Тарасевичей просуществовало в общей сложности не менее 40 лет.

Другой сослуживец Чехова по торговой депутации – Продром Хаджи-Христо. Информация о нем минимальна. В начале 1860-х годов это торговец зерновым хлебом, в середине 1870-х – содержатель буфета при Коммерческом клубе⁴², владелец дома в Александровской части города. С начала 1880-х годов это имя исчезает из купеческих документов, хранящихся в ГАРО. Какого рода торговлю вели два других депутата, установить не удалось.

Фамилия братьев Рафаэло в таганрогских гильдейских списках и алфавитах 1857–1863 годов отсутствует. В это время купеческие сыновья Афанасий и Иван Рафаэло были приписаны к ейскому купечеству, однако недвижимость в Таганроге имели. В «Окладной книге для записи раскладного квартирного сбора по утвержденной раскладке на 1862 г.»⁴³ за купеческим сыном Афанасием Рафаиловым в Александровской части Таганрога значится деревянный дом, расположенный, предположительно, в районе мужской гимназии. Спустя год на том же месте хозяин затеял новое строительство⁴⁴. Позднее Афанасий Антонович, по всей видимости, объявил капитал по Таганрогу и был избран в торговую депутацию. В 1871–1872 годы он числился по 2-й купеческой гильдии. Однако в начале 1874 года «за неуплату в срок ссуды, выданной г-ну Рафаэлову» Обществом Взаимного Кредита, его домовладение было выставлено на продажу⁴⁵.

Фамилию Рафаэло встречаем в переписке Чеховых 1876 года, когда после отъезда семьи в Москву в Таганроге остаются Антон и Иван: «Селиванов <бывший квартирант Чеховых> живет в доме Рафаэлова, – пишет Иван родителям, – у него такая крепость кругом двора что никто не подступит и дом тоже настоящий лабиринт.

---

⁴² Ведомости Таганрогского Градоначальства. – 1877. – № 100. – 18 декабря.

⁴³ ГАРО. Ф. 569. Оп. 1. Д. 15.

⁴⁴ О разрешении ейскому 2-й гильдии купцу Афанасию Антоновичу Рафаэло строительства дома, лавки и амбара в 9 квартале. ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 672.

⁴⁵ Ведомости Ростовской-на-Дону Городской Управы. – 1874 г. – № 1. – 6 января.

В этой-то крепости Антоша и помещается»⁴⁶. Возможно, в письме речь идет о доме Афанасия Антоновича, хорошо знакомого с Павлом Егоровичем. Однако не исключено, что Селиванов с Антоном Чеховым мог снимать квартиру у другого брата – Ивана Антоновича, чей дом располагался на той же Конторской улице, что и собственный дом Чеховых, к тому времени утраченный ими по причине разорения.

Отметим также, что, по данным налоговых документов, кроме Афанасия и Ивана, в Таганроге проживали также Александр и Василий Рафаэло.

Последним в четверке торговых депутатов-сослуживцев П. Чехова назван Антон Архипович Хаджиев, сын греческой купчихи Деспины Хаджиевой⁴⁷. В документах ГАРО отложился любопытный факт, связанный с поверкой торговли в Таганроге в 1866 году. В тот год поверка началась с большим опозданием ввиду того, что никто из депутатов (в том числе и Павел Чехов) не явился вовремя к исполнению своих обязанностей. Прибывший из Екатеринослава чиновник Казенной Палаты И. Копыловский слал в Городскую Думу гневные отношения, требуя «принять решительные меры к побуждению членов торговой депутации, за исключением Хаджиева, к производству поверки»⁴⁸. Таким образом, единственным дисциплинированным членом депутации в тот год оказался Антон Архипович.

Среди таганрогских купцов Хаджиев пользовался доверием и уважением. Семьи, судя по всему, не имел, а потому не имел прямых наследников. Умер он в возрасте 58 лет на курорте в Пятигорске «от истощения и воспаления пузыря»⁴⁹. Душеприказчиками его были влиятельные и состоятельные таганрожцы: дворянин с правом купечества помещик А.Н. Алфераки, впоследствии Городской Голова, купцы М.И. Жеребцов, З.А. Хандрин и др. Об Антоне Архиповиче в письме сожалел П.Е. Чехов: «Сослуживцу моему А.А. Хаджиеву

---

⁴⁶ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 204.

⁴⁷ Книга с наименованием купцов. 1857 г. ГАРО. Ф. 189. Оп. 1. Д. 8.

⁴⁸ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 70.

⁴⁹ Метрическая книга таганрогской греческой Царе-Константино-Еленинской церкви на 1876 г. ГАРО.

преставившемуся, дай Бог царствие небесное» (П.Е. Чехов – М.Е. Чехову 15 июля 1876 г.)⁵⁰.

На этой фамилии завершим знакомство с отдельными партнерами П.Е. Чехова и перейдем к его друзьям и приятелям купеческого звания.

Прежде чем обратиться к этим лицам, необходимо отметить, что в основном семья Чеховых близко общалась, в первую очередь, с родственниками. Но в письмах начала и середины 1860-х годов, когда Павел Егорович активно стремился закрепиться в среде таганрогского купечества, находим подтверждение его тесного неформального общения с другими купцами, а также приказчиками и мещанами его круга и достатка. Среди этих лиц братья Гнутовы, Болотовы, Попандопуло, Титовы, а также семья Софьянопуло.

Александр и Никанор Гнутовы – сыновья Дмитрия Федоровича Гнутова, известного в 40-е годы таганрогского купца, члена городской Думы, щедрого благотворителя. Из четырех сыновей Гнутова старший Федор был самостоятельным или, как тогда говорили, «отдельным» купцом⁵¹. После смерти отца в 1850 году семейную торговлю возглавил Александр. Еще один брат, Виктор, спустя три года, перешел в мещанское сословие. Таким образом, к середине 50-х годов в гильдию оставались вписаны Александр и Никанор. Семейство Гнутовых издавна торговало бакалеей на Петровской площади. Кроме того, там же в Петровской части Гнутовы держали лавку с железными и скобяными товарами⁵². В скобяной лавке Гнутовых делали покупки не только рядовые обыватели. Гвозди, краски, половые щетки и другие товары приобретали здесь для таганрогского театра и дворца императора Александра I⁵³. Братьев

---

⁵⁰ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 195.

⁵¹ Именной гильдейский список купцов Таганрога. 1849–1850. ГАРО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 370.

⁵² Список о генеральной поверке торговли по г. Таганрогу в 1861 г. ТГЛИАМЗ. ЧФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.

⁵³ Определение дирекции таганрогского публичного театра за 1846 г. ГАРО. Ф. 583. Оп. 1. Д. 26; Книга о приходах и расходах на содержание церкви Таганрогского Высочайшего Дворца на 1856 г. ГАРО. Ф. 578. Оп. 1. Д. 170.

Гнутовых избирали в торговую депутацию: сначала депутатом был Александр (1859, 1865 гг. избрания), позднее (1870-е гг.) – Никанор.

Но для нас наибольший интерес представляет тот факт, что в 1859–1861 годы в домовладении А.Д. Гнутова на Полицейской улице Чеховы снимали небольшой флигель. Именно здесь в январе 1860 года на свет появился будущий великий писатель. В это время Павла Чехова и Александра Гнутова связывают не только взаимоотношения домовладельца и арендатора, не только отношения торговцев двух соседних лавок на Петровской площади. Письма конца 1850-х годов свидетельствуют об их приятельских, а может быть, и дружеских контактах. «Я отправился поздравить Именинника Доброго Александра Дмитриевича», – пишет Павел Егорович брату Митрофану 31 августа 1859 года⁵⁴. Во многих чеховских письмах лета 1859 года встречаем приветы от Гнутовых, Болотовых, Дуниных и других таганрожцев.

Фамилия Болотова известна в чеховедении из письма самого писателя от 11 мая 1902 года к П.Ф. Иорданову: «Родился я в доме Болотова (так говорит моя мать) или Гнутова, около Третьякова В.Н., на Полицейской улице в маленьком флигеле во дворе» (П. X, С. 232). Вероятно, благодаря этому письму, вскоре после смерти писателя место его рождения было «вычислено» заинтересованными таганрожцами. На сегодняшний день принято считать, что А.П. Чехов родился в домовладении А. Гнутова. Откуда же возникла фамилия Болотова?

Дело в том, что в одной из лавок братьев Гнутовых приказчиком служил новороссийский купеческий сын Константин Артемьевич Болотов⁵⁵. Он и его брат Михаил были сыновьями новороссийской купчихи Марии Болотовой, которая в 1860-е годы объявляла в Таганроге капитал по 3-й гильдии. Михаил в середине 1860-х годов был фельдшером при городском враче. В 1870-е годы братья самостоятельно объявляли капитал по 2-й гильдии, избирались в торговую депутацию, в начале 1880-х годов перешли в мещанское сословие⁵⁶.

---

⁵⁴ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 47.

⁵⁵ Список о генеральной поверке торговли по г. Таганрогу в 1861 г. ТГЛИАМЗ. ЧФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.

⁵⁶ Алфавит коренным купцам Таганрога. 1883 г. ГАРО. Ф. 589. Оп. 1. Д. 40.

Кроме того, по неподтвержденным данным, свою первую лавку на Петровской площади Павел Чехов арендовал у Болотовых. Вот почему, возможно, в памяти Евгении Яковлевны Чеховой запечатлелась эта фамилия. К тому же, можно предположить, что в тот период и братья Гнутовы, и братья Болотовы посещали гостеприимных Чеховых. А вот недвижимостью в квартале, где в свое время располагалось домовладение Гнутова, судя по данным налоговых документов, Болотовы приобрели гораздо позже – в первой половине 1870-х годов.

В число близких приятелей Чеховых в конце 1850-х – начале 1860-х годов, несомненно, входили крестные родители их детей, в частности Антона. Отметим, что и крестный отец, и крестная мать будущего писателя были таганрожцами греческого происхождения. Это Спиридон Федорович Титов и Елизавета Ефимовна Софьянопуло.

Спиридон Титов – младший из представителей известной таганрогской купеческой фамилии. Братья Константин, Василий и Спиридон Титовы в начале 1860-х годов были приписаны к 3-й купеческой гильдии и совместно владели крупной бакалейной и железно-скобяной торговлей. Им принадлежала также водокачка на Александровской площади. Там же, на площади, с 1830-х годов располагалась баня Марии Титовой, сохранившаяся по сегодняшний день. Титовы являлись также крупными домовладельцами. По данным имущественных документов, их недвижимость была оформлена как собственность «братьев Титовых», куда входили дома и лавки на южной и северной сторонах Александровской площади, на Лесной бирже и в других местах. При этом каждый из них имел и собственную недвижимость, порой записанную на жену или детей.

Старший Константин был бездетным. Умер он последним из братьев, после чего во главе семейной торговли встал старший племянник, Георгий Васильевич. В 1883 году торговое предприятие братьев Титовых распалось. Наследники объявляли капиталы по отдельности. Впоследствии в торговле преуспели сыновья Василия.

У Спиридона Федоровича было пятеро детей. Крестным отцом он стал не только для Антона, но и для Николая Чехова. А потому обязательно присутствовал на именинах обоих мальчиков, а возможно, и их родителей.

Особенно тесные дружеские отношения связывали Чеховых с семьей купца Дмитрия Кирилловича Софьянопуло. Павел Егорович сотрудничал с ним еще в 1850-е годы. Отметки в записной книжке П. Чехова свидетельствуют о взаимных финансовых расчетах между двумя купцами⁵⁷. Общались не только мужчины, но и их жены. Чеховы и Софьянопуло вместе отмечали домашние праздники, бывали друг у друга и на более масштабных торжествах. Так, в июле 1859 года Чеховы были приглашены на свадьбу старшей дочери Софьянопуло Мелании. «Сегодня свадьба у Софьянопула, будим гулять», – писал Павел брату Митрофану⁵⁸. Осенью того же года Елизавета Ефимовна с детьми присутствовала на заручении и свадьбе тетушки писателя, Федосьи Яковлевны Морозовой с мещанином Алексеем Борисовичем Долженко. А в январе 1860 года в Успенском соборе крестила третьего сына Чеховых, Антония.

Но уже на девятилетию крестника никто из крестных родителей не присутствовал. Примерно в конце 1864 – в начале 1865 года умерла Елизавета Ефимовна. А 10 января 1869 года 56-летний Спиридон Титов скончался «от долговременной болезни»⁵⁹. В дальнейшем, судя по всему, Чеховы не поддерживали отношения с родственниками крестных родителей Антона.

Остается рассказать еще о двух приятелях Павла Чехова – братьях Попандопуло. Дружба с ними Павла и Митрофана Чеховых была давней и продолжительной. Из писем родственников Чеховых узнаем, что летом 1859 года мать, сестра и брат Евгении Яковлевны снимали квартиру у Попандопуло⁶⁰. Осенью того же года Попандопуловы, как называл их Павел Егорович, были в числе гостей на заручении и свадьбе Федосьи Яковлевны⁶¹. В 1860–1870-е годы Попандопуло – частые гости в семье Павла Егоровича. Их приглашают на именины, Рождество, Пасху и другие праздники. Митро-

---

⁵⁷ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 39.

⁵⁸ Там же. С. 46.

⁵⁹ Метрическая книга таганрогской греческой Царе-Константино-Еленинской церкви на 1869 г. ГАРО.

⁶⁰ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 45.

⁶¹ Там же. С. 48.

фан Егорович Чехов вспоминал позднее: «Не могу забыть, как нам хорошо было у Вас. Гостеприимная хозяйка, любезная сестрица Евгения Яковлевна, вся сияла от удовольствия, видя множество гостей и замечая, что все довольны, ибо всего было много, все вкусно, все изящно. И кого только не было за столом: и о. протоиерей Покровский, и о. Василий Бандаков, <...>, Селиванов, Афанасий Николаевич Попандопуло»⁶².

Оба брата Попандопуло так же, как и Чехов, охотно занимались общественными делами. В 60-е годы Иван Николаевич – гласный городской Думы, в 70-е – член комиссии по раскладке налогов. Тогда же, в 70-е, братья по очереди состояли в торговой депутации, за что в 1872 году Афанасий Николаевич, как и Павел Егорович, был награжден серебряной медалью. В 1880-е годы после отъезда Чеховых из Таганрога Афанасий Николаевич стал директором таганрогского Общественного банка. К Чеховым братья Попандопуло относились сердечно, с теплотой и участием. Разорившемуся Павлу Егоровичу Иван Николаевич советовал, как поступить с оставшимся товаром. Афанасий Николаевич, как человек набожный, ценил заслуги Павла Чехова в недолгую бытность последнего регентом соборного хора. «Пожалуй напишите <...> Афанасию Николаевичу Попандопуло. Единственный почитатель и ценитель ваших трудов в Таганроге по устройству соборного пения и других Ваших добрых дел (остался только Афанасий Николаевич: он питает к Вам родственную любовь и уважение)» (М.Е. Чехов – П.Е. Чехову 2 сентября 1886 г.)⁶³. Тем не менее, при всех добрых отношениях с братьями Попандопуло разорившийся Павел Чехов за материальной помощью к ним, по всей вероятности, не обращался.

Для полноты картины добавим, что Афанасий и Иван Попандопуло не были единственными представителями этой фамилии в Таганроге. По данным налоговых документов, в городе проживал купеческий брат Ахиллес Попандопуло. Кроме того, в начале 1860-х годов здесь производили торговлю две купчихи Попандопуло – Мария и Пелагея. Мария торговала зерновым хлебом.

---

⁶² Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 453.

⁶³ Там же. С. 453.

Пелагея имела две бакалейные лавки, в одной из которых и торговал ее сын Иван Николаевич⁶⁴.

Завершая этот своеобразный групповой портрет таганрогских купцов, вошедших в орбиту чеховского общения, отметим некоторые особенности.

Первая относится не только к купечеству, но и к таганрогскому окружению Чеховых в целом. Уже при прочтении списка купцов обращает на себя внимание тот факт, что почти половина из них – иностранцы, в большинстве своем греки. Именно греки в первой половине – середине XIX в. «держали» торговлю Таганрога и определяли не только торгово-финансовую, но и культурную жизнь города.

Еще одна особенность заключается в следующем. Большинство из представленных купцов в начале 1860-х годов были приписаны к 3-й купеческой гильдии и вели розничную, а некоторые – мелочную торговлю. Именно эта категория купечества в кризисные времена первой попадала под удар и разорение, что и случилось в 1870-е годы. Но в 1850–1860-е годов торговля Таганрога в целом была стабильна. Все это в равной степени можно отнести к каждому из представленных купцов, а также к самому Павлу Егоровичу Чехову и его торговому предприятию.

Отметим также, что с большинством из перечисленных лиц Павел Егорович познакомился в самом начале своей купеческой карьеры. Часть купцов на рубеже 1850–1860-х годов торговала на Петровской площади по соседству с первой лавкой П. Чехова. С некоторыми из них связи Чеховых не прерывались и в 1870-е годы вплоть до отъезда семьи в Москву. А значит, лица эти вполне могли остаться в памяти будущего писателя и впоследствии, безымянными или нет, появиться на страницах его рассказов.

СОСЕДИ ЧЕХОВЫХ

Вместе с тем, контакты отца будущего писателя, а тем более его домочадцев, не ограничивались лишь купеческой средой. Кроме того, в орбиту семейного общения, как уже отмечалось, входили также мещане, чиновники, педагоги детей Павла Егоро-

---

⁶⁴ Список о генеральной поверке торговли по г. Таганрогу в 1861 г. ТГЛИАМЗ. ЧФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.

вича и Евгении Яковлевны и многие другие. Среди покупателей в лавке П.Е. Чехова изредка встречались и небогатые помещики. Представителей всех этих групп населения можно найти среди чеховских соседей.

Соседское окружение Чеховых на редкость многолико. Это не удивительно, поскольку, не имея длительное время собственного жилья, семья сменила в Таганроге в общей сложности восемь адресов. По каждому адресу завязывались свои контакты, свои соседские отношения. Упоминания таганрогских знакомых, в том числе соседей, не раз встречаются в семейной переписке. Братья и сестра Чеховы вспоминали детей-соседей, родители – взрослых. Те и другие интересовались жизнью своих приятелей, передавали им поклонны. С кем-то из соседей судьба сводила Чеховых надолго, с кем-то – лишь на короткое время.

Не вдаваясь в подробности, отметим, что одной из причин частых переездов Чеховых было рождение детей и связанная с этим необходимость увеличения жилплощади. И прежде чем перейти к знакомству с соседями, представим предполагаемый маршрут переездов и адреса Чеховых за 22 года проживания семьи в Таганроге.

1. Улица Мало-Греческая, дом бывшего градоначальника генерала П.А. Папкова; октябрь 1854 года – август 1855 года.
2. Переулок Донской, дом Е.М. и Е.Е. Чеховых; сентябрь (?) 1855 года – лето 1859 года.
3. Улица Полицейская, дом купца А. Гнутова; лето 1859 – март (?) 1861 года.
4. Переулок Полицейский, дом А.Евтушевского; апрель 1861 года– 1863 год.
5. Дом священнослужителя И.Говорова; весна (?), осень (?)1863 года.
6. Переулок Донской, дом Е.М. и Е.Е.Чеховых; лето (?) 1863 года.
7. Улица Петровская, дом купца В.Третьякова; декабрь 1863– 1869 годы.
8. Переулок Ярмарочный, дом купца Г.Моисеева; 1869–1874 годы.
9. Улица Конторская, собственный дом П.Е. Чехова; 1874–1876 годы.

Предварительно отметим, что по каждому адресу выделяется как ближний, так и дальний круг соседей. Добавим также, что относительно тесные взаимоотношения порой складывались у Чеховых с теми, кто входил в дальнее соседское окружение.

Мы опустим первый адрес, о втором адресе скажем ниже. А начнем с третьего – с места рождения будущего писателя – и познакомимся с некоторыми из чеховских соседей в том порядке, в каком семья переезжала с квартиры на квартиру.

Интересна и по-своему показательна родная улица писателя. С 1904 года она носит имя А.П. Чехова, в разное время называлась Купеческой, Полицейской, Александровской. А самое первое ее название – Пятая Продольная. При постройке города эта улица была спланирована таким образом, что являлась осевой, то есть фактически делила его пополам. На Первой, Второй, Третьей, а также Четвертой Продольных улицах, носивших в чеховские времена названия Греческая, Петровская, Католическая и Монастырская, проживали и снимали жилье в основном богатые, состоятельные таганрожцы. Улица Полицейская в этом отношении была своего рода пограничной. Шестую и последующие Продольные населяли жители попроще, победнее.

Полицейскую замостили только в 1889–1890-е годы. Гостивший в родном городе на Пасху 1887 году Чехов писал родным 7 апреля: «С Полицейской улицы начинается засыхающая, а потому вязкая и бугристая, грязь, по которой можно ехать шагом, да и то с опаской» (П. II, С. 57). Тем не менее в 1860-х годах здесь проживали и состоятельные, и средней руки купцы, мелкие торговцы, городские чиновники разного ранга, священнослужители, в том числе два настоятеля главного храма – Успенского собора, дворяне, военные чины и ничем не примечательные мещане. Учитывая, что среди жителей этой улицы было немало иностранцев, в частности греков, можно сказать, что она представляла собой Таганрог в миниатюре.

В полной мере это относится и к тому отрезку улицы между Демпальдовским и Коммерческим переулками, где располагалось домовладение Александра Дмитриевича Гнутова. Проживавшие здесь таганрожцы представляют для нас особый интерес, поскольку они могли видеть и помнить будущего писателя младенцем на руках матери.

Почти все соседи первого в жизни Антона Чехова адреса так или иначе, надолго или нет, оказались связаны с семьей Чеховых. Остановимся на них подробнее.

Имя одного из соседей назвал сам Антон Павлович. Это Василий Николаевич Третьяков. Домовладения Гнутова и Третьякова

разделяли два небольших участка, принадлежавших мещанкам А. Комаровой и Е. Сергеевой. Время не сохранило подробных сведений о них. С В.Н. Третьяковым таганрогская биография Чеховых была связана длительно и по-своему тесно. Но на момент рождения Антона соседом Чеховых был купец 3-й гильдии Гаврила Яковлевич Яншин, дядя Третьякова.

Мосальский купец Яншин появился в Таганроге в 1830-е годы, приобретал недвижимость, вел бакалейную и рыбную торговлю. В 1844 году окончательно приписался к таганрогскому купечеству. Тогда же был избран гласным городской думы⁶⁵. В 1840–1850-е годы и до своей смерти в 1860 году был старостой Успенского собора⁶⁶. Из воспоминаний Александра Чехова известно, что Павел Егорович некоторое время (конец 1850-х годов) был регентом соборного хора. Косвенные подтверждения этому можно найти в письмах отца будущего писателя (П.Е. Чехов – М.Е. Чехову 8 июня 1859 г.)⁶⁷. Возможно, эту должность он получил благодаря протекции соседей – старосты Яншина и соборного священника Орловского, речь о котором пойдет впереди. Гаврила Яншин упоминается в письме П.Е. Чехова от 16 октября 1859 года.

После смерти Яншина (1860 г.), чьи дети умерли в раннем возрасте, его наследником стал племянник Василий Третьяков, приписанный к харьковским купцам 3-й гильдии и помогавший дяде в торговле рыбой за пределами Таганрога. Получив наследство, он объявил капитал по Таганрогу и открыл здесь вначале москательную (краски, олифа и т.п.), а затем и бакалейную торговлю. По всей видимости, знакомство с Чеховыми было давнее, велось еще от деда, Егора Михайловича. Третьяков хорошо знал братьев Чеховых, Павла и Митрофана, и даже, судя по письму деда от 22 июня 1859 года, желал видеть Митрофана своим зятем⁶⁸.

В Таганроге дела пошли успешно, торговля Василия Николаевича процветала. К началу 1870-х годов он был уже купцом 1-й гильдии

---

⁶⁵ О ревизии сенатором Жемчужниковым деятельности таганрогской градской думы. 1843–1845 гг. ГАРО. Ф. 579. Оп. 1. Д. 418.

⁶⁶ *Филевский П.П.* История города Таганрога. – М., 1898. – С. 255.

⁶⁷ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 44.

⁶⁸ Там же. С. 46.

с объявленным капиталом 15 000 руб.⁶⁹ Удачливый, предприимчивый, он активно приобретал и строил дома. По данным раскладки налогов на 1873 год, Третьяков владел в городе пятью каменными домами и каменной лавкой на Старом базаре. В списке избирателей того же года этот купец значился по 1 разряду, среди самых богатых и почетных граждан города. Судя по всему, был он человеком добрым и щедрым. Много имея, много жертвовал на нужды церкви. После смерти дяди он стал старостой Успенского собора и всячески способствовал его украшению. «Тот вид, который собор имеет в настоящее время, – писал историк Таганрога П.П. Филевский, – и который дает ему право считаться одним из лучших храмов не только в Екатеринославской епархии, но и вообще в России, он получил в 60-е годы во время деятельности старосты В.Н.Третьякова»⁷⁰. Кроме того, при Николаевском детском приюте, находившемся неподалеку на углу Полицейской улицы и Успенского переулка, Василий Николаевич устроил церковь во имя Святителя Николая. Третьяков был также одним из основателей Ремесленных классов при Уездном училище, где в начале 1870-х годов обучались братья Чеховы.

В 1874 году Третьяков получил Потомственное Почетное гражданство. В 1877 году за службу в должности церковного старосты и многочисленные пожертвования был награжден орденом Святой Анны 2-й степени⁷¹. Однако получить награду, вероятно, так и не успел. В 1870-е годы Василий Николаевич занимал выборную должность директора Общественного банка, расположенного в одном из его домов. В 1876 году в банке была обнаружена крупная недостача. Дело дошло до суда. В результате, как сообщала городская газета, все причастные к инциденту получили взыскания, директор – выговор⁷². Покинувший к тому времени Таганрог П.Е. Чехов был в курсе всех этих событий: «Я жалею за В.Н.Третьяковым, он был добрый благодетельный человек» (П.Е. Чехов – А. и И. Чеховым)⁷³. Последствия для семьи Третьякова были самыми печальными. В апреле

⁶⁹ Гильдейский список на 1871 г. ГАРО. Ф. 589. Оп. 1. Д. 17.

⁷⁰ Филевский П.П. Указ. соч. С. 255.

⁷¹ Екатеринославские епархиальные ведомости. – 1877. – 1 августа.

⁷² Азовский вестник. – 1877. – № 1.

⁷³ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 202.

1877 года Василий Николаевич скончался, недвижимое имущество постепенно распродавалось.

Но все это было потом, а в год рождения Антона Чехова В.Н. Третьяков вступал в права наследства и вынашивал планы благоустройства полученного домовладения на Полицейской улице.

Слева от дома Яншина-Третьякова проживали греки Камбуровы. В Таганроге встречалось несколько семей с такой фамилией – купцы, мещане. Некоторые из них находились в родстве друг с другом. В семье купеческого брата Александра Николаевича Камбурова и его жены Веры Ивановны воспитывалась племянница Веры Ивановны, Людмила Павловна Маркевич-Евтушевская – предмет нежных вздохов романтического Митрофана Чехова. На первое предложение руки и сердца мещанину Чехову ответили отказом. Жениха сочли недостаточно богатым и перспективным. И пока сокрушенный Митрофан находился в длительной деловой поездке по России, Павел и Евгения Чеховы ежедневно виделись с Людмилой. В конце концов, эта история любви счастливо закончилась свадьбой, Милечка стала крестной матерью четвертого сына Чеховых, Вани, а Чеховы оказались в дальнем родстве с Камбуровыми. Позднее, проживая по другим адресам, вместе с подростком Антошей они частенько заходили в гости к Александру Николаевичу и Вере Ивановне⁷⁴. Дочь Камбуровых Любочка в юности дружила с Антоном и Николаем Чеховыми. После отъезда молодых людей в Москву вела с ними переписку и позднее оставила теплые воспоминания о чеховской семье. Сыновей Камбуровых, Ивана и Николая, насмешливые братья Чеховы называли Камбурятами и Добчебобчинскими. Впоследствии «Камбурята» стали банковскими служащими и уехали в Варшаву.

На углу Полицейской улицы и Коммерческого переулка располагался длинный одноэтажный кирпичный дом с двумя фасадами, выходящими как на улицу, так и в переулок. Предположительно, в здании располагались, как минимум, две лавки. На обширном дворе находились также два больших амбара и деревянные службы. Владел этой территорией и постройками на ней бывший хозяин Павла Егоровича, купец 1-й гильдии Иван Евстратьевич Кобылин,

---

⁷⁴ Воспоминания Л.А. Камбуровой. ТГЛИАМЗ. ЧФ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1.

благодаря которому П.Е. Чехов освоил многие купеческие премудрости. Поскольку Кобылин владел в Таганроге четырьмя каменными домами, говорить с уверенностью, что проживал он именно на Полицейской улице, нельзя. Постройки могли сдаваться различным арендаторам, имена которых до нас не дошли.

Все перечисленные выше соседи проживали слева от дома А.Д. Гнутова. Справа находились только два домовладения. Ближайшее из них принадлежало купцу Григорию Саусовскому. На его территории располагался небольшой деревянный дом и сад. Стоит отметить, что в кратком описании недвижимых имений из раскладки налогов на 1868 год это единственное упоминание сада⁷⁵. В августе – сентябре 1859 года Саусовские готовились к свадьбе дочери. 31 августа Евгения Яковлевна в письме Митрофану, находившемуся в Москве, сообщала новости о его любимой барышне и общих знакомых: «...вчера Саусовскую Машу заручали, там танцевали Людмила и Соня и Крицына»⁷⁶. Правее Саусовских, находилось большое угловое имение, выходящее на Полицейскую улицу и в Депальдовский переулок. В 1850-е годы владелицей этой обширной усадьбы с двухэтажным домом была вдова титулярного советника Авдотья Ивановна Дьяконова. Хозяйка проживала здесь с сыном-преподавателем, а позднее инспектором мужской гимназии Александром Федоровичем Дьяконовым, и замужней дочерью, женой капитана Елизаветой Федоровной Кельхен. В 1859 году на территории домовладения Елизавета Федоровна выстроила полуторазэтажный дом фасадом на Полицейскую⁷⁷. Проживая на Полицейской улице, Чеховы вряд ли общались с Александром Федоровичем и его родными. И в дальнейшем, когда в гимназии обучались их сыновья, в проблемных ситуациях родители никогда не обращались к бывшему соседу, прибегая к посредничеству Законоучителя Покровского. В чеховедении А.Ф. Дьяконов известен

---

⁷⁵ Раскладка налога на недвижимые имущества г. Таганрога 1-ой Петровской части на 1868 г. ГАРО. Ф. 577. Оп. 1. Д. 43 (148).

⁷⁶ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 47.

⁷⁷ Дело о разрешении жене капитана Елизавете Федоровне Кельхен строительства дома и флигеля на принадлежащем ей месте в Петровской части Таганрога. ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 421.

как один из прототипов чеховского «человека в футляре». Надо отметить, что у братьев Чеховых остались не самые теплые воспоминания об этом педагоге. А между тем, не любимый многими гимназистами, сухой и придиричивый Александр Федорович был честным, порядочным человеком, ответственным и исполнительным службистом, избирался гласным Городской Думы. Спустя много лет таганрожцы были буквально потрясены его завещанием. Оба дома, полученные им в наследство после смерти матери и сестры, а также 74 000 рублей он оставил городу на нужды образования⁷⁸.

Мы познакомились с соседями Чеховых, жившими по нечетной стороне Полицейской улицы. Перейдем на четную сторону.

Прямо напротив домовладения А. Гнутова находилось подворье купца 3-й гильдии Степана Ивановича Макаренко. Свидетельство о знакомстве и добрых отношениях Чеховых с этими соседями находим в письме Павла Егоровича от 4 октября 1859 года, где он сообщает о помолвке сестры Евгении Яковлевны, Федосии: «...упомяну о тех гостях, которые были на заручении у Маменьки <тещи П.Е. Чехова, А.И. Морозовой>: 1-й Макаренко с женой, отец Михаил <Орловский>, Елизавета Ефимовна с детьми <будущая крестная Антоши Чехова Е.Софьянопуло>, Папандопуловы и прочее. Молодые Девичы и Кавалеры провели тоже вечер очень весело с шутками, которые строил Макаренко»⁷⁹. Оба купца могли соседствовать и в торговле: бакалейная лавка Павла Егоровича и лавка с красным товаром Макаренко находились в Петровской части города⁸⁰.

Влево от Макаренко проживали мещанка Анна Гоноропуло и два чиновника – Базилевич и Емченко. Соседи вправо особо примечательны, поскольку почти все они – лица духовного звания.

Ближайшим к Макаренко был дом соборного священника отца Михаила Орловского. К чеховской семье и будущему писателю Михаил Маркович имеет прямое отношение: 27 января 1860 года в Успенском соборе он совершил обряд крещения третьего сына

---

⁷⁸ Филевский П.П. Очерки из прошлого таганрогской гимназии. – Таганрог, 1906. – С. 35–36.

⁷⁹ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 48.

⁸⁰ Список о генеральной поверке торговли по г. Таганрогу в 1861 г. ТГЛИАМЗ. ЧФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.

Чеховых Антония и, вероятно, присутствовал на праздновании крестин мальчика. Как упомянуто выше, отец Михаил был гостем на заручении Федосии Яковлевны. Не исключено также, что в октябре 1854 года именно он венчал Павла и Евгению Чеховых. Михаил Маркович происходил из семьи потомственных священнослужителей, его отец и три брата служили в таганрогских церквях. Семейство Орловских – отец Михаил, матушка Анна Петровна и их дочь Мария, – отличалось исключительной скромностью и благочестием, что всегда привлекало Павла Егоровича.

В 1860 году через дом от Орловских было завершено строительство небольшого полутораэтажного особняка священника Греческой церкви Федора Эммануиловича Анастасова. В том же году в семье Анастасовых родился сын Эммануил, ровесник Антоши Чехова. Возможно, детей принимала одна акушерка. Можно предположить также, что матушка Поликсена Михайловна и Евгения Яковлевна при встречах рассказывали друг другу о своих детях, делились советами. Знакомы были и отцы мальчиков. В самом конце 1850-х годов, будучи регентом соборного хора, Павел Егорович водил дружбу с регентом Греческой церкви Семеном Дуниным, а значит, бывал там на службах. Позднее Саша, Коля и Антоша Чеховы некоторое время обучались в греческой приходской школе, где Закон Божий преподавали отец Николай Бояров и отец Федор Анастасов.

Далее по улице вправо в налоговых документах значился небольшой дом жены коллежского советника Любови Алексеевны Назарьевой. Ее муж Петр Никифорович был скромным таганрогским служащим приказа Общественного призрения. Брат Александр Алексеевич – юристом, доктором законовещения, профессором университета Святого Владимира в Киеве. А отец, Алексей Яковлевич Федотов, поначалу служил рядовым священником в Успенском соборе. Но в 1825 году судьба преподнесла ему неожиданный подарок: отец Алексей причащал Святых тайн российского императора Александра I, скончавшегося в Таганроге. После этого события Алексей Яковлевич оказался на особом положении, исполнял должность настоятеля в соборе, а затем в домовый Крестовоздвиженской церкви при дворце Александра I в Таганроге.

Свои последние годы он доживал в доме дочери на Полицейской улице. В начале 1860 годов это был согбенный старик лет 80-ти,

почти не выходивший из дома. Грозного старца в годы своего детства довелось увидеть старшему из братьев Чеховых, Александру. Старшее поколение Чеховых вряд ли общалось с отцом Алексеем как в годы его могущества, так и в 1860-е годы. Но косвенно Павел Егорович оказался связан с ним. После того, как причт и капеллу Крестовоздвиженской церкви упразднили (1862 г.), отец Алексей был отправлен на покой. С тех пор службы в этой церкви совершались редко. В них-то и принимал участие бесплатный любительский церковный хор Павла Егоровича. Знаменитого иерея помнили долго. П.Е. Чехов упоминал его в письме к местной благотворительнице Л.К. Алфераки⁸¹. Александр Павлович сделал его одним из героев своего рассказа «На льдине». Отец Алексей попал даже в русскую классическую литературу: под именем попа Федота он упомянут в рассказе Н.Лескова «Левша».

Завершался квартал на пересечении с Коммерческим переулком большим угловым домовладением с двухэтажным домом, полуторазэтажным флигелем и служебными постройками. Владельцем имения был следующий соборный настоятель, благочинный таганрогских церквей, Законоучитель обеих городских гимназий отец Иоанн Семенович Себов. Интересно, что этот высокообразованный иерей, выпускник Киевской Духовной Академии и кандидат Богословия, не был потомственным священнослужителем, а происходил из купеческой семьи. В Таганрог он был перемещен в 1840-е годы. Как минимум, с 1850-х годов Чеховы могли быть знакомы с отцом Иоанном, поскольку в соборе венчались, крестили своих детей, здесь, как мы помним, некоторое время исполнял обязанности регента отец семейства. Вероятно, с того же времени Чеховы водили знакомство с матушкой, Натальей Александровной. Отец Иоанн умер скоропостижно в 1864 году, и, вероятно, смерть его Чеховы обсуждали в семье. Отец Иоанн и матушка Наталья Александровна упоминаются в письмах Павла и Митрофана Чеховых и воспоминаниях старшего брата писателя, Александра Павловича.

О соседях первых лет жизни Антоши Чехова рассказано относительно подробно. С другими познакомимся лишь вкратце.

---

⁸¹ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 177.

В домовладении А. Гнутова Чеховы прожили более полутора лет. Дети подросли, маленький флигель на Полицейской стал тесен. К тому же в семье вновь ожидали пополнения. Весной 1861 года следовало подыскивать новое, более просторное жилье. К этому времени дядюшка детей Чеховых Митрофан был счастливо женат на Людмиле Павловне Евтушевской. В результате этой женитьбы Чеховы обрели нового родственника – Андрея Павловича Евтушевского, брата Милечки. Евтушевский служил чиновником в канцелярии приказа Общественного призрения и давно дружил с Митрофаном. Вероятно, он и предложил Павлу Егоровичу с семейством квартиру в своем доме в Полицейском переулке.

В дневнике Павла Чехова 1861 года отмечен следующей записью: «1861. Квартировали в доме Евтушевского, в котором родился у нас сын Иоанн 18 апреля»⁸². К сожалению, самые ранние налоговые документы, относящиеся к 3-й Александровской части Таганрога, где находился означенный дом, сохранились только за 1873 год⁸³. А потому судить о тех, кто жил по соседству с Чеховыми в Полицейском переулке довольно сложно.

Доподлинно известно лишь то, что почти рядом на углу Полицейской улицы и Полицейского переулка в августе 1861 года было открыто женское училище 2-го разряда. Это было первое женское учебное заведение в Таганроге, преобразованное позднее в Мариинскую гимназию. По данным краеведа О.П. Гаврюшкина, располагалось училище в бывшем домовладении полицеймейстера Егора Антоновича Егорова⁸⁴. Влево от дома Евтушевского проживал штабс-ротмистр Мартынов. Далее располагался дом дворян с известной в Таганроге фамилией Вальяно. В этом же квартале находим знакомую фамилию: Орловский Иоанн, брат отца Михаила Орловского, крестившего Антошу Чехова. Отец Иоанн был священником церкви Божией Матери Всех Скорбящих при богоугодном заведении и Законоучителем приходской школы.

---

⁸² Чехов П.Е. Указ. соч. С. 24.

⁸³ Раскладка налога на недвижимые имущества г. Таганрога на 1873 г. ТГЛИАМЗ. ФПИ. Ф. 1–11.

⁸⁴ Гаврюшкин О.П. По старой Греческой. – Таганрог, 2001. – С. 415.

В дальний соседский круг входил штатный соборный священник отец Василий Шарков, бывавший дома у Чеховых. Он отличился в дни осады Таганрога в 1855 году, не покинув богослужения во время интенсивной бомбардировки и поддерживая спокойствие среди прихожан, находившихся в тот момент в церкви. В 1860–1861 годы отец Василий был Законоучителем воскресной школы для ремесленных рабочих при мужской гимназии, затем долгие годы служил священником Николаевского детского приюта.

В доме Евтушевского, по неподтвержденным данным, Чеховы прожили до 1863 года. Причиной перемены квартиры, возможно, послужила женитьба хозяина, а также тот факт, что в семье вновь ожидали прибавления. Следующим чеховским адресом, по всей видимости, стал дом Говорова. Здесь, предположительно, родилась дочь Чеховых Мария. Говоров упоминается в письме Александра Чехова от 17 января 1886 года. Из содержания письма косвенно можно сделать вывод, что Антону на тот момент было около трех лет.

В отношении этого адреса на сегодняшний день нет полной ясности. В письме Александра Павловича не указаны ни имя, ни род занятий хозяина дома. А между тем в 1860-е годы в Таганроге было два домовладельца с такой фамилией. На углу Полицейской улицы и Депальдовского переулка находилось домовладение священника Иова Говорова. На улице Конторской проживал протоиерей Крестовоздвиженской церкви Иоанн Говоров. Оба иерея происходили из семьи потомственных священнослужителей и состояли в родстве между собой.

Домовладение на Полицейской включало три деревянных дома с высокой оценочной стоимостью и вполне могло частично сдаваться в наем⁸⁵. На Конторской улице в 1868 году находился деревянный флигель и недостроенный каменный дом в полтора этажа, которого в 1863 году явно не было. Оценочная стоимость этого домовладения была в четыре раза меньше предыдущего⁸⁶. Тем не менее, теоретически чеховская семья с одинаковой долей вероятности могла проживать как по одному, так и по другому адресу. В пользу Конторской

---

⁸⁵ Раскладка налога на недвижимые имущества г. Таганрога 2-й Екатерининской части на 1868 г. ГАРО. Ф. 577. Оп. 1. Д. 44 (147).

⁸⁶ Там же.

улицы говорит тот факт, что поблизости в Донском переулке в доме родителей жил любимый брат Павла Егоровича Митрофан. Но квартира на Полицейской была ближе к чеховской лавке, находившейся в то время на Петровской площади против Успенского собора. Кроме того, Александр Павлович вспоминал, что по Полицейской улице некоторое время он ходил в греческую школу⁸⁷.

Поскольку на сегодняшний день этот адрес уточнить невозможно, рассмотрим оба варианта.

Если принять во внимание, что Чеховы снимали квартиру в угловом домовладении отца Иова, их соседское окружение и контакты были примерно теми же, что и в домике А. Гнутова. В этом случае к списку уже известных нам соседей можно добавить еще несколько фамилий. К примеру, купца Марка Вальяно, прославившегося позднее своими контрабандными операциями на всю Россию. Один из его двухэтажных домов находился на нечетной стороне Полицейской улицы через дорогу от домовладения Говорова. На четной стороне улицы в соседстве с Говоровыми проживали родственники будущего городского головы Константина Егоровича Фоти, на чье имя, спустя почти тридцать лет, писатель Антон Чехов выслал первую посылку с книгами для таганрогской библиотеки.

Другой возможный вариант чеховского адреса – дом отца Иоанна Говорова на Конторской улице. Его домовладение находилось в 119-м квартале, имевшем большую протяженность. Как уже отмечалось, поблизости через дорогу – приблизительно в 100 шагах правее – в доме родителей проживал Митрофан Егорович. И если принять во внимание этот адрес, соседское окружение Чеховых будет примерно таким же, как в доме бабушки и дедушки в Донском переулке. К нему и перейдем

Воспоминания о жизни в доме деда и бабушки, подаренном позднее Митрофану, оставил Николай Чехов. Автор комментариев к ним, племянник писателя С.М. Чехов, датировал эти воспоминания 1866 годом⁸⁸. Однако сопоставление отдельных эпизодов таганрог-

---

⁸⁷ Седой А. (Ал.П. Чехов). Пасхальная заутреня во дворце императора Александра IV Таганроге // Исторический вестник. – СПб., 1901 (август). – С. 568.

⁸⁸ Чехов Н.П. Детство // Литературное наследство. – Т. 68. – М., 1960. – С. 531.

ского детства братьев Чеховых, их возраста, а также новые данные исследовательской работы позволяют утверждать, что описываемые события относятся в целом к периоду 1861–1869 годов. Это, в свою очередь, говорит о том, что в 1860-е годы семья Павла Егоровича в поисках подходящей квартиры неоднократно на короткое время поселялась в доме родственников. Таким образом, летом 1863 года этот адрес не был новым для Чеховых. В 1858 году в этом доме родился Николай.

Коротко представим чеховских соседей по Конторской улице и Донскому переулку. Основное население улицы и особенно переулка составляли небогатые мещане, мелкие чиновники, невысокие военные чины. В дальний круг (соседние кварталы) входили также купцы, военные рангом повыше, в том числе генерал-майор Редичкин. Среди лиц, «засветившихся» в чеховском окружении, уже знакомый нам базарный староста Ермолай Семенов, купеческий сын Константин Попандопуло и купеческая жена Мария Позументирова. Сыновья двух последних, Михаил и Моисей, позднее учились в гимназии одновременно с Антоном Чеховым. Моисей в начале XX века оставил воспоминания об укладе жизни чеховской семьи. В период жизни Чеховых в доме деда и бабушки их соседом был и протодьякон Иоанн Говоров. Возможно, он способствовал тому, что любительский хор П.Е. Чехова в течение двенадцати лет сопровождал праздничные службы в домовый Крестовоздвиженской церкви дворца Александра I.

Нельзя не сказать о ближайших соседях этого адреса. По линии Конторской улицы это братья Дмитрий и Иван Агали, появившиеся в Таганроге, как и Чеховы, в середине 1840-х годов⁸⁹. С греческой семьей Дмитрия Ивановича и Полины Ивановны Агали Чеховы были людьми одного круга и по-соседски дружили. Дружили их дети, бывали в гостях друг у друга (1874–1876 гг.). Семейство Агали часто упоминается в письмах родных Чехова. В 1882–1884-е годы у вдовы Дмитрия Ивановича квартировал Александр Чехов с гражданской женой А.А. Хрущовой-Сокольниковой. Ближайшими соседями Чеховых по переулку была семья мещанина Ивана Ивановича Бондаренко. Поскольку эта фамилия в сочетании с именем широко

---

⁸⁹ Алфавит дел по 1-му столу канцелярии таганрогского градоначальника за 1846–1848 гг. ГАРО. Ф. 579. Оп. 1. Д. 590.

распространена в Таганроге, ничего определенного сказать об этих соседях нельзя. Отметим также, что в 120-м квартале, где располагался дом Е.Е. и Е.М. Чеховых, находилась лавка купца Савелия Паласа, а в соседнем 121-м – еще 3 лавки и при одной из них питейный дом.

Как уже было сказано, дом деда и бабушки был для Чеховых временным пристанищем. Но и в доме Говорова семья не планировала задерживаться надолго. Тем более что Павел Егорович по каким-то причинам оставил торговлю в рядах на Петровской площади. Возможно, плата за аренду лавочного помещения была увеличена. Возможно, как свидетельствовал приказчик В.Н. Третьякова, З.С. Степанов, купцы, торговавшие рядом с Чеховым, умышленно понижали цены на товары с целью устранения конкурента⁹⁰. Так или иначе, отец будущего писателя перенес свою торговлю на центральную улицу в дом уже знакомого нам Василия Николаевича Третьякова.

Главная улица Таганрога так же, как и Полицейская, в разное время именовалась по-разному: Вторая Продольная, Московская, Дворянская, Большая, Большая Петровская, Петровская. Здесь располагались по большей части солидные и основательные каменные дома, дорогие магазины, гостиницы, театр, городской сад. Иметь торговлю на центральной улице было, безусловно, престижно. И можно предположить, что такие мечты посещали П.Е. Чехова на заре его торговой карьеры в бытность приказчиком И.Е. Кобылина.

В дневнике П.Е. Чехова перенос торговли на Петровскую улицу в дом Третьякова обозначен 1864 годом. Однако произошло это несколько раньше. 7 декабря 1863 года. Павел Чехов через городскую газету приглашал покупателей в свой «новооткрытый магазин на Большой улице в доме г. Третьякова, против Поляпина»⁹¹. Это был еще один дом, унаследованный Третьяковым от дяди Яншина. В начале 1860-х годов дом был несколько перестроен. «...Внизу помещались магазины..., – вспоминал Ал. П. Чехов. – В одном из этих

---

⁹⁰ Карпун П.Д. Предварительные данные о новых чеховских местах Таганрога // Краеведческие записки. – Вып.1 / Под ред. А.Пушкаренко. – Таганрог, 1957. – С. 260.

⁹¹ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 62.

магазинов одно время торговал отец будущего писателя П.Е. Чехов. Во дворе была его квартира в верхнем этаже⁹². Вместе с тем нельзя утверждать, что переезд на новую квартиру состоялся в том же 1863 году. Вполне возможно, что вначале Чехов снял торговое помещение, а позднее и квартиру в том же дворе.

Старший брат писателя Александр оставил яркие воспоминания о жизни в доме Третьякова⁹³. Он же назвал некоторых соседей. Так, рядом с лавкой Павла Егоровича размещалась парикмахерская Ивана Андреевича Злова. Вечерами окна ее освещались целым десятком керосиновых ламп, привезенных из Парижа. Лампы, а также керосин продавались здесь же в парикмахерской. Сыновей Чеховых и Зловых связывали совместные игры, а иногда и взаимные обиды.

В 1866 году непродолжительное время соседями Чеховых были вновь назначенный градоначальник Таганрога Иван Алексеевич Шестаков и его супруга. На первых порах квартиру для высокопоставленной четы город подготовил в доме Третьякова.

Через дорогу от лавки П.Е. Чехова, ближе к Деспальдовскому переулку «в огромное окно глядели качающиеся часы Франца Файста – знаменитого часовщика на всю округу»⁹⁴. Знаменит он был тем, что на колокольне собора установил башенные часы. В чеховские времена такие часы можно было заказать только за границей или в Петербурге. Александр был влюблен в одну из дочерей Файста, Марию, а с ее братом Эдуардом учился в гимназии. Братья Чеховы бывали у Файстов в гостях⁹⁵.

Там же на противоположной стороне, но ближе к Коммерческому переулку, находился магазин «Ship Chandler» купца и судовладельца Александра Максимовича Стороженко. Этот купец, один из немногих русских, вел дела с англичанами, торговал судовыми принадлежностями⁹⁶. Для общения с английскими моряками Стороженко самостоятельно выучил их язык. По Азовскому морю ходили два его

---

⁹² Седой А. (Ал.П. Чехов). Таганрог 50 лет назад. Записки случайного туриста // Таганрогский вестник. – 1912. – № 296.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Воспоминания М.Ф. Ланкау-Файст. ТГЛИАМЗ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1.

⁹⁶ Седой А. (Ал.П. Чехов). Недавнее прошлое Азовского побережья // Исторический вестник. – СПб., 1904 (ноябрь). – С. 621.

товарно-пассажирских парохода – «Александр» и «Матрена». Павел Егорович с большим уважением относился к этому умному и предпримчивому человеку, рассказывал о нем своим детям.

Из всех, названных выше, только Злов с семьей длительно проживал на Петровской улице, снимая квартиру, по всей видимости, в том же дворе, что и Чеховы. Файсты жили в Итальянском переулке, Стороженко – на Греческой улице.

Кому же принадлежали дома и лавки между Коммерческим и Деспальдовским переулками? Коротко представим домовладельцев этого отрезка Петровской улицы. Начнем с нечетной стороны. Здесь от угла и до угла тянулся целый ряд магазинов и лавок, расположенных в полутораэтажных и двухэтажных зданиях, а также стоявших отдельно.

Обширное домовладение на углу Петровской и Деспальдовского, граничившее с домом Третьякова, принадлежало купцу 1-й гильдии Якову Михайловичу Серебрякову и представляло собой нечто вроде мини-рынка. На первом этаже основного двухэтажного дома размещались четыре лавки. Еще пять лавок со службами находились во дворе. Домовладения двух соседей, Серебрякова и Третьякова, были самыми дорогими в квартале по оценочной стоимости, и налог хозяева платили по тем временам значительный – 102 рубля серебром⁹⁷. Серебряков – российский купец армянского происхождения – в Таганроге появился в 1850-х годах уже опытным торговцем. Он имел мануфактурные магазины в Омске, Москве. В Омске ему принадлежала также табачная фабрика. В Таганроге, не оставляя своей традиционной торговли, купец занялся продажей зернового хлеба. Городские модницы в магазине Серебрякова могли приобрести практически любые новинки. Хозяин чутко улавливал спрос и сам закупал товары в Париже. Здесь торговали мужской и женской одеждой, тканями, при магазине была мастерская по пошиву мужского белья⁹⁸. Как известно, Евгения Яковлевна Чехова хорошо шила. При случае делала заказы на ткани и тесьму родным и знако-

---

⁹⁷ Раскладка налога на недвижимые имущества г. Таганрога 1-й Петровской части на 1868 г. ГАРО. Ф. 577. Оп. 1. Д. 43 (148).

⁹⁸ *Гаврюшкин О.П.* Вдоль по Питерской. – Таганрог, 2000. – С. 153.

мым в Москву и Петербург⁹⁹. Наверняка, магазин по соседству она посещала и, быть может, была знакома с хозяином.

Влево за владением Третьякова тянулся дощатый забор, за ним в глубине двора находился деревянный дом со службами. Участком владели мещанин Павел Масканисоти и жена чиновника Федора Рацуло. По всей вероятности, домовладение досталось им по наследству, как и еще одно, расположенное в переулке за углом. В начале 1870-х годов Третьяков выкупил это домовладение и на его месте выстроил двухэтажный дом. К середине 1870-х годов Василий Николаевич владел уже тремя домами в этом квартале и еще одним – в соседнем, на четной стороне.

Далее в сторону Коммерческого переуллка следовали полутора-и двухэтажные дома с лавками и амбарами купцов Николая Кокоти, Аксины Ворошилкиной, Александры Проскурниной. Основным семейным бизнесом Ворошилкиных было содержание гостиниц и постоялых дворов¹⁰⁰. Гостиница Тимофея Ворошилкина упоминается в «Записках случайного туриста» Ал. Чехова. Завершало этот отрезок улицы угловое домовладение предприимчивого полковника Захара Егоровича Краснушкина, который сдавал в аренду три лавки на первом этаже своего дома и отдельно стоявший в переулке магазин.

Отметим, что многие домовладельцы этой части Коммерческого переуллка и Петровской улицы сдавали помещения под кофейни и трактиры. Здесь обычно собирались иностранные моряки.

Через дорогу на четной стороне Петровской улицы одноэтажные строения перемежались с двухэтажными. Так, напротив Краснушкина располагалось угловое домовладение ейского купца Федора Петровича Иорданова. На улицу и в переуллок выходили пять кирпичных лавок с жилыми комнатами и погребями. Здесь производилась торговля бакалеей, вином и табаком. При одной из лавок был винный погреб. Напомним, что на право торговли табаком и винами следовало иметь отдельные свидетельства. Федору Петровичу принадлежали также табачная и две макаронные фабрики. Проживали

---

⁹⁹ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 46.

¹⁰⁰Список о генеральной поверке торговли по г. Таганрогу в 1861 г. ТГЛИАМЗ. ЧФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4

Иордановы на Греческой улице, в семье было пятеро детей. Один из сыновей Иорданова, Павел, первые гимназические годы учился с Антоном Чеховым. В 1890-е – 1900-е годы двух одноклассников связывали совместные хлопоты и переписка о таганрогской библиотеке, устройстве музея и сооружении памятника Петру I к 200-летию города. Длительное время Павел Федорович был городским санитарным врачом, членом городской управы, а позднее Городским Головой.

В одной из лавок Ф.П. Иорданова приказчиком был нахичеванский мещанин Сергей Тащив. Его двухэтажный дом с мезонином находился рядом. Два лавочных помещения нижнего этажа сдавались в аренду. Здесь размещался магазин судовых принадлежностей А.М. Стороженко. Впоследствии после перестройки дома совместно с компаньоном Е. Хаспекковым племянник С. Тащива открыл здесь универсальный магазин.

Далее располагался одноэтажный дом с двумя флигелями и отдельно стоящей лавкой. Владелец дома купец Анастасий Иванович Лицын торговал красным товаром. Его сын Николай Анастасьевич в 1860–1870-е годы был врачом обеих таганрогских гимназий, мужской и женской. В дальнейшем Н.А. Лицын, как рассказывалось выше, много сил и времени отдавал общественной деятельности, в 1890-е годы был Городским Головой. В 1899 году Николай Анастасьевич в составе врачебного консилиума осматривал А.П. Чехова по его же просьбе. Как с сожалением отметили врачи, диагноз Чехова был неутешительным.

За домовладением Лицына находился двухэтажный дом с двумя лавками в нижнем этаже потомственного почетного гражданина Егора Антоновича Хандрина. Здесь хозяин торговал «панскими товарами». Хандрины – еще одна известная в Таганроге купеческая фамилия. Ее представители не только вели торговые дела, но и активно участвовали в общественной жизни города. Егор Антонович в 1853–1855 годы был Городским Головой, делал пожертвования на военные нужды, за что и получил Потомственное Почетное Гражданство.

Рядом с Хандриными проживал еще один почетный гражданин – Степан Андреевич Ковалевский, который в 1860-е годы являлся членом тюремного комитета и комитета по постройке Митрофановской церкви.

Следующий дом в два этажа принадлежал наследникам купца Михаила Мато. В нижнем этаже располагалась их бакалейная лавка. Один из сыновей купца, присяжный поверенный Василий Михайлович Мато, в 1900-е годы имел отношение к нашумевшему делу о завещании дальнего родственника Чеховых, купца Ивана Ивановича Лободы.

В соседнем одноэтажном доме проживала семья Ивана Крицына. На улицу выходила его каменная лавка. По данным «Списка о генеральной поверке 1861 г.», этот купец торговал «крестьянскими товарами». Трудно представить, что такая торговля производилась в квартале, где располагались магазины с модной одеждой и обувью, дорогими тканями, продовольственными колониальными товарами. Возможно, лавку на Петровской хозяин сдавал в аренду, а сам торговал в рядах на Старом базаре (Петровской площади). С Крицыными, по всей вероятности, Чеховы были знакомы, как минимум, с конца 1850-х годов. Одна из дочерей этого купца упоминается в письме Чеховых Митрофану Егоровичу в Москву¹⁰¹.

Следующий дом был двухэтажным и принадлежал купцу Константину Поляпину. В нижнем этаже имелось два лавочных помещения. Во дворе располагались два флигеля и служебные постройки. Переехав на Петровскую улицу и приглашая покупателей в свой новый магазин, Павел Егорович в качестве ориентира указывал фамилию именно этого купца. Поляпину и его жене Авдотье принадлежали также лавки на Старом базаре. Здесь торговали скобяными товарами. До 1865 года К.Д. Поляпин был членом торговой депутации и, возможно, инспектировал магазин Павла Егоровича, расположенный напротив.

Далее следовало угловое домовладение. Как правило, такие участки отличались большими площадями и имели соответствующую оценку. Именно таким было домовладение Карпа Гайрабетова. На его территории располагались три кирпичных дома, две отдельно стоящих лавки, флигель и служебные постройки. Дома и лавки сдавались в аренду. Одно из помещений снимал под свою мастерскую часовщик Файст. Карп Макарович Гайрабетов был приписан к нахичеванскому купече-

---

¹⁰¹Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 47.

ству и успешно торговал в Таганроге, где также приобретал и строил дома. В соседнем квартале ему принадлежали еще три дома. Этот купец участвовал в общественной жизни города, не избегал благотворительности, за что получил Потомственное Почетное Гражданство.

Для полноты картины назовем некоторых соседей дальнего круга. В их числе уже знакомый нам купец 1-й гильдии Павел Филиппович Пёрушкин. Его двухэтажный новый дом с тремя магазинами – бакалейным, винным и гастрономическим – и отдельно стоявшей кондитерской находился на пересечении Петровской улицы и Депальдовского переулка.

Угловое домовладение напротив Пёрушкина и Серебрякова принадлежало Ивану Евстратьевичу Кобылину. В 1862 году он завершил здесь строительство нового двухэтажного дома на месте принадлежавшего ему же амбара, где в 1845 году начинал свою торговую карьеру П.Е. Чехов. В нижнем этаже размещались лавки, а верхний этаж под гостиницу арендовал Василий Боровой, содержавший прежде небольшой постоялый двор¹⁰².

В дальнем круге заслуживают внимания еще два купца, чьи дома находились на параллельной Католической улице. Это Михаил Захарович Караспасов и Дмитрий Андреевич Дросси. Нежинский грек Караспасов в 1860-е годы торговал заграничными винами. В 1863 году он стал крестным отцом дочери Чеховых Марии. Чеховы живо интересовались судьбой Михаила Захаровича, которого разорение постигло примерно тогда же, когда и Павла Егоровича.

Торговец зерновым хлебом Дмитрий Андреевич Дросси был соседом Караспасовых. С его сыном Андреем дружил Антоша Чехов. Мальчиков-подростков связывало общее увлечение театром. Андрей Дросси и его сестра Мария оставили воспоминания о блистательной игре Антона Чехова в любительских спектаклях, к которым привлекались и старшие сыновья Чеховых, Александр и Николай.

Кроме того, поблизости от дома Третьякова находилась Петровская площадь с Успенским собором и Старым базаром, где продолжали торговать приятели и конкуренты Павла Егоровича и куда он, возможно, заезжал. С другой стороны, недалеко от

---

¹⁰²Список о генеральной поверке торговли по г. Таганрогу в 1861 г. ТГЛИАМЗ. ЧФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.

дома Кобылина во флигеле домовладения таможенного чиновника дворянина Павла Ивановича Караяни размещался городской театр. Именно в этом здании впервые в Таганроге в 1863 году выступала итальянская оперная труппа. Интересно, что «мелочные для театра заборы» (то есть покупки) делались в магазинах Кобылина, Поляпина, Белоусова и Хандрина¹⁰³.

В этом первоначальном здании театра довелось побывать в детстве Александру Чехову, естественно, в сопровождении взрослых. Саше театр запомнился довольно длинным и узким. «Мне этот допотопный театр памятен потому, что в нем я был первый раз в жизни “в театре” и весь спектакль простоял за чьим-то стулом»¹⁰⁴. По всей вероятности, мальчику в это время было около десяти лет, так как в 1866 году театр переехал в специально выстроенное здание.

Следует отметить, что дому В.Н. Третьякова на Петровской улице, как одному из чеховских адресов, в чеховедении обычно большого значения не придается. А между тем, для Павла Егоровича и его семьи именно этот адрес был особенно важен. Здесь родился шестой ребенок Чеховых, Михаил. Торговля и жизнь на Петровской улице, несомненно, повысили авторитет Павла Чехова в глазах таганрогского купеческого общества. В эти годы он впервые становится членом городской торговой депутации. Его магазин и домашнее торжество удостаивает посещением высокопоставленный чиновник Екатеринославской Казенной палаты И. Копыловский, что также могло сказаться на отношении к нему местных купцов. Наконец, торговля именно здесь, на Петровской, была, по всей видимости, особенно успешной. Полученные доходы позволили П. Чехову в дальнейшем снять особняк с магазином (дом купца Иосифа Моисеева) недалеко от вновь построенного здания железнодорожного вокзала, куда в ожидании будущих прибылей устремились многие таганрогские купцы. И хотя жизнь в доме Третьякова не нашла отражения в творчестве писателя А.П. Чехова, в становлении мальчика Чехова эти годы имели большое значение. Здесь закончилось беззаботное

---

¹⁰³Определение дирекции таганрогского публичного театра за 1846 г. ГАРО. Ф. 583. Оп. 1. Д. 26.

¹⁰⁴*Седой А. (Ал.П. Чехов). Таганрог 50 лет назад. Записки случайного туриста // Таганрогский вестник. – 1912. – № 296.*

детство, и начались годы учебы: сначала в греческой школе, а затем в пригготовительном классе таганрогской мужской гимназии. И возможно, здесь началось также его первое осознанное знакомство с торговой деятельностью отца.

Подчеркнем еще раз, что представленные читателю лица входили в чеховское окружение в 1860-е годы. В 1870-х годах картина несколько изменилась, а в 1880-х и 1890-х «на сцену» вышли в большинстве случаев иные лица и фамилии. Но это уже, как говорится, совсем другая история.

Литература

1. Азовский вестник. – 1877. – № 1.
2. Алфавит дел по 1-му столу канцелярии таганрогского градоначальника за 1846–1848 гг. ГАРО. Ф. 579. Оп. 1. Д. 590.
3. Алфавит коренным купцам Таганрога. 1883. ГАРО. Ф. 589. Оп. 1. Д. 40.
4. Алфавит купцам россиянам. 1858. ГАРО. Ф. 589. Оп. 1. Д. 10а.
5. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь: в 86-ти тт. – Т. 66. – СПб., 1901.
6. Ведомости Ростовской-на-Дону Городской Управы. – 1874. – № 1. – 6 января.
7. Ведомости Таганрогского Градоначальства. – 1877. – № 100. – 18 декабря.
8. Воспоминания Л.И. Камбуровой. ТГЛИАМЗ. ЧФ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1.
9. Воспоминания М.Ф. Ланкау-Файст. ТГЛИАМЗ. ЧФ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1.
10. *Гаврюшкин О.П.* Вдоль по Питерской. – Таганрог, 2000.
11. *Гаврюшкин О.П.* По старой Греческой. – Таганрог, 2001.
12. Гильдейский список на 1871 г. ГАРО. Ф. 589. Оп. 1. Д. 17.
13. Городовое положение с принадлежащими к оному узаконениями. Собрание законов о купцах, мещанах, посадских и цеховых. – СПб., 1827.
14. Дело о генеральной поверке торговли в Таганроге в 1866 г. торговым департаментом. ГАРО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 216.
15. Дело о доставлении Градоначальнику сведений по программе относительно устройства общественного хозяйственного управления городов. 1861. ГАРО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 157.

16. Дело о перечислении ростовского мещанина Павла Чехова в таганрогское купечество. ТГЛИАМЗ. ЧФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2.
17. Дело о проведении поверки торговли в Таганроге в 1859 г. торговым департаментом. ГАРО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 213.
18. Дело о разрешении жене капитана Елизавете Федоровне Кельхен строительства дома и флигеля на принадлежащем ей месте в Петровской части Таганрога. 1859. ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 421.
19. Дело о составлении формулярного списка о службе бывшего Городского Головы Кобылина. 1848. ГАРО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 318.
20. Дело об усыновлении купцом Кобылиным подкидыша Михаила. 1850. ГАРО. Ф. 589. Оп. 1. Д. 23.
21. Екатеринбургские епархиальные ведомости. – 1877. – 1 августа.
22. Жизнь Павла Чехова // Вокруг Чехова / Сост. Е.М. Сахарова. – М., 1990.
23. Именной гильдейский список купцов Таганрога. 1849–1850. ГАРО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 370.
24. *Карпун П.Д.* Предварительные данные о новых чеховских местах Таганрога // Краеведческие записки. – Вып. 1 / Ред. А. Пушкаренко. – Таганрог, 1957.
25. Книга о приходах и расходах на содержание церкви Таганрогского Высочайшего Дворца на 1856 г. ГАРО. Ф. 189. Оп. 1. Д. 170.
26. Книга с наименованием купцов. 1857. ГАРО. Ф. 189. Оп. 1. Д. 8.
27. Метрическая книга таганрогской греческой Царе-Константино-Еленинской церкви на 1869 г. ГАРО.
28. Метрическая книга таганрогской греческой Царе-Константино-Еленинской церкви на 1876 г. ГАРО.
29. О разрешении ейскому 2-й гильдии купцу Афанасию Антоновичу Рафаэло строительства дома, лавки и амбара в 9 квартале. ГАРО. Ф. 581. Оп. 1. Д. 672.
30. О ревизии сенатором Жемчужниковым деятельности таганрогской градской думы. 1843–1845. ГАРО. Ф. 579. Оп. 1. Д. 418.
31. Об объявлении по г. Таганрогу купеческих капиталов на 1860 г. ГАРО. Ф. 589. Оп. 1. Д. 10.
32. Окладная книга для записи раскладного квартирного сбора по утвержденной раскладке на 1862 г. ГАРО. Ф. 569. Оп. 1. Д. 15.
33. Определение дирекции таганрогского публичного театра за 1846 г. ГАРО. Ф. 583. Оп. 1. Д. 26.
34. Отношение таганрогской полиции № 11028 от 9 августа 1861 г. в городскую думу. ГАРО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 261.

35. Рапорт гласного Коринфео о проведении поверки торговли в Таганроге в 1859 г. торговым департаментом. ГАРО. Ф. 580. Оп. 1. Д. 213.
36. Раскладка налога на недвижимые имущества г. Таганрога на 1873 г. ТГЛИАМЗ. ФПИ. Ф. 1–11.
37. Раскладка налога на недвижимые имущества г. Таганрога 1-ой Петровской части на 1868 г. ГАРО. Ф. 577. Оп. 1. Д. 43 (148).
38. Раскладка налога на недвижимые имущества г. Таганрога 2-й Екатерининской части на 1868. ГАРО. Ф. 577. Оп. 1. Д. 44 (147).
39. Сведения о состоянии городского управления в г. Таганроге. 1861. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.
40. *Седой А. (Ал.П. Чехов)*. Недавнее прошлое Азовского побережья // Исторический вестник. – 1904 (ноябрь).
41. *Седой А. (Ал.П. Чехов)*. Пасхальная заутреня во дворце императора Александра I в Таганроге // Исторический вестник. – 1901 (август).
42. *Седой А. (Ал.П. Чехов)*. Таганрог 50 лет назад. Записки случайного туриста // Таганрогский вестник. – 1912. – № 296.
43. Список о генеральной поверке торговли по г. Таганрогу в 1861 г. ТГЛИАМЗ. ЧФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.
44. Список таганрогских купцов, объявивших капиталы на 1867 г. ГАРО. Ф. 589. Оп. 1. Д. 15.
45. Список торговцам Петровской площади за 1887 г. ГАРО. Ф. 577. Оп. 1. Д. 367.
46. Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003.
47. Таганрогский вестник. 1882. 26 февраля. ТГЛИАМЗ. ФРК. Ф. 1–20.
48. *Филевский П.П.* История города Таганрога. – М., 1898.
49. *Филевский П.П.* Очерки из прошлого таганрогской гимназии. – Таганрог, 1906.
50. *Чехов Н.П.* Детство / Литературное наследство: в 80-ти тт. – Т. 68. – М., 1960.

1.3. ТАГАНРОГСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ: ГИМНАЗИЯ, УЧИТЕЛЯ, СОУЧЕНИКИ

А.Г. Алферьева

В 1806 году в портовом городе Таганрог была основана Коммерческая гимназия по указу императора Александра I и благодаря хлопотам градоначальника Б.Б. Кампенгаузена. Испытав ряд преобразований, к концу 1860-х она уже являлась классической гимназией с двумя древними языками – латинским и древнегреческим. Обучение было платным и довольно дорогим. В 1860-х годах – 25 рублей, в конце 1870-х – уже 40 рублей.

Дети, не младше восьми лет, поступали в подготовительный класс гимназии, после которого следовало ещё восемь. Начиная с первого класса, учащиеся сдавали экзамены. Из-за нескольких небольших ошибок можно было остаться на второй год. К моменту получения аттестата в классе могла остаться едва ли не половина первоначального состава.

Таганрогские учебные заведения относились к Одесскому учебному округу. Сюда периодически приезжали попечители (например, известный хирург Пирогов) и проверяли учебную и хозяйственную части.

В Таганрогской мужской классической гимназии Антон Чехов провел одиннадцать лет – четвертую часть своей жизни. Как известно, в этом престижном заведении обучались все братья Чеховы. Отец определял их туда одного за другим – по мере подрастания. Итоги обучения различались: Александр окончил курс с аттестатом и серебряной медалью, Антон с аттестатом, Николай и Иван «вышли» из гимназии, а Михаил вообще только начал учиться.

Воспоминания об ученических годах остались у всех братьев, но проявлялись они, в основном, в переписке и литературном творчестве. Подробные мемуары под названием «Таганрогская гимназия 1866–1876 годов» написал только Александр Павлович.

Все братья, кроме Михаила, начинали учиться при директоре Николае Николаевиче Порунове. Н.Н. Порунов (1833 г.р.) окончил

Санкт-Петербургский главный педагогический институт в 1855 году¹, а в Таганрог прибыл осенью 1865 году.

Бывший гимназист, впоследствии учитель П.П. Филевский так охарактеризовал Порунова: «<...> педагог 60-х годов, когда школьные вопросы подвергались оживленным дебатам, когда школьная жизнь была шумна, сам Пирогов, попечитель Одесского округа, этот шум поддерживал, шумны были заседания и при Порунове, который вносил много страсти в свою работу»; «от него веяло духом времени – это был человек эпохи в особенности в смысле педагогическом. Теории Пирогова и Ушинского ему хотелось внести в школу, сделать сразу этого было нельзя – он встречал препятствия <...>»², «преподаватели были много заняты теориями своих предметов, на советах под руководством Н.Н. Порунова проводились новые педагогические взгляды, <...> но сравнительно меньше входили в общение в детьми и связи между учащими и учащимися делается меньше»³. В гимназии директор преподавал русский язык, в том числе в классе Александра Чехова.

Поруновым была разработана специальная инструкция о классных наставниках. «Каждый класс поручается для воспитания и обучения одному из преподавателей школы – классному наставнику. <...> Каждый классный наставник обязан по окончании месяца заявить словесно или письменно в педагогический совет о тех мерах, которые принимает он для усиления успехов и улучшения нравственности. <...> особенно полезные классные наставники представляются к награде»⁴. Журнал «Министерства Народного просвещения» (1868 г., ч. СXXXVIII. 4–6) восторженно отозвался об этой первой в России инструкции. Она, с некоторыми изменениями, узаконивалась для всех российских гимназий и определяла поведение учителя в стенах учебного заведения и вне их.

---

¹ Ронталер Э.А. Памятная книга по Одесскому учебному округу. – Одесса, 1881. – С. 48.

² Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 67 (здесь и далее орфография и пунктуация подлинников. – А.А.).

³ Филевский П.П. Очерки из прошлого Таганрогской гимназии. – Таганрог, 1906. С. 25.

⁴ Ружейников В. Футлярная политика // А.П. Чехов и наш край. – Ростов-н/Д, 1935. – С. 178–179.

По предложению Н.Н. Порунова, в Таганроге в 1867 году появилось первое женское приходское училище. В том же году, по инициативе директора, были открыты Ремесленные курсы при 4-х-классном Уездном училище. Местная газета «Азовский вестник» поместила объявление о том, что «преподаются столярно-токарное, переплетное, сапожное и портняжное на швейных машинах (и в скором времени имеет быть введено кузнечно-слесарное) ремесла. <...> Обучение бесплатное и для заявивших однажды свое желание обучаться»⁵.

В 1872 году на курсы поступил Александр Чехов. В 1873 году Николай, Антон и Иван написали прошение на имя директора (уже не Порунова) «о допущении к изучению выше обозначенных ремесел»⁶. Из хранящихся в фондах Таганрогского музея-заповедника документов видно, что Александр и Иван обучались переплетному ремеслу, Николай – сапожному, Антон – портняжному. Занятия проходили три раза в неделю, после двух часов дня.

Антон учился лучше братьев, получая на курсах пятерки. Его одноклассник Ефим Ефимьев вспоминал: «Весной он щеголял в сшитых им самим непомерно узких гимназических брюках, за что мы прозвали его “гусариком”. Он и брату Николаю сшил брюки по своему фасону»⁷. По словам М.П. Чехова, уличные мальчишки дразнили Колю, называя его брюки «макаронами». Сшитая Николаем и другими учениками детская обувь продавалась с аукциона, деньги шли в пользу гимназии.

Николаю Николаевичу Порунову принадлежит ещё одна важная инициатива. 24 февраля 1866 года в актовом зале гимназии начался курс публичных лекций: «О горении и дыхании»⁸. Лекции (числом 8) читал инспектор гимназии Егор Семенович Каменский, для всех желающих расширить свой кругозор. Билеты стоили от 1 рубля до 50 копеек. Присутствовали и гимназисты. Ал.П. Чехов писал: «Мы слушали публичные лекции инспектора по физике». Учитель истории Алексей Иванович Маркевич в феврале-марте 1871 года прочитал

⁵ Азовский вестник. – 1871. – № 6. – С 48.

⁶ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 128.

⁷ Там же.

⁸ Полицейский Листок Таганрогского градоначальства. – 1866. – № 8. – 19 февраля. – С. 1.

курс из девяти публичных лекций: «О брачных обычаях у славян», «О погребальных обычаях славян, о их военном искусстве и играх»⁹ и т.п. Лекции, по-видимому, были востребованы таганрогской публикой. Отсюда и их большое количество и дороговизна билетов.

Летом 1873 года Порунов был переведен на должность директора Одесской 3-й гимназии. Таганрожцы проводили его парадным обедом по подписке. «В нем приняли участие не только родители учеников, но и многие именитые горожане, <...> кто-то из обедавших предложил увековечит память отъезжавших педагогов <Порунова и Каменского> помещением на вечные времена их портретов в актовом зале гимназии. <...> Учитель чистописания и рисования Егор Андреевич Овсяников написал масляными красками портреты с господствующим в лицах зеленоватым оттенком, которого никогда не было в натуре»¹⁰. Эти портреты каждый раз видели братья Чеховы, когда присутствовали на балу или на торжественной общей молитве.

В августе 1873 года в таганрогскую гимназию прибыл новый директор.

Эдмунд Рудольфович Рейтлингер родился 13 (30?) октября 1830 года в г. Ревеле (Таллине), в семье лютеранского пастора. Окончил Санкт-Петербургский главный педагогический институт. С 1853 года – в службе по учебному ведомству. В 1872 году назначен директором Мозырской гимназии (Мозырь – город в Белоруссии на территории современной Гомельской области). Женился на Марии Федоровне, предположительно – сестре коллеги, математика Юлия Федоровича Маака.

В 1873 году мозырскую гимназию преобразовали в прогимназию и оставшийся «за штатом» Рейтлингер был переведен в Таганрог.

П.П. Филевский вспоминал, что появившись в гимназии, Эдмунд Рудольфович встретил группу учащихся. Мундиры на них были застегнуты не на все пуговицы, по-видимому, из-за жары. Он сказал: «Гимназисты должны обращать на себя внимание привлекательной строгостью своей внешности; мне неприятно в молодых людях ще-

---

⁹ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 106.

¹⁰ Чехов Ал.П. Таганрогская гимназия // Александр и Антон Чеховы. Воспоминания, переписка. – М., 2012. – С. 189.

гольство, но неряшливость и растрепанность ещё более противны, а потому, чтобы сохранить середину, вы должны быть приличны. Я вас уверяю – это имеет большее значение, чем вы думаете»¹¹. 42-летний директор произвел на Павла Филевского следующее впечатление: «Говорил он <...> уверенно и ясно <...> Взгляд его был открытый, смотрел прямо, <...> лицо бритое, открытое, движение изящное и уверенное. Речь была недостаточно гладкая, но повелительная. Голос громкий, не допускающий возражений своею интонацией»¹².

Э.Р. Рейтлингер с супругой поселились в большой директорской квартире, располагавшейся непосредственно в здании гимназии, на первом этаже. Позднее здесь появились дети, Владимир (1874 г.) и Ефросинья (1880 г.). Один из старших сыновей готовился к поступлению в гимназию. В 1874 году директор пригласил к нему репетитором Александра Чехова и поселил в своей квартире. Актер А.Л. Вишневский, соученик Ивана Чехова, позднее писал, что гимназисты использовали это благоприятное обстоятельство. Они просили Александра «разведать заранее экзаменационную тему или <...> выкрасть <...> из директорского кабинета классную работу, подменив её написанной дома»¹³.

Эдмунд Рудольфович вел уроки латинского языка и истории. Из историков он предпочитал немецкого ученого Теодора Момзена (1817–1903 гг.), автора «Римской истории». Ал.П. Чехов впоследствии писал А.П. Чехову: «Если помнишь – у Рейтлингера вся история, которую он нам преподавал, покоилась, на Момзене, как земля на китах» (25 ноября 1903 г.)¹⁴.

Педагогический коллектив во главе с директором осуществлял постоянный контроль за поведением и нравственностью учеников вверенной им гимназии. Наиболее опасными для неокрепших умов педагоги считали городскую библиотеку и театр. Запреты на по-

---

¹¹ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 126–127.

¹² Филевский П.П. Очерки из прошлого Таганрогской гимназии. – Таганрог, 1906. – С. 29.

¹³ Вишневский А.Л. Ключки воспоминаний. – Л., 1928. – С. 16–17.

¹⁴ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 669.

сещение библиотеки иногда возникали, но, по словам журналиста (и бывшего ученика) А.Б. Тараховского: «Директор – хлебосол, барин – смотрел сквозь пальцы на увлечение учащихся»¹⁵.

Что касается театра, то 14 октября 1873 года Рейтлингер обращается в Дирекцию: «Руководствуясь мыслью, что для тщательного надзора за учениками <...> в театре необходимо посещение его одним из помощников классных наставников, посему прошу Директора театра разрешить одно бесплатное место в театре»¹⁶. Антрепренер Вальяно отказал директору, мотивируя это тем, что «надзор за порядком в театре <...> лежит на обязанности полицейских чиновников, которым и даются бесплатные места»¹⁷.

С разрешения директора и местного начальства ученики старших классов устраивали в здании гимназии музыкально-литературные вечера в пользу бедных гимназистов. Литературные произведения для таких вечеров избирались директором и преподавателями русского языка.

Эдмунд Рудольфович заботился не только об интеллектуальном развитии учеников, но и об их отдыхе. 1 мая вся гимназия отправлялась на пешую экскурсию в пригород Таганрога – рощу Дубки. Иван Чехов писал в 1876 году отцу: «1-го мы все гимназисты и Директор инспектор и все учителя пошли в дубки у летней форме, идти было весело <...> пили пиво ели апельсины. Я с Антошей пил чай. <...> гимназисты пели потом краса <гимназист Марк Красса> уч. 5-го класс. произнес мног <о> летие директору»¹⁸.

Такие походы считались полезными для здоровья гимназистов, на которое обращалось особое внимание. Каждый год врач гимназии производил осмотр учеников по классам. На основании результатов осмотра Рейтлингер составил таблицу о состоянии здоровья воспитанников (рост, слух, зрение и т. д.). Из неё следовало, например, что в приготовительном классе нормальное зрение было у 100 % гимназистов, а в VIII – только у 56 %.

---

¹⁵ Приазовский край. – 1901. – № 137. – 27 мая.

¹⁶ ТГЛИАМЗ, ЧФ.

¹⁷ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 128.

¹⁸ Там же. С. 185.

Рейтлингер всячески поддерживал занятия учеников гимнастикой и считал, что в этом отношении «таганрогская гимназия не уступает лучшим германским школам». При этом он употреблял латинскую поговорку «Mens sana in corpore sano» («В здоровом теле здоровый дух»).

Попечитель Одесского учебного округа С.П. Голубцов, проводивший в мае 1878 года ревизию мужской гимназии, остался ею доволен и вынес благодарность Э.Р. Рейтлингеру и всем преподавателям «за учебно-воспитательное дело, найденное в отличном состоянии»¹⁹.

В таганрогскую гимназию Рейтлингер пришел в чине статского советника. 26 декабря 1877 года ему был пожалован чин действительного статского советника, о чем оповестили таганрожцев «Ведомости Таганрогского градоначальства» (№ 13, 12 февраля 1878 г.). Это был чин IV класса и соответствовал он званию генерал-майора. Младший соученик Чехова, писатель В.Г. Тан (Богораз), вспоминал: «Директор-громовержец, был человек огромный <...> и по-своему довольно добродушный <...> он получил чин действительного статского советника. После этого с ним стало легче ладить. Стоило только в трудную минуту ловко вернуть: “Ваше превосходительство”»²⁰.

К 1879 году директор имел ордена Св. Владимира 3-й степени, Св. Анны и Св. Станислава 2-й и 3-й степени.

П.П. Филевский писал о нём: «Человек общественный, обходительный, любивший молодежь и 1-й из директоров приобрел значение в обществе. Воспитанники относились к нему с искренним доверием, а преподаватели сплотились в дружный и единомышленный кружок»²¹; «Все делалось по-семейному, по домашнему – никто сору из избы не выносил <...> при таких только вполне дружеских отношениях и возможны были те снисхождения, какие при тогдашнем строгом режиме делались»²². Ю.Ф. Маак, большой знаток математики и физики, по словам бывшего гимназиста В.В. Зелененко «манки-

---

¹⁹ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 251.

²⁰ Из школьных лет Антона Чехова. – М., 1962. – С. 48–49.

²¹ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 127.

²² Филевский П.П. Указ. соч. С. 29.

ровал своими обязанностями», пользуясь родством с директором. Латиниста В.Д. Старова оставила жена, и он стал пить, ища забвения в вине. Рейтлингер жалел коллегу и, пока был директором, прикрывал его служебные проступки.

П.П. Филевский вспоминал: «Трудно себе представить человека более доброго на посту начальника. Особенно была ценна его доброта в тех случаях, когда за нее он рисковал поплатиться если не служебным положением, то во всяком случае потерять в глазах начальства. <...> он всегда входил в нужды преподавателя, особенно семейного <...>; при экономном попечителе Лавровском Э.Р. с бою брал пособия учителям»²³.

В 1875 году по инициативе городского головы и купеческого старосты при таганрогских гимназиях была учреждена стипендия имени императора Александра I и императрицы Елизаветы Алексеевны «для выражения благодарных чувств к императору».

Э.Р. Рейтлингер тут же стал посылать городскому голове списки гимназистов, «которые по недостатку средств лишены возможности продолжить учение». 5 октября 1876 года он сообщал: «<...> ныне уволены за невзнос платы <...> более семидесяти учеников»²⁴. Среди этих гимназистов были братья Чеховы.

Вынужденный, в соответствии с требованиями Устава Гимназий, не пускать не заплативших учеников на занятия, Рейтлингер искал способ им помочь. В ГАРО хранятся письма, направленные директором городскому голове в 1876–1879 годах (Ф. 577). В них перечисляются ученики, среди которых есть и лица из чеховского окружения – Моисей Позументиров, Стефан Борисенко, Владимир Агали. В связи с их «удовлетворительными успехами и отличным поведением» директор пытался вернуть их в гимназию и просил выдать по 20 рублей каждому. Благодаря настойчивости директора часть учеников пособие получила. С учреждением стипендий имени О.И. Комиссарова (спасшего царя от покушения) и М.Н. Комнено-Варваца Рейтлингер тут же представляет своих кандидатов на получение этих пособий.

---

²³ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 660.

²⁴ Таганрогская Городская Управа. ГАРО. Ф. 577.

В 1877 году в Таганроге возникло Общество вспомоществования бедным воспитанникам и воспитанницам таганрогских гимназий. Инициатором его создания был управляющий таможенной И.М. Мессарош, но без «живейшего участия и полезного содействия» Рейтлингера его существование было бы затруднено, «т.к. директор пользовался в городе громадной популярностью, то общество весьма скоро приобрело значительное количество членов и в первый же год было собрано 1 304 руб.»²⁵. Филевский назвал общество «лучшим памятником его <Рейтлингера> участия к бедному человеку».

Благодарные ученики, настоящие и бывшие, превращали каждый его день рождения в большой праздник. Этот день, 13 октября, «был известен всему городу и даже далее его, потому что изо всех университетов получались поздравительные телеграммы бывших воспитанников <...> и, он, показывая эти телеграммы со слезами на глазах говорил: “Это самая высокая награда за службу!”»²⁶.

В классах ученики собирали деньги и покупали торты, которые подносили в высокаторжественный день. В.В. Зелененко вспоминал: «Часам к двенадцати вся гимназия собирается на площадке перед квартирой директора и на лестнице <...> Двери директорской квартиры растворяются, показывается виновник торжества, кланяется; в ответ громоподобное “ура”, общее ликование. В перспективе ро-спуск по домам <...> Через несколько дней <...> классы в порядке подношения пирогов <...> приглашаются к директору на шоколад»²⁷.

В августе 1875 года Александр Чехов уехал в Москву поступать в университет. Все то время, что Антон оставался в Таганроге (1875–1879 гг.), Александр передавал через него приветы Э.Р. Рейтлингеру. Вот строки из его писем: «Как поживает директор?» (7 октября 1875 г.)²⁸; «Поклонись от меня директору, если только твои отношения к нему позволяют это. Я ему несколько раз писал, но по великой его лености ответа от него не получил» (27 октября

---

²⁵ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 218.

²⁶ Там же. С. 669.

²⁷ Там же. С. 136.

²⁸ Там же. С. 170.

1876 г.), «Что Рейтлингер-папа подельывает? Поклон ему» (17 ноября 1878 г.)²⁹.

9 марта 1876 года Антон, в свою очередь, сообщал брату, что был на концерте профессора Ауэра в доме Алфераки. «Bilet na konzert <...> gab mir Director. Maria Feodorofna neposchla tak ja Bilet polutschili poschel» («Билет на концерт <...> дал мне директор. Мария Федоровна не пошла, так я билет получил и пошел») (П. I, 14).

В 1878 году произошло событие, в котором, по свидетельству его соученика М.А. Рабиновича, Чехов «принял деятельное участие». Гимназист Волкенштейн дал пощечину однокласснику, обозвавшему его «жидом». Тот пожаловался отцу, хлебному маклеру, и Педагогический Совет через час исключил Волкенштейна из гимназии. «Чехов предложил нам героическую меру <...> Зная доброту директора и его нескрываемое уважение к проявлению в гимназии духа товарищества, он предложил всему нашему десятку на следующий же день добиться аудиенции у директора и <вручить> ему наши прошения о выходе из гимназии, если постановление не будет отменено» (ТГЛИАМЗ, ЧФ)³⁰. Директор прослезился и дал слово в тот же день собрать Совет и настаивать на отмене решения. Волкенштейн вернулся в гимназию.

В 1879 году Антон Чехов покинул Таганрог и на время потерял из виду Э.Р. Рейтлингера.

22 июля 1883 года Министром Народного просвещения была утверждена стипендия им. Э.Р. Рейтлингера. В «Сборник положений о стипендиях, находящихся при таганрогской мужской гимназии. 1908 г.» говорится: «Основанием стипендии служит капитал в девятьсот рублей, пожертвованный гражданами Таганрога в ознаменование полезной деятельности Э.Р. Рейтлингера в должности директора гимназии <...>»³¹. Стипендия в размере 45 рублей в год присуждалась «достоинейшему по успехам и поведению и беднейшему по состоянию ученику». Такого почета таганрожцы не оказывали ещё ни одному директору.

---

²⁹ Александр и Антон Чеховы. Воспоминания, переписка / Сост. Е.М. Гушанской, И.С. Кузьмичева. – М., 2012. – С. 284.

³⁰ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 243.

³¹ Там же. С. 331.

В 1884 году Эдмунд Рудольфович был назначен инспектором студентов в Киевский университет Св. Владимира.

6 октября таганрожцы устроили в Коммерческом собрании прощальный обед. П.П. Филевский вспоминал: «Не только мужская и женская гимназии, но и общество принимало участие. К отходу поезда собралось огромное количество почитателей <...> многие, в особенности из его сослуживцев и учащих плакали, сам Э.Р. Рейтлингер неуждержимо рыдал»³².

В 1885 году в актовом зале гимназии был помещен его портрет. В 1889 году таганрожцы узнали из газеты «Таганрогский вестник» (№ 1, 10), что Рейтлингер вышел в отставку из-за того, что «паралич правой стороны лишил больного употребления языка и конечностей».

Александр Павлович Чехов, трижды побывав в Киеве, наводил справки о старом знакомом, но не нашел его. Соученику Антона, М.А. Рабиновичу, удалось встретиться с бывшим директором, уже тяжело больным. Он рассказывал, что директор живо интересовался гимназией и некоторыми одаренными учениками, особенно много говорил о Чехове.

11 ноября 1903 года Эдмунд Рудольфович скончался. «Таганрогский Вестник» опубликовал необыкновенно теплый и проникновенный некролог (№ 299, 15 ноября), подписанный «П.Ф.». Автором, очевидно, являлся Филевский.

А.П. Чехов, который считал Рейтлингера умершим 10–15 лет назад, 20 ноября обратился с вопросом по этому поводу к старшему брату. Тот ответил, что директор умер в один год со своим любимым историком Т. Моммзенем и пожелал ему «царства немецко-небесного» (25 ноября 1903 г.)³³.

Кроме вышеуказанного, Э.Р. Рейтлингер сделал одно серьезное дело, важное как для его современников, так и для нынешних историков и чеховедов. Вместе с учителем И.А. Островским он составил «Краткую историческую записку о Таганрогской гимназии», изданную в 1880 году в Таганроге. Чехов, скорее всего, был с ней

---

³² Филевский П.П. Указ. соч. С. 36–37.

³³ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 669.

знаком. Известно, что он интересовался подобными изданиями. Так, в 1896 году инспектор Лонткевич писал «Записку» к 90-летнему юбилею учебного заведения, и Чехов очень хотел заполучить экземпляр. А в пьесе «Три сестры» книгу об истории гимназии написал Кулыгин, муж Маши.

Благодаря труду Рейтлингера и Островского, мы теперь знаем, кто в какие годы преподавал в гимназии и кто её окончил. Завершает книгу список выпускников 1879 года – класс Чехова.

За каждой из преподавательских фамилий – человек, оставивший след в жизни воспитанников. И материальный – в виде подписей под контрольными и аттестатами, и в памяти, в душе, в творчестве.

В тот же год, когда Антон Чехов поступал в подготовительный класс гимназии, в 1868 году, в Таганрог приехал с семьей польский дворянин Эдмунд-Руфим Иосифович Дзержинский. Он родился в 1838 году в мелкопоместной обедневшей семье. Окончил Санкт-Петербургский университет. Преподавал в г. Вильно математику дочери профессора И. Янушевского, которая стала его женой.

В РГИА хранится дело «Об осмотре Министром Народного просвещения учебных заведений Одесского и части Харьковского округов» за октябрь-ноябрь 1867 года. В списке личного состава Екатеринославской гимназии: «Учители <...> Арифметики, Алгебры, Тригонометрии и Космографии в основных классах, состоящий в VIII классе Эдмунд Осипович Дзержинский».³⁴

Начав преподавание в Таганрогской гимназии, он определил в неё сына Болеслава, в один класс с Александром Чеховым. Антон Чехов был в числе его учеников. Сохранилась контрольная работа по арифметике, выполненная Антоном (ТГЛИАМЗ, ЧФ). Под ней пять преподавательских подписей, но главным проверяющим был Э.И. Дзержинский. В расчетах ученик допустил ошибку, но весь ход рассуждения учителя признали правильным. Все великодушно поставили оценку «5». П.П. Филевский писал: «Дзержинский <...> был болезненный и крайне раздраженный. Он был грозой гимназии. Преподавал основательно и толково»³⁵.

---

³⁴ Ф. 733. Оп. 193. Д. 333. С. 25

³⁵ Филевский П.П. История города Таганрога. – М., 1898. – С. 289.

В 1875 году Болеслав окончил гимназию³⁶. Больной туберкулезом Эдмунд Иосифович вышел в отставку. Он уехал «в свое маленькое имение Держжиново Оменского уезда Виленской губернии (ныне Столбцовский район Минской области)»³⁷. Здесь и родился в 1877 году его знаменитый сын Феликс. По словам внучки, С.В. Держжинской, Эдмунд Иосифович «часто вспоминал студентов Таганрогской гимназии и мечтал встретить их через годы». Умер он в 1882 году на 43-м году жизни от воспаления легких.

Александр Чехов, окончив в 1875 году гимназию, поступил в Московский университет на физико-математический факультет. 23 сентября он писал родителям: «А славное дело университет! <...> Я прежде побаивался, что меня выйдет такая же безразличная и равнодушная щепка как наш бывший учитель Держжинский, но теперь я совершенно спокоен»³⁸.

Перед нами, очевидно, пример несоответствия истинных чувств воспитателя по отношению к воспитанникам и его поведения на уроках согласно инструкциям. Ещё более яркий пример – судьба Ипполита Антоновича Островского.

25-летний выпускник Новороссийского университета был зачислен в штат Таганрогской гимназии 24 августа 1875 года на должность преподавателя математики. Он, по словам бывшего гимназиста В.Г. Богораза (Тана) «рассыпал единицы щедрой рукой». «В утешение мы сложили о нем стихи:

Есть у нас еще один,
Ростом будет в пять аршин,
Не успеет сесть за стол,
Как стоит в журнале кол»³⁹.

В ученическом фольклоре рост «длинного как жердь» Островского был увеличен до 3 м. 55 см. Тот же Богораз рассказывал, что

---

³⁶ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 159.

³⁷ *Абрамов Л., Присякин А.* Отец рыцаря революции // Таганрогская правда. – 1988. – 19 мая.

³⁸ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 168.

³⁹ Там же. С. 165.

ученики называли Ипполита Антоновича Дылдой или Долдоном. «Дылдой – если объясняет, Долдоном – если спрашивает. Мы любили угадывать по его внешнему виду, какой он сегодня – Дылда или Долдон, даже <...> заключали пари».

Павел Петрович Филевский, который сначала обучался в Таганрогской гимназии, а затем в ней преподавал, написал отзыв на статью В.Г. Богораза (Тана): «Об И.А. Островском много наговорено в шутовском тоне <...>. Я <...> знал учителей и как сослуживец и как ученик. Я помню однажды после третьего урока приходит Островский в столовую, где мы учителя завтракали на большой перемене, разстроенный <...> Он нервно хватает себя за вицмундир и говорит: “Вот, господа, наше зло!” <...> Он далее стал жаловаться, как часто учитель является перед детьми и юношами не с открытой душой, потому что разные инструкции мешают ему быть таким, каков он есть <...> Одним словом он вынужден был на уроке поступать не как совесть велит и это его мучило. Об этих переживаниях учителя общество не знало, а Тан и не подозревал, что предмет его плоских шуток очень сложная натура, полная любви к детям»⁴⁰.

26 января 1876 года в Греческой церкви состоялось венчание Ипполита Антоновича Островского и Елизаветы Михайловны Караспасовой. Дочь разорившегося греческого купца, она была младше жениха на год и уже два года служила в Мариинской женской гимназии. Совершал таинство коллега обоих, преподаватель Закона Божьего, протоиерей Ф.П. Покровский.

Свадьба, несомненно, обсуждалась в семьях учащихся и учащихся. И, в том числе, родственниками гимназиста Антона Чехова. Отец невесты, Михаил Захарович Караспасов, являлся крестным Маши Чеховой. А сама барышня посещала любительские спектакли, которые устраивали Антон и его друг Андрей Дросси. Шаферами были Е.В. Титов, родственник крестного отца самого Антона, и В.Д. Старов, один из его любимых учителей.

За десять лет брака в семье Островских родилось четверо детей. Денег не хватало. В 1879 году И.А. Островский, как и его сослуживцы Ю.Ф. Маак и А.И. Сомов и как ранее П.Е. Чехов, вступил в Общество

---

⁴⁰ Филевский П.П. О статье Тана-Богораза «На родине Чехова». ТГЛИАМЗ, ЧФ. Рукопись. С. 58.

взаимного кредита. С помощью этого банка он, возможно, рассчитывал поправить свое материальное положение.

В 1877 году Островский был избран казначеем Общества вспомоществования недостаточным воспитанникам и воспитанницам гимназий. Затем он начал исполнять обязанности секретаря Педагогического Совета. Именно в этом качестве он подписал в июне 1879 года аттестат выпускника Антона Чехова⁴¹.

В августе 1879 года он был утвержден уже не исполняющим обязанности, а секретарем Педагогического Совета. Одновременно вошел в состав Хозяйственного комитета мужской гимназии. В том же году «было соединено преподавание различных предметов, в руках одних и тех же преподавателей <...> математики и физики у Маака и Островского».⁴² При этом, как было выше упомянуто, Ипполит Антонович работал над книгой «Краткая историческая записка о Таганрогский гимназии». В первой части Э.Р. Рейтлингер поведал об основании учебного заведения, доведя повествование до 1874 года. О 1875–1879 годах рассказал Островский. Книга была издана в таганрогской типографии А.М. Миронова.

В конце 1879 года Островский был командирован в Санкт-Петербург для участия в VI съезде русских естествоиспытателей и врачей, проходившем с 20 по 30 декабря. Э.Р. Рейтлингер отмечал: «Во всех заседаниях физической секции и осмотрах различных учреждений г. Островский принимал возможно деятельное участие <...> сообщает об осмотренных им физических кабинетах университета, технологического и горного институтов, главной физической обсерватории, музеев соляного городка, минных классов Кронштадта, коллекции приборов гимназического курса по физике – г. Еропкина, серии приборов г. Розенберга для демонстрирования оптических явлений»⁴³.

Известны два изображения И.А. Островского. Оба относятся к 1879 году. На общем снимке учителей – задумчивый молодой человек, высокий рост которого хорошо заметен, несмотря на то, что он

---

⁴¹ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 271.

⁴² Рейтлингер Э.Р., Островский И.А. Краткая историческая записка о Таганрогский гимназии. – Таганрог, 1880. – С. 60

⁴³ Там же. С. 64.

сидит (ТГЛИАМЗ, ЧФ). Другой портрет – это карикатура, сделанная рукой Алфераки. На ней некто, тощий как палка, слегка наклонился вперед под весом слишком большой головы (ТГЛИАМЗ, Ф. ИЗО). К этому шаржу вполне подходит описание, сделанное бывшим гимназистом В.В. Зелененко: «Худой, <...> на высоких ногах, он несколько напоминал журавля». Но далее следует: «Его объяснения геометрических теорем не могли не вызвать вопрос – зачем этот человек избрал своим предметом математику? И.А. Островский был сух, вял, скучен <...> и, когда доводил объяснение до конца, то чувствовалось, что большая тяжесть свалилась у него с плеч»⁴⁴. Предстоящий в этом описании вялый педагог совсем не похож на того энтузиаста, который с увлечением знакомился с научными новинками в Санкт-Петербурге. Возможно, причина в том, что воспоминания относятся к началу 1880-х годов, а в этом время Островский уже болен туберкулезом.

Тяжелобольной, он продолжал активно участвовать в жизни гимназии. В октябре 1885 года освятили гимназическую церковь. П.П. Филевский писал: «Значительную поддержку церкви оказывал первое время своими трудами преподаватель И.А. Островский»⁴⁵.

26 января 1886 года Ипполита Антоновича не стало. «Таганрогский Вестник» (№ 13, 29 января) поместил короткий, но емкий некролог: «Скончался от продолжительной болезни лучший из преподавателей Таганрогской гимназии И.А. Островский, учитель математики. Мир праху твоему, усердный труженик и добрый человек». Протоиерей Ф.П. Покровский произнес на похоронах речь: «Прекраснейший из людей, достойнейший из бывших сослуживцев <...> Он мало жил, но его жизнь, по его благим делам, равнялась самой долгой человеческой жизни»⁴⁶. А 31 января «Таганрогский Вестник» опубликовал заметку, автор которой, подписавшийся «А.К.», обращался к землякам: «Похоронили мы учителя местной гимназии И.А. Островского, оставившего в наследство миру жену с 4-мя малолетними детьми без всяких средств к существованию

---

⁴⁴ Зелененко В.В. Таганрогская гимназия времен А.П. Чехова // А.П. Чехов: сб. ст. и мат-в. – Ростов н/Д, 1959. – С. 356.

⁴⁵ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 366.

⁴⁶ Там же. С. 368.

<...> вспомнят о нём признательные ученики, которые знают, что безвременная смерть их наставника была вызвана непосильным трудом, а нищета, постигшая его семью служит ясным доказательством его честной педагогической деятельности...»⁴⁷.

16 февраля «Таганрогский Вестник» (№ 21) поместил отчет правления Музыкально-драматического общества о том, что «данный спектакль <...> в пользу семьи покойного И.А. Островского дал <...> чистого сбора 422 р. 65 к.»⁴⁸. Это была солидная по тем временам сумма. Но многодетной семье, оставшейся без кормильца, её не хватило бы надолго. Елизавете Михайловне пришлось вернуться на службу в женскую гимназию.

В 1874 году уволился по прошению «учитель математики Цабель, прослуживший 26 с лишком лет в Таганрогской гимназии»⁴⁹. Эмилий Егорович преподавал также естественную историю, немецкий язык в мужской и женской гимназиях. Ал.П. Чехов рассказывал: «Естественную историю преподавал нам обрусевший немец Эмилий Егорович Цабель – очень добрый и милый старичок, и преподавал так, что мы у него знали довольно сносно в первый же год строение человеческого тела, а два или три – в том числе и я – увлеклись до того, что задались целью приобрести себе каждый по скелету»⁵⁰. Поход на кладбище с друзьями закончился тем, что счастливый Саша получил два черепа и несколько ребер. Утром родители нашли всё это на подоконнике, посчитали «святотатством» и решили предать останки землею.

«Э.Е. Цабель, – продолжает Ал.П. Чехов, – преподавал нам также и арифметику, <...> алгебру <...> Мы под его руководством прошли зоологию, ботанику и физику земного шара <...> У Цабеля было доброе сердце. Мучить животных он не мог. <...> вышло раз, что преподавая нам анатомию, должен был произвести вскрытие какого-нибудь животного и показать нам в классе его внутренние органы. <...> Кто-то из учеников услужливо принес для этой цели летучую мышь, посаженную в бумажный колпачок. Эмилий Егорович <...> старался

---

⁴⁷ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 369.

⁴⁸ Там же. С. 369.

⁴⁹ Там же. С. 153.

⁵⁰ Чехов Ал.П. Таганрогская гимназия // Александр и Антон Чеховы. Воспоминания, переписка. – М., 2012. – С. 31.

всякими средствами оттянуть неприятный для него момент – вонзить перочинный нож в живое существо. <...> Спасовать же перед учениками ему не хотелось. <...> осторожно потащил животное за крыло. Мышь стала пронзительно пищать на весь класс. Ученики тотчас же вскочили со своих мест и в один миг с жадным любопытством окружили учителя. Это обстоятельство вывело добряка из неловкого положения. Он <...> приказал всем сесть по местам и объявил, что в наказание <...> вскрытие произведено не будет. Мышь <...> унес <...> в учительскую и затем, конечно, выпустил на волю»⁵¹.

В гимназии о нем хранили самые теплые воспоминания. Эмилий Егорович продолжил служить по учебному ведомству в Москве, инспектором Елизаветинского института.

30 августа 1875 года московский студент Александр Чехов пишет матери: «К Цабелю ходить далеко да и некогда я все занят»⁵². Из дальнейших писем следует, что он всё же навещал бывшего учителя, хорошего знакомого семьи: «Цабель кланяется Вам» (7 октября 1875 г.), «Вчера я был у Цабеля. Поклонился ему от Вас и он Вам послал поклон» (19 октября 1875 г.)⁵³.

Спустя десятилетия о педагоге вспомнил и А.П. Чехов. Он общал таганрогскому журналисту А.Б. Тараховскому: «В Москве 4 августа скончался действ <ительный> статский советник Эмилий Егорович Цабель, преподававший когда-то в таганрогской гимназии математику и естественную историю <...> Быть может, многоуважаемый Абрам Борисович, это пригодится Вам для заметки, Цабель сослуживец А.Ф. Дьяконова и П.И. Вукова...»⁵⁴.

Когда Цабель в 1874 году покинул гимназию, на его место назначили бывшего преподавателя Мозырской гимназии Ю.Ф. Маака, коллегу и родственника Э.Р. Рейтлингера. Юлий Федорович (1836 г. р.) окончил Санкт-Петербургский университет. П.П. Филевский так охарактеризовал его: «знарок своего предмета, очень способный, но и очень ленивый человек. <...> несмотря на это он так восхитительно излагал, таким изящным, даже образным языком, что его заслуши-

---

⁵¹ Чехов Ал.П. Указ. соч.

⁵² Там же. С. 219–221.

⁵³ Там же. С. 170–171.

⁵⁴ Там же. С. 601.

вались ученики; плохих учеников не спрашивал потому что <...> это скучно. Уроков пропускал очень много, но ему все прощалось за его необыкновенные объяснения в области математики и физики, а также и потому, что он сам по себе был в высшей степени симпатичный человек»⁵⁵.

Соученик А.П. Чехова И.Ф. Алдырев запомнил, что в старших классах Антон всегда сидел на задней парте у окна и во время объяснений учителя читал книги. Однажды Маак сказал: «“Вы, Чехов, думаете, что преподавание математики это легкое дело? Идите на мое место, а я сяду на Ваше и ведите урок”. <...> Когда все успокоились, А.П. развернув классный журнал, сказал: “Такой-то (назвал фамилию учителя)! Пожалуйста, отвечать к доске!” Это рассмешило класс и самого учителя, который с тех пор никогда не мешал А.П. читать на его уроке книги»⁵⁶.

Антону не нравилось, что эмоциональный учитель прерывал его объяснения и выхватывал мел. Он предупредил товарищей: «Я вырву у него мел и буду продолжать задачу так, как я её умею решать». «В увлечении учитель не обратил внимания на то, что А.П. вырвал у него мел, и через несколько минут вырвал мел из рук А.П. <...> Так несколько раз мел переходил из рук в руки, пока, наконец преподаватель не остановился, заметив эту процедуру. Конечно, все окончилось благополучно для А.П.»

16 сентября 1875 года Ал.П. Чехов писал семье из Москвы: «Мне Юлий Федорович Маак правду говорил, что университет – это второе Крещение. Он прав, <...> я думаю, что у нас в гимназии не знают, что такое математика. У нас считают эту науку скучною»⁵⁷. 25 февраля 1879 года Александр просит Антона передать Мааку привет.

С апреля 1880 года статский советник Ю.Ф. Маак состоял заслуженным преподавателем, «с окладом 1500 р. за 12 уроков».

---

⁵⁵ *Филевский П.П.* Очерки из прошлого Таганрогской гимназии по случаю столетнего юбилея. – Таганрог, 1906. – С. 32

⁵⁶ *Петрова О.П.* К проблеме критической оценки документов и воспоминаний об А.П. Чехове // Творчество А.П. Чехова. – Ростов н/Д, 1976. – С. 95–96.

⁵⁷ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 167.

7 августа 1885 года Маак выехал из Таганрога к месту своего нового назначения – в Киев, инспектором реального училища. «Таганрогский Вестник» (№ 8, 9 августа) писал: «Юлий Федорович прослужил в наших гимназиях ровно 11 лет и в течение этого времени приобрел заслуженную любовь и уважение как своих воспитанников, так и всех, знающих Ю.Ф. В лице последнего наши гимназии теряют <...> педагога, заслуга которого – гуманное и безпристрастное отношение ко всем своим ученикам. <...> проводы его на вокзал отличались особой торжественностью: масса публики, его товарищи-преподаватели, учащаяся молодежь и бывшие его ученики и ученицы, пришли засвидетельствовать любимому учителю искреннюю благодарность и уважение»⁵⁸.

В числе преподавателей математики времен Чехова называют обычно и И.Ф. Крамсакова, поступившего в штат гимназии в 1867 году. Причем, бывшие его ученики П.П. Филевский и В.В. Зелененко, очень по-разному относившиеся к педагогам, оба считали, что на этой должности он оказался случайно. «Это был донской казак по происхождению. По образованию естественник и преподавал свой предмет. Я ещё застал преподавание зоологии, ботаники и физики в низших классах гимназии. Застал это и А.П. Чехов <...> но <...> эти предметы были исключены, а их часы переданы латинскому яз.и арифметике. Крамсаков остался без уроков, но так как ему оставалось дослужить до пенсии несколько лет, то ему дали уроки географии и арифметики и таким его и знал А.П. Этих новых для него предметов Крамсаков не знал и конечно не любил и был несчастнейший человек, сделавшись предметом насмешек за свое преподавание»⁵⁹.

Филевский приводит забавный пример: «На уроках арифметики бывали случаи такого рода: ученик решает арифметическую задачу, требуется определить количество рабочих, решая задачу мальчик бойко пристукивает мелом по доске и заявляет, что получилось $14 \frac{3}{4}$, товарищи ему лукаво подмигивают. Иван Федорович <...> говорит:

---

⁵⁸ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 362–363.

⁵⁹ Филевский П.П. Таганрогская гимназия в ученические годы А.П. Чехова и его местные биографы, и отношение писателя к родному городу. ТГЛИАМЗ. ЧФ. Рукопись. С. 7

“если бы ты был поумнее, чем ты есть на самом деле, то прежде чем говорить, стер бы дробь. Сотри дробь и садись на место!”⁶⁰.

Но в РГИА, в деле «Одесский учебный округ 1871–1875 г.» в разделе «Таганрогская гимназия» сказано: «Иван Федорович Крамсаков. Кончил курс в Харьковском университете на физико-математическом факультете в 1854 году. Преподавал математику в Новочеркасском <...> училище в 1854–55 гг., в Новочеркасской гимназии в 1856–57 гг., в Керченском институте благородных девиц в 1858–66 гг.»⁶¹.

Таким образом, вряд ли математика являлась для Крамсакова предметом новым и незнакомым. Что касается подсчетов, то умение хорошо оперировать цифрами было просто необходимо Ивану Федоровичу.

При гимназии была учреждена метеорологическая станция, находившаяся в ведении Санкт-Петербургской Главной Физической обсерватории. Э.Р. Рейтлингер писал: «Наблюдения над барометром, психрометром, гигрометром, флюгером и дождеметром производится по инструкциям <...> Станция содержится на средства Морского Министерства. <...> Результаты наблюдений ежемесячно посылаются в двух экземплярах в главную физическую обсерваторию и гидрографическую часть главного управления черноморского флота <...> До августа 1879 г. станциею заведывал преподаватель Крамсаков»⁶².

На столь ответственный пост не поставили бы человека недалекого. С этим видом деятельности педагога были хорошо знакомы таганрожцы, выписывавшие «Азовский Вестник», в том числе и Чеховы. Газета печатала следующие заметки: «Температура воздуха. Средняя температура. В 7 час. утра 6,0 Ц (4,8 Р), в час по полудни 13,4 (10,7), в 9 ч. вечера 8,9 (7,1), всего месяца 9,5 (7,6) <...> Дождь шел только 3 раза. В течение всего мес. погода была сухая, но ветренная, дни большею частью были ясные, но с температурой прохладною, так что с 8 окт/26 сент. без верхнего теплого платья нельзя было вы-

---

⁶⁰ Филевский П.П. Указ. соч. С. 9–10.

⁶¹ РГИА. Ф. 846. Оп. 1. Ед. х. 94. С. 124.

⁶² Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 152.

ходить на открытый воздух, с 14/2 окт. началась топка печей <...>, с 14/2 окт. деревья были лишены листьев. Иван Крамсаков» (№ 88, 10 ноября 1874 г.)⁶³.

Возможно, А.П. Чехов вспоминал труды своего учителя, когда готовился к поездке на Сахалин и просматривал специальную литературу о климате острова. Или когда знакомился с книгой «Свод метеорологических наблюдений в сел. Рыковском на о. Сахалине» (1894 г.), подаренной автором, бывшим ссыльным Ювачевым.

Возвращаясь к гимназическим годам Чехова, посмотрим, как воспринимали Крамсакова его соученики: «В нем были некоторые комические черты. Наружность у него была как у Собакевича, черты необычайно грубые, над которыми, по словам Гоголя, природа особо не трудилась <...>. Он носил большие полные усы, нависшие на губы и очки. Гимназисты, даже неумевшие рисовать, удивительно быстро и удачно воспроизводили карандашом его лицо и так как его нависшие усы напоминали китайца, а на уроках географии он любил почему-то подолгу останавливаться на Китае, то его иначе не называли как Китайский император»⁶⁴.

Бывшие воспитанники вспоминали много комических эпизодов из его педагогической деятельности. Так, Филевский рассказывал об одной из ученических проделок. Крамсаков приказал третьеклассникам не возить по карте пальцами и пачкать, а нарезать в гимназическом саду веток и сделать длинные указки. Перед следующим уроком географии надзиратель П.И. Вуков обратился к инспектору, едва удерживая улыбку: «Мальчики в саду режут и ломают ветки, треск раздается на весь сад, я хотел их остановить, но они ответили, что Иван Федорович велел <...> Третьеклассники прошествовали по коридору, как в Вербное воскресенье, удивив все классы. Удивлен был и учитель, когда воспитанники приветствовали его с “дрекольем”». «Крамсаков был человек добрый, но в обращении грубый. <...> “Вы велели нам нарезать указок”, с трудом удерживая смех, заявил дежурный. “Болваны, скоты! Сейчас убрать!”. “А как же без указки, мы карту испортим!”. Между тем у двери стоял П.И. Вуков

---

⁶³ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 152.

⁶⁴ Филевский П.П. Указ. соч. С. 7–8.

с инспектором, но инспектор в класс войти не решался, боясь фыркнуть и тем испортить свой карательный престиж»⁶⁵.

Никто из учеников не подозревал, что этот смешной и грубоватый, похожий на Собакевича человек в свободное время занят кропотливой научной работой. Спустя годы В.В. Зелененко увидел его книгу «Перечень растений, собранных в Донской области, преимущественно же в окрестностях гг. Новочеркаска и Таганрога, учителем Таганрогской гимназии И.Ф. Крамсаковым». Эта небольшая по объему книга содержала солидный список латинских наименований растений и была напечатана в 1871 году, в Харьковской университетской типографии (ныне один из экземпляров хранится в РНБ, в Санкт-Петербурге).

А.П. Чехов об этой стороне жизни педагога, скорее всего, так и не узнал. Упоминания о нем в переписке братьев Чеховых всегда шуточные: «Желаю Ивану Федоровичу Кр<амса>кову счастливого пути верхом на комете» (Ал.П. Чехов – А. Чехову, 14 сентября 1875 г.)⁶⁶; «Вчера снился мне почему-то Крамсаков... Избираю его фамилию своим фельетонным псевдонимом...» (А.П. Чехов – П.А. Сергеенко, 17 декабря 1884 г.)⁶⁷. Имя, отчество и профессию Крамсакова – преподаватель математики – А.П. Чехов, возможно, использовал в одном из ранних рассказов «Папаша» (1880).

Учителя математики (по совместительству физики и естественной истории) оставили больше всего ярких воспоминаний в памяти братьев Чеховых и их соучеников.

Но в классической гимназии главное внимание уделялось древним языкам. Преподавателей латинского языка, по словам П.П. Филевского, было трое и все они в разное время «перебывали» в классе Антона Чехова. Кроме инспектора А.Ф. Дьяконова, вели этот предмет В.Ф. Помян и В. Д. Старов.

«Владимир Францевич Помян, <...> серьезный классик, но как преподаватель, он был совершенно чужой в классе. Ни на кого из учеников он не смотрел, и нам казалось, что он нас никого не знал

---

⁶⁵ Филевский П.П. Указ. соч. С. 7–8.

⁶⁶ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 167.

⁶⁷ Там же. С. 352.

ни по наружности, ни по фамилии <...> Знал он очень много, но преподавал очень скучно, учеников не любил, а мы ему платили тем же. Внутренний мир этого человека никому не был известен»⁶⁸. Впоследствии он оставил учительскую деятельность и сделал прекрасные переводы стихов итальянского поэта Леопарди.

Полной противоположностью Помяну стал назначенный на ту же должность 19 июля 1875 года Владимир Дмитриевич Старов. 24-летний выпускник Новороссийского университета приехал на свое самое первое место службы и сразу произвел благоприятное впечатление. «<...> недурен собой, хорошо одевавшийся, он сделался образцом для подражания воспитанников старших классов. Его успехи в дамском обществе еще более сделали его интересным среди молодежи; но преподаватель он был не важный, а классик слабый, впрочем учащиеся относились к нему хорошо и обыкновенно говорили: “Он в ученике не видит врага”»⁶⁹.

Жизнерадостный и общительный молодой человек обратил внимание на одну из местных красавиц. Соученик А.П. Чехова, А.Д. Дросси вспоминал: «Главной притягательной силой, влекшей нас в сад, была красавица-гимназистка Черец, дочь инспектора гимназии, по имени Ариадна или просто “Рурочка”, как мы все ее называли. Окруженная всегда толпой поклонников-гимназистов <...> К числу тайных вздыхателей Рурочки принадлежал и Антон Павлович. Застенчивый до чрезвычайности с женщинами, он очень редко пропускал прогулки в её обществе»⁷⁰.

Старов познакомился с вдовой инспектора Череча и её двумя дочерьми. Вдова, по словам Филевского, «женила на себе» молодого учителя русского языка Андрея Дмитриевича Мальцева, также выпускника Новороссийского университета. Старшая дочь была увлечена загадочным и непонятым Помяном. А младшая, Ариадна, согласилась выйти за Владимира Дмитриевича. «Началась семейная драма. Молодая женщина любила бывать на балах в клубе, в театре. Для балов и театра нужны были наряды, их доставать учитель не мог,

---

⁶⁸ Филевский П.П. Указ. соч. С. 10.

⁶⁹ Там же. С. 11

⁷⁰ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 244.

хотя и старался, впадая в долги. Поклонники Ариадны Григорьевны, богатые греки, стали делать ей подарки, они их принимала, а это повергало несчастного Старова в отчаяние, он <...> брал частные уроки и с большою платою, чтобы удовлетворять желание жены. Но все было напрасно»⁷¹.

Ситуация впоследствии была отражена в рассказе Чехова «Папаша» (1880). Герой произведения, учитель, говорит жене: «Дорого ты стоишь мне, Ариадна!.. Прихоти твои не имеют пределов!» (С. I, 29).

Филевский утверждал, что детей у супругов Старовых не было. Но 20 марта 1878 года А.И. Блонская писала ему в Харькове, где он учился в университете: «У Старова родился сын, если только это можно причислить к новостям гимназии»⁷². Возможно, ребенок умер, или Ариадна, уехав, забрала его с собой.

Актер А.Л. Вишневский, бывший таганрогский гимназист, рассказывал: «Явился к нам Антон <...> и весело сообщил: “Сейчас артист Соловцов увез жену нашего <...> учителя Старова”»⁷³. Очевидно, с замужеством Рурочки влюбленность Антона прошла, и он увидел в происшествии нечто забавное. Начиная актер Н.Н. Соловцов играл на сцене Таганрогского театра, а впоследствии стал первым исполнителем роли героя водевиля «Медведь».

Покинув Таганрог с Соловцовым, Ариадна попала в артистическую среду. Граф Кочубей предоставил ей значительную сумму для организации опереточной труппы. Под псевдонимом «Дагмарова» она стала антрепренершей труппы и совершала турне по России. Служила в Курске, Самаре, Воронеже и других городах, но в Таганрог никогда не заезжала. Она занимала заметное место на провинциальной сцене, исполняя роли великосветских дам. Рецензенты местных и столичных журналов обращали внимание на её эффектную внешность и роскошные туалеты. Известный критик и публицист Влас Дорошевич вспоминал, как впервые увидел её: «Я слышал, что это очень красивая актриса, но не представлял себе, что до такой степени»⁷⁴.

---

⁷¹ Филевский П.П. Указ. соч. С. 12

⁷² ТГЛИАМЗ. ЧФ.

⁷³ Вишневский А. Чехов-гимназист // Из школьных лет Антона Чехова. – М., 1962. – С. 115

⁷⁴ Альтишуллер А.Я. А.П. Чехов в актерском кругу. – СПб., 2001. – С. 20.

Ариадна пережила всех героев этой истории – и Чехова, и Старова, и Соловцова, – скончавшись в 1915 году.

Оставшись один, Владимир Дмитриевич начал пить. Весной 1887 года. А.П. Чехов приехал в Таганрог и посетил своего учителя. Теперь он уже по-другому смотрел на его несчастье. 15 октября он подарил учителю свою книгу «В сумерках» с дарственной надписью: «Владимиру Дмитриевичу Старову за Салюстия, Овидия, Тита Ливия, Цицерона, Вергилия и Горация <...> и за ночлег от бывшего ученика и автора А. Чехов 1887 15/X»⁷⁵.

В. Д. Старова перевели в менее престижную гимназию в Усть-Медведице, где он и умер в больнице в 1892 году.

Третий латинист, преподававший у Антона Чехова и упомянутый Филевским, – это А.Н. Дьяконов, служивший в гимназии с 1874 по 1879 годы. Так как в учительском коллективе уже имелся человек с такой же фамилией, ведущий уроки по тому же предмету, то новичка стали называть «Дьяконов 2-ой». А ученики между собой называли «Secunda» (второй). «Это была личность, могущая произвести впечатление и на менее впечатлительную натуру, чем юношество старших классов гимназии. <...> А.Н. Дьяконов во время уроков был поразительно одинаков, даже более того, неподвижен. Говорил, не повышая, не понижая голоса, не одного слова не произносил он помимо урока, дисциплина на уроках была безупречная. <...> Урок проходил серьезно, деловито, но убийственно холодно и окаменело. Когда он переводил Тита Ливия с его римскими консулами и трибунами, непреклонными и спокойными исполнителями своего долга, то казалось, что он им подражал. Он никогда никого не хвалил и никогда никого не порицал. <...> на его уроках была ничем не нарушаемая тишина и его боялись»⁷⁶. Филевский считал, что эта холодность создавалась умышленно. Встретив Арсения Николаевича спустя годы на другом месте службы, он узнал «изваяние из гранита» как отзывчивого и внимательного администратора.

В 1876 году А.Н. Дьяконов был командирован в Германию «для ближайшего ознакомления с учебно-воспитательным делом в ино-

---

⁷⁵ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 401

⁷⁶ Филевский П.П. Указ. соч. С. 13–14.

странных гимназиях»⁷⁷. 31 декабря 1878 года был напечатан его отчет «Прусские гимназии». Э.Р. Рейтлингер приводит фрагмент в своей книге: «Пока я был за границей, <...> я был поглощён мыслями и впечатлениями, вызванными <...> совершенством гимназической системы Пруссии, где все так стройно, так согласно, всесторонне обдуманно <...> Со времени устава 1871 года бесспорно наступила новая эпоха для нашего гимназического образования, которая может быть охарактеризована тем, что оно ближе чем когда-либо поставлено к европейскому образцу и на европейской почве <...> Не может государство, столь могущественное и великое, как наше отечество, учиться меньше, чем образованнейшие европейские государства, в особенности соседственное с нами»⁷⁸.

Очевидно, Филевский был прав. Этот учитель, как и И.А. Островский, входя в класс, надевал маску, за которой скрывался человек неравнодушный и увлеченный.

Кроме упомянутых педагогов, латинский язык преподавал инспектор гимназии Александр Фёдорович Дьяконов 1-й. Выпускник Главного Санкт-Петербургского педагогического института, Дьяконов вёл с 1852 года в Таганрогской гимназии уроки законоведения. С упразднением этого предмета полностью он переключился на древний язык, а после перевода Е.С. Каменского начал в 1874 году – исполнять обязанности инспектора.

О его внешности, характере и привычках сохранилось довольно много воспоминаний, зачастую противоречащих друг другу. Но, повторим, существуют значительные отличия в том, как воспринимают окружающих людей дети и взрослые. Вот несколько примеров.

Бывший таганрогский гимназист Пётр Христофорович Бабасинов писал: «Когда мы, гимназистики, по утрам проходили мимо дома инспектора Александра Федоровича, его уже поджидал легковой извозчик. Мы знали его хорошо. Это был дядя Илья. <...> на крыльцо выходил высокий и худой Дьяконов. Оглядевшись, он непременно замечал нас и приглашал ехать вместе в гимназию. По дороге рассказывал что-нибудь смешное. Нам очень нравились такие поездки

---

⁷⁷ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 213.

⁷⁸ Там же. С. 259.

с инспектором. Александр Федорович часто заходил к моему отцу в обувной магазин и разговаривал о политике. Он всегда рекомендовал читать “Московские ведомости”⁷⁹.

Бывший гимназист В.В. Зелененко вспоминал: «Сухарь, человек жесткий, он и внешним своим обликом напоминал высушенную воблу. <...> А.Ф. отличался феноменальной скупостью. <...> Он жил крайне замкнуто и уединенно – нигде не бывал и никого у себя не принимал»⁸⁰.

Бывшая гимназистка Л.И. Химченко (Бобровская) давала следующую характеристику: «Александр Федорович – это высокий, худой, сухощавый старик, суровый на вид, малоразговорчивый, но добрый человек. <...> Мы его не боялись, потому что он любил детей и относился к ним хорошо. Мы жили рядом <...> и Александр Федорович дружил с моим отцом <...> Отец был учителем и адвокатом»⁸¹.

П.П. Филевский писал о Дьяконове: «Какой-то окаменелый, не стареющий. Маленького роста, худенький и очень подвижный. Носил только усы, тщательно брился, одевался по-спартански: зимою шубы не носил, а только легкое пальто, брюки тоненькие люстриновые и вообще подолгу носил платье, тщательно его сохраняя. <...> Он был человек с хорошими средствами, одинокий, жил с двумя сестрами, уже пожилыми. Приемов не устраивал, но радушно принимал у себя сослуживцев и любил угощать хорошим, выдержанным в его собственном погребке вином»⁸².

Так каким же он был? Высоким, сухим, неразговорчивым, замкнутым? Или маленьким, добрым, общавшимся не только с сестрами и коллегами, но и любившим побеседовать с учениками и их родителями? Кстати, у него квартировал гимназический врач О.Ф. Шремпф.

По-видимому, сухим он был в стенах гимназии, «согласно инструкции». А за её пределами он раскрывался, причем не перед всеми людьми, а теми, кто был ему симпатичен.

---

⁷⁹ Бондаренко И.И. Следы его жизни. Книга о Чехове. – Ростов н/Д, 1992. – С. 54.

⁸⁰ Там же. С. 57.

⁸¹ Там же. С. 55.

⁸² Филевский П.П. Указ. соч. С. 18.

Взрослому П.П. Филевскому Александр Федорович, в отличие от учеников, казался невысоким. Ежедневно встречаясь с Дьяконовым на службе, он узнал о нем много хорошего, в том числе и о тех, кого Дьяконов выручал из беды.

Был в гимназии молодой учитель истории Василий Иванович Логинов (1845 г.р.). «Он пробовал читать историю несогласно с учебником и сперва заинтересовал все классы, но скоро наткнулся на директора и программу. После этого он впал в уныние и запил. Он возненавидел гимназию и говорил, что с отвращением открывает дверь в неё»⁸³. Филевский рассказывал: «Логинов, очень порядочный и неглупый человек, но несчастный,пил, чрез это залез в долги, брал деньги у ростовщиков под чрезмерные проценты, вырваться из цепких рук ростовщиков не мог бы и человек с более сильным характером. <...> И вот Дьяконов уплачивает несколько сот рублей по вексялям Логинова, наверное зная, что по выкупленным вексялям ничего не получит»; «производил впечатление скупого человека, но иногда помогал и даже щедро»⁸⁴.

Братьям Чеховым, как и многим поколениям гимназистов, инспектор запомнился очень хорошо. Ал.П. Чехов отмечал: «Замечательен он был, между прочим, тем, что, прослужив в гимназии чуть ли не сорок лет, не пропустил ни одного урока. Жил он в собственном доме, довольно далеко от гимназии, но его не останавливали ни холод, ни дождь, ни самая возмутительная распутица. <...> всегда ходил пешком. На извозчике его не видел никогда никто. Ученики звали его за глаза Дяденькой, а за скорую и мелкую походку – Сороконожкой. <...> Уживался он со всеми прекрасно и до самой глубокой старости не имел ни одного врага. <...> Преподавал <...>, строго придерживаясь учебника и не отступая от буквы его ни на йоту»⁸⁵.

А.П. Чехов в школьные годы любил показывать пародии на учителей родственникам и друзьям, в том числе Л.А. Камбуровой и О.П. Хомиченко. «Антон надевал отцовский черный люстриновый пиджак и фуражку и живо представлял инспектора гимназии Дья-

---

⁸³ Тан В.Г. На родине Чехова // Из школьных лет Антона Чехова. – М., 1962. – С. 49.

⁸⁴ Филевский П.П. Указ. соч. С. 18.

⁸⁵ Чехов Ал.П. Указ. соч. С. 197–198.

конова (“Сороконожку”), быстро-быстро бегая по комнате и кивая изредка слева направо головой»⁸⁶. Здесь, возможно, проявлялась не «нелюбовь» к Дьяконову, а творческая натура самого мальчика, его писательские и актерские задатки. Ведь он изображал также знакомых семьи, давал ровесникам смешные прозвища – и все отмечали, что очень метко.

Школьники, к тому же, очень наблюдательны. А чтобы пошутить товарищей, могут что-то и преувеличить. В.В. Зелененко писал: «Сколько разговоров, шуток, легенд ходило о нем среди гимназистов! Там, где соберется три гимназиста, в конце концов, разговор сводится к А.Ф., будет рассказан анекдот, какой-нибудь случай, зазвучит смех. <...> Говорили, что А.Ф. носил из-за скупости ботинки своих сестер и летний бурнус-разлетаюку. Его внешний облик – манеры, жесты, приемы, присловия, выражения не были лишены своеобразия и оригинальности и служили среди гимназистов предметом шуточного подражания. Выражения: “как мокрая горит”, “нелегкая несет” <...> вошли в обиход гимназической речи»⁸⁷.

И всё-таки в качестве прототипа «Человека в фуляре» он надолго утвердился в литературоведении с «легкой руки» двух бывших воспитанников.

М.П. Чехов издал в 1923 году книгу «Антон Чехов и его сюжеты», призванную раскрыть таганрогские, мелиховские и другие истоки замыслов брата. В ней он, в частности, рассказывал о Дьяконове: «Он всё был таким же, каким был и 10–15 лет тому назад, на нем были всё те же, как говорили гимназисты, «коленкорковые брюки», все тот же сюртук, он <...> говорил всё одни и те же слова. <...> Одним словом, это была машина, которая ходила, говорила, действовала, исполняла циркуляры и затем сломалась и вышла из употребления. Таков был прототип Беликова, героя “Человека в фуляре”»⁸⁸.

Ещё раньше, в 1910 году, опубликовал свою статью «На родине Чехова» В.Г. Богораз (Тан) в газете «Приазовская речь» № 42. «Мы

---

⁸⁶ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 302.

⁸⁷ Бондаренко И.И. Следы его жизни. Книга о Чехове. – Ростов н/Д, 1992. – С. 57.

⁸⁸ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 562

встретились потом в 1899 году в Петербурге и вместе вспомнили Таганрог и нашего инспектора гимназии, Александра Федоровича Дьяконова, по прозвищу “Сороконожка” и “Серое пальто”, который отчасти послужил прообразом “Человека в футляре”⁸⁹.

С этим выводом не согласились многие, лично знавшие инспектора. П.П. Филевский писал: «Я же положительно утверждаю, что между “Человеком в футляре” и А.Ф. Дьяконовым ничего общего нет»⁹⁰. Павел Петрович пытался подтвердить это своими наблюдениями. В отличие от забитого и запуганного жизнью Беликова Дьяконов, по его мнению, был человеком смелым, хотя и педантом. «Коль скоро (его обычный прием речи) существует правило, то оно не забавы законодателя и должно быть соблюдаемо. Каждый его поступок, даже самый ординарный, каждое его слово было согласно выработанному им правилу, которым он руководствовался и которому не изменял. Дисциплина в государстве, дисциплина в школе, дисциплина в частной жизни – есть основа всего. <...> Если директор поступал не на точном основании устава, а это бывало, то он восставал и решительно протестовал. Рейтлингер не особенно долбил А.Ф. Дьяконова, но уважал в нем честного, а главное, прямого, окольными путями никогда не действовавшего человека...»⁹¹.

От принципиальности Дьяконова в свое время страдали и братья Чеховы. Как бы ни сочувствовал он в душе детям из разорившихся семейств, но ведь правила запрещали допускать к занятиям не заплативших за обучение.

13 апреля 1873 года Евгения Яковлевна сообщала сыновьям-студентам: «Ваню опять выслали из гимназии. дьяконов прямо прогнал покровский за нас заступался. а дьяконов и слышать не хотел»⁹². 29 июня, П.Е. Чехов, уже из Москвы писал жене: «должно быть Вани много стоило перелезть в 4-й класс. <...> Полагаю, Директор или Покровский помогли по своей доброте»⁹³.

---

⁸⁹ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 596.

⁹⁰ Там же. С. 562.

⁹¹ Бондаренко И.И. Указ. соч. С. 57.

⁹² Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 183.

⁹³ Там же. С. 194.

Еще одно отличие между реальным инспектором и чеховским персонажем состояло в том, что Беликов обо всем доносил начальству («Как бы чего не вышло!»), а Дьяконов – никогда. Тот же, критически настроенный народоволец Зелененко признавал: «Он был строг и требователен, был грозой, но наушничества, шпионства, доносов не выносил»⁹⁴.

Беликов ничем не интересовался, кроме своего предмета и инструкций. У Дьяконова была большая библиотека. Прислуга инспектора Н.В. Калмыкова и ее муж, дворник, говорили И.И. Бондаренко, что Александр Федорович любил, когда у него просили почитать интересную книгу. «Сам, бывало, выберет и расскажет об авторе книги, ее содержании и обязательно скажет, что книгу надо беречь, как зеницу ока»⁹⁵.

Посещал Дьяконов и общественную библиотеку. Просматривая нужные ему издания, он иногда замечал гимназистов с неподходящей литературой в руках. По словам А.Б. Тараховского, он делал им замечания, но в гимназии о прискорбном факте так и не узнавали. По долгу службы инспектор присматривал за поведением гимназистов в театре, городском саду. Ал.П. Чехов, повествуя в письме брату о гимназистах – «рыцарях сада», шутливо припоминал: «Бежишь, <...> весь занят мыслью о майнридовском подвиге и избегаешь директора и Соро[ко]ножку»⁹⁶.

В ранней юмореске А.П. Чехова «И то и се (Поэзия и проза)» (1881) воспроизведена ситуация, когда инспектора избежать не удалось. В саду на скамейке под акациями гимназист объясняется девушке в любви.

«– Идите в класс! – раздается дребезжащий тенор над головой гимназиста.

Гимназист поднимает голову, и с его головы сваливается кепи... Перед ним инспектор...

– Идите в класс!

– Кгм... Теперь большая перемена, Александр Федорович!..

– Идите! У вас теперь латинский урок! Останетесь сегодня на два часа!

---

⁹⁴ Бондаренко И.И. Указ. соч. С. 58.

⁹⁵ Там же. С. 55

⁹⁶ Там же. С. 315

Гимназист встает, надевает кепи и идет... идет и чувствует на своей спине ее большие глаза... Вслед за ним семенит инспектор...» (С. I, 104).

Посетив родной город весной 1887 года, А.П. Чехов 10 апреля извещал родных: «А.Ф. Дьяконов по-прежнему тонок, как гадючка, носит коленкоровые брюки и сковороду вместо картуза <...>»⁹⁷. Но подходил ли он к бывшему наставнику, беседовал ли с ним – неизвестно. «Его как учителя помнит целая плеяда поколений. <...> В самом конце его педагогического поприща его еще захватили внуки самых первых учеников его <...> молодости. <...> Но всем без исключения он памятен как добрый человек»⁹⁸.

Древнегреческий язык считался не менее важной учебной дисциплиной, чем латинский, хотя в дальнейшем мог понадобиться значительно меньшему числу гимназистов. Одним из педагогов, дававших уроки по этому предмету, являлся Н.Ф. Агапьев, служивший в Таганрогской гимназии в 1870–1875-е годы Ал. П. Чехов писал: «Учителем, читавшим с нами Илиаду и Одиссею был обрусевший и выросший на русской почве грек Николай Федорович Агапьев. Преподавал он в старших классах и положение его было поистине жалкое. Древнего языка он не знал, с тонкостями грамматики знаком не был, слов знал мало, на уроках постоянно рылся в лексиконе и страшно путался в переводах. Ученики над ним прямо издевались и нарочно приставали к нему с просьбами объяснить то или иное синтаксическое правило или перевести <...> непонятное место. <...> Чувствуя ехидный подвох, он всякий раз густо краснел, а ученики улыбались»⁹⁹. Учитель страдал, ощущал себя не на своем месте, а затем вообще оставил преподавательскую деятельность.

В 1875 году в штат гимназии зачислили 40-летнего Константина Ефимовича Зико, выпускника Афинского университета. «Родом он был из Греции, с какого-то из окружающих её Цикладских <...> островов. Он <...> не знал русского языка, хотя и учился ему усердно. О нем ученики рассказывали, будто бы он, во время греческого диктанта,

---

⁹⁷ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 382.

⁹⁸ Чехов Ал.П. Указ. соч. С. 198.

⁹⁹ Там же. С. 195.

фразу: “Кир соскочил с колесницы”, передавал: “Кюр скачивался с коленис” и вроде бы он утверждал, что множественное от “муха” будет “муши”, потому что “ухо” – “уши”. Предмет свой он знал. Его любили. Он был человеком редкой справедливости, не злоупотреблял отметками и в Педагогическом совете всегда стоял за учеников и защищал их интересы. Не любил он, когда к ученикам придирались»¹⁰⁰.

Ал. П. Чехов приводит в пример следующую историю. Не в меру усердный надзиратель Е.М. Дробязгин крикнул ученикам в «раздевальной» (вероятно, гардеробной): «Снимите, господа, фуражки! Разве вы не видите, что здесь даже учителя ходят без шапок!». На что Зико ядовито, со своим греческим акцентом, заметил: «А если учителя будут ходить без панталони, то и ученики должны ходить без панталони?»¹⁰¹.

Об отличных знаниях и справедливости этого учителя в советское время не вспоминали. Зато, благодаря В.Г. Богоразу (Тану) часто цитировали фразу, якобы сказанную Зико. «Он брал взятки с учеников и экстернов открыто, с блеском и в оптовых размерах. Брал и не находил в этом ничего худого: «Худо, зачем худо? Тебе хорошо, мне хорошо...». Он говорил нам в классе невозмутимым тоном: «<...> (справедливость) и <...> (скромность) – это пустяк. Первое дело – chremata (деньги)»¹⁰². Эти эпизоды хорошо вписывались в сатирический образ «царской» гимназии.

П.П. Филевский полемизировал с Таном и утверждал, что Зико не мог сказать подобного. «Деньги он наживать любил и давал уроки, преследуемые законом, но до такого цинизма не доходил, потому что был человек неглупый и читая Гомера, умел передать красоту греческого текста. <...> на уроках у него не было скучно. Любил очень, чтобы ему задавали вопросы и когда вопрос был действительно содержательный, он говорил, что самый вопрос заслуживает хорошей оценки. Спрашивал у всего класса, как кто понял какое-либо темное место»¹⁰³.

---

¹⁰⁰ Чехов Ал.П. Указ. соч. С. 196.

¹⁰¹ Александр и Антон Чеховы. Воспоминания, переписка / Сост. Е.М. Гушанской, И.С. Кузьмичева. – М., 2012. – С. 196.

¹⁰² Тан В.Г. На родине Чехова // Из школьных лет Антона Чехова. – М., 1962. – С. 48.

¹⁰³ Филевский П.П. О статье Тана-Богоразы «На родине Чехова». ТГЛИАМЗ, ЧФ. Рукопись. С. 58.

К.Е. Зико не задержался в гимназии надолго. П.П. Филевский рассказывал, что он умел «насколько возможно разнообразить свой скучный предмет и вызвать даже некоторое увлечение духом греческого языка и поэзии, но его <...> приватные уроки и прием пансионеров иногда всего за несколько месяцев до экзаменов вызывали в обществе нарекания; он в 1881 году вышел в отставку»¹⁰⁴.

Фамилия педагога встречается в переписке Николая и Антона Чеховых.

Николай, не окончивший гимназию, хотел сдать экзамены экстерном. По этому поводу он писал Антону: «Ты советуешь мне держать экзамен на аттестат зрелости <...> Я смотрю на Зико как редкость, как на «приблизительно – гения», и ни за что, понятно, не желал бы держать в Таганроге испытания зрелости» (после 27 июня 1878 г.)¹⁰⁵, «Спрашивал ли обо мне Е.А. Овсянников и Зико? Интересуется ли кто-либо мною в смысле участия? Первым и последним низкий поклон» (май 1879 г.)¹⁰⁶.

Очевидно, почему художник передает поклон учителю рисования. К личности Зико отношение, вероятно, более сложное. Николаю нравились многие его качества, но экзамен ему он сдавать не собирался из-за безденежья.

Из современных языков в гимназии преподавали немецкий и французский. Немецким языком А.П. Чехов владел хорошо, в аттестате зрелости по этому предмету стоит оценка «отлично». Выпускной экзамен принимал Эмилий Иванович Штейн (1831–1883). Он служил в Таганрогский гимназии с 1865 года, пользовался любовью и уважением коллег и учеников. Этот добросовестный педагог проработал в гимназии 15 лет, но восхищенных или забавных рассказов о себе не оставил.

Учителем французского языка с 1864 по 1878 год был Юлий Иванович Буссар (1825–1878). Он выдержал в 1856 году в Московском университете экзамен на звание учителя. Преподавал в Одесском, Керченском и Новороссийском народных училищах (1843–1854 гг.),

---

¹⁰⁴ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 304.

¹⁰⁵ Там же. С. 252.

¹⁰⁶ Там же. С. 269.

Екатеринославской войсковой гимназии (1854–1856 гг.), Тульской гимназии (1856–1864 гг.).

В Таганрогской гимназии он вел уроки французского языка во всех классах. Он же был классным наставником у Антона Чехова. 27 сентября 1875 года П.Е. Чехов писал Александру в Москву о своих хлопотах из-за «чахотки в кармане»: «Я подавал Директору прошение через Буссара, классного наставника Антоши, чтобы освободили двух сыновей от платы, Антона и Михаила <...> Одного только освобождают Мишу <...>»¹⁰⁷.

В данном конкретном случае классный наставник ничего не смог сделать для своего воспитанника. Но обычно он, сам будучи небогатым, старался помочь нуждающимся гимназистам. Например, участвовал в благотворительных концертах. 19 февраля 1871 года в театре состоялся концерт «в пользу бедных учеников мужской гимназии»¹⁰⁸. В программе фамилия Ю.И. Буссара встречается трижды. Он указан среди исполнителей «Секстета соч. Бартини», «Квартета для 4-х виолончелей», «Трио соч. Осборна».

Коллеги составили о нем самое благоприятное мнение. «Ю.И. Буссар принадлежал <...> к вырождающемуся типу людей, воспитанных в началах философской системы Гегеля. Он был эстетик в душе и жизни <...> Он не увлекался меркантильным настроением наших дней, и, несмотря на житейские невзгоды и лишения, всецело сохранил в себе стремление к идеалу. Живя с большой семьей одними уроками, он посвящал все свободное время чтению и музыке, устраняясь от круговорота общественной суеты и личных страстей»¹⁰⁹.

Утром 12 января 1878 года учитель отправился в «цирульню» мещанина Семена Кузьменко. О том, что произошло дальше писала местная газета: «Скоропостижно скончался преподаватель французского языка в здешней гимназии Юлий Иванович Буссар. Все знавшие покойного уважали в нем не только прекрасного наставника, но и человека. Смерть г. Буссара поразила всех, тем более, что была неожиданна и при особой обстановке. Покойный

---

¹⁰⁷Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 168.

¹⁰⁸Там же. С. 105.

¹⁰⁹Там же. С. 245.

зашел к парикмахеру и в то время, когда последний начал его брить, сильный апоплексический удар мгновенно прекратил дни Юлия Ивановича».¹¹⁰

На отпевании и погребении присутствовали коллеги Буссара и гимназисты. Возможно, именно эту трагическую историю имел в виду А.П. Чехов, когда писал, что ему снятся похороны гимназических учителей. Кстати, незадолго до этого, в 1876 году скоропостижно скончался учитель истории и географии Л.И. Емельянов.

Что касается Буссара, то «в том же году был поставлен его товарищами по службе, учениками и ученицами мраморный памятник в уважение к его честной, полезной деятельности как педагога, так и человека, пользовавшегося общим уважением и любовью»¹¹¹.

Одна из дочерей Юлия Ивановича была замужем за Федором Христофоровичем Дмитрокопуло (1849–1881). Выпускник Таганрогской гимназии, он служил в той же гимназии помощником классных наставников.

15 июня 1881 года Антону Чехову написал его соученик по гимназии и однокурсник Василий Зембулатов: «Будь так добр, Антон, исполни мою просьбу, хотя она для тебя трудновата; но брат это собственно не для меня а для Елизаветы Юльевны бывшей Буссар жене Дмитрокопуло; положение ее ужасно плохое, муж умер и ни аза нет, между прочим она экзамен выдержала и хочет быть акушеркой и убедительно меня просила справиться на счет родильного приюта в Москве, об условиях поступления и пр.пр. подробности и мне напиши подробно»¹¹². Скорее всего, Чехов эту просьбу исполнил, как исполнял до и после десятки мелких и крупных просьб окружающих. А судьба родных Буссара, как и судьба семьи Островского (о которой он тоже знал) стали для него яркими фрагментами в общей картине положения учителей в России.

Если с математикой и географией отношения у А. Чехова складывались неровно (сначала двойки и сложности в освоении этих предметов, а затем увлечение ими), то ведь эти науки и не являлись

---

¹¹⁰ Азовский Вестник. – 1878. – № 5. – 15 января. – С. 2.

¹¹¹ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 245.

¹¹² Там же. С. 299.

определяющими в его жизни. Зато преподаватели словесности, казалось, должны были заметить одаренность воспитанника в этой области. Ал.П. Чехов отмечал: «Приходится на основании опыта признать, что гимназии – плохие и совсем неудачные пророчицы относительно будущего своих питомцев <...> Не угадал в Чехове будущего писателя и учитель русского языка и словесности Андрей Дмитриевич Мальцев, не одобрявший ни одного его ученического сочинения и помечавший их снисходительной тройкой»¹¹³.

В 1896 году прославленный писатель А.П. Чехов встретился в Ростове с товарищем по гимназии Львом Волкенштейном и рассказал за ужином: «Недавно, перебирая бумаги в сундуке, я нашел сочинение, писанное мною в шестом классе гимназии... Без преувеличения скажу, что и сейчас не написал бы на эту тему чего-нибудь лучшего. А Мальцев <...> поставил мне обычную мою тройку. Между тем некоторые наши товарищи получили за это сочинение пятерки и четверки. Думаю, что Мальцев эти сочинения лучше понимал, они были ему ближе по духу. Впрочем, – добавил Антон Павлович со своей милой улыбкой, – Мальцев не лишен был остроумия. Ведь он на чьем-то сочинении написал: “Ваше сочинение приводит меня в недоумение. Следует обратить внимание на знаки препинания”»¹¹⁴. Кстати, А.Д. Мальцев покинул гимназию одновременно с Чеховым. В 1879 году он был переведен на должность инспектора в Бахмутскую прогимназию.

Более наблюдательным, чем Мальцев, оказался его коллега Иван Семенович Стефановский (1846–1919). В 1875 году он был переведен в Таганрогскую гимназию.

Во время выпускных экзаменов 1879 года Иван Семенович входил в состав педагогического совета. Оценку сочинений, кроме него, производили: директор Рейтлингер, инспектор Дьяконов и Мальцев. Именно Стефановский обратил внимание коллег на литературную отделку чеховского сочинения. П.П. Филевский писал: «Шел выпускной экзамен. <...> Иван Семенович Стефановский говорит товарищам учителям: “Представьте себе, кто удачнее всех написал

---

¹¹³ Чехов Ал.П. Указ. соч. С. 208.

¹¹⁴ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 520.

сочинение – Антон Чехов”¹¹⁵. Впоследствии Стефановский много лет проработал в Петербурге. Но Чехов не забыл его.

В сентябре 1953 года М.П. Чехова получила письмо от незнакомого ей Б.В. Охотского из Днепропетровска. Охотский в 1931 году жил в Ленинграде у Стефановских. Вдова Ивана Семеновича, Мария Константиновна показывала книгу А.П. Чехова «Пестрые рассказы». На заглавном листе рукой Антона Павловича было написано: «Дорогому учителю на добрую память А. Чехов».

Кроме вышеупомянутых предметов, окружное начальство не-малое внимание уделяло гимнастике (т.е. физкультуре). Во второй половине 1870-х годов в Таганроге была расквартирована 5-я Резервная артиллерийская бригада. Офицеры-артиллеристы были приглашены в мужскую гимназию преподавателями гимнастики: в 1876–1877-е годы – штабс-капитан Алексей Петрович Соляников, в 1878 – штабс-капитан Антон Николаевич Триполитов.

Для Антона Чехова, росшего среди купцов, духовенства и гимназических учителей, военные были элементом новым и малознакомым. Он, вероятно, очень внимательно к ним присматривался. А впоследствии, какие-то черточки их характеров, манера поведения могли всплыть в его памяти в процессе создания пьесы «Три сестры».

Присутствие офицеров вообще внесло свежую струю в городскую жизнь, оживило балы и клубные беседы. Родители таганрогских невест готовились к свадьбам. Так, например, родственница Чеховых Ольга Павловна Камбурова обвенчалась с капитаном Михаилом Елисеевичем Хомиченко.

Когда артиллерийскую бригаду намеревались перевести из Таганрога, горожане упрашивали её оставить. В связи с этим вспоминаются последняя сцена «Трех сестер» и чувства, охватившие героев в момент ухода из города артиллеристов.

Более привычным для гимназистов был вездесущий надзиратель – Павел Иванович Вуков (1850–1920). После окончания таганрогского уездного училища он какое-то время прослужил учителем приготовительного класса. Но затем юный Павел (он

---

¹¹⁵ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 268.

поступил в штат в 17 лет) понял, что это не его призвание. И, по словам Ал.П. Чехова, «сбежал в надзиратели и в этой должности оставался чуть ли не до самой отставки»¹¹⁶. «Все почти учителя носили у нас клички. Павлу Ивановичу была присвоена, по созвучию с именем, довольно-таки обидная кличка – Балваныч. Относился он к ученикам хорошо, хотя и старался иногда казаться суровым и требовательным. Все дело, однако, сводилось к одному только старанию: никто его не боялся и в суровость его не верил»¹¹⁷. Александр Чехов приводит один из примеров его рвения: «Раз один из старших классов расшалился и стал шуметь. Павлу Ивановичу вздумалось водворить порядок. Он явился в класс в самый разгар. Строгий, энергичный и начальственный и крикнул: “Молчите все!”. Возня сразу сменилась дружным хохотом – и он сконфузился. Смешным показалось слово «все», прилепленное ни к селу ни к городу»¹¹⁸.

Александр Чехов был всего на пять лет младше Вукова и воспринимал его как доброго, «не хватавшего с неба звезд» и наивного человека. «Славился у нас Павел Иванович как дарвинист, потому что приобрел себе только что вышедшую в свет книгу Дарвина “Происхождение видов”. Уразумел ли он содержание этого сочинения, остаётся тайной. Но так как в те времена все “развитые” люди говорили о Дарвине и его теории, то он тоже говорил. Когда его спрашивали ученики, что именно проповедует английский естествоиспытатель-новатор, то он с видом ученого и серьёзного человека отвечал: “Чарльз Дарвин брал голубя и голубку, и от этого получалось скрещивание...”»¹¹⁹.

Иногда ученики позволяли себе по отношению к нему чрезмерную фамильярность. Иван Чехов рассказал в письме к отцу как веселились гимназисты во время гуляния в Дубках. Одним из устройств различных соревнований, несомненно, являлся Вуков. Одноклассник Чехов Марк Красса хотел отблагодарить его и предложил качать. «Краса закричалдавайте Павл. Ивановича Вукова подыдем на ура и все подняли его за ноги» (И. Чехов – П.Е. Чехову, 1 мая 1876 г.)¹²⁰.

¹¹⁶Чехов Ал.П. Указ. соч. С. 208.

¹¹⁷Там же. С. 208.

¹¹⁸Там же. С. 210.

¹¹⁹Там же. С. 211.

¹²⁰Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 185.

Братья Чеховы вспоминали Вукова всю жизнь, как и их соученики. Студенты Александр и Николай передавали ему через Антона приветы. «Вукову Павлу Ивановичу пожелай от меня доброго здоровья и вящего усердия служить по звонку»¹²¹. Советуясь в 1893 году с братом по поводу документов для поступления на государственную службу, А.П. Чехов шутил: «Не нужно ли написать в Таганрог Вукову <...>?» (П. V, 175). 12 сентября Ал.П. Чехов подписывает послание к А.П. Чехову: «Твой Пал Иванч Вуков»¹²².

16 ноября 1896 году Чехов просит старшего брата приобрести книги для таганрогской библиотеки: «Нужны уставы всех ученых, благотворительных, велосипедных, масонских и прочих обществ, куда тебя не пускают за твой безобразный вид. (Вукову всё известно.)» (П. VI, 227).

11 января 1898 года Александр Павлович с юмором упрекает младшего брата: «Желаю тебе от всей души, чтобы ты помечал свои письма ко мне календарными датами. <...> Даже министры, архиереи и Вуков пишут числа, а ты этого не делаешь. Неужели ты думаешь, что ты выше Вукова?»¹²³.

1 января 1899 года больной туберкулезом А.П. Чехов в письме к П.А. Сергеевко вспоминает вечно бодрых, застывших «в одной поре» людей: «Мое здоровье добропорядочно, болезненные и всякие другие процессы остановились во мне, как в Пав. Ив. Вукове или в А.Ф. Дьяконове» (П. VIII, 8–9).

Живущий в Таганроге соученик и друг В.А. Сиротин пишет А.П. Чехову 11 февраля 1900 года: «Павлу Ивановичу передам твой ему привет и поклон, на днях буду у него»¹²⁴.

Ал.П. Чехов рассказывал, что, приезжая на родину, его брат любил встречаться с учителями, и, в том числе, с Вуковым. Но, встретившись впервые спустя годы с бывшим подопечным, Павел Иванович его не узнал. Журналист А.Б. Тараховский (Шиллер из Таганрога) стал свидетелем этого события: «В городском саду ему

---

¹²¹Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 201.

¹²²Там же. С. 489.

¹²³Там же. С. 547.

¹²⁴Там же. С. 617.

указали П.И. Вукова <...> Антон Павлович пошел за ним и, когда тот остановился, А.П. протянул руку, и счастливая улыбка озарила его <...> лицо. П. Вуков не знал, кто это так любовно пожимает руку, так ласково смотрит в глаза <...>

– Вероятно, в нашей гимназии учились?

– Да, ведь это Чехов! Не узнали? – сказали окружающие.

– Чехов? Антон! Знаменитость!! – у старика появились слезы на глазах»¹²⁵.

Ал.П. Чехов, подчеркивая наивность наставника, по-другому передает эту фразу: «Кто ж знал, что из Вас выйдет такая знаменитость?»¹²⁶.

Узнавши ученика, Вуков затем вспомнил свои наблюдения: «В старших классах в нем обнаружилась определенная черта характера – острым метким словом охарактеризовать того или иного педагога или товарища. Иногда он подавал идею для какой-нибудь остроумной затеи, но сам всегда был в стороне. Его идею или острое словечко подхватывали товарищи, и это становилось источником веселья и смеха»¹²⁷. Начав карьеру надзирателем, П.И. Вуков впоследствии именовался помощником классных наставников.

В 1875 году на службу в таганрогскую гимназию был назначен на ту же должность Степан (Стефан) Карлович Монтанруж (де-Монтанруж) (1823–1899). В отличие от Вукова, он начал свою карьеру в довольно солидном возрасте. Это был дебют домашнего учителя на государственной службе. Швейцарский подданный, он женился на гречанке Смарагде Бенардаки и перешел затем в русское подданство.

Гимназисты любили слушать, как Монтанруж сочинял невероятные небылицы. В.Г. Богораз (Тан) писал: «Монтанруж Степан Карлович, <...> швейцарский француз, полный рассказов, только нажми настоящую пружину»¹²⁸.

Заканчивая обзор педагогического коллектива гимназии, хочу подчеркнуть, что здесь специально не названы чины учителей, не

---

¹²⁵ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 598.

¹²⁶ Чехов Ал.П. Указ. соч. С. 208

¹²⁷ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 243

¹²⁸ Там же. С. 169.

перечислены их ордена и медали. Вся эта информация имеется в перечисленных источниках. Гораздо важнее было показать впечатления юного Антона Чехова. А они были связаны не с учительскими наградами (хотя ученики были в курсе), а с казенным или душевным отношением к подрастающему поколению. Именно поэтому приведено столь солидное количество цитат, в которых заметно, как сквозь строгие рамки инструкций и циркуляров прорывались человечность, доброта, чувство юмора.

Но говоря о гимназическом персонале, необходимо назвать ещё одного человека – врача О.Ф. Шремппа (Шремфа). Оскар Федорович Шремпп появился в Таганроге как вольно практикующий врач. 10 ноября 1871 года доктор через газету «Ведомости Таганрогского Градоначальства» (№ 67) объявил о часах приема «В квартире своей на Греческой улице в доме литографа Скулича, утром с 8 до 10, после обеда с 4 до 6 часов»¹²⁹.

9 марта 1873 году он был назначен на должность гимназического врача вместо уволенного по прошению доктора Н.А. Лицына.

На фоне обычной рутинной работы возникали иногда и очень серьезные ситуации. Одна из них пришлось на август 1875 года.

М.П. Чехов вспоминал: «В 1875 году Антон тяжело заболел и чуть не отправился к своим праотцам. <...> Иван Парфентьевич <Селиванов> пригласил к себе погостить Антона. По дороге <...> обратно из имения в Таганрог мальчик Антоша выкупался в холодной речке и схватил тяжелую простудную болезнь. <...> Антошу привезли домой. Как сейчас помню его, лежавшего при смерти. Около него гимназический доктор Шремпп <...> Болезнь оставила в нем большие воспоминания. Это была первая тяжелая болезнь, которую он испытал в жизни. <...> Постоялый же двор, в который завозил его Иван Парфентьевич, и симпатичные евреи выведены им в “Степи” в лице Моисея Моисеевича, его жены и брата Соломона.

Кстати: болезнь настолько сдружила Антона с доктором Шремппом, окончившим медицинский факультет в Дерптском университете, что все время будущий писатель мечтал отправиться по окончании курса гимназии в Дерпт и там получить медицинское

---

¹²⁹ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 110.

образование»¹³⁰. Таким образом, Шремпф не только спас для человечества великого писателя, но и подтолкнул его на медицинскую дорогу.

На О.Ф. Шремпфа Городской Управой были также возложены обязанности Городского санитарного врача. 16 марта 1877 года «Ведомости Таганрогского градоначальства» (№ 22) извещали горожан, что Управа «по случаю приближения теплого времени года, просит гг. домовладельцев озаботиться безотлагательной очисткой их дворов, помойных ям <...> к 15 апреля <...>. По прошествии этого срока Городской санитарный врач Шремпф приступит к осмотру дворов и неисправно содержащие дворы домовладельцы будут привлечены к законной ответственности»¹³¹.

17 апреля в Успенском соборе был зачитан манифест о начале Русско-турецкой войны. А 14 августа 1877 года таганрожцы узнали из «Азовского Вестника» (№ 57), что Местное Управление Общества попечения о раненых и больных воинах постановило избрать членами-соревнователями О.Ф. Шремпфа, Н.А. Лицына, А.Я. Точиловского и других врачей, которые «изъявили готовность пользоваться больных и раненых воинов местных лазаретов безвозмездно».

Весь Таганрог, как и всю Россию, охватило желание помочь братьям-славянам угнетаемым, а то и физически уничтожаемым турками. Все, от мала до велика собирали средства в пользу раненых – в том числе и церковный староста Митрофан Егорович Чехов. Отправлявшихся в действующую армию добровольцев торжественно провожали на вокзале при массовом стечении публики. По газетам следили за деятельностью знаменитого хирурга Н.И. Пирогова, который когда-то приезжал в качестве попечителя, а теперь делал операции в полевых лазаретах. Выехал в Болгарию и О.Ф. Шремпф, оставив вместо себя другого врача. Вернувшихся с войны встречали как героев. Так же, наверное, смотрели на своего доктора таганрогские гимназисты.

Оскар Федорович был награжден медалью «в память войны 1877–1878 гг.». Он, как прежде, служил врачом при гимназии.

---

¹³⁰ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 162.

¹³¹ Там же. С. 223.

В 1880 году его, как специалиста, вместе с доктором Н. Гудзенко пригласили на заседание подготовительной комиссии по устройству водопровода. «Санитарный врач Шремпф стоял за проведение в Таганроге морской воды для наружного употребления, так как в этом город ощущает несравненно большую потребность, чем для внутреннего употребления. Это мнение <...> единодушно было принято всеми, как самое удобно исполнимое в настоящее время для Таганрога».¹³² 11 апреля 1887 года А.П. Чехов коротко упомянул в письме из Таганрога: «Теперь о текущих делах. Умерли: д-р Шремпф»¹³³.

Перечень рассматриваемых гимназических впечатлений Чехова будет неполным без упоминания его соучеников. Современники писателя всегда отмечали его веротерпимость, интерес к традициям и культуре других народов. Все это, как известно, тоже из детства, из очень толерантного города Таганрога. Не говоря уж о самом многонациональном Таганроге, в классе Чехова и 23-х выпускников было только несколько русских мальчиков. С будущим писателем обучались греки, евреи, немцы. Он с ранних лет воспринимал человека не столько как представителя определенной национальности, сколько как личность.

Греческая фамилия Дросси у всех, кто знаком с биографией А.П. Чехова, ассоциируется со словами «таганрогский любительский театр».

Глава семьи Дросси, Дмитрий Андреевич (1828–1897) оплачивал свидетельство купца 2-ой гильдии. П.П. Филевский вспоминал: «Старинный таганрогский комиссионер <...> Небольшого роста горячий грек, пользовавшийся славой честного коммерсанта»¹³⁴. Около 1856 года он женился на дочери харьковского купца Ольге Михайловне Калита (1837–1898), «крупной красивой даме».

В семье было пятеро детей: Иван, Андрей, Мария, Александр, Варвара. Андрей, тот, благодаря которому до сих пор знают об этой семье, родился 20 января 1861 года. Его, как и остальных, крестили

---

¹³²Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 202.

¹³³Там же. С. 388.

¹³⁴Там же. С. 154.

в Греческой церкви. Большая семья размещалась в двухэтажном особняке под № 24 на Николаевской улице (ныне ул. Фрунзе, № 22), выстроенном в 1850-х годах. Вместе с семьей проживали гувернантка и слуги: дворецкий, повар, кухарка, горничная, конюх.

Несмотря на значительные домашние расходы Д.А. Дросси постоянно участвовал в различных благотворительных акциях. В списках тех, кто жертвует в пользу голодающих, раненых воинов и т.п., его фамилия нередко соседствует с фамилиями М.Е. Чехова и лиц из чеховского окружения.

У Чеховых и Дросси было немало общих знакомых. Митрофан Егорович посещал дом Дросси.

В 1869 году Андрей поступил в Таганрогскую гимназию. Он вспоминал: «С Антоном мы были погодки и шли вместе до четвертого класса, где я остался на повторительный курс, но в пятом классе мы встретились снова, так как Антона постигла та же участь»¹³⁵.

Андрей заходил в лавку П.Е. Чехова на углу Александровской улицы и Ярмарочного переулка, в которой «часто можно было видеть будущего писателя отвешивающим товар покупателем»¹³⁶.

В собственном доме Чеховых на Конторской улице, куда семья переехала осенью 1874 года, Андрею бывать не приходилось. Но именно в это время окрепла его дружба с Антоном. «Я близко сошелся с Антоном <...> на почве весьма распространенного тогда в Таганроге спорта, а именно – ловле, чижей, щеглов и прочих пернатых. <...> Сколько долгих часов я проводил осенью с Антоном <...> на большом пустыре за их двором, притаившись за рогожню привадою»¹³⁷. «С годами, – отмечал А. Дросси, – увлечение ловлей щеглят <...> прошло, и, мы начали увлекаться литературой и театром»¹³⁸.

С 1874 года Антон начинает часто бывать в доме друга. Здесь царили совсем иные порядки, нежели в его семье. Старшие при воспитании младших обходились без подзатыльников, а младшие пользовались довольно большой свободой. Чуткий, вниматель-

---

¹³⁵Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 108.

¹³⁶Там же.

¹³⁷Там же.

¹³⁸Там же.

ный Антоша стал всеобщим любимцем и родителей Андрея, и прислуги.

Ольга Михайловна отличала Антона среди других гостей-гимназистов, часто беседовала с ним. Она рассказала о вишневых садах, оставшихся в её усадьбе в Миргородском уезде... Мария Дросси-Стейгер (1863 г.р.) вспоминала: «Когда много лет спустя я прочла “Вишневый сад”, мне все казалось, что первые образы этого имения с вишневым садом были заронены в Чехове рассказами матери»¹³⁹. Бывшие крепостные О.М. Дросси, служившие у нее, казались прототипами Фирса: «Старый дворецкий Герасим <...> стариков называл молодыми людьми. Повар Степан немолодую замужнюю хозяйку продолжал именовать “барышней”»¹⁴⁰.

Антон с Андреем и маленьким Александром играл во дворе в лапту, запускал воздушных змеев. О Мане, подруге и ровеснице сестры, заботился поистине по-братски, даже оберегал её от нападков собственных братьев. Даже прислуга ласково называла мальчика Антошей. В доме Чехова не было гувернанток, конюхов и поваров. Однако уже в ранних рассказах они описаны очень точно, со знанием их психологии и привычек. Вероятно, этот жизненный опыт был получен во время наблюдений, сделанных в доме друга.

В гостях у Андрея часто собирались гимназисты и гимназистки – он обладал определенной харизмой. П.П. Филевский писал: «Андрей, красивый мальчик, веселый, благовоспитанный, с красивыми манерами, хорошим голосом, способный, но ленивый <...> Пользовался всеобщей любовью за свой веселый нрав и общительность»¹⁴¹. Андрей писал стихи, играл на скрипке.

Став постарше, Андрей и Антон часто посещали вместе театр. «Все наши сбережения и карманные деньги мы несли на галерку театра», – вспоминал А.Д. Дросси.

В то время в Таганроге была мода на любительские спектакли. Взрослым подражали гимназисты, у которых были свои «труппы». Однажды подобная идея захватила Андрея и Антона. Старшие Дрос-

---

¹³⁹Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 154.

¹⁴⁰Там же. С. 154.

¹⁴¹Там же. С. 154.

си отнеслись с пониманием и сочувствием. Семья жила в верхнем этаже особняка, нижний предоставили детям. В большой комнате, находившейся в центре, была устроена сцена, расставлены стулья для зрителей. В соседних комнатах гримировались «барышни» и «кавалеры». Раскрывался самодельный занавес с наклеенными попугаями и жар-птицей – и представление начиналось. Организатором спектаклей был Андрей. Душой их – Антон, который предпочитал роли неудачников и меланхоликов. В «Лесе» он играл Несчастливцева.

Впоследствии спектакли стали устраивать еще и в большом пустующем сарае, во дворе дома Караспасовых. Сами хозяева тоже принимали участие в постановках. Андрей Дросси, Александр и Николай Чеховы решили играть мужские роли, а Антон добровольно причислил себя к «женскому персоналу».

В пьесе «Ямщики, или Шалость гусарского офицера» Александр Чехов играл станционного зрителя, Андрей – молодого ямщика, Антон – старуху-старостиху: «Репетировали мы эту пьесу не менее десяти раз, и она у нас прошла великолепно». «Шероховатости» вроде станционного зрителя в мундире таможенного ведомства «искупались художественной игрою Антона»¹⁴².

Летом 1874 года было поставлено 6 спектаклей. Андрей Дмитриевич вспоминал: «Нельзя себе представить того гомерического хохота, который раздавался в публике при каждом появлении старостихи. <...> играл он мастерски, а загримирован был идеально»¹⁴³.

Любительские спектакли нашли впоследствии свое отражение в рассказах А.П. Чехова: «Страдальцы» (1886), «Лишние люди» (1886), «Рассказ без конца» (1886).

Спектакли в доме Дросси прекратились после отъезда Андрея. Он не закончил гимназию, выбрав военную стезю, вероятно под влиянием ещё одного друга и соученика, Владимира Сиротина. Казак, сын полковника, Владимир также не завершил гимназического курса.

Андрей поступил в Елизаветградское кавалерийское юнкерское училище. 28 апреля 1885 года корнет 30-го Драгунского полка Андрей

---

¹⁴²Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 141.

¹⁴³Там же. С. 141.

Дмитриевич Дросси присутствовал на венчании своей сестры в Греческой церкви. 22-летняя купеческая дочь Мария Дросси выходила замуж за Владимира Александровича Сиротина, хорунжего Войска Донского. П.П. Филевский отмечал, что всех удивил этот странный брак, который, впрочем, был недолговечным.

В бойкую капризную Маню с роскошной косой влюблялись гимназисты, когда она была ещё подростком. Филевский недолюбливал Сиротина и не понимал, как «красивая, интересная» девушка могла выбрать «пустого глупого хвостуна». Между тем, А.П. Чехов и А.Д. Дросси дружили с Сиротиным долгие годы. Фото его хранилось в ялтинском доме писателя.

Вскоре Андрей, как и его отец когда-то, нашёл себе жену в Харькове. По словам Филевского, «похитил и женился на дочери харьковского предводителя дворянства».

31 октября 1887 года А.Д. Дросси пишет другу детства А.П. Чехову: «Мой тесть издает в Харькове к Новому году “Харьковский Календарь-Альманах”, в нем будет отдел беллетристический. Твои рассказы имеют у нас такой большой успех, что весьма желательно было бы, предполагаемый сборник украсить одним из твоих рассказов. <...> В надежде, что ты исполнишь просьбу старого товарища по гимназии, остаюсь преданный тебе А. Дросси»¹⁴⁴. Ответил ли Чехов на эту просьбу – неизвестно.

Во 2-ой половине 1880-х годов А.Д. Дросси вышел в отставку. С 1886 года его имя встречается на афишах и в программах любительских спектаклей.

Маня воспитывала троих детей от брака с Сиротиным. Расставшись с ним, она в 1895 году вышла замуж за германско-подданного Джеймса Осфальда Стейгера. Новый супруг был управляющим хлебной конторой парижской фирмы «Луи Дрейфус» и владельцем кирпичного завода.

1 ноября 1901 года отставной ротмистр А.Д. Дросси поступил на службу в Таганрогское Коммерческое училище преподавателем гимнастики, в 1903 году занял должность письмоводителя; а затем и заведующего библиотекой. Со своими воспитанниками он поста-

---

¹⁴⁴Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 402.

вил 1 января 1904 года, на рождественских каникулах, спектакль по комедии Н.В. Гоголя «Ревизор».

Вскоре началась русско-японская война, и Андрей Дмитриевич отправился в действующую армию. 29 ноября 1904 года газета «Приазовский край» поместила письмо ротмистра нежинских драгун А.Д. Дросси.

После войны Андрей Дмитриевич вернулся в Коммерческое училище.

С началом Первой мировой войны он снова принял участие в военных действиях. 5 марта 1915 года «Таганрогский Вестник» (№ 61) поместил информацию под заголовком «Наши герои»: «В Таганрог прибыл для лечения полковник одного из кавалерийских полков А.Д. Дросси, прошедший всю кампанию на австрийском фронте».

22 марта 1918 года А.Д. Дросси скончался от рака горла.

Таким образом, двое соучеников Чехова, с которыми он поддерживал отношения всю жизнь – Дросси и Сиротин – пошли по военной стезе и гимназию не окончили.

Из оставшихся одноклассников треть избрала медицинское поприще. М.Ф. Волкенштейн вспоминал, что в старших классах возникло несколько кружков. «Чехов был в кружке “земские врачи”»¹⁴⁵, наряду с Савельевым и Зембулатовым. Впоследствии из двадцати трех выпускников семь стали врачами: Чехов, Зембулатов, Красса, Сабсовичи (два брата), Савельев и Шамкович.

8 августа 1879 года Антон Чехов прибыл в Москву поступать в университет. По словам младшего брата М.П. Чехова: «Приехал он <...> не с пустыми руками, зная стесненное положение нашей семьи и привез с собой еще двух нахлебников, своих товарищей по гимназии – В.И. Зембулатова и Д.Т. Савельева».¹⁴⁶

Г.И. Россоломо, товарищ Чехова по Московскому университету, рассказывал: «Представление о Чехове-студенте у меня составилось частью из <...> личных встреч <...>, частью же из того, что о нем сообщал словоохотливый и прямодушный, наш милый товарищ Вася Зембулатов, которого Чехов звал по гимназическому обычаю “Макаром”, и другой товарищ по Таганрогу

¹⁴⁵Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 260.

¹⁴⁶Там же. С. 275.

Савельев. Оба товарища А.П. относились к нему, как к самому лучшему другу детства, их соединяла не только гимназическая скамья, но и донское происхождение и весь, хотя и неглубокий, но обычно интимный круг интересов гимназических одноклассников. Толстенький, маленький, с ротиком сердечком, маленькими усиками и жидкой эспаньолкой, с подпрыгивающим животиком во время добродушного смеха, степняк-хуторянин Вася Зембулатов и поджарый, высокий, добрый, благородный, по-детски мечтательно удивленный молчаливый казак Савельев как-то дополняли друг друга»¹⁴⁷.

Истории семей Чеховых и Савельевых очень похожи. Отцы Антона и Дмитрия родились и выросли крепостными. Поварёнок Тимофей Савельев принадлежал графу Шереметьеву. Став свободным и скопив деньги, он арендовал буфеты в таганрогском клубе Общественного собрания и в городском саду. Старший сын Дмитрий родился в 1857 году. Его ранние годы прошли, вероятно, так же, как у Антона – в большой многодетной семье, под разговоры о ценах и товарах. Перед поступлением в гимназию он также посещал церковно-приходскую школу, только не греческую, а русскую, при кладбищенской Всехсвятской церкви.

Дмитрий играл в любительских спектаклях в доме Павла Филевского, сочинял для рукописных гимназических журналов.

Правда, в отличие от Антона, сына купца-банкрота, Дмитрий провел последние ученические годы весьма беззаботно. В январе 1875 года общий знакомый Антона и Дмитрия Д. Суховетченко писал П. Филевскому: «Я не Савельев, который имеет у батюшки своего довольно кругленькую сумму <...> и потому может оплатить всё, что ему вздумается»¹⁴⁸.

В этот период Савельев флиртовал одновременно с несколькими знакомыми барышнями... Соседка Чеховых по Конторской улице, дочь нотариуса Ариадна Блонская часто писала о нём своему другу Павлу Филевскому. Например, о том, что, проводя много времени с Галей Гарцевич, он ей, Ариадне, объясняется в любви – «верно

---

¹⁴⁷Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 337.

¹⁴⁸ТГЛИАМЗ. ФПИ. Ф. 7.

врёт» (10 мая 1878 г.). «Галя Андреевна <...> гуляет по большой <Петровской ул.> с Савельевым <...>. Женя говорит, что Галя дрянь и терпеть ее не может» (2 ноября 1878 г.)¹⁴⁹. Именно Женя Блонская вскоре станет женой Савельева.

Савельев любил заниматься самоанализом. 1 января 1881 года он писал Филевскому: «Я принадлежу к разряду недовольных <...> это мое последнее наблюдение над собою. Прибавьте к недовольству всем еще страшную раздражительность. Проявление веселости у меня чрезмерно стихийно и порывисто»¹⁵⁰.

Материальное положение семьи Савельевых в это время начало ухудшаться. Продав Блонским свой дом на Конторской улице, они переехали в Москву. Тимофей Дмитриевич открыл кухмистерскую. Денег на жизнь едва хватало. Как незадолго до этого старшие Чеховы протестовали против женитьбы Александра на Марии Файст, так и Савельев-отец не хотел свадьбы сына. Тем не менее, 29 июля 1882 года Д.Т. Савельев, «Императорского Московского университета студент Медицинского факультета 4-го курса», 25-ти лет, обвенчался с Е.И. Блонской, 21-го года. Венчание происходило в Скорбященской церкви при таганрогской больнице богоугодных заведений. Вскоре Дмитрию пришлось вернуться в университет, оставив молодую жену в Таганроге.

В январе 1884 года тяжело заболела мать Савельева. Он просил Чехова: «Будь так добр, Антон, ссуди меня еще, если сможешь, от 5 до 15 руб. <...> Я тебе должен уже 45 руб., которые в конце этой недели надеюсь с благодарностью возратить» (5 февраля 1884 г.)¹⁵¹. Вскоре Пелагея Моисеевна умерла. Чехов пишет другу: «Посылаю тебе 15 руб. Извини, что не мог больше достать. Отдай их иереям и дьяконам, насчет же гробовщика потолкуем сегодня за обедом» (П. I, с. 102). Он спешит успокоить Евгению: «Ваш долговязый супруг, а мой друг Дмитрий Тимофеевич, жив и здоров. <...> Он здоров телесно, но не духовно. <...> опечален смертью матери, тоскует за Вами <...>. Будь Вы около него, мне кажется, он претерпел бы наполовину менее терзаний <...> Вообще судьба держит себя мерзко

---

¹⁴⁹ТГЛИАМЗ. ФПИ. Ф. 7.

¹⁵⁰Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003.

¹⁵¹Там же, С. 340.

по отношению к Вашему мужу, и он умно делает, что держит себя героем. Я уважаю в нем эту выносливость» (П. I, 105–106).

После окончания университета Д.Т. Савельев стал земским врачом. В 1885 году у супругов Савельевых родилась дочь Евгения, затем два сына. Весной 1887 года А.П. Чехов нанес визит Евгении Иасоновне. Она жила на Конторской улице «в покривившемся заржавленном флигеле». Писатель сообщал родным: «По всем видам несчастна. Ее Митя служит где-то на Кавказе в станице. <...> Дочка вся в папеньку: много хохочет и уже прекрасно говорит»¹⁵².

В том же году Савельев был переведен в Ростовский округ, в немецкую колонию Ойгенфельд, где супруги наконец-то поселились вместе. Но уже 17 января 1889 года он пишет Чехову с нового места службы – из станицы Тифлисской, в Кубанской области. Станица находилась в глуши. «Письмо от жены из Таганрога я получаю на 9-й день и нередко на 12-й». Тем не менее, Савельев следил за литературной деятельностью друга по рецензиям в газетах и радовался его успехам.

Чехов и Савельев часто приглашали друг друга в гости. В декабре 1895 года Дмитрий Тимофеевич всё-таки смог приехать в Мелихово.

Возможно, образы земских врачей, созданные писателем, возникли не только из его личных наблюдений, но и из рассказов и писем бывшего соученика. Ведь где бы Савельев ни оказался по воле начальства, он везде наводил порядок в больницах, открывал аптеки: «Я заведу уездной земской больницей на 40 кроватей при ежедневной амбулатории, доходящей <...> в месяц выше 1 000 человек. Меня не гонят, напротив, очень дорожат, но ей Богу, невыносима изо дня в день такая непосильная работа. <...> Весь мой кругозор здесь больница и моя убогая квартира, а семья осталась в Таганроге» (4 сентября 1903 г.)¹⁵³.

В последнем из известных писем, от 4 февраля 1904 года, вернувшийся в Таганрог Савельев приглашал друга на любительский спектакль в пользу Красного Креста. Но тяжелобольной писатель не смог приехать зимой.

Через пять лет, 16 февраля 1909 года, «Таганрогский Вестник»

---

¹⁵²Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 385–386.

¹⁵³ТГЛИАМЗ. ЧФ (по копии РГБ).

поместил некролог: «На днях скончался <...> от сыпного тифа земский врач таганрогского округа, Дмитрий Тимофеевич Савельев, заразившись этой болезнью при подаче помощи своим больным. <...> Как и подобает таким безкорыстным труженикам, Д.Т. умер совершенным бедняком, оставившим без обеспечения семью».

Василий Зембулатов (1858–1908) также, как и Савельев, оставался другом Чехова до последних дней. По словам М.П. Чехова: «Любитель давать каждому человеку название, Антоша <...> прозвал этого толстяка Макаром. <...> На вопрос учителя, как по-гречески слово “блаженный” В.И. вместо “маАкар” ляпнул “маАр” и этим, благодаря Антоше, перекрестил себя для всей гимназии, и затем для университета и для всей жизни»¹⁵⁴.

Летом 1879 года Антон отдыхал после выпускных экзаменов в имении его родителей Котломино, в 35 верстах от Таганрога. Брат Василия, Виссарион, вспоминал: «По истечение первого года пребывания в Москве, А.П. уже студент <...> снова прибыл с Зембулатовым в Котломино и прожил здесь второе лето. Отец Зембулатова отвел студентам две комнаты в доме – каждому по кабинету. <...> Что А.П. уже писал и печатался – это все мы знали. Мы знали также, что его труды – рукописи, заметки, письма и проч. хранятся в маленьком чемоданчике, стоявшем в его комнате. Мы видели, что нередко А.П. уединялся в отдельном уголке сада или в своей комнате и мы догадывались, что он пишет»¹⁵⁵.

Об отце друга, отставном военном, помещике Иване Васильевиче Зембулатове Чехов так отозвался в письме к брату: «Хорош бы я был, если бы надел на Зембулатова дурацкий колпак за то, что он незнаком с Дарвином! Он, воспитанный на крепостном праве, враг крепостничества – за одно это я люблю его!»¹⁵⁶.

Из дальнейшей переписки Чехова с друзьями и знакомыми видно, что он был в курсе дел бывшего соученика. Так, Дмитрий Савельев пишет Чехову: «Зембулатов прикомандирован к какому-то Новочеркасскому Госпиталю за вознаграждение в 16 руб. 50 коп. в м-ц;

---

¹⁵⁴ Чехов М.П. Антон Чехов на каникулах // А.П. Чехов в воспоминаниях современников. – М., 1960. – С. 83.

¹⁵⁵ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 286.

¹⁵⁶ Там же. С. 326.

на днях подал прошение об откомандировании и думает поехать <...> в Москву – ещё «поучить» как он выражается» (24–30 августа 1884 г.)¹⁵⁷. «На днях уехал из Таганрога <...> Васька Зембулатов <...> Один маклер грек <...> хотел ему навязать дом за 12 тысяч (каковые деньги у Васьки водятся), но Васька зрело обсудивши, <...> отказал греку <...>» (И.В. Еремеев – А.П. Чехову, до 1 октября 1888 г.)¹⁵⁸. «Василий Иванович Зембулатов, врач на Московск<о>-Курск<ой> дороге, живет в Серпухове» (А.П. Чехов – П.Ф. Иорданову, 19 мая 1898 г.)¹⁵⁹.

Последняя встреча старых друзей состоялась в 1903 году 14 августа. Чехов сообщал Савельеву: «На днях в Ялте был у меня Макар, который стал немилосердно толст. <...> и я поседел, похудел,.. одним словом, обращаемся все мало-помалу в маститых»¹⁶⁰.

Антон Павлович не терял из виду и других одноклассников-коллег.

Марк Федорович Красса (1860–1913) после окончания Киевского университета служил тюремным врачом в г. Ростове-на-Дону. «Марк Крассо – врач в Ростове» (А.П. Чехов – И.И. Островскому, 11 февраля 1903 г.)¹⁶¹.

В феврале 1890 года в городе проходил сенсационный судебный процесс. Жена местного лесопромышленника Максименко обвинялась в отравлении мужа. М.Ф. Красса был привлечен к расследованию причин смерти потерпевшего. Вдову защищали известные адвокаты Ф.Н. Плевако и Н.И. Холева. А предполагаемого сообщника, приказчика Резникова защищал еще один соученик Чехова Л.Ф. Волкенштейн. 23 февраля Чехов рассказывал издателю газеты «Новое время» А.С. Суворину об оправдании вдовы: «До процесса я разговаривал с защитником Холевой и мог убедиться, что Максименко совсем не виновата. Того же мнения и все ростовцы, аплодировавшие приговору»¹⁶².

---

¹⁵⁷ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 346.

¹⁵⁸ Там же. С. 419.

¹⁵⁹ Там же. С. 557.

¹⁶⁰ Там же. С. 664.

¹⁶¹ Там же. С. 468.

¹⁶² Там же. С. 440.

Красса, производя вскрытие, сделал вывод, что купец был отравлен. В ходе процесса было признано, что им из-за объективных причин совершена ошибка. «Плевако пустил про него эпиграмму, что, как известно, он любил делать. <...>

В мире божьем, где краса,
Там и радость.
А в Ростове, где Краса
Там и гадость»¹⁶³.

В личной библиотеке Чехова хранилось издание, посвященное «Делу Максименко».

В 1891 году Красса оставил место службы. 2 июня «Ростовский на Дону Листок» (№ 61) сообщал: «Горячая признательность из “мертвого дома”. Нельзя обойти молчанием редкое и выдающееся по своей трогательности прощание заключенных со своим врачом <...> многие плакали навзрыд, а старики старались протиснуться вперед, чтобы поцеловать ему руку». Марку Федоровичу преподнесли икону Казанской Божьей матери в серебряной ризе. Один из заключенных произнес речь: «Со дня поступления Вашего в тюрьму Вы употребили все усилия, чтобы облегчить нашу горькую участь, <...> борясь и отстаивая наши интересы и человеческие права. Мы вполне сознаем, что идти Вам по начертанному пути было трудно, что доказывает то, что вы покидаете нас. <...> В далекой Сибири и в самых отдаленных уголках России, <...> везде Ваше имя произносится с благоговением, тысячи из нас молят за Вас Бога – молят, чтобы он воздал Вам за все, Вами содеянное...»¹⁶⁴.

Некоторое время, в связи с эпидемией холеры, Красса являлся врачом одного из районов Ростова-на-Дону, Затемерницкого. Затем участок был закрыт. 2 августа 1891 года «Донская пчела» (№ 66) поместила письмо одного из жителей района: «<...> признавая необходимость присутствия врача в Затемерницком поселении, гор. управление предлагает ему принять эту должность за 100 руб.

---

¹⁶³Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 439.

¹⁶⁴Там же. С. 451.

в месяц вместо прежде ассигнованных 250 руб. Понятно, г. Красса отказался от такой платы. Надо принять во внимание, что в нашем поселении г. Красса были поручены не один, а два участка, расстоянием в 5 верст по косограм и ухабам, с населением 12 000 душ <...> хлебопашцы, рыбаки, драгили, огородники, шахтеры в каменоломнях <...> никогда ни о какой помощи понятия не имели, лечились у баб, шептунов. <...> враждебное настроение скоро сменилось выражением доверия и признательности, г. Крассе и готовности принять его помощь и советы. Я неоднократно <...> был свидетелем как врач давал свои деньги на хлеб и бульон больному»¹⁶⁵.

21 ноября 1896 году двоюродный брат Г.М. Чехов сообщал писателю: «Зашел к твоему товарищу по гимназии, если ты помнишь Марка Федоровича Красса, который теперь живет в Анапе и лечит больных летом, а зимою кажется некого лечить, жителей совсем мало <...> Красса просил меня кланяться тебе, и он высказал свое удовольствие, что пришлось ему совершенно случайно в этом захолустье встретить земляка и узнать хорошенько о тебе».¹⁶⁶ 29 ноября А.П. Чехов ответил: «Марку Федоровичу поклонись и передай ему, что я его очень, очень помню»¹⁶⁷.

Братья Александр и Исаак Сабсовичи были сыновьями хлебного маклера. Ал.П. Чехов в очерке «Недавнее прошлое Азовского побережья» ярко обрисовал сцену, свидетелем которой стал в гимназические годы. Осип (Иосиф) Сабсович, наперегонки с другими маклерами, мчался к крестьянским возам с хлебом. Необходимо было первым перехватить крестьян в степи, еще до въезда в город, и перекупить зерно. Победа и заработок зависели от выносливости лошадей и скорости их бега. Но в ночь на 8 августа 1877 года «во дворе мещанина Осипа Сабсовича чрез взлом замков у ворот и конюшни, украдены 3 лошади со сбруей, стоящие 130 р.»¹⁶⁸.

Вероятно, братья рассказали Антону и другим соученикам о том, что стряслось у них дома. Пропажа лошадей была частым явлением

---

¹⁶⁵ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 454.

¹⁶⁶ Там же. С. 528–529.

¹⁶⁷ Там же. С. 530.

¹⁶⁸ Азовский вестник. – 1877. – № 64. – С. 2

в Таганроге 1870-х годов. И всё же рассказ «из первых рук» от хорошо знакомых потерпевших мог добавить новые штрихи к складывающемуся в сознании Чехова образу персонажа-конокрада.

Братья Сабсовичи впоследствии стали врачами, практиковали в родном городе и состояли с 1890-х годов в Таганрогском Обществе врачей.

Секретарем этого общества являлся ещё один одноклассник Чехова, Исаак Яковлевич Шамкович (1862 г.р.). Он окончил в 1887 году Петербургскую Медико-Хирургическую Академию. В мае этого же года писатель встретился в Таганроге с соучениками. А.К. Гетманов-Наливайко, артист Таганрогского театра, вспоминал: «Чехов <...> сидел в кругу друзей, бывших гимназистов. Здесь был доктор Исаак Яковлевич Шамкович, сидевший с Чеховым в выпускном, восьмом классе гимназии за одной партой. Все они расположились на скамьях, немного поодаль от музыкальной раковины, в которой играл симфонический оркестр. <...> Шла веселая беседа. Гимназические воспоминания, шутки, остроты сыпались как из рога изобилия. Все были бесконечно веселы и рады своему товарищу, о котором уже тогда знал читающий Таганрог»¹⁶⁹.

15 июня 1899 года Антон Павлович в последний раз приехал в родной город. Он «по целым часам просиживал в уединенных аллеях городского сада, в гавани на берегу моря, в Карантине, в Дубках. Ходил по коридорам гимназии, в которой учился»¹⁷⁰.

Писатель С. Званцев, сын И.Я. Шамковича, вспоминал: «В доме царило волнение, связанное с приездом в Таганрог Чехова. <...> когда раздался звонок и открывать вышел сам отец, <...> в дверях показался высокий <...> и худой человек, в черном пальто и черной шляпе, несмотря на лето.

Отец сказал дрогнувшим голосом: “Здравствуй, Антон!” <...> А в кабинете <...> уже сидел консилиум: доктор Шимановский и доктор Лицын <...> Консилиум собрался, чтобы решить, можно ли Чехову остаться в Таганроге, на чем Антон Павлович стал снова настаивать: время от времени писатель возвращался к этой мысли, <...> под конец

---

¹⁶⁹Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 394.

¹⁷⁰Там же. С. 598.

речь стала уже идти не только об уютном уголке, но и о климатически здоровом месте. Но годится ли для этого Таганрог, приморский южный город? Консилиум решил: нет, не годится. Восточные ветра, зимние холода... <...> Помню, отец грустно сказал моей матери:

– Я удивляюсь, как может дышать человек такими легкими...»¹⁷¹.

17 июня Чехов с Шамковичем совершили прогулку по Таганрогу. Писатель рассказывал П.Ф. Иорданову: «Утром в день отъезда я со своим другом детства ездил на Банный съезд <...>. Хороший город!» (6 августа 1899 г., П. VIII, с. 235).

22 августа 1901 году Г.М. Чехов в письме к двоюродному брату упоминает: «Твой товарищ по гимназии, Шамкович, имеет практику побольше любого профессора, сумел зарекомендовать себя великим медиком»¹⁷².

Впоследствии И.Я. Шамкович состоял членом таганрогского отделения Всероссийской лиги по борьбе с туберкулезом. И участвовал в вечерах, посвященных памяти А.П. Чехова.

М.Ф. Волкенштейн, повествуя в мемуарах о кружке старшекласников «земских врачей», включал в его состав Кукушкина и Зиберова.

М. Д. Кукушкин вспоминал: «Учился Чехов неважно и из двадцати трех учеников выпускного класса занимал одиннадцатое место <...> Знал массу славянских текстов и в товарищеских беседах увлекал нас рассказами, пересыпанными славянскими изречениями, из которых многие я впоследствии встречал в некоторых его первых литературных произведениях. <...> Товарищи все без исключения, любили Чехова, хотя ни с кем из нас он особенно не сближался»¹⁷³.

Михаил, действительно, не входил в близкий круг общения Антона. В отличие от Дросси, Сиротина и Савельева, знакомых с членами семьи Чеховых, он полагал, что Антон принадлежит к «духовному званию».

Престижную профессию врача Михаил выбрал, вероятно, следуя примеру одноклассников. Или так пожелали его родители. Уже

---

¹⁷¹ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 599.

¹⁷² Там же. С. 636.

¹⁷³ Там же. С. 254.

в ученические годы он увлекался пением. 16 октября 1876 года рукописный журнал «Голубочка» (№ 1) информировал читателей из мужской и женской гимназий: «24 октября наша Гимназия намерена дать концерт в пользу бедных гимназистов. Участие принимают следующие: <...> Волкенштейн (прочтёт «Жена» Никитина), Кладас (исполнит что-то на фортепиано), Кукушкин и Цимплер (пропоют какие-то романсы) <...>»¹⁷⁴.

24–30 августа 1884 года Д.Т. Савельев писал А.П. Чехову из Таганрога: «Не раз предпринимал я поездки в Ростов по делам, виделся с Кукушкиным <...> и Зиберовым <...> Кукушкин университетскую науку бросил уже совсем и помышляет подвизаться на театральных подмостках, кстати, имеет довольно порядочный горловой баритон. <...> он даже ездил в Москву с целью дебютировать у Лентовского, но последний не дал ему дебюта и он думает как-нибудь пристроиться в Ростове <...> Зиберов, находясь в данное время в Одессе на юридическом факультете, как юрист имеет несколько благообразную внешность, но физиономия такая же сморкательная, как и была прежде»¹⁷⁵.

В 1893 году А.П. Чехов, в письме к врачу И.И. Островскому, рассказывал о соучениках по гимназии (Иосиф Островский учился с Чеховым в начальных классах, до того как тот остался на второй год). «Эйнгорн поет в петербургской опере под фамилией Чернов, <...> Кукушкин ведет бродячую жизнь опереточного певца. Братья Волкенштейны – адвокаты. <...> Зиберов, говорят, умер»¹⁷⁶.

М. Д. Кукушкин вспоминал впоследствии: «По окончании курса мы все разбрелись в разные стороны, но А.П. не переставал хранить к нам товарищеские отношения. Много лет спустя я встретил его в Москве таким же хорошим и скромным, как и в гимназии, а не особенно давно, попав случайно в Ростов, он разыскивал здесь нас, своих школьных товарищей»¹⁷⁷. Кукушкин, скорее всего, имеет ввиду

---

¹⁷⁴ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 203.

¹⁷⁵ Там же. С. 346.

¹⁷⁶ Там же. С. 468.

¹⁷⁷ Кукушкин М. Из воспоминаний об А.П. Чехове // Из школьных лет Антона Чехова / Сост., предисл. и пояснит. статьи к разделам Н. Роскиной. – М., 1962. – С. 56.

приезд Чехова на родину в 1896 году. Писатель погостил в Таганроге всего два дня, 22–23 августа. И 23-го же выехал в Ростов-на-Дону.

В «Дневниковых записях. 1896» Чехов отметил: «В Ростове ужинал с товарищем по гимназии Львом Волкенштейном, адвокатом, уже имеющим собственный дом и дачу в Кисловодске»¹⁷⁸. Он вполне мог расспросить приятеля о Кукушкине или Абраме Лазаревиче Черникове, помощнике присяжного поверенного. Но в записях и письмах упоминаний о них нет – вероятно, ввиду их отсутствия в Ростове.

Кроме Л.Ф. Волкенштейна (ок. 1860–1935) и А.Л. Черникова среди одноклассников Чехова были ещё юристы. Брат первого, Михаил Филиппович (1861–1934) служил присяжным поверенным.

22 сентября 1895 года А.П. Чехов передавал в письме к М.Ф. Волкенштейну привет его брату Льву. В конце сентября 1898 года Ал.П. Чехов сообщал из Петербурга: «Существует у нас фирма “Издатель”, членом которой состоит твой товарищ по гимназии <...> М.Ф. Волкенштейн. Фирма сия издает “Сын Отечества”, а в последнее время стала отбивать хлеб у Суворина, открыв на Невском книжный магазин <...> На днях представитель этой фирмы обратился ко мне с вопросом, не уступишь ли ты им для издания на мягкой бумаге для брошюр несколько твоих неизданных рассказов?»¹⁷⁹.

Мари Харлампиевич Кладас служил присяжным стряпчим при Таганрогском Коммерческом суде.

Соломон (Шлема) Крамарев после окончания Харьковского университета стал присяжным поверенным в Гродно. Сохранилось два письма, ещё студенческих времен, Крамарева к Чехову и Чехова к Крамареву.

8 мая 1881 года Антон Чехов писал: «Мудрейший, а следовательно, и ехиднейший Соломон! <...> Жив, здоров, учусь и поучаю. Силуюсь перейти в III курс. <...> Тебя воображаю не иначе как с бородой. Желал бы и видеть. <...> Приезжай учиться и поучать в Москву: таганрожцам счастливится в Москве: и по учению, мерзавцы, идут хорошо и от неблагонамеренных людей далеко стоят. Преобладаю-

---

¹⁷⁸ Кукушкин М. Указ. соч. С. 520.

¹⁷⁹ Там же. С. 573.

щая оценка у Санкт-таганрожцев пятерка»¹⁸⁰. И в ответ на рассказ Крамарева о еврейских погромах в Харькове: «Биконсфильдов, Ротшильдов и Крамаровых не бьют и не будут бить. Где люди делом заняты, там не до драк, а в Москве все делом заняты» (П. I, 39).

О судьбе некоторых одноклассников А.П. Чехова сведений пока не найдено. Среди вышеперечисленных почти никто не пошел по стопам родителей. Дети купцов становились врачами, юристами, военными. Они «выламывались» из купеческой среды, которая казалась им отсталой и живущей по устаревшим традициям.

А вот условия, в которых рос Леон Эйнгорн, казалось бы благоприятствовали тому, чтобы он продолжил отцовское дело. Купеческий сын Елизар Гиршевич Эйнгорн, окончив Харьковский университет, стал таганрогским врачом. Некоторое время он являлся врачом мужской гимназии (1877), вероятно, замещал О.Ф. Шремппа, участника Русско-турецкой войны. В «Деле о принадлежности к таганрогскому кружку с целью революционной пропаганды. Материалы следствия» (РГИА. Ф. 112) говорится: «Он и его семейство постоянно читают книги в свободное время: он – медицинского содержания, а семейство – литературного: журналы, газеты или книги из существующих привилегированных библиотек, или из библиотеки коммерческого клуба. Характер чтений образовательный и воспитательный. Один читает, другие слушают»¹⁸¹. Казалось бы, отец подготовил почву для будущего медика. Но Леон стал оперным певцом, под псевдонимом «Аркадий Яковлевич Чернов».

Иногда он приезжал в родной город, и «Таганрогский Вестник» помещал подобные объявления: «Во вторник, 28 февраля в городском театре концерт Артистов С.-Петербургск. Оперы А.Я. Чернова (баритон) и г-жи Пильц (контральто)» (№ 21, 26 февраля 1896 г.)¹⁸².

Таганрогский журналист А.Г. Торопов вспоминал о начале творческого пути артиста: «Серию концертов открыл вчера г-н Чернов, баритон С.-Петербургской Императорской сцены. Для нас г-н Чернов представляет двойной интерес, так как он <...> наш земляк и на на-

---

¹⁸⁰Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 297.

¹⁸¹Там же. С. 151.

¹⁸²Там же. С. 427.

ших глазах прошли чуть ли не первые сценические попытки этого артиста. Теперь г-н Чернов – звезда, если не первой, то во всяком случае очень крупной величины <...> А у меня в памяти другое время – когда г-н Чернов на второй или третий сезон сценической деятельности подвизался и на нашей сцене <...> Мы помним его лакеем в «Зимнем вечере с итальянцами», Парисом <...> Г-н Чернов решил сделаться певцом и поехал учиться в Италию. <...> Петербург широко открыл гостеприимные двери молодому артисту»¹⁸³. А.П. Чехов хорошо знал об успешной карьере бывшего соученика.

Пожалуй, единственным человеком в чеховском классе, продолжившим отцовское дело, был Александр (Аарон) Викторович Виктешмайер (ок. 1860–1911). Сын купца, он тоже стал купцом, владел паровой мельницей. Был избран старостой синагоги.

С некоторыми известными одноклассниками писатель учился совсем недолго. Например, с П.Ф. Иордановым (1857–1920). Антон остался в третьем классе на второй год, и Павел окончил гимназию раньше. Завершив обучение в Харьковском университете, он в 1884 году стал таганрогским санитарным врачом. Это был патриот своего города, энтузиаст и единомышленник А.П. Чехова. В бытность членом Городской Управы и заведующим городской библиотекой (с 1895 г.) он очень многое сделал для пополнения библиотеки, создания музея и памятника Петру I. В 1917 году его избрали членом Государственного Совета. А умер, как и Д.Т. Савельев, во время исполнения своего врачебного долга – заразился, работая в тифозных бараках.

В 1877–1879 годах в Таганроге гастролировала труппа под управлением актера и антрепренера М.Ф. Яковлева. Он определил своего сына Александра в гимназию. А.Д. Дросси вспоминал: «Благодаря протекции гимназического товарища нашего Яковлева, сына <...> артиста, служившего несколько сезонов к ряду в Таганроге, мы имели беспрепятственный доступ за кулисы»¹⁸⁴.

Гимназическими правилами вход за кулисы строго воспрещался. Но сын, конечно же, приходил к отцу, а с ним – и будущий писатель.

---

¹⁸³Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 428.

¹⁸⁴Там же. С. 242.

Вот откуда взялось столь хорошо заметное в ранних рассказах Чехова детальное знание актерской жизни. С её творческими взлетами и завистью, чувством товарищества и интригами, пьянством и бедностью. «Александр Михайлович Яковлев (Московский театр Корша), артист» (А.П. Чехов – П.Ф. Иорданову, 19 мая 1898 г.)¹⁸⁵. Когда таганрогский городской голова прислал Чехову подписные листы для сбора средств на памятник Петру I, он отправил один из них Яковлеву.

Младшим соучеником Чехова был знаменитый этнограф, писатель и поэт В.Г. Тан (Богораз). Натан Менделевич Богораз родился в 1865 году в городе Овруч Волынской губернии. У его отца, сына раввина, была склонность к литературе. Он много писал на древне- и ново-еврейском языках, кое-что печатал. В поисках заработка перебрался в Таганрог, торговал пшеницей и углем. Вскоре к нему присоединились жена и восемь детей.

7-летний Натан так надоел отцу просьбами о гимназии, что тот раздобыл метрическое свидетельство с новой датой рождения сына – 1862 год. Богораз вспоминал: «Я учился <...> почти одновременно с Антоном Павловичем Чеховым. Он был старше меня одним классом»¹⁸⁶. Антон посещал основной класс, Натан – параллельный, открытый позже. «Он был “основником”, а я “параллельником”. Он выглядел букой и все ходил по коридору мимо нашего класса, а мы прятались за дверь и дразнили его “чехонью”»¹⁸⁷.

В гимназические годы Натан, как и Чехов, занимался репетиторством, много читал и... участвовал в драках с учениками уездного училища.

В 1880 году, завершив гимназический курс, он поступил в Санкт-Петербургский университет. Вначале на физико-математический факультет, затем перешел на экономическое отделение юридического факультета. Зарабатывал Богораз на жизнь переводами для журнала «Отечественные записки».

---

¹⁸⁵ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 556.

¹⁸⁶ Тан В.Г. На родине Чехова // Из школьных лет Антона Чехова. – М., 1962. – С. 46.

¹⁸⁷ Там же. С. 46.

В 1881 году Богораз принял православие, по его словам – «для целей революционных». Осенью 1882 года за участие в студенческих волнениях Натан был выслан в Таганрог, где организовал народо-вольческий кружок. Натан Менделевич стал Владимиром Германовичем. Из прежнего имени был образован псевдоним «Н.А. Тан».

Богораз принял участие в работе подпольной типографии, печатавшей газету «Народная воля». Типографию разгромила полиция. 9 декабря 1886 года он был арестован, а затем заключен в Петропавловскую крепость.

В 1889 году его сослали в Колымский округ Якутской области на 10 лет. В условиях, напоминающих каменный век, он научился ездить на собаках и сверлить лед на реке, чтобы добывать воду. «Свою этнографическую карьеру он начал фольклорными записями среди русского населения на р. Колыма <...>, записывал русские народные песни, былины, сказки, пословицы»¹⁸⁸. Кочуя на оленях с чукчами, Богораз выучил чукотский, а затем и эскимосский языки.

Его записями заинтересовался В.Ф. Миллер, председатель Московского этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Богоразу поручили провести этнографические исследования русских и чукчей на Колыме, результаты которых он должен был отправлять в Москву. А 1897 году В.Г. Богораз провел на Чукотке перепись местного населения.

Академия наук опубликовала 180 чукотских сказок, записанных Богоразом. В 1898 году по ходатайству Академии его освободили из ссылки. Вскоре он стал научным сотрудником Музея антропологии и этнографии.

Занимаясь научными исследованиями, Богораз ещё в 1896 году дебютировал как литератор. Под псевдонимом «Тан» он публиковал в журнале «Русское богатство» рассказы и стихи.

11 июня 1899 года А.П. Чехов сообщил А.Л. Вишневскому: «Сегодня я видел Богораз, таганрогского, он живет в Петербурге, занимается стихотворством. Как много великих людей, однако, вышло из Таганрога»¹⁸⁹.

---

¹⁸⁸ Зеленин Д.К. В.Г. Богораз – этнограф и фольклорист // Памяти В.Г. Богораз (1865–1936): сборник статей. – М.; Л., 1937. – С. 8.

¹⁸⁹ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 596.

В.Г. Богораз вспоминал: «Мы встретились <...> в 1899 г. в Петербурге и вместе вспоминали Таганрог и нашего инспектора гимназии Александра Фёдоровича Дьяконова по прозвищу “Сороконожка” и “Серое пальто”»¹⁹⁰.

Первой книгой прозы, вышедшей отдельным изданием, стали «Чукотские рассказы». В книге было помещено 11 фотографий чукчей, их ездовых собак, оленей. Часть снимков сделал сам автор. В декабре 1899 года А.П. Чехов писал из Ялты редактору «Журнала для всех» В.С. Миролубову: «Скажите Тану, чтобы он выслал мне свою книжку. Я о ней слышу и читаю много хорошего, а купить негде, да и совестно покупать книгу земляка»¹⁹¹. Книга была отправлена писателю с дарственной надписью: «Антону Чехову на память о Таганрогских огнях от автора»¹⁹².

С 1918 года В.Г. Богораз – сотрудник Музея антропологии и этнографии АН СССР, с 1921 года – профессор ряда ленинградских вузов, в том числе основанного им Института народов Севера. Автор учебников и словарей, один из создателей письменности народов Севера. Умер в 1936 году в поезде, направляясь в Ростов-на-Дону.

К гимназическим годам братьев Чеховых относится и более близкое знакомство с семьей Файстов. Франц Файст был известным на всем Юге России часовым мастером. Вначале он был приписан к польскому городу Варшаве, где, по-видимому, и родился в 1806 году. В 1837 году талантливый молодой человек находился в Одессе, где уже успел прославиться. Он готов был изготавливать на заказ не только столовые и кабинетные часы, но и башенные – для церквей, официальных учреждений. Таганрогский градоначальник барон Франк пригласил его в свой процветающий портовый город. В 1843 году польско-подданный Франц Файст принял российское подданство и всю последующую жизнь оставался таганрогским гражданином.

Семья Чеховых познакомилась с Файстом в период жизни на улице Петровской. Как раз напротив дверей магазина Павла Егоровича в доме Третьякова, через улицу, находилась часовая мастерская.

---

¹⁹⁰Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 596.

¹⁹¹Там же. С. 609.

¹⁹²Там же. С. 627.

Ал.П. Чехов вспоминал: «Часовщиков и тогда было достаточно, но Файсту принадлежало всегда первое и почетное место. <...> Чехова-писателя, тогда ещё маленького мальчишка, в качающихся часах Файста занимали больше всего маленькие циферблаты, показывающие время в разных пунктах мира, и он не раз задавал вопрос: “Каким образом Файст, живя в Таганроге, может знать, который час в Константинополе?”»¹⁹³.

19 августа 1870 года в газете «Ведомости Таганрогского Градоначальства» (№ 14) было помещено объявление о том, что Файстом изготовлены башенные часы для Афонского монастыря. Вскоре, когда потребовались часы для таганрогского Успенского собора, церковный староста Третьяков обратился к знаменитому земляку. В 1869 году часы с тремя циферблатами установили на колокольне собора. Бой их круглый год был слышен во всем городе. Местная газета «Азовский вестник» (№ 17, 25 февраля 1873 г.) сообщала: «Механизм часов устроен по новейшим усовершенствованиям часового мастерства. Собственно часы помещены на самом низу для того, чтобы избежать сильного мороза и находиться под влиянием одинаковой температуры; к трем циферблатам же, помещенным на верху колокольни, проведены от часов провода, управляющие часовыми стрелками».

Павел Егорович выписывал местные газеты и заставлял детей читать их вслух. Таким образом, братья Чеховы могли не только рассматривать соборные часы, но и получить представление об их устройстве. Александр интересовался часами. Будучи взрослым, он смог изготовить их, правда, небольшие, комнатные.

Франц Файст по количеству потомков обогнал многодетного П.Е. Чехова. У него и его жены Марии было пять сыновей и три дочери: Адольф, Фридрих, Карл, Эдуард, Вильгельм, Луиза, Ида и Мария. Некоторые из них обучались в таганрогских гимназиях. Эдуард был одноклассником Александра Чехова. Они дружили.

Мария Файст училась тогда в женской гимназии. Впоследствии она вспоминала, что по праздникам в дом Файстов приходили Александр, Николай, Антон и Иван Чеховы. Старшая сестра Марии, Луиза, с немецкой педантичностью осматривала костюмы младших

---

¹⁹³Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 65.

Чеховых. А затем исправляла то, за чем не успела уследить вечно занятая Евгения Яковлевна: штопала «изъяны» в одежде, пришивала пуговицы. Юным гостям при встрече выдавались чистые носовые платки, которые отбирались при уходе и к новому посещению выдавались вновь выстиранные и выглаженные. Маше Чеховой Мария давала уроки музыки. Очевидно, Франц Файст и его супруга одобряли общение своих детей с детьми солидного купца Чехова, строгого родителя.

Эдуард и Александр окончили гимназию в 1875 году. Последние гимназические годы Марию и Александра связывал возвышенный роман, превратившийся затем в эпистолярный. В 1898 году Ал.П. Чехов писал младшему брату Михаилу, как они с Марией Францевной прятались от родителей на заднем дворе дома и в городском саду. Глядя на Большую Медведицу, они строили воздушные замки о своем будущем, об учебе Саши в Гейдельбергском университете в Германии. Возможно, их беседы напоминали объяснения героев А.П. Чехова из юморески «И то и сё» (1881 г.).

После отъезда Александра в Москву, Евгения Яковлевна, Антон, Маша сообщали ему о визитах Марии Файст, передавали от неё приветы. А он писал ей письма, расспрашивал братьев о «родной М.Ф.», клялся, что только она одна вступит хозяйкой в его дом. 9 марта 1876 года Антон сообщает старшему брату: «Дорогой сударь! Я был вчера в доме Алфераки на концерте и видел там твою Марию Файст и её сестру Луизу. Я сделал открытие: Луиза ревнует тебя к Марии и наоборот. Они спрашивали меня о тебе, поодиночке, наперерыв. Что это? Ты мазурик и ничего более, дорогой сударь Мазепа»¹⁹⁴.

Вначале родители поддерживали отношения сына с Марией Файст, а затем выступили против предполагаемого брака. Они бедствовали в Москве, и им требовалась помощь сына. Александр писал Марии в 1875–1878 годах, но не приезжал. С 1879 года упоминаний о М. Файст в переписке членов семьи Чеховых нет. Возможно, родителям девушки и ей самой просто надоело ждать. Она приняла предложение таганрогского ювелира И.И. Ланкау и родила ему четверых детей.

---

¹⁹⁴ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 181.

Корреспондент «Таганрогского вестника» писал 8 января 1882 года: «Нам кажется, весь город знает <...> уважаемого и честного часового мастера Франца Файста. Уже 45 лет он живет в Таганроге и до сих пор не навлек ни от кого нареkania за свою работу, которую всегда выполняет искусно и добросовестно <...> И до сих пор трудится над своим делом маститый старец». 11 апреля 1887 года А.П. Чехов, сообщая семье таганрогские новости, упомянул, что Файст «умирать не собирается». И ошибся. 16 февраля 1888 г. 82-летний Франц скончался «от старческой немощи», о чем была сделана запись в Метрическую книгу католической церкви.

В 1876–1877 годах гимназист Антон Чехов был репетитором младшего соученика Антона Гриньковского (1864 г.р.). Гриньковские были соседями Чеховых по Конторской улице. Они жили в двухэтажном доме под № 47. Евгения Яковлевна дружила с Екатериной Павловной Гриньковской. «Женщины любили проводить вечера за пульткой в преферанс. Играли и <...> в лото. <...> Игры часто заканчивались беседами о городских и семейных новостях. Между нашим домом и домом Чеховых был всего один квартал. Антоша обязательно приходил за матерью, чтобы проводить домой», – рассказывала дочь Антона Александровича, с его слов¹.

А.А. Гриньковский в дальнейшем служил учителем народных училищ. В 1889 году он обвенчался с дочерью священника Спиридона Стефановича Жолткевича, Александрой.

Антон Павлович Чехова всю жизнь интересовала судьба его учителей и соучеников. С одними он долгие годы поддерживал отношения, о других узнавал от общих знакомых или из прессы. Но то, что с ними происходило, было Чехову небезразлично. Во время учебы в гимназии он увидел вокруг себя столько неповторимых индивидуальностей, ярких и непримечательных, что их одних хватило бы на десятки рассказов. Не только педагоги и одноклассники, но и младшие и старшие соученики, их родители, попечители, благодетели, классные дамы и гимназистки, возможно, их черты присутствуют в образах персонажей Чехова. Но исследователям об этом пока не известно. Тема эта неисчерпаема, как и все, что связано с жизнью и творчеством писателя.

¹ Бондаренко И.И. Следы его жизни. Книга о Чехове. – Ростов н/Д, 1992. – С. 132–133.

1.4. ТАГАНРОГСКАЯ ОНОМАСТИКА В РАННЕЙ ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА

А.Г. Алферьева

Тема данного раздела может показаться на первый взгляд слишком узкой. Ведь предметом ономастики (от греч. *onomasticos* – относящийся к наименованию, *опома* – имя, название) являются, как известно, имена и фамилии, их появление и бытование. Но она имеет непосредственное отношение к поэтике произведений А.П. Чехова, к истории их возникновения. Еще современники Чехова находили, что в его рассказах используются фамилии, имена и отчества его земляков. В чеховедении давно известно о таганрогском происхождении фамилий некоторых чеховских персонажей: Зиберов («Репетитор»), Вронди («Ворона»), Кобылин и Жеребцов («Лошадиная фамилия»), Зембулатов («Капитанский мундир»), Иловайские («На пути», «Жалобная книга»), Шабельские («Пустой случай», «Иванов»). Александр Федорович из рассказа «И то, и се» давно отождествлен с инспектором таганрогской гимназии Александром Федоровичем Дьяконовым. Но след, оставленный в творчестве Чехова его таганрогским детством и юностью, далеко не исчерпывается этими примерами.

Бесценным источником для изучения ономастики Таганрога служат: 1) Метрические книги таганрогских церквей, в которые вносились данные о крещении, венчании и погребении горожан; 2) памятные книжки Таганрога и Области войска Донского, перечисляющие служащих различных учреждений, членов благотворительных и прочих обществ; 3) таганрогская пресса.

Упомянутые в этих документах лица нередко кажутся сошедшими со страниц чеховских рассказов; унтер-офицер таганрогской арестантской полуроты Громовой, купчиха Масляникова, мещанин Мина Пифагороф, восприемники на крестинах у одного из таганрожцев – «таганрогской градской полиции служитель» Рак и мещанка Ведмедева, новочеркасские полковники Тюрьморезов, Гнилорыбов и Гнилозубов.

Молодому Чехову, как автору многочисленных юмористических рассказов, постоянно требовались новые фамилии. Сочиняя рас-

сказы на заказ, для заработка, он одновременно творил целый мир, населяя его сотнями людей – от генералов и купцов-миллионеров до мелких чиновников, дьячков и нищих. Часть фамилий для своих персонажей Чехов придумывал, сообразно их профессиям или характерам. Но в его распоряжении была переполненная кладовая – воспоминания о таганрогских именах, фамилиях, многие из которых были «говорящими» или редкими, экзотическими для столичных читателей.

Талантливый мальчик, с ранних лет обладавший языковым чутьем, подмечал и запоминал все забавное, необычное, яркое. П.Е. Чехов – купец, общественный деятель, регент церковного хора, имел многочисленные знакомства, предоставлявшие его сыну обширный материал для наблюдений. Разнообразную информацию будущий писатель получал и от дяди М.Е. Чехова, посещавшего Ружную (Троицкую) и Митрофаниевскую церкви, ставшего впоследствии бессменным старостой Архангело-Михайловской церкви. Митрован Егорович был частым участником крестин и венчаний, о которых, несомненно, рассказывал дома. Таким образом, в распоряжении юного Чехова были имена лиц из близкого круга общения – родственников, друзей семьи, гостей дома, постоянных покупателей в лавках отца и дяди, прихожан церкви, в которых он бывал с родителями, соучеников по гимназии, а также тех, с кем он знаком не был, о ком узнавал из рассказов старших, бесед в одноклассниками, местных газет. И можно предположить, что, обдумывая замыслы своих первых гимназических произведений – пародий, сценок для домашнего исполнения, он записывал фамилии, которые могли ему пригодиться. Сохранившиеся записные книжки относятся к более позднему периоду, но они подтверждают, что интерес к необычным фамилиям существовал у Чехова в течение всей жизни.

В первое московское десятилетие Чехова концентрация таганрогских, ростовских, новочеркасских фамилий в его творчестве довольно велика. По способам использования из можно условно отнести к трем группам:

- 1) Чехов вводил в ткань своего рассказа совершенно реального человека с реальными фамилией или именем и отчеством, с узнаваемой землякам манерой поведения;

- 2) комбинировал свой персонаж из двух или нескольких реальных лиц, соединяя имя одного из них и какие-либо черты других;
- 3) называл запомнившейся таганрогской фамилией персонаж, совершенно не похожий на реального носителя фамилии.

К 1-й группе, наряду с Александром Федоровичем («И то, и се»), можно отнести часть персонажей юморески «Свадебный сезон» (С. III, 451–452). Она была создана А.П. и Н.П. Чеховыми под влиянием довольно свежих воспоминаний о поездке в июле – августе 1880 года в Таганрог, на свадьбу дяди О.И. Лободы. Многие участники свадебного торжества из юморески – это таганрогские знакомые Чеховых, изображенные братьями несколько пародийно. Так богобоязненный и спокойный дядя Митрофан Егорович упомянут в тексте как пьяный дебошир, которого выводит из зала городской.

Обратимся к образам тех гостей, которым исследователи до сих пор не уделяли особого внимания.

Под одним из рисунков – краткая подпись: «Кондитер Фай». Таганрогский историк П.П. Филевский вспоминал, что знаменитая булочная Николая Ивановича Фая находилась на Петровской улице, № 21, несколько десятков лет и пользовалась необыкновенной популярностью. В 1860-е – 1870-е годы ее, вероятно, посещали братья Чеховы. Впоследствии Фай перенес свою торговлю в дом № 43, на той же Петровской улице. Филевский писал: «Это был типичный немец и по виду и по характеру. Это был “честный немец” и добрый человек, как и его жена. Кроме служащих, хозяева и сами всегда присутствовали в магазине и отношения с покупателями были самые патриархальные. Хозяева знали не только своих покупателей, но даже и прислугу их <...> спрашивали о здоровье хозяев и просили кланяться. Отпускали в кредит, часто не записывая, сколько взято»². У Фая заказывали праздничные торты – к новоселью, рождению ребенка, и, Фай всегда интересовался, куда переезжают или кто родился. Николай Иванович был гласным городской думы, частым участником различных сборов в пользу неимущих. Если для московских читателей журнала «Зритель» персонаж юморески был просто неким кондитером, лицом, почти непременно присутствующим на

---

² Филевский П.П. История домов Таганрога (рукопись). ТГЛИАМЗ ФПИ, кп-16250.

свадебном торжестве, то у молодых авторов и читателей – таганрожцев эта фамилия вызывала множество ассоциаций и воспоминаний.

На другом рисунке еще один гость – «настройщик Курт» – произносит за свадебным столом тост: «И как ми все живем вРоссия и ми имеем русски языки, то я желаю выпивать за здоровье наших дамов...».

Фамилия Курта встречается (рядом с фамилией Фая) в газете «Полицейский листок Таганрогского градоначальства» уже в 1868 году (9 марта, № 10). Он внесен в список лиц, жертвующих в пользу пострадавших от неурожаев. Им был заплачен 1 рубль. В 1870-е годы «Ведомости Таганрогского градоначальства» помещают объявления настройщика и продавца музыкальных инструментов или «инструментального мастера» Фридриха Курта (Курдта), проживающего в Итальянском переулке (1874, 4 августа, № 60; 1875, 29 января, № 9; 1876, 22 февраля, № 15). Семья Чеховых, очевидно, хорошо знала настройщика, т.к. члены ее занимались музыкой и в доме имелись музыкальные инструменты. Именно поэтому А.П. Чехов, рассказывая родным в письме от 11 апреля 1887 года таганрогские новости, упоминает коротко, без разъяснений: «Курдт и Файст умирать не собираются» (П. II, 65).

В персонаже по имени Николай Стаматич, говорящем речь об «индифферентизме» и «митральезах любви» также узнал себя таганрогский знакомый Чеховых. Ал.П. Чехов писал из Таганрога братьям в августе 1882 года, что мнения Стаматича о «Свадебном сезоне» еще не знает³. Прототип героя юморески, таганрогский хлебный маклер и завсегдатай лавки П.Е. Чехова, как известно, был впоследствии описан Ал.П. Чеховым в мемуарах⁴. Он, несомненно, входил в число близких знакомых семьи Чеховых. М.Е. Чехов в письме к брату от 24 июня 1891 года называет среди постоянных гостей и Николая Стаматича⁵.

---

³ Письма А.П. Чехову его брата Александра Чехова / Подгот. текста писем к печати, вступ. ст. и коммент. И. С. Ежова; под ред. И.К. Луппола. – М., 1939. – С. 69.

⁴ Чехов Ал.П. Из детских лет А.П. Чехова // А.П. Чехов в воспоминаниях современников. – М., 1960. – С. 43–45.

⁵ Таганрог и Чеховы. Материалы и биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 453.

Поиски фамилии «Стаматич» в таганрогских архивах и таганрогской прессе результатов не дали. Но был обнаружен таганрожец, носивший имя «Николай» и отчество «Стаматьевич» (от греческого имени «Стамати» или «Стомати»). «Ведомости Таганрогского градоначальства» (1876, 28 ноября, № 94) объявляли, что недвижимое имение таганрогского мещанина Николая Стаматьевича Васильева должно 28 ноября 1877 года продаваться с публичного торга на удовлетворение долга Таганрогскому общественному банку, по векселю 950 р. Этот Н.С. Васильев имел отношение к окружению Чеховых. В 1867 году на крестинах его дочери присутствовал племянник крестного А.П. Чехова Г.В. Титов⁶. Прожил Н.С. Васильев 51 год и умер в 1888 году от чахотки⁷. Думается, есть основания предполагать, что он и известный в чеховедении «Николай Стаматич» – одно и то же лицо.

В рассказе «Кухарка женится», весьма разговорчивая «старуха нянька Аксинья Степановна» сидит в кухне и угощает водкой жениха кухарки. В конце рассказа мамаша «все время сердилась, что от няньки пахнет водкой». (С. IV, 205). Няня Аксинья Степановна поступила в дом к Чеховым в 1868 году. Она была уже, вероятно, преклонных лет, так как П.Е. Чехов в последующей переписке с сыном Антоном именует ее «Старая няня Степановна», «Старуха нянька» (21 декабря 1876 года, 23 августа 1880 года)⁸.

Ал.П. Чехов в письме к М.П. Чехову рассказывал: «Помню я прекрасно и няньку Аксинью Степановну. Пила она контрабандную водку с черникою, которую, т.е. водку я же крал для нее из погребка <...> Повествовательницей она была превосходной и незаменимой» (27 марта 1898 года)⁹.

В следующих двух примерах нет описания персонажей, автором названы лишь их имена. Но за этими именами очень четко просматривается окружение молодого Чехова.

Рассказ «По-американски» (1880) представляет собой объявление, написанное от лица журналиста, желающего жениться. Журналист напоминает немного самого А.П. Чехова: глаза карие, рост 2 аршина 8

---

⁶ Метрическая книга Греческой церкви. – Таганрог, 1867.

⁷ Метрическая книга Митрофаниевской церкви. – Таганрог, 1888.

⁸ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 212, 287.

⁹ Там же. С. 552.

вершков (на 1 вершок меньше, чем у писателя), печатается в «Стрекозе». Он выдвигает ряд требований к своей будущей жене. Она должна «не называться Матреной, Акулиной, Авдотьей и другими <...> вульгарными именами, а называться как-нибудь поблагороднее (например, Олей, Леночкой, Маруськой, Катей, Липой и т.п.)» (С. I, 51–52).

Имена, предпочитаемые героем рассказа – это имена таганрогских барышень, друзей детства и юности Чехова.

Оля – Ольга Павловна Камбурова (в замуж. Хомиченко). Родители Антона и Ольги состояли в дальнем родстве (через М.Е. Чехова и его жену Л.П. Камбурову-Чехову), дружили. Он часто бывал в гостях у Ольги, ее братьев и сестер.

Маруська – Мария Дмитриевна Дросси (в замуж. Сиротина, затем – Стейгер). Сестра гимназического товарища Чехова Андрея Дросси. Домашние знакомые гимназисты называли ее Маней или Марусей. Антон часто играл с маленькой девочкой (что впоследствии было описано в мемуарах М. Д. Дросси). К моменту приезда братьев Чеховых в Таганрог, в год написания рассказа ей было 17 лет.

Липа – Олимпиада Дмитриевна Агали (в замуж. Трофимова). Соседка Чеховых по Конторской улице. Она переписывалась с А.П. Чеховым (сохранились два письма – 1880 и 1881 гг.). В ее письмах упоминаются Катя, вышедшая замуж за учителя А.Д. Егорова, и Леночка – или Елена Андреевна. «Катя у нас так теперь и зовется Котом и верно еще долго носить это имя. Елену Андреевну тоже величают градоначальницей» (25 октября 1880)¹⁰. Скорее всего эти прозвища придумали девушкам именно братья Чеховы.

В рассказе «Радость» молодой чиновник, попавший в пьяном виде под лошадь, обнаружил заметку об этом происшествии в газете. Он в восторге читает ее своим родным и говорит: «Надо еще <...> показать <...> Анисиму Васильичу...» (С. II, 13).

С Анисимом Васильевичем Петровым Антон Чехов впервые встретился в мае 1881 года. Петров служил письмоводителем у священника В.А. Бандакова, давнего знакомого Чеховых, и приехал в Москву по его поручению. Он гостил у Чеховых три недели, после чего началась переписка. Петров приглашал А.П. Чехова в Таганрог,

---

¹⁰ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 290.

присылал ему свои статьи с просьбой отрецензировать и поместить в московских изданиях. Желая стать таганрогским журналистом, он собирал все слухи и сплетни, все известия о криминальных происшествиях. В одном из писем (лето 1882) он сообщает Чехову: «От нечего делать наши граждане на досуге занимаются всевозможными воровствами, <...> грабежом и даже убийствами»¹¹ – и подробно обо всем этот повествует Петров очень подходит на роль человека, который живо заинтересовался бы событием, описанным в рассказе.

Таким образом, называя эпизодических, лишь упоминаемых, персонажей рассказов самыми обычными, не «говорящими» именами, Чехов дорисовывал их образы в своем воображении и наделял чертами таганрогских знакомых.

Ко второй, выделенной нами, группе можно отнести рассказ «Папаша» (С. I, 29–30). Чехов соединил в образе учителя черты двух преподавателей таганрогской гимназии: имя, отчество и предмет преподавания математика Ивана Федоровича Крамсакова и особенности характера и семейные обстоятельства латиниста Владимира Дмитриевича Старова. Приводится имя и его жены – Ариадна¹².

Собирательным образом, по-видимому, является и Варламов, один из главных, героев повести «Степь» (С. VII, 80). Многие носители этой фамилии были современниками и земляками Чехова. Среди них – полковник Николай Николаевич Варламов, войсковой старшина Яков Иванович Варламов и др.¹³ Донские казаки Варламовы часто приезжали в Таганрог, а один из них, Иван Павлович, даже состоял в 1893 году таганрогским полицмейстером. Варламовы, как и многие донские помещики, аналогично герою повести, вероятно, разводили овец и занимались торговлей шерстью. Гимназист Антон гостил летом у знакомого семьи И.П. Селиванова и путешествовал с ним по степи «по разным делам, вроде продажи Варламову шерсти»¹⁴.

---

¹¹ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 311.

¹² *Филевский П.П.* Очерки из прошлого Таганрогской гимназии. ТГЛИАМЗ, ФПИ.

¹³ Памятная книжка Области Войска Донского на 1878 год. – Новочеркасск, 1877. – С. 19, 200.

¹⁴ *Чехов М.П.* Антон Чехов на каникулах // А.П. Чехов в воспоминаниях современников. – М., 1960. – С. 81.

В повести конкретно не названо имя какого-либо из Варламовых. В чеховском персонаже воплощены общие черты нескольких Варламовых, людей властных, занимавших довольно высокое положение в обществе.

Наиболее многочисленными являются рассказы, относящиеся к третьей группе. Чехов наделяет фамилиями таганрогских знакомых совершенно не похожих на них персонажей.

- «*Живой товар*» (С. I, 358)

Грохольский
Григорий Васильевич,
состоятельный помещик

Грохольский Михаил,
чиновник Таганрогского
Коммерческого суда¹⁴

Сын (по другим воспоминаниям – брат) М. Грохольского учился в гимназии вместе с Ал.П. Чеховым. Сам М. Грохольский приходил в дом Чеховых по поводу долга П.Е. Чехова в Общество Взаимного кредита. В начале рассказа «Живой товар» героиня называет Григория Васильевича Мишелем. Эта оговорка не случайна – так, на французский манер, могли именовать знакомые М. Грохольского. Интересно, что само имя «Михаил» в рассказе также присутствует. Мишей, Мишуткой зовут сына героини. В подсознании молодого Чехова фамилия Грохольского, возможно, была неразрывно связана с этим именем.

- «*Русский уголь*» (С. II, 23)

Дзержинский,
поляк,
управляющий имением

Дзержинский Эдмунд Осипович,
поляк, учитель математики
таганрогской гимназии

- «*Письмо к репортеру*» (С. III, 23)

Змирлов, портной

Змирлов Спиридон Григорьевич,
таганрогский купец,
главный городской Думы¹⁵

---

¹⁵ *Филевский П.П.* История домов Таганрога (рукопись). ТГЛИАМЗ ФПИ, кп-16250.

¹⁶ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 54.

В 1860 году Чеховы сдали Змирлову дом на Конторской улице. Он произвел на них не самое лучшее впечатление и, возможно, впоследствии о нем не раз вспоминали в присутствии Антона.

- «Без места» (С. IV, 220)

Грызодубов, чиновник,
влиятельный служащий
правления железнодорожного
общества, окончивший
университет

Грызодубов Иван Емельянович,
письмоводитель в таганрогской
гимназии, окончивший
уездное училище¹⁶

Члены семьи Чеховых называли мать Грызодубова «Грызодубихой».

- «Мороз» (С. VI, 19)

Еремеев Егор Иванович,
пожилой купец-миллионер,
городской голова

Еремеев Иван Васильевич,
уроженец Новочеркасска,
товарищ А.П. Чехова
по Московскому университету,
врач, практиковал в Таганроге
по 2-й пол. 1880-х гг.

Мы не располагаем сведениями о том, что Еремееву, сыну казачьего старшины, приходилось в детстве торговать. В уста героя Чехов вкладывает воспоминания из собственного детства: «Бывало, выходишь в лавку чуть свет... к девятому часу я уж совсем озябши, <...> пальцы растопырены, так что пуговицы не застегнешь и денег не сосчитаешь».

Приведем еще ряд местных фамилий, использованных А.П. Чеховым в своих произведениях, о носителях которых известно только то, что они были таганрожцами и в 1860-е – 1880-е годы посещали те же церкви, что и Чеховы: Успенский собор, Митрофаниевскую, Архангело-Михайловскую. Эти две фамилии встречаются в метрических книгах указанных церквей.

---

¹⁶ Рейтлингер Э.Р., Островский И.А. Краткая историческая записка о таганрогской гимназии. – Таганрог, 1880. – С. 58–59.

- «Петров день» (С. I, 68)
Больша Кузьма, архангельский
мещанин, престарелый меткий
стрелок | Больша Никифор, таганрогский
мещанин (а также его потомки,
вплоть до 1900-х гг.)¹⁷
- «В рождественскую ночь» (С. II, 286)
Литвинов, помещик,
таганрожец | Литвинов Тимофей,
таганрогский мещанин¹⁸,
казаки Литвиновы (Область во-
йска Донского)
- «Орден» (С. II, 302)
Спичкин, купец | Спичкин, Тимофей,
таганрогский мещанин¹⁹
- «Интриги» (С. III, 360)
Шелестов, доктор |
- «Учитель словесности» (С. VIII, 310)
Шелестова Мария, дочь | Шелестова Мария Никифоровна
(урожд. Голяцы), с 1865 г. жена,
таганрогского купца Якова
Лаврентьевича Шелестова
(в 1880-е гг. – Гласный
Городской Думы)
- «Дом с мезонином» (С. IX, 176)
Волчаниновы:
Екатерина Павловна, Лидия,
Евгения – жена и дочери
тайного советника,
владелицы имения | Волчанинова София,
сестра таганрогского купца,
умерла в 1878 г. 25-ти лет,
от чахотки²⁰

---

¹⁸ Метрическая книга Архангело-Михайловской церкви. – Таганрог, 1880, 1902.

¹⁹ Там же.

²⁰ Метрическая книга Архангело-Михайловской церкви. – Таганрог, 1879.

²¹ Метрическая книга Архангело-Михайловской церкви. – Таганрог, 1878.

- «Человек в футляре» (С. X, 42)
Беликов, учитель греческого языка в гимназии | Беликов Г., таганрогский мещанин (во 2-ой пол. 1860-х гг. – гласный Городской Думы)²¹

Гимназист Антон Чехов в конце 1870-х годов не раз бывал в Новочеркасске. Он мог слышать в беседах со знакомыми или встречать в местной прессе фамилии людей, известных в городе. Эти фамилии соединялись в его памяти с Областью Войска Донского, с родными местами и были использованы при написании рассказов с «краевыми» мотивами – в письме «донского помещика» Семи-Булатова и в описании семьи, живущей в городе, похожем на Таганрог.

- «Письмо к ученому соседу» (С. I, 12)
Шостак Иоаким, аббат | Шостак Михаил Александрович, горный инженер, житель Новочеркасска²²
- «Приданое» (С. II, 188)
Чикамасов Петр Семенович, полковник | Чекамасов Павел, казак, член Донского торгового общества и Областного приказа Общественного призрения²³

Чехов обращался к таганрогскому материалу и в своих драматических произведениях. Приведем несколько примеров.

- «Безотцовщина» (С. XI, 5)
Глагольевы Порфирий Семенович и Кирилл Порфирьевич, помещики | Дмитрий Петрович Глаголев, таганрогский мещанин²⁴

---

²² Полицейский листок Таганрогского Градоначальства. – 1865. – № 8. – 20 февраля.

²³ Памятная книжка Области Войска Донского на 1878 год. – С. 169.

²⁴ Там же. С. 51.

²⁵ Метрическая книга Успенского собора. – Таганрог, 1885.

- «Свадьба» (С. XII, 168)

Ревунов-Караулов Федор Яковлевич, капитан 2-го ранга в отставке* Мозговой Дмитрий Степанович, матрос из Добровольного флота	Ревунов Василий, таганрогский мещанин ²⁵ ; Мозговой Фауст, таганрогский мещанин
--	---

- «Чайка» (С. XIII, 4)

Шамраев Илья Афанасьевич, поручик в отставке, управляющий имением	Шамраев Викентий Николаевич, таганрожец, надворный советник ²⁷
---	---

- «Три сестры» (С. XIII, 119)

Вершинин Александр Игнатъевич, подполковник	Вершинин Лев Федорович, областной лесничий ОВД, статский советник ²⁸
--	---

Следует сказать, что иногда затруднительно отнести чеховского персонажа к какой-либо из выделенных групп. Например, в рассказе «Припадок» (С. VII, 190) изображен студент-медик Майер. Известно, что с Ал.П. Чеховым учился в таганрогской гимназии Петр Майер, которого знали все братья Чеховы. Он был сыном преподавателя рисования в женской гимназии Ю.Х. Майера. У нас нет сведений, поступил ли он в университет, какой выбрал факультет и соответствовал ли по характеру персонажа рассказа.

Постепенно концентрация таганрогских и новочеркасских фамилий в творчестве Чехова снижается. Запас этих фамилий, в основном, отрабатывается в первое московское десятилетие. Они перекрываются в памяти московскими впечатлениями. Таганрогские сюжеты укладываются на дно памяти и лишь изредка проявляются в поздних произведениях.

---

²⁶ Метрическая книга Архангело-Михайловской церкви. – Таганрог, 1879.

²⁷ Метрическая книга Митрованиевской церкви. – Таганрог, 1868.

²⁸ Метрическая книга Успенского собора. – Таганрог, 1890.

²⁹ Памятная книжка Области Войска Донского на 1878 год. – С. 31.

Чехов не может быть назван только таганрогским, так же как и московским, ялтинским писателем. Но, несомненно то, что первые, самые яркие впечатления, он пронес через всю жизнь. Изучение таганрогского окружения Чеховых, прототипов и использованных писателем местных фамилий проявляет новые связи А.П. Чехова с Таганрогом и его жителями.

Литература

1. Абрамов Л., Присякин А. Отец рыцаря революции // Таганрогская правда. – 1988. – 19 мая.
2. Азовский вестник. – 1871. – № 6.
3. Азовский вестник. – 1877. – № 64.
4. Азовский Вестник. – 1878. – № 5.
5. Александр и Антон Чеховы. Воспоминания, переписка / Сост. Е.М. Гушанской, И.С. Кузьмичева. – М., 2012.
6. *Альтишуллер А.Я.* А.П. Чехов в актерском кругу. – СПб., 2001.
7. *Бондаренко И.И.* Следы его жизни. Книга о Чехове. – Ростов н/Д, 1992.
8. *Вишневский А.* Чехов-гимназист // Из школьных лет Антона Чехова. – М., 1962.
9. *Вишневский А.Л.* Ключки воспоминаний. – Л., 1928.
10. *Зелененко В.В.* Таганрогская гимназия времен А.П. Чехова / А.П. Чехов: сб. ст. и мат-в. – Ростов н/Д, 1959.
11. *Зеленин Д.К.* В.Г. Богораз – этнограф и фольклорист // Памяти В.Г. Богораза (1865–1936): сборник статей. – М.; Л., 1937.
12. Из школьных лет Антона Чехова / Сост., предисл. и пояснит, статьи к разделам Н. Роскиной. – М., 1962.
13. *Кукушкин М.* Из воспоминаний об А.П. Чехове // Из школьных лет Антона Чехова: сборник воспоминаний / Сост., предисл. и пояснит, статьи к разделам Н. Роскиной. – М., 1962.
14. Метрическая книга Архангело-Михайловской церкви. – Таганрог, 1878.
15. Метрическая книга Архангело-Михайловской церкви. – Таганрог, 1879.
16. Метрическая книга Архангело-Михайловской церкви. – Таганрог, 1880, 1902.

17. Метрическая книга Греческой церкви. – Таганрог, 1865.
18. Метрическая книга Греческой церкви. – Таганрог, 1867.
19. Метрическая книга Митрованиевской церкви. – Таганрог, 1868.
20. Метрическая книга Митрофаниевской церкви. – Таганрог, 1888.
21. Метрическая книга Успенского собора. – Таганрог, 1885.
22. Метрическая книга Успенского собора. – Таганрог, 1890.
23. Памятная книжка Области Войска Донского на 1878 год. – Новочеркасск, 1877.
24. *Петрова О.П.* К проблеме критической оценки документов и воспоминаний об А.П. Чехове // Творчество А.П. Чехова. – Ростов н/Д, 1976.
25. Письма А.П. Чехову его брата Александра Чехова / Подгот. текста писем к печати, вступ. ст. и коммент. И.С. Ежова; под ред. И.К. Луппола. – М., 1939.
26. Полицейский листок Таганрогского Градоначальства. – 1865. – № 8. – 20 февраля.
27. Полицейский Листок Таганрогского градоначальства. – 1866. – № 8. – 19 февраля.
28. Приазовский край. – 1901. – № 137. – 27 мая.
29. РГИА. Ф. 846. Оп. 1. Ед. х. 94.
30. *Рейтлингер Э.Р., Островский И.А.* Краткая историческая записка о Таганрогский гимназии. – Таганрог, 1880.
31. *Ронталер Э.А.* Памятная книга по Одесскому учебному округу. – Одесса, 1881.
32. *Ружейников В.* Футлярная политика / А.П. Чехов и наш край. – Ростов н/Д, 1935.
33. Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003.
34. Таганрогская Городская Управа. ГАРО. Ф. 577.
35. *Тан В.Г.* На родине Чехова // Из школьных лет Антона Чехова. – М., 1962.
36. ТГЛИАМЗ. ФПИ. Ф. 7.
37. Ф. 733. Оп. 193. Д. 333.
38. *Филевский П.П.* История города Таганрога. – М., 1898.
39. *Филевский П.П.* История домов Таганрога (рукопись). ТГЛИАМЗ ФПИ, кп-16250.
40. *Филевский П.П.* О статье Тана-Богораза «На родине Чехова». ТГЛИАМЗ, ЧФ. Рукопись.

41. *Филевский П.П.* Очерки из прошлого Таганрогской гимназии по случаю столетнего юбилея. – Таганрог, 1906.
42. *Филевский П.П.* Таганрогская гимназия в ученические годы А.П. Чехова и его местные биографы, и отношение писателя к родному городу. ТГЛИАМЗ. ЧФ. Рукопись.
43. *Чехов Ал.П.* Таганрогская гимназия // Александр и Антон Чеховы. Воспоминания, переписка. – М., 2012.
44. *Чехов М.П.* Антон Чехов на каникулах // А.П. Чехов в воспоминаниях современников. – М., 1960.

1.5. «РАЗНЫЕ РАЗНОСТИ»: НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК О ГИМНАЗИЧЕСКИХ ГАЗЕТАХ

И.В. Малых

Антон Павлович Чехов закончил Таганрогскую мужскую классическую гимназию, в стенах которой провел 11 лет – четверть своей жизни. Естественно, гимназия оставила след в его памяти, впечатления в ней полученные, оставили след в его творчестве. Поэтому любые детали жизни Чехова в гимназии могут быть интересны и значительны. Воспоминания об этом периоде были написаны десятилетия спустя, письма самого Чехова последних таганрогских лет почти не сохранились. Но в фондах Таганрогского литературного и историко-архитектурного музея-заповедника сохранились документы, которые помогут представить некоторые события этого периода.

Это очень популярные когда-то (и существующие в учебных заведениях до сих пор) рукописные журналы.

Стремление к творчеству характерно для молодежи. Неудивительно, что ученические журналы в России появляются практически с расширением светского образования, в 1-ой пол. – сер. XVIII в. Причем они были не только рукописные, но и печатные. Так, в типографии при Сухопутном Шляхестском кадетском корпусе около двух лет печатался еженедельный журнал «Праздное время в пользу употребленное».

Журналы имели различную направленность – чисто литературную, сатирическую, общественно-политическую и т. д. Участвовали в них ученики в основном средних и старших классов. Разумеется, не все они стали литераторами.

Но многие русские писатели начинали творческий путь именно в ученические годы. Ж.А. Леднева в статье «К истории гимназической журналистики» приводит многочисленные примеры по этой теме¹.

---

¹ Леднева Ж.А. К истории гимназической журналистики (по материалам российских педагогических журналов XIX – нач. XX вв.) // Вестник ВГУ серия: Филология. Журналистика. – Воронеж. – 2010. – № 1. – С. 145.

Сумароков, кадет уже упомянутого Шляхетского корпуса, участвовал в обществе любителей русской словесности, кружке, где молодые люди читали друг другу свои сочинения и переводы.

В периодическом издании Московского университетского благородного пансиона «Утренняя заря» (1800–1808) публиковались В.А. Жуковский, А.И. Тургенев, П.П. Свиньин, М.В. Милонов. В 1820-е годы в «Утренней заре» сотрудничал М.В. Лермонтов.

В Казанской гимназии рукописные журналы редактировали В.И. Панаев и С.Т. Аксаков.

В сатирическом рукописном журнале «Лицейский мудрец» участвовали А.С. Пушкин, А.А. Дельвиг, и их товарищи – лицеисты первого выпуска.

Н.В. Гоголь был редактором и постоянным автором журнала Нежинской гимназии «Звезда».

В 1860-х годах ученические журналы становятся распространенным явлением школьной жизни. Часто в одном и том же заведении одновременно выходило два журнала, которые вели между собой постоянную полемику, что отмечал первый исследователь школьной журналистики С.Г. Смирнов².

В докладе на заседании педагогического общества при Московском университете в 1901 году он подчеркнул, что журналы встречаются во всех категориях средних учебных заведений. «Женские и мужские заведения, классические гимназии и реальные училища, кадетские корпуса и духовные семинарии, аристократические музеи и сельскохозяйственные школы – все могли бы доставлять ним любопытные образцы школьной журналистики»³.

Ученические журналы существовали в столицах и провинции, в разных губерниях России – от Прибалтики и Малороссии до Дальнего востока. Особенно широко было их распространение в 1890–1900 годах.

Гимназических журналов сохранилось немного. От некоторых остались только названия. Особенно редко встречаются журналы 1870-х годов.

---

² Леднева Ж.А. Указ. соч.

³ Смирнов С.Г. Ученические журналы и сборники // Вестник воспитания. – 1901. – № 7, 25.

Таганрогу в этом отношении повезло в какой-то степени благодаря Чехову. В воспоминаниях таганрогских гимназистов о Чехове упоминается его сотрудничество в журналах разных лет. М.А. Рабинович, соученик Чехова, вспоминал: «В четвертом классе <...> Чехов принимает участие в рукописном журнале, издававшемся под редакцией ученика старшего класса Грахольского. Чехов написал для журнала едкое четверостишие на инспектора Дьяконова <...> Было выпущено два номера. Начальство пронюхало и приняло меры»⁴. Также учившийся с Чеховым В. (П.И.) Мессарош свидетельствовал: «Участвуя в гимназическом журнале “Досуг”, вышедшем в числе десяти номеров, под редакторством С.П. Борисенко, Ч. Поместил очерк “Из семинарской жизни”. Другой очерк “Сцена с натуры”, помеченный тремя звездочками, Мессарош также считает принадлежащим Чехову, так как манера писать напоминает Чехова и действие в этом очерке происходит на Новом базаре, в торговой линии, т. е. там, где была лавка отца Чехова»⁵.

Журналы, находящиеся в фондах ТГЛИАМЗ, сохранились благодаря Павлу Петровичу Филевскому. Его архив, насчитывающий несколько сот единиц хранения, является одним «из самых интересных и широко используемых коллекций музея-заповедника»⁶. П.П. Филевский, «известный таганрогский краевед, преподаватель истории и географии в таганрогских гимназиях, принадлежал к одному из древнейших дворянских родов Харьковской губернии»⁷. Семья приехала в Таганрог в конце 1860-х годов. Павел в 1869 году выдержал экзамены во 2-й класс классической гимназии, которую окончил в 1877. Он с детства увлекался историей, которой посвятил свою жизнь. В его творческом наследии – стихи, исследования по краеведению, художественные произведения, воспоминания. Наиболее известна из работ Филевского «История города Таганрога», изданная к 200-летию города в 1898 году.

---

⁴ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 136.

⁵ Там же. С. 213.

⁶ *Топтунова Л.М., Покатилова Е.Г.* Наследие П.П. Филевского в фондах музея-заповедника / «Таганрог»: сб. ст. – Таганрог, 1997. – С. 81.

⁷ Там же. С. 82.

Некоторые материалы Филевского находятся в экспозиции Литературного музея А.П. Чехова. Особенно интересны рукописные гимназические журналы – «Опыт» и «Голубочка».

Оба они представляют собой толстые тетради (сшиты вместе несколько тетрадей в единой картонной обложке), но на этом сходство заканчивается. «Опыт» – (1873–74 гг.) труд коллективный. Он написан разными почерками, статьи подписаны. Среди авторов сам Павел Филевский, его брат Василий и гимназисты 4–5 классов. В «Опыте» участвовал друг и одноклассник Чехова Дмитрий Савельев. Фамилии Чеховых в журнале нет. А ведь в это время в гимназии учатся 4 брата Чеховых. И двое из них – Александр и Антон – увлекались литературным творчеством. Почему не участвовал в журналах Филевского Антон Чехов? Трудно сказать. Здесь можно делать только предположения.

1. Антон Чехов оставался на второй год в 3 классе и во время издания «Опыта» Филевский учился в 5, а Чехов – в 4 классе.
2. Антон Чехов был на 4 года младше, и вряд ли было много общих интересов у юношей 13 и 17 лет.
3. Возможно, у них был разный круг общения; хотя сестра Филевского и братья Чеховы участвовали в любительских спектаклях в доме А. Дросси, соученика Антона.

В одиннадцати из шестнадцати сохранившихся номеров «Голубочки» (11–20, 24) содержится рубрика «Разные разности», которая и рассказывает о разнообразных событиях, происходивших в мужской и женской гимназиях, а также комментарии и оценка их Филевским.

О чем же говорить в «Разных разностях»? Содержание отвечает названию. Сообщения разнообразные как по содержанию, так и по объему.

Много внимания уделено благотворительным концертам и вообще благотворительности.

Так, несколько номеров рассказывают о концерте в гимназии в «пользу нуждающихся товарищей». В № 11 (16 октября 1876 г.) появляется первое сообщение: «24 октября наша Гимназия намерена дать концерт в пользу бедных гимназистов. Участие принимают следующие:

Попандопуло (на скрипке исполнит “Соловья”), Вендерович (прочтет “Клермонский собор” Майкова и “Вход воспрещается”

Бенедиктова), Волькенштейн (прочтет “Жена” Никитина), Кладас (исполнит что-то на фортепиано). Бархаш (прочтет “Суд Пилата” Михайлова), Кукушкин и Цимплер (пропойт какие-то романсы) и наконец хор гимназистов (исполнит что-то из “Рогнеды”). Выдумка хорошая, но за некоторых до смерти страшно⁸.

Трое из участников – Волькенштейн, Кладас Мари, Кукушкин Михаил – шестиклассники, соученики Чехова; Леон Вендерович и Пейсах Бархаш – выпускники-восьмиклассники, учатся в одном классе с Филевским. Но, возможно, в начальных классах (1–3) учились с Антоном Чеховым, впоследствии отставшим от них на два года.

В следующем номере, 23 октября, «Голубочка» иронизирует: «В ожидании завтрашнего концерта участвующие находятся в каком-то возбужденном состоянии, полные восторга. Что причиной их непомерной радости? То ли, что они своими трудами могут принести лепту в помощь бедным или желание стать на подмостки и дать возможность всем увидеть себя? Ответ так легок, что я совсем умолчу о нем. Стоит только перечислить и назвать участвующих»⁹.

За несколько дней до концерта Иван Чехов пишет из Таганрога родителям в Москву: «Я слава Богу жив здоров в гимназию нехожу за не взнос платы. Антошу уволили а я должен ждать концерта»¹⁰. Благодаря гимназическому журналу мы знаем, что за концерт должен был ждать Иван Чехов. Концерт состоялся, деньги в кассу гимназии внесены и вскоре Иван снова начинает посещать занятия.

Готовят концерт и в женской гимназии, о чем в № 13 (30 октября) не слишком одобрительно сообщает «Голубочка»: «Говорят, что женская гимназия т.е. гимназистки старших классов, дает концерт... Пусть лучше устроят подписку в пользу бедных учениц».

Мысль о подписке возникает не случайно. Это было довольно распространенное явление. В 16 номере (20 ноября) «Разные разности» сообщают: «В нашей гимназии до такой степени расплодилось подписки “в пользу одного бедного человека”, что возбуждено всеобщее неудовольствие на тех, которые благотворительствуют чужими

---

⁸ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 203 (орфография подлинников здесь и далее. – И.М.).

⁹ Там же. С. 204.

¹⁰ Там же. С. 204.

средствами». Вероятно, средства собирались и для товарищей-гимназистов, но не только. Двумя неделями ранее, № 14 (6 ноября 1876) описан случай сбора денег человеку совершенно постороннему: «...к гимназисту 8 класса Г.П. подошел какой-то человек и просил дать ему что-нибудь, ибо он не ел целый день». На следующий день в гимназии было собрано 7 руб., которые и отдали неимущему. Пару дней спустя Г.П. получил письмо, в котором благодетельствованный с горечью сообщил, что деньги у него украли. Кончается история неожиданно: «Представьте же, гг. читатели: говорят, что его видели в каком-то ресторане?! Мы были в высшей степени возмущены»¹¹.

Но вернемся к концерту в женской гимназии. «Голубочка» к нему неоднократно обращается. № 17 (27 ноября 1876): «В будущем скоро любительском спектакле будут участвовать воспитанницы педагогического класса. И как вы думаете, какова их будет роль? <...> Я вам сам скажу: “они будут стоять истуканами, чтобы вышла картина”. Странно, право, отчего непременно взяли женщины, это ведь с одной стороны щекотливо для их скромности; да и кроме того с мужчиной можно более свободно позировать. Впрочем, педагогистки¹² может быть думают, что женщина более годна для выставки, чем для действия. В таком случае я не знаю, что отвечать».

И, наконец, 18 декабря (№ 20) резюмирует: «Были мы в среду в театре и видели живые картины <...> если бы эти картины имели другое назначение, то тогда они имели бы какой-нибудь характер или просто изображали момент какого нибудь события, но в среду у нас была “Выставка статуэтки и бюстов”».

Вообще по отношению к гимназисткам Филевский весьма суров. Он осуждает их за то, что «педагогический класс никак не поймет, что начальница женской гимназии вовсе для них не “тапан”, что у них есть мать дома» (№ 18, 4 декабря 1876)¹³. Неодобрительно смотрит на то, «что гимназистки не кланяются первыми учителям,

¹¹ «Голубочка». Рукописный гимназический журнал. – 1876–77. – № 10–26, 9 октября 1876 – 5 февраля 1877. ТГЛИАМЗ КП 12859/2 ФПИ 1034, ф. 7–09.

¹² Педагогистки, педагогический класс – 8 класс женской гимназии, необязательный для получения аттестата. Полученное по окончании свидетельство давало право работать домашней учительницей или преподавать в школе.

¹³ «Голубочка». Рукописный гимназический журнал. – 1876–77. – № 10–26, 9 октября 1876 – 5 февраля 1877. ТГЛИАМЗ КП 12859/2 ФПИ 1034, ф. 7–09.

а ждут от них поклона. Из этого я заключаю, что они более желают пользоваться мишурным уважением к женщине, нежели действительно почетным положением ученика. <...> Я думаю, если бы они себя ставили на ступень с гимназистами, то и учителя относились бы к занятиям с ними, как гимназистами» (№ 10, 9 октября 1876)¹⁴.

Эти конкретные «Разности» помогают нам почувствовать атмосферу ушедшего времени, понять взаимоотношения гимназистов. Мы узнаем, что в Мариинской гимназии использовалось традиционное для женских институтов XVIII–XIX вв. обращение к начальнице гимназии – «Мамап», о взаимоотношениях учениц с педагогами и о взгляде на них восьмиклассника-гимназиста. Через несколько лет этот строгий юноша станет педагогом и будет преподавать в женской гимназии. Будет ли он первым кланяться своим ученицам?

Некоторые публикации посвящены Литературным вечерам в мужской гимназии. Благодаря им мы знаем не только о существовании этих вечеров, но и о подробностях их проведения. В № 10 (9 октября) – первое упоминание: «Директор мужской гимназии предложил воспитанникам высших классов устроить литературные вечера, на которых воспитанники не читали бы своих сочинений, а говорили бы для разработки ораторского искусства. Гимназисты хотя и проявили готовность, но принимаются весьма вяло и первый вечер с первой половины Октября отложен впредь до неизвестных времен».

В декабре, в № 18, «Голубочка» вновь возвращается к этой теме: «Сверх ожидания литературные вечера, заведенные в гимназию, пошли весьма успешно. Предполагалось их устраивать в две недели раз, а оказалось, что каждую неделю и то мало, так что чтецов на каждый вечер бывает слишком много и потому некоторые откладываются до следующей субботы. Из прочитанных сочинений более других заслуживают внимания: г. Брусиловского «О греческих трагиках Софокле, Эсхиле и Еврипиде», г. Розенблюма «О Байроне». Впрочем первая тема слишком избита в нашей гимназии и потому мало представляет нового. В скором времени будут читать: г. Савельев «Характеристика Гамлета Щигловского <Щигровского> уезда», г. Рахлин «О Новикове», г. Филевский «Историческое значение сочинений Горация» и кроме

---

¹⁴ Голубочка». Рукописный гимназический журнал. – 1876–77. – № 10–26, 9 октября 1876 – 5 февраля 1877. ТГЛИАМЗ КП 12859/2 ФПИ 1034, ф. 7–09.

того “Оду к Галатее” в своем переводе. Тоже почти совершается в женской гимназии, жаль только, что слишком по детски, но г. преподаватель Словесности выразился как то, что это поначалу». Сравнивая информацию, можно отметить несколько фактов:

- вечера все-таки из «разговорных» стали «литературными», на которых гимназисты читают свои произведения.
- проходят они еженедельно, по субботам;
- тематика читаемых произведений перекликается с гимназической программой, где также значительное место занимают темы античности:
- Филевский по-прежнему увлечен историей;
- Савельев по-прежнему близок кругу Филевского;
- имя Чехова в связи с вечерами не упоминается, видимо, он в них не участвует.

Еще одна тема проходит через несколько номеров – журнальная полемика. Благодаря «Голубочке» мы знаем еще о двух гимназических журналах чеховского времени.

Один лишь упомянут. Самое большое произведение в «Голубочке» – повесть (или роман?) «Одного поля разные ягоды». Оно продолжается с № 12 по № 26, причем и в 26 № отмечается: «Продолжение будет».

Но самое интересное – это его первое появление в № 12 от 23 октября. После названия стоит: (Продолжение) и добавлено (Начало было еще при существовании «Звездочки»). Вероятно «Звездочка» предшествовала или существовала параллельно с «Голубочкой», иначе нумерация в последней шла бы с 1 номера, а не с 10. Тем более, что № 10 предваряет статья «По случаю возобновления», где говорится: «... я снова принимаюсь за свою работу, придерживаясь милого для меня названия “Голубочки” и не считая нужным употреблять высокие прозвища в роде “Светильник”».

Уже в этой вступительной заметке начинается полемика. Именно «Светильником» назвал журнал его редактор Сергеенко. Это название Филевскому не нравится, т.к., по его мнению, предполагает «Грандиозные обязанности» (№ 10, октября 1876)¹⁵.

---

¹⁵ «Голубочка». Рукописный гимназический журнал. – 1876–77. – № 10–26, 9 октября 1876 – 5 февраля 1877. ТГЛИАМЗ КП 12859/2 ФПИ 1034, ф. 7–09.

В № 10 «Светильнику» отведено много места. Это и отдельная статья «Первый номер «Светильника» и упоминание в рубрике «Разные разности». Статья большая, на 4 страницы. Начинается с предупреждения: «27 сентября вышел первый номер журнала “Светильник”. Я намерен писать краткую оценку каждого выходящего номера. Если это некоторым не понравится, то я предупреждаю, что пусть не горюют, потому что эти оценки будут недолго, вследствие недолгого существования этого юмористического подражательного журнала». Действительно, критика суровая. Снисходительно отметив несколько относительно неплохих публикаций, в целом Филевский основательно раскритиковал журнал за подражательность, хвастовство сотрудников и даже объем. В «Разных разностях» досталось редактору: «Некоторые сотрудники Светильника называют своего редактора чернорабочим за его пассивную деятельность; и я думаю, что если оставить за ним это название, то он по своему положению более всего походит на артельщика».

В номере 12 (23 октября 1876 г.), в рубрике «Разные разности» читаем: «Долгое не появление “Светильника” (без которого стало совсем темно) заставило меня обратиться к редактору с вопросом о причине застоя “Светильника”. Мне он отвечал, что в воскресенье разом три номера выпустит. Подождем еще... “За терпение бог дает спасение”, – говорит наша пословица. В № 17 (27 ноября), среди гимназических новостей говорится: «Печальный некролог сообщаю Вам: умер “Светильник”! Зашло светило освещавшее наше жалкое существование и мы остались погруженные во мрак! Вечная ему память!» Так бесславно закончил путь один из гимназических журналов, руководимый Сергеенко. Это, вероятно, Петр Алексеевич Сергеенко, впоследствии журналист и беллетрист, бывший доверенным лицом Чехова при заключении договора с А.Ф. Марксом. О том, что в гимназические годы он редактировал юмористический рукописный журнал впервые стало известно благодаря «Голубочке».

«Разности» различаются также по значимости, по информативности. Некоторые из них достаточно понятны. Например, в № 18 от 4 декабря сообщается: «В нашей гимназии происходят отчаянные битвы снегом между параллельными и основными отделениями (между параллельниками и основниками). Все окна выходящие во двор наполняются тогда народом, потому что картина бывает пре-

восходная, к тому же раздаются звуки военной трубы и барабанов, а среди целых вихрей снега и летающих снежков в массе дерущихся пестреют два больших знамени – честь и гордость каждой партии. Одно из них зеленое, а другое красное, оба дорогой материи и отделаны золотыми шнурами. Впрочем, Малорос, соревнование дошло однажды до того, что большим запретили участвовать»¹⁶. Или такое сообщение. «Наша общественная библиотека получила “Всемирную историю” Шлоссера. Сочинение, которое до этого времени в нашем Таганроге было недоступно, потому что ни в публичных библиотеках, ни в частных я его не находил. (Исключая библиотеки гимназической)»¹⁷. Другие нуждаются в некотором комментарии. «Вообще должно заметить, что у нас много благоприятных нововведений: завелись литературные вечера, дали концерт в пользу нуждающихся товарищей, нам позволили посещать Общественную библиотеку. И я думаю, что вследствие этого прекратились тайные сходки, а затем и печальные аресты» (№ 18 от 4 декабря)¹⁸. Открытая в мае 1876 года Таганрогская общественная библиотека периодически была гимназистам недоступна, поэтому информация о разрешении посещения библиотеки была воспринята ими с радостью. Тайные сходки и печальные аресты – напоминание о событиях 1874 года, деле нелегального кружка народовольца Павловского, бывшего гимназиста и квартиранта Чеховых. Но есть записи, вполне понятные современникам журнала, но непонятные нам. Например, в № 14 (6 ноября 1876 г.) сообщается: «VI класс нашей гимназии потрясается в настоящее время, враждою двух партий Еврейской и Русской, причем деление заключается не в происхождении, но в поведении». Что в данном случае имеется в виду, понять сложно. Информация же привлекла внимание в первую очередь потому, что в VI классе в это время учился А. Чехов; кроме того, почти половину класса составляли учащиеся иудейского вероисповедания.

---

¹⁶ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 203.

¹⁷ Там же. С. 217.

¹⁸ «Голубочка». Рукописный гимназический журнал. – 1876–1877. – № 10–26, 9 октября 1876 – 5 февраля 1877. ТГЛИАМЗ КП 12859/2 ФПИ 1034, ф. 7–09.

В № 16 от 20 декабря сообщается: «Известно (еще не официально) что на экстренном совете 18 ноября решили уволить воспитанника VII класса за дерзости учителю». Вряд ли мы узнаем имя исключенного гимназиста, но тот факт, что за дерзость учителю могло быть такое суровое наказание, много говорит о гимназических нравах.

В конце 26 ноября (5 февраля 1877 г.) П. Филевский прощается со своими читателями. Приближаются выпускные экзамены, и редактору будет не до журнала.

В статье рассмотрены не все публикации рубрики «Разные разности», но и эта информация позволяет сделать определенные выводы:

1. Журналы сугубо гимназические. В них почти нет даже намеков на жизнь вне гимназии – в отличие от журналов более поздних. Но для нас и важна информация о внутренней жизни гимназии.
2. В отличие от воспоминаний, приблизительных и не всегда точных, в журналах присутствует сиюминутное отражение событий.
3. Чехов мог и не читать журналов Филевского, но он наблюдал события, в них описанные и даже мог быть их участником.

Литература

1. *Алферьева А.Г.* Таганрогское окружение Чехова. Д. Т. Савельев // Вехи Таганрога. – 2010. – № 41–42. – С. 33–35.
2. «Голубочка». Рукописный гимназический журнал. – 1876–1877. – № 10–26. – 9 октября 1876 – 5 февраля 1877. ТГЛИАМЗ КП 12859/2 ФПИ 1034. Ф. 7–09.
3. *Леднева Ж.А.* К истории гимнастической журналистики (по материалам российских педагогических журналов XIX – нач. XX вв.) // Вестник ВГУ серия: Филология. Журналистика. – Воронеж. – 2010. – № 1. – С. 144–149.
4. «Опыт». Рукописный гимназический журнал. – № 1–15. – 27 августа 1873 – 7 января 1874 гг. ТГЛИАМЗ КП 12859/1 ФПИ 1033. Ф. 7–09.
5. *Смирнов С.Г.* Ученические журналы и сборники // Вестник воспитания. – 1901. – № 7.
6. Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003.
7. *Топтунова Л.М., Покатилова Е.Г.* Наследие П.П. Филевского в фондах музея-заповедника // Таганрог: сб. ст. и мат-в. – Таганрог, 1997. – С. 81–97.

2

«ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ТЕКСТ» В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

М. Ч. Ларионова

2.1. ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА ЮГА РОССИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. П. ЧЕХОВА

В современном литературоведении существует проблема региональных (провинциальных, областных) литератур. Региональная идентичность и развитие художественной традиции становятся темой различных публикаций и конференций. В современной фольклористике существует проблема регионального фольклора, которая широко обсуждается в специальной литературе и на научных форумах. Существует также проблема взаимоотношений традиционной культуры и литературы, исследование которой происходит в разных направлениях и разными методами: от анализа фольклорных вкраплений в литературный текст до установления общих закономерностей развития словесных искусств, от версии о заимствовании литературой фольклорных явлений до убеждения в их структурно-типологическом единстве.

Как правило, эти проблемы решаются независимо друг от друга. Однако существует область, в которой они пересекаются. Каково соотношение региональной и общерусской картин мира в литературном тексте? Конечно, региональная традиция живет только как часть всей традиционной культуры. Но можно ли при исследовании этнокультурного контекста творчества писателя обращаться к традиции как таковой, без различения ее региональных специфических форм? И делает ли наличие элементов региональной традиции творчество писателя региональным?

Когда анализируется творчество, например, М.А. Шолохова, ученые апеллируют к казачьей народной традиции. То же происходит с творчеством Бажова и уральской рабочей несказочной прозой и в некоторых других случаях. В большинстве работ о Чехове такого разграничения не происходит. Однако достаточно простой отсылки к этнокультурной традиции в литературном произведении, чтобы «запустить» программу, хранящуюся в свернутом виде, художественно ее развить, домыслить, сюжетно разработать. Региональное этнокультурное содержание (в отличие от социального и исторического) входит в литературу через традиционную культуру, ее специфически региональный вариант.

В южнорусском регионе сложились как минимум две этнокультурные традиции: казачья и собственно южнорусская с элементами малороссийской (пограничная). Казачья, конечно, более самобытна. Южнорусская имеет больше общероссийских черт. Ярчайшим выразителем первой является Шолохов, в творческом наследии которого региональная культурная традиция преобладает над общерусской; вторая в сложном и опосредованном виде нашла отражение в произведениях Чехова, где общерусское начало очевидно преобладает над местными культурными традициями.

Конечно, ни у кого язык не повернется назвать Шолохова или Чехова региональными писателями. Но «региональный текст» в той или иной степени выраженности присутствует в творчестве любого писателя, как образы и реалии Таганрога и Приазовья в творчестве Чехова. На наш взгляд, отыскание этнокультурных «корней» некоторых литературных явлений может привести к интересным результатам. Думается, что не учитывать именно региональный этнокультурный опыт при изучении творчества писателя, – значит рисковать упустить нечто важное.

Чехова обычно воспринимают как писателя сугубо «книжного». Связь его произведений с народной культурой продолжает оставаться дискуссионной. Во многом это объясняется социальной принадлежностью писателя (городской интеллигент, рано переехавший в Москву), временем его творчества (распад классического фольклора, его активизация в городской среде), неоднородностью самой региональной этнокультурной традиции (русская, украинская, казачья). Однако при ближайшем рассмотрении выявляется

не только общерусский, но именно региональный этнокультурный их контекст.

Думается, главная причина отказа видеть в творчестве Чехова этнокультурные пласты вообще, а тем более – региональные заключается в неопределенности понятийного аппарата смежных наук – этнолингвистики, фольклористики и этнографии – в случае применения его литературоведением.

Известный фольклорист Л.И. Емельянов в свое время утверждал: были писатели, «которых... трудно поставить в сколько-нибудь конкретное отношение к фольклорным традициям (Гончаров, Чехов, Бунин, Куприн)»¹. Другой известный фольклорист Д.Н. Медриш выразился менее категорично: «сама постановка вопроса – Чехов и фольклор – может показаться неправомерной, и не столько потому, что подобная задача почти не ставилась, сколько как раз в свете тех выводов, которые были получены в немногочисленных исследованиях на эту тему. Если свести проблему к учету упоминаний фольклорных жанров или сюжетов в произведениях писателя либо случаев цитирования им лирических песен и колыдок или использования пословиц и поговорок, то результаты окажутся более чем скромными. <...> Творчество едва ли не любого русского писателя, не исключая и современников Чехова, дает при подобном подходе материал и более обильный, и более разнообразный»². Правда, ученый опроверг это утверждение собственными работами о «глубинном» чеховском фольклоризме обстоятельной статьей «Фольклоризм» в энциклопедии «А.П. Чехов»³.

Однако само понятие «фольклоризм» применительно к творчеству Чехова представляется нам неправомерным. Оно подразумевает сознательное и целенаправленное обращение к фольклорным произведениям с целью цитирования, заимствования или стилизации. Такие случаи в чеховских произведениях, действительно, редки. Представляется, что речь должна идти о национальной

¹ Емельянов Л.И. Методологические вопросы фольклористики. – Л., 1978. – С. 192.

² Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. – Саратов, 1980. – С. 208.

³ Медриш Д.Н. Фольклоризм // А.П. Чехов. Энциклопедия / сост. и науч. ред. В.Б. Катаев. – М., 2011. – С. 299–304.

картине мира и ее отражении писателем. Эта картина мира складывалась тысячелетиями, обладает невероятной устойчивостью и не утратила ценностной значимости и в наши дни. Фольклор, то есть словесное народное творчество, является частью более общего понятия – традиционной культуры, которая проявляет себя не только в песнях, сказках, пословицах и пр., но и в обрядовой практике, в обычаях и суевериях, в повседневных бытовых и культурных представлениях.

Надо учитывать, что в конце XIX – начале XX вв. традиционная культура была живым и актуальным явлением. Она составляла часть культурного фона всякого небольшого провинциального города и даже больших столичных городов. Были театр, музыкальные и литературные вечера, но были и народные праздники, приметы, суеверные представления. Главным образом, они бытовали в купеческой и мещанской среде. То есть материал традиционной культуры не надо было ниоткуда черпать, вычитывать – он окружал Чехова всю жизнь. Любой писатель, говорящий по-русски, естественным образом впитывает не только литературную, но и народную традиции: не только письменную и устную словесность, но и обычаи, верования, суеверия и т. д. – характерное для его культуры мировоззрение, причем в формах, в том числе и художественных, характерных для этой культуры. При упоминании только одной детали, имеющей традиционное происхождение и бытование, перед читателем сразу разворачивается целая, как ее назвал Ю.М. Лотман, мнемоническая программа, то есть смыслы, «свернутые» в этом предмете, событии, явлении, собственный культурный опыт читателя неизбежно ожидают в его сознании.

Надо учитывать и еще одно обстоятельство. Традиционная культура рубежа XIX–XX вв. – это преимущественно городская культура. Это крестьянская культура, перенесенная на городскую почву и видоизменившаяся. Это своего рода субкультура, которая сохраняет традиционную основу, но приспособливает ее к повседневности. У нее другие функции, не ритуально-магические и регулятивные, а развлекательные. Сакральное заменилось профанным, бытовым. Это можно показать на примере цепочки: славянская богиня в юбке колоколом в народной вышивке – христианская Мария в юбке колоколом на иконе или фреске – современная глиняная игрушка

колоколовидной формы с петушком или младенцем и ширпотребная кукла XX века в кринолине⁴.

Традиционная культура в этот период оказалась в двойственном положении. С одной стороны, она стремилась приспособиться к новой среде бытования. Высокие жанры фольклора вытесняются, их место занимают городской, или жестокий, романс, анекдот, частушка, авантюрная сказка и пр. Эти новации «не содержали никакого идущего из глубины времен мифологического или исторического смысла, ... не обладали изяществом сказки или старинной народной песни, ... но, напротив, выглядели грубыми, стилистически неряшливыми, как бы сделанными наспех»⁵. С другой стороны, она подвергается критике образованных городских слоев. Так, печатные издания юга России постоянно обращаются к теме суеверий, разоблачая их, например, газета «Донские областные ведомости» печатает заметку И. Б-ова «Из округа», где описываются «варварские» народные методы лечения многих болезней (1873, № 20), цикл статей П. Никулина «Народные поверия, суеверия и предрассудки» (1876, №№ 42, 49), заметку А-ова «Народные поверия и приметы» (1880, № 3) и т. д.

Александр Чехов тоже относился к явлениям народной культуры как к варварству. В одном из писем брату из Таганрога он предлагал сюжет из жизни – образец глупости: девчонка, которую заставили стеречь стадо, чтобы избавиться от «должности», сочинила, что корова заговорила человеческим языком; корову убили, а бабы, чтобы избавиться деревню от дьявольского наваждения, провели опахивание⁶. Обряд опахивания – один из самых древних и сложных. Письмо Ал.П. Чехова, хоть и саркастическое, имеет важное этнографическое значение, поскольку свидетельствует о сохранности обряда в провинции в конце XIX в. В другом письме Александр Павлович рассказал, что позвал к рожаящей жене повивальную бабку, которая «понесла такую околесную с системой запугивания, что я устыдился и позвал акушерку»⁷. Но ведь сначала-то была бабка!

⁴ См. *Каргин А.С.* Прагматика фольклористики. Сборник статей, докладов, эссе. – М., 2008.

⁵ *Неклюдов С.Ю.* Фольклор современного города // Современный городской фольклор. – М., 2003. – С. 6–7.

⁶ *Письма А.П. Чехову его брата Александра Чехова.* – М., 1939. – С. 90–91.

⁷ Там же. С. 117.

Из воспоминаний М.П. Чеховой известно, что некоторые суеверия были живы в чеховском семействе: «Бабка Ефросинья Емельяновна была простой крестьянкой-хохлушкой, носила очипок <...> Однажды в Княжей в погребе дверь так забухла, что ее никак не могли открыть. Наивная бабка думала, что дверь изнутри держит домовой. – Як вин до соби потяг, рассказывала она потом. <...> На углу Елизаветинской улицы и того переулка, который выходит к новому базару, стоял дом Овчинникова, в котором кто-то (кажется, хозяин) повесился. Дети Чеховых боялись ходить мимо этого дома»⁸.

В письмах Антона Павловича традиционно-культурные «следы» очень редки. Он регулярно поздравляет своих корреспондентов с Пасхой, упоминает масленицу и Рождество, но никакого мифологического или религиозного чувства в связи с этими праздниками нет. В письме М.М. Чехову он шутит: «Поздравь, если веришь в Новый год и в его особенности. Как только пробило полночь, я ошибся, следовательно, целый год буду ошибаться...» (П. I, 17). Вскоре после покупки Мелихова, когда долги еще велики, иронически пишет Н.М. Линтваревой: «По ночам у нас кричат совы, предвещая продажу нашего имения с аукциона» (П. V, 45). Такая примета, действительно, бытует на юге России. Филин относится к числу «зловещих» птиц. Говорят: филин (сова, сыч) кричит – хозяина выживает⁹. Эту же примету вспомнит в «Вишневом саде» Фирс. В других письмах Чехов подшучивает над суеверной матерью: «Моя мать сказала, что и “Дачный муж” и “Предложение” провалятся непременно, так как Вы ставите их под 13 число» (И.Л. Леонтьеву-Щеглову. П. III, 191), «Мне снилось, что я получил Станислава 3 степени, мать говорит, что мне предстоит нести крест» (А.С. Суворину, П. III, 193), «Мамашу прошу не беспокоится и не давать веры дурным снам» (Чеховым. П. IV, 96) и т. д.

Традиционная культура в этих примерах настолько обычна и повседневно, что не рефлектируется, не осознается как что-то внешнее. По словам исследователя, «парадокс в России заключался в том, что провинция всегда была подвержена традиционности и всегда стре-

---

⁸ Мария Павловна вспоминает... // Шалюгин Г.А. Чехов: «Жизнь, которой мы не знаем...». – Симферополь, 2004. – С. 213–214.

⁹ Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М., 1997.

милась эту традиционность обновлять. В этом была и остается основа для дальнейшего развития любого города российской провинции, в том числе и Таганрога, где его жители – представители разных национальностей – были сторонниками традиционной культуры, норм семейного уклада, своеобразной клановости в своих культурных пристрастиях. Провинция всегда была более цельна и тесно связана с культурно-психологическим “климатом” конкретного региона¹⁰. Коренные таганрожцы свидетельствуют, что и в середине XX в. еще сохранялись не только пасхальные куличи, но и святочные гадания, обычай печь жаворонков и пр. Хранителями традиций были бабушки, а исполнителями в основном внуки¹¹. В этом смысле Таганрог можно назвать «обычным» городом, то есть городом обычая – стереотипного, привычного способа поведения людей.

Произведения писателя подтверждают его прекрасное знание народных традиций. Известно, что лучше всего в памяти хранятся культурные впечатления детства и ранней юности. Можно смело сказать, что именно южнорусская традиция послужила основой таких рассказов, как «В рождественскую ночь», «Перед свадьбой», «Петров день», «Двадцать девятое июня», «День за городом», «Ведьма» и т. д. Показательным является небольшой очерк-рассказ «Ярмарка», в основу которого, по мнению комментаторов, «положены действительные впечатления от поездки в один из заштатных подмосковных городов», скорее всего, в Воскресенск (С. I, 588). Вполне вероятно, однако есть одна деталь, которая заставляет в этом усомниться. В приведенной афише балаганного представления читаем:

«9 часов вечера цена местам

1 место – 50 к.

2 место – 40 к.

3 место – 30 к.

4 место – 20 к.

Галдарея – 10 к.» (С. I, 251)

---

¹⁰ Шуленова Э.А. «Гений места» и его провинция // Таганрогский вестник: мат-лы междунар. науч. конф. «Молодой Чехов: проблемы биографии, творчества, рецепции, изучения». – Таганрог, 2004. – С. 10.

¹¹ Благодарю ст. научного сотрудника Таганрогского музея-заповедника А.А. Цымбал за сообщение о ее соседях Туркиных, в семье которых обычаи бережно хранились и передавались из поколения в поколение.

Слово «галдарея» будто даже выделено графически. Для земляков Чехова – это привет от писателя. Потому что «галдарея» (галерея) – это диалектное малороссийское слово, встречается в «Мертвых душах» Гоголя и до сих пор употребляется на Дону. Нам пока не удалось обнаружить документальных свидетельств балагана и народного театра в Таганроге, но в Москве и Петербурге он был обычным явлением на рубеже веков. Любопытно, что столичные впечатления у Чехова обрели южнорусскую форму.

Очень точную картину состояния народной традиции в городской среде представляет небольшой рассказ «Красная горка». Так называется первое воскресенье после Пасхи, конец Фоминой недели. Кстати, Фомина неделя – один из наиболее часто упоминаемых праздников в письмах Чехова. В комментариях к рассказу со ссылкой на Лейкина сказано, что материал к рассказу Чехов черпал из книги И. Снегирева «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (С. III, 584). Действительно, работая над диссертацией «Врачебное дело в России», Чехов читал книгу Снегирева, знал и книгу М. Забылина «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия». Он и сам записывал рецепты народной медицины. Возможно, именно эта хорошо знакомая писателю традиция народного знахарства, альтернативная официальной науке, вызвала к жизни замысел «исторической» медицинской диссертации.

«Красная горка» – это повествование не столько о самом празднике, сколько о том, «что было» и «что стало». Рассказ и начинается словами: «Так называется у нас.., у древних же...». Ключевой для нас фразой является: «Так как от невежества мы ушли, но к цивилизации, слава богу, еще не дошли, а обретаемся на золотой середине, то этот языческий праздник сохранился и до нашего времени во всей своей полноте» (С. III, 215). Фраза эта свидетельствует о следующем. Во-первых, в основу рассказа легли личные впечатления писателя, а не книга Снегирева, потому что книга Снегирева вышла в 1837 году, который «нашим временем» не назовешь. Во-вторых, речь идет о существовании праздника именно в городской среде, поскольку песни, которые поют парни и девки, – это не народные песни. Как замечательны эти деревенские «парни и девки», послужившие в городе в коридорных или горничных и поющие «Наш

Китай – страна свободы» или «Когда супруг захочет вдруг»! Или наоборот, древние «кавалеры и барышни», которые воспевают Сварога или И.С. Аксакова, «сомкнувшись в тесный grand-rond»!

Выявление элементов традиционной культуры в творчестве Чехова позволяет лучше понять неповторимость его творческой манеры, увидеть его особое место в литературе рубежа XIX–XX вв., еще классической, но уже рождающей новые художественные формы. Традиционная культура и фольклор стали для многих чеховских произведений текстопорождающей моделью, определяющую их жанровую природу, композицию, систему персонажей, образы пространства и времени.

2.2. МАЛОРОССИЙСКАЯ ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А.П. ЧЕХОВА

Чехов родился и вырос в Таганроге, в городе, который до 1887 года входил в Екатеринославскую губернию и в котором украинское население составляло большинство. Но и позже, в Москве, Чехов долго произносил фрикативное «г» и с трудом избавлялся от украинизмов в речи. Этнокультурные стереотипы, заложенные в детстве, проявляются во всем творчестве писателя, от ранних рассказов до последней пьесы «Вишневый сад» с специфически южной символикой вишни.

Малороссийская традиция представляла в сознании писателя единое и не расчлененное на русских и украинцев культурное пространство. Чехов любил юг, особенно когда покинул его и возвращался лишь на время. Любимым направлением его путешествий, как заметила Ж. де Пруайяр, был юго-восток: через Харьков в Ростов, Таганрог или в Кубань, на Кавказ¹. Для него не было различий между Россией и Украиной – это был милый его сердцу юг, где «море и свежие люди» (П. III, 14). «В моих жилах течет ленивая хохлацкая кровь, – писал Чехов Григоровичу, – я тяжел на подъем и не люблю выходить из дому...» (П. III, 102). Украинскими выражениями пестрят его письма: «Це не гарбуз, а слива», «Казав пан – кожух дам, слово его тепло».

Чехов возражал против культурного изоляционизма, против «украинофильства». Отвечая на обвинения Плещеева, что в рассказе «Именины» он смеется над украинофилом, желающим освободить Малороссию от русского ига, Чехов пишет, что имел в виду тех людей, которые «ничего не имея ни в голове, ни в сердце, тем не менее стараются казаться выше среднего уровня и играть роль, для чего нацепляют на свои лбы ярлыки» (П. III, 19). Зато любовь украинцев «к теплу, к костюму, к языку, к родной земле» «симпатична и трогательна» (П. III, 19)².

¹ Пруайяр Ж. де. Образ юга в литературном творчестве А.П. Чехова // Век после Чехова: междунар. науч. конф.: тезисы докл. – М., 2004. – С. 157.

² Отношение Чехова к украинской культуре стало темой сборника статей «“Как меня принимали в Харькове” (А.П. Чехов и украинская культура)». – Киев, 2011; книги В.Я. Звизняцкого «Аксиография Чехова». – Винница, 2012 и др.

В произведениях А.П. Чехова, особенно ранних, очень силен и заметен малороссийский элемент, который часто служит ключом к их пониманию. Рассказ «В рождественскую ночь» многие современные писателю критики и литературоведы следующих поколений считали неудачным, невероятным и несообразным. Герой этого рассказа помещик Литвинов в ночь перед Рождеством отправляется ловить рыбу в замерзшем море. Почему ночью? Зачем Литвинову так вдруг понадобилась рыба, что он, рискуя жизнью, решился на этот шаг?

Этот странный с бытовой точки зрения факт получает объяснение в малороссийской культурной традиции, где рыбный суп был обязательным рождественским блюдом. С точки зрения народных представлений, поступок помещика Литвинова преследует несколько целей. В первую очередь, он должен принести практическую пользу: доставить к рождественскому столу рыбу. Но есть в нем и более глубокий смысл. Рождество – это праздник примирения и всеобщей любви. То есть рождественская рыбалка помещика Литвинова призвана укрепить семью, в которой, как выяснилось, жена не любит мужа.

Употребление рыбы как обрядового блюда в Рождественский сочельник определяется ее значением «как символа рождения и новой жизни, получающего воплощение и в христианской традиции, прежде всего в “рыбной” метафорике Христа»³. Кроме того, рыба связана с мужской производящей силой. Следовательно, рыба призвана сыграть продуцирующую роль. Но рыба может символизировать не только плодородие, но и равнодушие, сексуальную индифферентность⁴. Помещик Литвинов любил свою жену. А жена всю свою страсть направила на не-любовь. И это самое страшное нарушение заветов Рождества, потому что противоречит фольклорно-мифологической идее воспроизведения жизни и христианской идее всеобщей любви.

Элементом рождественского сочельника является ожидание и встреча мертвых. Наталья Сергеевна ждет мертвого не символически, а буквально: ждет его смерти. А все загаданное в сочельник сбывается. Жена помещика Литвинова, лишенная связей с мужем,

---

³ Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М., 1997. – С. 748.

⁴ Соколов М.Н. Рыба // Мифы народов мира. – Т. 2. – М., 1998. – С. 393.

не просто разрушает атмосферу и смысл Рождества, но и становится убийцей, воплощением смерти. В похоронных причитаниях смерть, часто приходящая с моря, персонифицируется в образе молодой женщины, идет «по крылечку молодой женой». Чеховская героиня, «молодая женщина лет двадцати трех, с страшно бледным лицом» (С. II, 286) спускается по лестнице с мокрыми и липкими перилами и скрипучими ступенями.

Но последняя степень падения – предательство не только любящего мужа, но и всех человеческих ценностей – оборачивается возрождением Натальи Сергеевны. Это духовное прозрение уже не может быть прочитано только в контексте фольклора, оно отсылает к нравственно-религиозной идее очищения души, к христианской учительной литературе.

С литературоведческой точки зрения, такая интерпретация чеховского произведения открывает возможность анализа его жанровой природы, пространственно-временных характеристик, образной системы, поэтики и прочих специальных процедур. Но нам важно подчеркнуть естественность и органичность включения малороссийского материала в творчество писателя, который давно уже вышел за границы национального восприятия и стал общечеловеческим, мировым достоянием.

В рассказе «На пути», герои которого находятся на жизненном распутье, в ситуации несостоявшегося выбора, Чехов опять прибегает к малороссийскому материалу. В этом рассказе снова время действия – Рождество, а место действия – русско-украинское пограничье. И мальчишки на постоялом дворе исполняют самую странную и нетипичную колядку, которую Чехов мог выбрать из святочного репертуара:

Гей ты, хлопчик маненький,
Бери ножик тоненький,
Убьем, убьем жида,
Прискорбного сына...

Можно себе представить, какие суждения на тему «Чехов и евреи» может породить этот эпизод у желающих поспекулировать на национальном вопросе. Но речь идет о художественном произведении, и, следовательно, функции у этой колядки – художественные.

Почему Чехов избирает именно украинскую обрядовую песню? Скорее всего потому, что в русских колядках нет религиозного приурочения. Зато в украинские проникли христианские мотивы и персонажи. В чеховском рассказе, как нам кажется, актуализуются вполне определенные культурные смыслы. Писатель изобразил человека-скитальца, вызывающего ассоциации с «вечным жидом» Агасфером. Лихарев, герой рассказа, за свою жизнь испытал обольщения и разочарования целых поколений: страсть к наукам, нигилизм, народничество, славянофильство, толстовство и т. д. С одной стороны, такая концентрация разнообразных и часто антагонистических идей – это отличительная черта второй половины русского XIX столетия, но с другой – напоминает о вечно живущем «прискорбном сыне», который помнит начало новой эры.

Атмосфера рассказа будто погружает события и героев рассказа в какое-то доисторическое прошлое, когда все только может начаться. Но не начинается. Может начаться, но не начинается любовь Иловайской к Лихареву. Может начаться, но не начинается духовное возрождение Лихарева. Случайная встреча может обернуться, но не оборачивается семьей, родством, обретением дома, прекращением странничества. Рождество состоялось как календарное событие, но не как трансцендентное. Так, помимо географических реалий (хутор Иловайский, вблизи которого разворачивается действие), в рассказе создано особое пограничное русско-украинское культурное пространство, хорошо знакомое тем, кто жил и живет на юге России, в Таганроге, где до сих пор говорят на причудливой смеси языков и поют украинские песни.

Замысел рассказа «Ведьма», по воспоминаниям Михаила Павловича Чехова, возник у Антона Павловича в Бабкине, подмосковном имении Киселевых: «близ Дарагановского леса стояла одинокая Полевщинская церковь, всегда обращавшая на себя внимание писателя. В ней служили всего только один раз в год и по ночам до Бабкина долетали только унылые удары колокола, когда сторож звонил часы. Эта церковь, с ее домиком для сторожа, у самой почтовой дороги, кажется, дала Чехову мысль написать “Ведьму” и “Недоброе дело”»⁵.

---

⁵ Чехов М.П. Антон Чехов и его сюжеты. – М., 1923. – С. 34–35.

Возможно, относительно замысла рассказа М.П. Чехов и прав, но ведьма в рассказе вышла совершенно южнорусская.

Рассказ «Ведьма» уже самим названием отсылает к литературным предшественникам и особенно к Гоголю. Литературное влияние Н.В. Гоголя на А.П. Чехова – давно признанный филологами факт. Выявлены сходные мотивы и образы, установлена общность «направления». Разговор, как правило, ведется о наследовании Чеховым гоголевских художественных принципов. При этом в стороне остается то обстоятельство, что Гоголь и Чехов представляют одну этнокультурную традицию – малороссийскую.

Понимание роли местного контекста и колорита многое проясняет в произведениях Чехова, в частности, позволяет поставить вопрос не только о генетической преемственности им традиций Гоголя, но и о типологическом сближении этих писателей на общей этнокультурной почве. В этом случае сюжеты, мотивы, персонажи Гоголя и Чехова оказываются структурно-семантическими вариантами некоего локального традиционного инварианта.

Начнем с того, что, по общему мнению, наши ведьмы все родом из-под Киева. Еще В.И. Даль утверждал: «ведьмы известны всякому, хотя водятся собственно на Украине»⁶. Даже северорусские крестьяне полагали, что «местные ведьмы получают свое знание от ведьм киевских, “что на Лысой горе”, а затем “передают друг дружке”»⁷.

Между северными и южными ведьмами есть существенная разница. Как писал в позапрошлом веке писатель и этнограф С.В. Максимов, «если в малорусских степях среди ведьм очень нередки молодые вдовы и притом, по выражению нашего великого поэта, такие, что “не жаль отдать души за взгляд красотки чернобрововой”, то в суровых хвойных лесах, которые сами поют не иначе, как в минорном тоне, шаловливые и красивые малороссийские ведьмы превратились в безобразных старух»⁸. Современный исследователь, хоть и менее поэтично, говорит о том же: «Севернорусские и южнорусские ведьмы разнятся примерно так же, как северные и южные русалки. Северно-

---

⁶ Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. – СПб, 1994. – С. 56.

⁷ Власова М. Русские суеверия. – СПб., 1998. – С. 61.

⁸ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб., 1994. – С. 113.

русская ведьма – безобразная старуха, иногда толстая, как кадушка, с растрепанными седыми космами, костлявыми руками и синим носом. Южнорусская ведьма может быть молодой и привлекательной, хоть ее молодость и красота порой только личина»⁹. Связь ведьмы со стихиями, как отмечают исследователи, особенно сильна на Украине. Именно там бытуют поверья о ведьмах, поедающих или сметающих помелом луну и звезды¹⁰. Кроме того, южные ведьмы меньше склонны к злодейству, во всяком случае, вредительство не было изначально их формой поведения¹¹. И наконец, представления о южных ведьмах, в силу их молодости и привлекательности, включают в себя мотивы телесности и соблазна, каких нет на Севере.

Яркими примерами могут стать произведения украинских писателей о ведьмах: «Конотопская ведьма» Г. Квитки-Основьяненко, «Киевские ведьмы» О. Сомова и, конечно, «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Вий» Н. Гоголя. Эти ведьмы и летают на шабаш, и выдаивают коров, и скрадывают месяц, и наводят непогоду, и губят людей, и чародейской своей красотой притягивают мужчин. Чехов же из всего набора «ведьминских» свойств и функций наделяет свою героиню лишь некоторыми.

Вообще чеховский рассказ до самого конца сохраняет интригу: ведьма его героиня или нет? Если ведьма, то ученая или природная? Если ученая, то почему и как стала ведьмой?

Начнем издалека. Рассказу «Ведьма» посвящено несколько статей, написанных в русле мифопоэтики¹². Они содержат множество

---

⁹ Русский демонологический словарь / Авт.-сост. Т.А. Новичкова. – СПб., 1995. – С. 76.

¹⁰ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Мифы, поверья и суеверия славян: в 3-х тт. – Т. 3. – М., 2002. – С. 420; Даль В.И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. – С. 56; Власова М. Русские суеверия. – С. 63.

¹¹ Криничная Н.А. Русская мифология: мир образов фольклора. – М., 2004. С. 440.

¹² Доманский Ю.В. Архетипический мотив зимней вьюги в прозе А.С. Пушкина и рассказе А.П. Чехова «Ведьма» // Мат-лы междунар. пушкинской конф. – Псков, 1996. – С. 200–205; Козубовская Г.П., Бузмакова М. Рассказ А.П. Чехова «Ведьма»: жанровый архетип // Культура и текст. – Барнаул, 2008. С. 287–298; Нагина К.А. Семантика метели в рассказе А.П. Чехова «Ведьма» // Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 6 (12). – С. 131–138.

верных и точных наблюдений. Но в двух из них сюжет рассказа возводится к Пушкину и Толстому. В третьей – к литературной балладе. Поиск прецедентных текстов – общая тенденция литературоведения. Об этом иронически писала В.Е. Ветловская: «Державин, Батюшков, Жуковский “влияти” на Пушкина; Пушкин “влият” на Гоголя; Гоголь “влият” на Достоевского; Пушкин, Гоголь, Достоевский “влияти” на Чехова или Блока и т. д. Все на всех “влияти” – и никто не оригинален. Вот идея! (Хотя, казалось бы, если никто из писателей не оригинален, то в чем бы могло тогда выразиться их “влиятие”?)»¹³.

Самое главное, что поиск претекстов можно продолжать бесконечно. Но дело в том, что все они, будучи написанными русскими писателями на русском языке, так или иначе отражают национальную картину мира, традиционные культурные представления и лежащую в их основе славянскую мифологию.

Ведьма в народном сознании – существо одновременно реальное и наделенное сверхъестественной силой. В круг ее чудесных способностей входит управление природными стихиями и погодой. Назвав рассказ «Ведьма», Чехов не мог не актуализовать этот мотив. С другой стороны, сделав художественным временем и пространством рассказа ночь и метель, а его персонажами – заблудившихся путников и хозяев одинокой сторожки, он не мог, вольно или невольно, не вступить на территорию «ведьминского» текста славянской культуры, где происходит «намеренное неразличение мифологического и реального планов», о чем применительно к гоголевским «Вечерам» пишет Е.Е. Левкиевская¹⁴. Ведьма, в отличие от других мифологических персонажей, больше тяготеет к миру людей и интерпретируется в категориях обыденного мифологического сознания. Она предельно обывовлена¹⁵.

---

¹³ Ветловская В.Е. Анализ эпического произведения: Проблемы поэтики. – СПб., 2002. – С. 193.

¹⁴ Левкиевская Е.Е. Мифологический персонаж: соотношение имени и образа // Славянские этюды: к юбилею С.М. Толстой. – М., 1999. – С. 243–257. Поэтому же неправомерно видеть в Раисе Ниловне черты Яги, как это делает К.А. Нагина: сказка – это заведомый вымысел.

¹⁵ Виноградова Л.Н., Толстая С.М. К сравнительному изучению мифологических персонажей: вештица и ведьма // Балканские чтения – 1. Симпозиум по структуре текста. – М., 1990. – С. 112–116.

Так ведьма или нет Раиса Ниловна, героиня Чехова? Нет сомнения, что современники писателя, дружно отмечавшие реализм рассказа, сочли название метафорой. Однако все не так просто. Молодая исследовательница Н. Грицай сопоставила художественные точки зрения в рассказе и показала, что «ведьма» – это не только то, как видит свою жену Гыкин: «в данном случае “точка зрения” персонажа вводится не прямо, а через авторское слово, ведь чаще всего заглавие произведения является реализацией позиции автора»¹⁶. Не будем забывать, что Чехов вырос в маленьком провинциальном городе, где еще сохранилась в его время, пусть в виде обычая, повседневного стереотипа, традиционная культура. Тогда как в больших городах она подверглась существенной редукции, особенно в интеллигентской среде.

В рассказе постоянно переключается регистр фантастики и реальности. Дьячок Савелий Гыкин прислушивается к звукам метели и хмурится: «Дело в том, что он знал, или, по крайней мере, догадывался, к чему клонилась вся эта возня за окном и чьих рук было это дело. – Я зна-аю! – бормотал он, грозя кому-то под одеялом пальцем. – Я все знаю!» (С. IV, 375). Гыкин подозревает свою жену в том, что она вызывает непогоду и тем самым привлекает заблудившихся путников. Это можно считать суеверием глупого и неказистого дьячка, его мистическим страхом перед красавицей женой. Гыкин, заслышав звук колокольчика, все больше злится: «Почту кружит! – прохрипел он, злобно косясь на жену. – Слышишь ты? Почту кружит! Я... я знаю! Нешто я не... не понимаю! – забормотал он. – Я все знаю, чтоб ты пропала!» (С. IV, 377). И тут первый сигнал: «Что ты знаешь? – тихо спросила дьячиха, не отрывая глаз от окна» (С. IV, 377). Можно, конечно, объяснить тихий голос и пристальный взгляд Раисы желанием расслышать далекий звук. Но у Чехова часто обычные слова и действия имеют второй, скрытый смысл. Ведьма, как и всякая нечистая сила, «выдает себя необычным взглядом»¹⁷.

---

¹⁶ Грицай Н. «Точки зрения» в рассказе А.П. Чехова «Ведьма» // Молодые исследователи Чехова-5: мат-лы междунар. научн. конф. – М., 2005. – С. 139.

¹⁷ Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Ведьма // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. – Т. 1. – М., 1995. – С. 297.

В Полесье бытует поверье, что если ведьма следит за полетом птицы, то птица падает мертвая на землю¹⁸.

И снова повествование переходит в план реальности. «Бесишься, глупый...», «Да ты перекрестись, дурень» – увещевает мужа Раиса. И дает совсем уж рациональное объяснение своему интересу: «Да и глупый же ты, Савелий! – вздохнула дьячиха, с жалостью глядя на мужа. – Когда папенька живы были и тут жили, то много разного народа ходило к ним от трясучки лечиться ... Почитай, каждый день ходили, и никто их бесами не обзывал. А к нам ежели кто раз в год в ненастье заедет погреться, так уж тебе, глупому, и диво, сейчас у тебя мысли разные» (С. IV, 378). «Логика жены тронула Савелия», – пишет далее Чехов (С. IV, 378). Но читатель не может пропустить маленькую деталь: отец Раисы лечил людей от трясучки – от лихорадки. Народное название этой болезни «трясовица» или «тряся». А всего сестер-лихорадок от семи до сорока. И это не просто болезни, а мифологические существа, совладать с которыми может только знающий человек, ведун.

Лечил, надо думать, травами. Иначе говоря, несмотря на духовное звание, выполнял функции знахаря-зелейника. А травы собирают в особых местах: на пограничных территориях (межах, за околицей), в лесу, на возвышенностях (горах, буграх). И место, где происходит действие и где располагается старая заброшенная церковь со сторожкой, называется Гуляевский бугор, имение генерала Калиновского. Перекресток дорог, распутье, росстань – это эзотерическое место передачи и получения знаний, контактов человека с мифическими существами¹⁹. Это параллельный мир, «который одновременно и тождествен, и противоположен реальному»²⁰. Калинов мост в народной сказке разделяет «этот» и «иной», потусторонний мир. Калин-царь в былине – это «чужой», иномирный и иноверный персонаж. Учитывая метель, в рассказе образуется маргинальный, демонический хронотоп. Стоит ли удивляться, что доводы жены не убеждают Гыкина?

---

¹⁸ Народная демонология Полесья. – Т. 1. – М., 2010. – С. 139.

¹⁹ Криничная Н.А. Русская мифология: мир образов фольклора. – С. 446.

²⁰ Там же. С. 458.

Гыкин верит, что это Раиса наворожила непогоду, сделала так, что путники, один из которых молод и хорош собою, сбились с пути. И хотя разговор дьячихи с ними имеет совершенно бытовой характер, Чехов по-прежнему держит читателя в напряжении: ведьма Раиса или нет?

Вот она сидит рядом с уснувшим молодым почтальоном и, не отрываясь, смотрит на него: «Щеки ее побледнели и взгляд загорелся каким-то странным огнем» (С. IV, 382). И, когда Гыкин прикрывает лицо почтальона платком и не дает жене погасить свет, она шипит на него. Зооморфизм, способность к оборотничеству, огненный взгляд – все это свойства ведьмы. Она умеет отводить глаза. Ее фраза, обращенная к мужу: «ничего ты не видел...», – звучит двусмысленно, не только как оправдание, но и как заклинание.

Казалось бы, чего проще? Известно, что ведьму можно опознать по маленькому хвостику. Об этом пишут все собиратели и исследователи, начиная с А.Н. Афанасьева и В.И. Даля. Разве Гыкин не должен знать, есть у жены хвостик или нет? Но ответ на этот вопрос напрямую связан с другим: почему Раиса стала ведьмой.

Ведьмы в народных представлениях бывают природные (врожденные) и ученые. Природные ведьмы рождены от демонических существ. Ведьмы ученые приобретают сверхъестественные способности в течение жизни. Одним из способов приобретения силы является брак или сожительство с чертом. Но если в народной традиции и в художественной литературе ведьма и черт обычно на одной стороне (вспомним Солоху или ведьму-панночку), то у Чехова они антагонисты. Потому что роль черта в рассказе играет Гыкин, а образ метели-войны проецируется на отношения мужа и жены: «Трудно было понять, кто кого сживал со света и ради чьей гибели заварилась в природе каша, но, судя по немолкаемому зловещему гулу, кому-то приходилось очень круто» (С. IV, 375).

Гыкин в большей степени, чем Раиса, обладает inferнальными чертами: волосатое, рябое лицо, рыжие, жесткие волосы, грязные «кулдышки» ноги (а первоначально повторенное два раза: «ноги с кривыми, черными ногтями» (С. IV, 452)), бессмысленная звукоподражательная фамилия. Телесные аномалии, грязь и запах, нелюдимость, злобность, глоссолалия, нечленораздельная речь – это

приметы «нечеловеческой», хтонической сферы²¹. Кроме того, «при описании интерьера дома, хозяином которого является дьячок Гыкин, ни разу не упоминаются образа, присутствие которых и подтверждало бы профессиональную принадлежность дьячка»²². Гыкин верит в ведьм. Неизвестно, верит ли он в Бога, но в ведьм верит. Жена называет его «окаянный», «смола», «сатана длиннополая», «ирод». Да и сам он соглашается: «Хоть я и длиннополый нечистый дух...», – а жену ругает «чертихой».

Многих современников Чехова смущала излишняя, по их мнению, физиологичность рассказа. В.В. Билибин упрекал писателя: «Я думаю, не вполне достойно употреблять талант на воспроизведение крайне чувственных картин... <...> Я поклонник реализма, но меня коробит от описания грязных ног дьячка. Потом, рядом с такой реальностью – чисто фантастический элемент в образе дьячка, который серьезно считает свою жену ведьмой. Это не вяжется» (С. IV, 520). Д.В. Григорович, активно использующий фольклорно-этнографические элементы в своих произведениях, тем не менее придерживался подобного мнения: «Вы настолько сильно владеете формой и чувством пластики, что нет особой необходимости говорить, например, о грязных ногах с вывороченными ногтями и о пупке дьячка. Детали эти ровно ничего не прибавляют к художественной красоте описания, а только портят впечатление в глазах читателя со вкусом» (С. IV, 520). Вот уж с чем согласиться совершенно невозможно. Без этих ног, и ногтей, и волос не был бы Гыкин демонической фигурой, а был бы просто жалким и непривлекательным человечком. Мало ли у красавиц несимпатичных мужей?

Сам же Гыкин считает себя чуть ли не святым мучеником. Об этом свидетельствует отложившееся в его памяти время «колдовства» жены и связанное с ним негодование: под пророка Даниила, на Алексея, божьего человека, в Спасовку и на десять мучеников на Крите перед Рождеством. Пророк Даниил был толкователем снов и обладал

---

²¹ *Виноградова Л.Н.* Звуковой портрет нечистой силы // Мир звучащий и молчащий. – М., 1999. – С. 179–199.

²² *Бронская Л.И.* Очерк Я. Абрамова «Корова» в контексте русской литературы второй половины XIX – первой половины XX века // Я.В. Абрамов в истории культурной и общественной мысли. – Ставрополь, 2012. – С. 218.

даром видеть невидимое для других. Алексей, божий человек, в браке сохранил целомудрие. Три Спаса связаны с большими христианскими праздниками: Вынесением Креста Господня и началом Успенского поста (в этот же день празднуется крещение Руси), Преображением Господним и Успением Богородицы. Десять критских мучеников прославились обличением язычества. То есть Ёлкин считает себя истинным христианином, способным обнаружить происки нечистой силы, обличить их и противостоять им. Правда, современные сексопатологи и психоаналитики сказали бы, что Ёлкина мучают комплексы и фрустрации и он приписывает жене пороки, которыми тайно страдает сам. А упоминание Алексея, божьего человека, наводит на подозрение о том, что Ёлкин не имеет супружеских отношений со своей женой. Откуда ж ему знать, есть у нее хвостик или нет?

Раиса Ниловна – красавица: «широкие плечи, красивые аппетитные рельефы тела», толстая коса, «которая касалась земли», «белая шея», «красивое лицо с вдернутым носом и ямками на щеках» (С. IV, 376). Ее красоту и чувственность Ёлкин считает вторым, наряду с управлением погодой, верным признаком ведьмы, в полном соответствии с традицией. Еще средневековые источники обвиняли ведьм в сексуальной распущенности. Об особом эротизме ведьм шуточно или серьезно сообщают все литературные произведения на эту тему, как русские, так и европейские, например, повесть Бальзака «Ведьма». В облике дьячихи есть подчеркнуто телесные черты, например, жирные губы. Женский рот в обыденном сознании, как известно, обладает сексуальными коннотациями и находится в тех же отношениях с женским «телесным низом», как нос с мужским. А для усиления функции призыва губы смазываются жиром, чтобы выглядеть яркими и блестящими, – в наши дни помадой²³.

Ведьмы владеют любовной магией, они, по выражению А.Н. Афанасьева, «разжигают самые сильные страсти»²⁴. Неслучайно в начале рассказа Раиса шьет мешки. Это действие отсылает к мешкам гого-

---

²³ Пушкарёва Н. «Мед и млеко под языком у нее» (Женские и мужские уста в церковном и светском дискурсах доиндустриальной России X–XIX в.) // Тело в русской культуре. – М., 2005. – С. 92–93.

²⁴ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: Мифы, поверья и суеверия славян: в 3-х тт. – Т. 3. – М., 2002. – С. 408.

левской ведьмы Солохи, в которые она прячет любовников. Четыре у Солохи, четырех насчитал и Ёлкин. С другой стороны оно имеет магический смысл сшивания, соединения судеб, жизненных путей. Но любовная магия Раисы не вредоносная. Она действительно мечтает о любви: «Несчастливая я! – зарыдала дьячиха. – Коли б не ты, я, может, за купца бы вышла или за благородного какого! Коли б не ты, я бы теперь мужа любила! Не замело тебя снегом, не замерз ты там на большой дороге, ирод!» (С. IV, 385). А если не о любви, то хотя бы о ее иллюзорном и временном эквиваленте: «Почтальон стал распутывать узел на башлыке. А дьячиха заглядывала ему в глаза и словно собиралась залезть в душу. – Чаю бы попили... – сказала она. – Я бы ничего... да вот они собрались! – соглашался он. – Все равно опоздали. – А вы останьтесь! – шептала она, опустив глаза и трогая его за рукав. <...> – Остались бы... чаю попили бы. <...> – Остались бы... Ишь как воеет погода! И не совсем еще проснувшись, не успевшим стряхнуть с себя обаяние молодого томительного сна, почтальоном вдруг овладело желание, ради которого забываются тюки, почтовые поезда... все на свете» (С. IV, 385). В случайном проезде женщина ищет то, чего лишена в браке.

Раиса Ниловна – действительно несчастна. Она не была настоящей невестой, потому что мужа ей прислали в доверок к должности дьячка, которая освободилась после смерти ее отца. Она даже косу не расплела, как полагается невесте: ее «толстая коса» «касается земли». А ведь коса – это подтверждение девичества, честности, то есть невинности²⁵. Она не стала и настоящей женой, потому что муж у нее «телепень, лежебока, прости господи!» (С. IV, 385). Ёлкин не соответствует статусу мужа ни потому, что не «расплел косы», ни потому, что не обеспечил хозяйства и имущества, ни потому, что должен защищать жену и ее честь, а не обвинять ее в распутстве и называть ведьмой. Поэтому в рассказ введены мотивы свадебной обрядности.

Ожидание у окна имеет традиционную брачную семантику. «Сидеть под окном» и значит «быть невестой»²⁶. Раиса Ниловна сидит

---

²⁵ Шангина И. Расплетание косы // Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. – СПб., 2005. – С. 517.

²⁶ Байбурун А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л., 1983. – С. 143.

2.2. Малороссийская этнокультурная традиция в творчестве А.П. Чехова

у окна и явно чего-то ждет: «Но вот она кончила один мешок, бросила его в сторону и, сладко потянувшись, остановила свой тусклый, неподвижный взгляд на окне... Но вдруг ресницы ее шевельнулись и в глазах блеснуло внимание» (С. IV, 376). При этом она занимается рукоделием – распространенный мотив свадебных песен. Почти полкомнаты занимает постель, которую свадебная песня именует «перинушкой пуховою» и которая является символическим залогом крепкого брака и будущих детей. Однако «свадьба» не состоялась: и приезжий – не жених, и брачная ночь не состоялась, и грязная, ненавистная постель не объединяет, а разъединяет, и детей нет и не будет, и даже рукоделие – не вышивка, прядение или вязание, то есть творение, а сшивание мешков – средства для удержания и уловления. И невеста – не невеста, а ведьма. Как позже скажет Булгаковская героиня, «я стала ведьмой от горя и бедствий, поразивших меня».

Казалось бы, обычная история. Однако Чехов возвращается к этому сюжету и придает ему новый облик. И эта новизна проступает особенно ярко при включении рассказа в этнокультурный и литературный контекст, в пространство, где на равных сосуществуют фольклорные ведьмы и ведьмы Гоголя, Куприна и Булгакова.

Пьеса «Предложение» адресовалась писателем именно провинциальной публике. В письме И.Л. Леонтьеву (Щеглову) от 7 ноября 1888 года он заметил: «Я нацарапал специально для провинции паршивенький водевильчик “Предложение” и послал его в цензурю» (П. III, 59). По воспоминаниям И.Л. Леонтьева, «Предложение» сразу сделалось «любимейшим детищем провинциальных сцен»²⁷. Думается, дело не только в том, что сам Чехов в упомянутом письме Леонтьеву определил свой «водевильчик» как «пошловатенький и скучноватенький». Московскому или петербургскому зрителю не были близки и понятны «страсти» героев по поводу пастбища или охотничьих собак. Деревенский же или провинциальный житель еще сохранял традиции в быту, в системе повседневного поведения, в практике жизни. Поэтому неявные смыслы этой пьесы-шутки могли быть ему более понятны.

---

²⁷ Чехов в воспоминаниях современников. – М. 1954. – С. 151.

Сюжет пьесы отсылает к комплексу традиционных представлений о свадьбе, то есть к свадебной обрядности и свадебной поэзии. Предметы же спора между героями актуализируют дополнительный эротически-состязательный подтекст.

Помещик Ломов приезжает просить руки Натальи Степановны Чубуковой. Эта ситуация сватовства и предполагаемой свадьбы, как и полагается, определяет два смысловых уровня пьесы – бытовой и символический.

С точки зрения бытовой, Ломову уже 35 лет – «возраст, так сказать, критический» и ему «нужна правильная регулярная жизнь», а Наталья Степановна «отличная хозяйка, недурна и образованна» (С. XI, 316). К тому же этот брак поможет объединить граничащие земли. Так же, практически, воспринимают визит соседа и хозяева: «Чубуков (в сторону). Денег приехал просить! Не дам» (С. XI, 315). Наталья Степановна же традиционное свадебное иносказание «у вас товар – у нас купец» понимает буквально, коммерчески: «Это вы, а папа говорит: поди, там купец за товаром пришел» (С. XI, 318).

Однако для читателя или зрителя, еще сохранившего «память» традиции, уже начало пьесы представляется своеобразным набором элементов разных символических кодов: акционального, ментального, словесного, предметного, растительного и т. д.

В массовом сознании холостяк и старая дева (а Наталье Степановне 25 лет – возраст вполне солидный для незамужней девушки) – это нечто незаконченное, недостаточное, нарушение естественных правил и необходимой жизненной программы. Не случайно в народе для таких людей есть не очень приятные названия: девун, монах, беззамужница, браковка, вековуха²⁸. Невступление в брак полагалось недостатком большим, чем физические изъяны. Ненормативное, небрачное положение мужчины приписывалось сглазу и порче (Ломов явно невротически относится к своему здоровью). Засидевшуюся невесту родители пытались сбить с рук, откровенно предлагая ее женихам. До 25 лет девушки

---

²⁸ Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. – СПб., 2005. – С. 96, 668.

2.2. Малороссийская этнокультурная традиция в творчестве А.П. Чехова

еще считались невестами, а потом переходили в разряд старух²⁹. Ломов для Натальи Степановны – в полном смысле последний шанс, как и она для него. Таким образом, благополучный исход этой маленькой комедии можно считать предрешенным, и не только в силу водевильной специфики.

Ломов является к Чубуковым во фраке. На эту деталь обращают внимание и отец, и дочь. «Голубушка, но что же это вы так официально? Во фраке, в перчатках и прочее?» – спрашивает Степан Степанович (С. XI, 315), а Наталья Степановна кокетничает: «Вы, кажется, во фраке! Вот новость! На бал едете, что ли? Между прочим, вы похорошили... Вправду, зачем вы таким франтом?» (С. XI, 318). Как известно, фрак надевается в сугубо официальных случаях. Кроме того, первоначально фрак был элементом кавалерийской униформы. В свадебных песнях изображение праздничной одежды жениха, «цветного платья», является способом его идеализации, приемом величания:

«Бояра, да покажите жениха!
Молодые, покажите жениха!»
«Княгини, да это что ли не жених?
Молодые, это что ли не жених?»
«Бояра, да покажите ваш кустюм!
Молодые, покажите ваш кустюм!»
«Княгини, да это что ли не кустюм?
Молодые, это что ли не кустюм?»³⁰.

При этом песня подчеркивает иноземный характер одежды жениха:

Да наш Ванюшка добрый,
Сшил себе кафтан модный:
Не широкий, не узкий,
На манер французский!³¹.

²⁹ Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. – СПб., 2005. – С. 97.

³⁰ Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия. – Л., 1984. – С. 216–217.

³¹ Круглов Ю.Г. Русские обрядовые песни. – М., 1982. – С. 192.

В традиционной свадьбе жених всегда предстает обитателем иного, чем невеста, мира, «чуж-чуженином», ему сопутствует воинская атрибутика: он «полковник», а его мужское окружение – «полк». Таким образом, фрак Ломова «прочитывается» не просто как парадная мужская, а свадебная, «военная», то есть подчеркнуто маскулинная одежда. Неслучайно И. Райхельгауз назвал свою постановку чеховского водевиля «А чтой-то ты во фраке?».

Первое появление Натальи Степановны дублирует появление Ломова: в обоих случаях знаком подготовленности/неожиданности брака является одежда. Наталья Степановна выходит «в фартуке и неглиже» (С. XI, 318). С бытовой точки зрения, это понятно – она не ожидает сватовства. В традиционном же обряде будничное платье девушки, в котором она принимала сватов, означало нежелание выходить замуж. Однако и сговоренная невеста переставала носить нарядное платье, что символизировало ее прощание с девичеством.

Первая реплика Натальи Степановны воспроизводит свадебную формулу про купца и товар, а вторая, «Мы горошек чистим для сушки», втягивает в ассоциативное поле пьесы продуцирующую растительную символику, типичную для свадебного обряда. В песнях предсвадебного цикла используются по преимуществу образы цветов. Образы плодов появляются только в песнях брачного пира и наполнены брачно-эротической семантикой. Бобовые в славянских культурах символизируют плодovitость, репродуктивные способности³². В свадебной обрядности горох используется в качестве свадебного блюда, им посыпают молодых или стегают их гороховыми плетями³³. В свадебных песнях горох – признак обманных «чудес» чужой стороны, мира жениха:

Да как чужа дальна сторона
Да она горохом огорожена,
Да черносливом усажена,
Да медами она поливана...³⁴

---

³² Плотникова А.А. Бобы, фасоль и горох в символике рождения и смерти // Кодови словенских култур. – Белград, 1996. – Кн. 1. – С. 47–55.

³³ Плотникова А.А., Усачева В.В. Горох // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под. ред. Н.И. Толстого. – Т. 1. – М., 1995. – С. 524.

³⁴ Русская народная поэзия. – С. 194.

Цикл вегетации гороха в песнях символизирует рождение новой семьи:

Неужель мой горох и всходить поспел?
Неужель мой горох и цвести уже стал?
Неужель мой горох и стручиться стал?..
...Неужели мой горох пироги пекчи?
Неужели мой пирог и делить поспел?..
...Вот Степану пирог свет с Марьей...³⁵

Широко распространен сказочный мотив рождения чудесного ребенка от съеденной царицей горошины («Покатигорошек»). Выражение «гороху объелась» – эвфемизм беременности вне брака. Среди свадебных эротических песен есть и такая:

Маня в рощице гуляла
Да земляничку брала,
Не слыхала да не видала,
Когда мил подкрался...
...Да вот и мать ее, мамаша
Да стала замечати:
«Да ох ты, дочка моя, дочка,
Да чем ты нездорова?»
«В поле была, да горох ела,
Да червоточка съела».
Да уродился червоточек
С руками, с ногами.
Да со руками, со ногами,
Да с серыми глазами³⁶.

С другой стороны, чистка горошка для сушки отсылает к символике подблюдных песен, где всякое длительное, повторяемое и незавершенное действие сулит безбрачие. Считать горох во сне – к ссоре, а видеть горох – к неудаче в начинаниях. Не случайно именно сухой

---

³⁵ Круглов Ю.Г. Указ. соч. С. 211.

³⁶ Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки. – М., 1995. – С. 159.

горох используется в поминальной обрядности. Если экстраполировать традиционную символику на чеховскую пьесу, получается, что Наталья Степановна «засушивает» себя, обрекает на долгое девичество, а «чучелом гороховым» называет Ломова Чубуков (С. XI, 323). Таким образом, и холостяк Ломов и заневестившаяся Наталья Степановна испытывают конфликт между необходимостью вступить в брак и внутренней неготовностью к нему.

Этим объясняются споры персонажей, которые определяют движение сюжета. Первый спор разгорается вокруг Воловьи Лужки. «Зеленые луга» в свадебной поэзии – это пограничное пространство жениха и невесты. Почему в пьесе лужки «Воловьи»? Очевидно, потому что там пасется крупный рогатый скот и заготавливается сено. Почему тогда не коровьи, а бычьи – воловьи? Ответ находим в этноботанике, то есть в народных представлениях о назначении и природе растений: «через народную ботаническую номенклатуру постигается суть архетипов сознания, высвечивающая культурную семантику близких и дальних образов народной картины мира»³⁷. «Воловьи Лужки» – это луга, где растут «воловьи травы», а травы эти так называются на юге России, потому что они крупные, по аналогии с размерами животных. Все «воловьи» травы – воловье око, чернокорень лекарственный, асфodelь и пр. – обладают полезными свойствами и наделяются положительными коннотациями.

Не стоит забывать и об особой народной символике вола. Вол олицетворяет богатство и благополучие, а жених в свадебном обряде должен продемонстрировать высокий социальный и имущественный статус. Вол, как и бык, наделяется большой производящей силой и является воплощением мужского начала, символизирует оплодотворение³⁸. Среди продуцирующих обрядов известны надевания калача на рог вола/быка, различные манипуляции с воллом/быком и зерном или мукой во время первой пахоты и посева. Основной пищей мужских обрядовых застолий, например, в Ильин день, было мясо вола/быка. У западных славян на Троицу разыгры-

---

³⁷ Дубровина С.Ю. Зоонимные названия растений. Воловики и «воловьи» травы // Этноботаника: растения в языке и культуре. – СПб., 2010. – С. 62.

³⁸ Костомаров Н.И. Славянская мифология: исторические монографии и исследования. – М., 1994. – С. 30.

вались «воловы свадьбы», во время которых бык с венком на рогах (венки – девичий атрибут, а эротически-сексуальная семантика рога вполне прозрачна) в сопровождении девушек с цветами шествовал с пастбища в деревню³⁹.

Волвы Лужки, по словам Ломова, граничат с березняком Чубуковых. А береза в русском фольклоре символизирует женское начало и противопоставляется мужским символам. На Троицу, праздник вегетативных сил природы, девушки «завивали» березу, поклонялись ей и приносили в жертву пироги и яичницу. По березовым венкам гадали о предстоящем замужестве. В свадебных обрядах девичья «красота» часто представлялась в виде березки, а ветку березы втыкали в свадебный каравай и использовали в качестве «свадебного деревца».

Волвы Лужки – это метонимическая замена мужской силы Ломова. Понятно, почему он так настаивает на праве собственности на них. Тем более что его мужественность в пьесе постоянно подвергается сомнению. Чубуков не обращается к Ломову иначе, как «мамочка», «голубушка», «мамуся», «цыпочка». Наталья Степановна и вовсе хочет послать на Лужки косарей, а известно, что в свадебном обряде действия, связанные с ломанием, разрушением, топтанием, вырубанием, – прерогатива жениха, поскольку символизируют дефлорацию.

Не разрешает, вопреки общему желанию, а только усугубляет противоречия второй спор персонажей – о достоинствах охотничьих собак. На самом деле этот спор почти сразу превращается в выяснение, кто лучший охотник. Как говорит Наталья Степановна, «те охотники больше всех спорят, которые меньше всех понимают» (С. XI, 326). Все спорят одинаково, следовательно, все и в охоте разбираются одинаково. Трудно представить Ломова с его «сердцебиением» и «живчиками» в глазах или сибарита Чубукова, который ездит на охоту «только за тем, чтобы к графу подмазываться да интриговать», в роли настоящих охотников, какими были, например, герои романа «Война и мир». Пожалуй, только Наталья Степановна с ее хваткой и хозяйственностью может претендовать на эту роль. Во всяком случае, разбирается в собаках она не хуже мужчин.

---

³⁹ Толстой Н.И. Бык // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. – Т. 1. – М., 1995. – С. 272–274.

Поскольку этот спор не менее важен в пьесе, чем спор о Лужках, логично предположить, что и он имеет символический подтекст. Действительно, мотив охоты в фольклоре связан со свадебным обрядом: во время сватовства жених представляется охотником, его свита «охотою», а невеста куницей, уткой пр. В традиционной культуре действия, связанные с поимкой и добыванием, символизируют брак:

Как Ефимов сын, Трофим,
Охоч по лесу гулять,
Часты пленки становить;
Не поймал перепелку –
Поймал сизого лунька,
Поймал сизенького,
Сизокрыленького:
Со руками, со ногами,
И со буйной головой,
И со русою косою,
Со девичьей красотой!⁴⁰

Охота всегда была «мужской» территорией, а «собачья» тематика включается в «мужской» код, маскулинный и агрессивный⁴¹. Даже прозвища собак в чеховской пьесе, Угадай (пес Ломова) и Откатай (пес Чубуковых), являются «говорящими». Угадывать, разгадывать – одно из действий жениха в свадебной обрядности. Мотив разгадывания загадок царевны распространен в волшебных сказках, откуда он перешел и в литературу, вспомним хотя бы сказку К. Гоцци «Принцесса Турандот». Причем от жениха требуются не логика и сообразительность, а сверхъестественные, магические и, в конечном счете, как показал В.Я. Пропп, сексуальные, оплодотворяющие способности⁴². Одно из значений слова «откатать» – больно прибить, высечь, отдубасить, отколотить⁴³. Словарь русских

---

⁴⁰ Круглов Ю.Г. Указ. соч. С. 219.

⁴¹ Михайлин В. Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. – М., 2005. – С. 335.

⁴² Пропп В.Я. Фольклор и действительность. – М., 1976. – С. 174–204.

⁴³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. – Т. 2. – М., 1979. – С. 728; Толковый словарь русского языка: в 3-х тт. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – Т. 2. – М., 1938. – С. 927.

2.2. Малороссийская этнокультурная традиция в творчестве А.П. Чехова

народных говоров приводит слово «откат» («откатъ») в значении «негодный», «ничтожный»⁴⁴. Кроме того, «Откатай» в силу фонетического созвучия и приставки *от-* (отдать, отбросить) выглядит противоположностью «Угадаю».

Споры в пьесе составляют ее основное содержание. Это понятно, поскольку речь идет о драматическом произведении, где действие строится главным образом на диалогах и полилогах персонажей. Занимательный и динамичный диалог особенно характерен для водевиля. Однако споры в «Предложении» заставляют вспомнить традицию словесных поединков, известных еще из ранних форм эпоса. Словесные поединки – это состязания, «словесная дуэль», по выражению С. Довлатова. В чеховском водевиле их содержание играет вспомогательную роль, так сказать, добавляет смысла. Но совершенно очевидно, что, о чем бы ни заговорили герои, их разговор примет вид словесного поединка. Финальная фраза Чубукова – «Ну, начинается семейное счастье» – делает эту перспективу неизбежной.

Словесный поединок является неизменным композиционным элементом сюжета боя героя с противником в русских сказках и былинах. В.Я. Пропп назвал его «хвастливой перебранкой»⁴⁵. Так, в сказке «Иван Быкович» змей похвастается: «Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он, добрый молодец, еще не родился, а коли родился, так на войну не сгодился: я его на одну руку посажу, другой прихлопну – только мокренько будет». На что герой отвечает: «Не хвались, нечистая сила! Не поймав ясна сокола, рано перья щипать, не отведав добра молодца, нечего хулить его»⁴⁶. Похожая картина наблюдается в героических былинах:

А тут стал и проклятый Индолицо:
– А уж ты, малый же скомарошина,
А у шатра ты распорядися,
А я сейчас, как стану, тебе вот покажу дружбу!

⁴⁴ Словарь русских народных говоров / Сост. Ф. П. Филин. – Вып. 24. – С. 197–198. URL: <http://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng>.

⁴⁵ Пропп В.Я. Морфология / Исторически корни волшебной сказки. – М., 1998. – С. 303.

⁴⁶ Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 3-х тт. – Т. 2. – М., 1984. – С. 227.

А и говорил Илья да таковы слова:
– А не изыман сокол, не тереби его,
А не изыман, так и не лови его!⁴⁷

Обвинения и контробвинения с переходом на личности и на родственников – это черты всякой бытовой перебранки. Но словесные поединки в мировом фольклоре – это прежде всего состязания в мужественности и любовном искусстве, поскольку в архаике они связаны с культами плодородия⁴⁸. Часто это поединки старшего с младшим, более «героического» с менее «героическим» (Хильдебранд и Хадубранд, Беовульф и Унферт, Один и Тор, Илья и Сокольник, Алеша и Тугарин и пр.). Словесные поединки являются частью свадебных обрядов и композиционной основой многих свадебных песен.

Разговоры персонажей в чеховской пьесе построены по канонам традиционных словесных поединков. Пытаясь объяснить цель своего визита Наталье Степановне, Ломов начинает с самохарактеристики, которая призвана создать о говорящем благоприятное впечатление, при этом, как и полагается, он апеллирует к уважаемым и социально значимым родственникам – к заслугам рода: «Вам, уважаемая Наталья Степановна, известно, что я давно уже, с самого детства, имею честь знать ваше семейство. Моя покойная тетушка и ее супруг, от которых я, как вы изволите знать, получил в наследство землю, всегда относились с глубоким уважением к вашему батюшке и к покойной матушке. Род Ломовых и род Чубуковых всегда находились в самых дружественных и, можно даже сказать, родственных отношениях. К тому же, как вы изволите знать, моя земля тесно соприкасается с вашей. Если вы изволите припомнить, мои Воловьи Лужки граничат с вашим березняком» (С. XI, 318–319).

---

⁴⁷ Илья Муромец / Подгот. текстов, ст. и коммент. А.М. Астаховой. – М.; Л., 1958. – С. 71.

⁴⁸ Мелетинский Е.М. Эдда и ранние формы эпоса. – М., 1968; Мелетинский Е.М. О былинных мотивах // Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура: Интетогіам. – СПб, 2003. – С. 335–351; Стеблин-Каменский М.И. Историческая поэтика. – Л., 1978; Матюшина И.Г. Традиция словесных поединков в древнегерманской культуре // Слово устное и слово книжное. – М., 2009. – С. 54–183.

Основную часть словесных поединков в пьесе, как и в памятниках архаического эпоса, составляют

– обращения к конкретным событиям родовой и индивидуальной жизни: «*Ломов*. ...бабушка моей тетушки отдала эти Лужки в бес-срочное и безвозмездное пользование крестьянам дедушки вашего батюшки за то, что они жгли для нее кирпич» (С. XI, 319); «*Чубуков*. ...именно крестьяне не платили вашей бабушке... Вы, значит, плана не видели!» (С. XI, 321);

– похвалы: «*Наталья Степановна*. Говорите что угодно, но несправедливости я терпеть не могу» (С. XI, 320); «*Ломов*. В роду Ломовых все были честные...» (С. XI, 322); «*Ломов*. Самая лучшая собака, не говоря уж о деньгах! Ведь я за него Миронову 125 рублей заплатил» (С. XI, 325); «*Наталья Степановна*. ...Откатай куда лучше вашего Угадай!» (С. XI, 325) и т. д.;

– оскорбления: «*Наталья Степановна*. Можете кричать и хрипеть от злобы у себя дома, а тут прошу держать себя в границах!» (С. XI, 321); «*Ломов*. Вы не сосед, а узурпатор!» (С. XI, 322); «*Чубуков*. Кляузная натура!» (С. XI, 322); «*Ломов*. А вы интриган!» (С. XI, 323); «*Чубуков*. А сами вы, вот именно, ехидный, двуличный человек!» (С. XI, 323) и т. д.;

– объявления о сомнительных или постыдных поступках, женоподобии, наличии плохих родственников: «*Чубуков*. А в вашем Ломовском роду все были сумасшедшие! <...> А ваш отец был картежник и обжора!» (С. XI, 322–323); «*Чубуков*. Добро бы охотились, а то ведь ездите только за тем, чтобы спорить да чужим собакам мешать и прочее» (С. XI, 329); «*Ломов*. Вы ездите только за тем, чтобы к графу подмазываться да интриговать... <...> Всем известно, что – ох, сердце! – ваша покойная жена вас била» (С. XI, 329); «*Чубуков*. А ты у своей ключницы под башмаком!» (С. XI, 329); «*Наталья Степановна*. Какой вы охотник? Вы и на лошади сидеть не умеете!» (С. XI, 329);

– угрозы: «*Наталья Степановна*. Сегодня же pošлю своих косарей на эти Лужки!» (С. XI, 320); «*Ломов*. А я их в шею!» (С. XI, 321); «*Ломов*. Если бы, сударыня, не это страшное сердцебиение, если бы жилы не стучали в висках, то я поговорил бы с вами иначе!» (С. XI, 321); «*Чубуков*. И чтоб ноги вашей больше не было у меня в доме» (С. XI, 323); «*Ломов*. Чтоб он издох, ваш Откатай!» (С. XI, 326); «*Чубуков*.

Замолчи, а то я подстрелю тебя из поганого ружья, как куропатку» (С. XI, 329);

– предсказание поражения: «Чубуков. Не докажете, любимец мой» (С. XI, 321); «Ломов. Я вам судом докажу, что они мои!» (С. XI, 322); «Наталья Степановна. Подавайте в суд! Мы увидим!» (С. XI, 323);

– реплики персонажей построены по характерному для словесных поединков формульному типу: всем известно, молчи, перестань и т. д., – что отсылает к культурной памяти, к общему знанию.

Проигравшим словесный поединок считается тот, кто не может ответить оппоненту. Таковым, без сомнения, является Ломов, который прибегает к жалобам на здоровье, когда у него иссякают другие аргументы.

Словесные поединки между Ломовым и Натальей Степановной и Ломовым и Чубуковым, хотя и направлены на один и тот же предмет, имеют различную функциональную природу. Отношения Ломова и Чубукова полностью укладываются в сюжетную схему антагонизма тестя и зятя, особенно ярко и колоритно проявившуюся в сказке. Сказочный царь, В.Я. Пропп назвал его «враждебный тесть»⁴⁹, боится молодого претендента на руку дочери и, следовательно, на царство. Поэтому он, с одной стороны, хочет выдать дочь замуж, да за лучшего жениха, потому и устраивает испытания женихов, а с другой стороны, пытается этого жениха известить, проявляет к нему явную или скрытую враждебность. Воцарение жениха оборачивается гибелью старого царя или отказом от царства. Это, как показал в «Золотой ветви» Дж. Фрэзер, связано с культурами плодородия и сексуальной силой молодого царя. Комизм перебранки Ломова и Чубукова заключается в том, что темы и подтекст споров (Воловьы Лужки и охота – метонимия мужской силы) ставят их в одинаковое положение соискателей по отношению к Наталье Степановне – невесте. Более того, в этих состязаниях участвуют не только мужчины – Ломов и Чубуков, что понятно, но и Наталья Степановна, что естественно с хозяйственной точки зрения, но противоестественно с точки зрения культурной традиции. В статье о царевне Несмеяне В.Я. Пропп показал, что насмешить царевну, то

---

⁴⁹ *Пропт В.Я.* Морфология // Исторически корни волшебной сказки. – С. 385.

есть вызвать к жизни ее плодородные силы, способен только маскулинно-сексуальный герой⁵⁰. В этом смысле персонажи пьесы вполне со своей задачей справились.

Отношения Ломова и Натальи Степановны – это отношения жениха и невесты. Но их ролевое поведение выворачивает свадебный обряд наизнанку: Ломов ведет себе, как полагается невесте, а Наталья Степановна – как полагается жениху. Травестизм, переодевание, перемена гендерных и социокультурных ролей характерны для классического водевиля, но у Чехова этот прием проявляется не напрямую, а становится очевидным в традиционно-культурном контексте.

Прежде всего, в отличие от традиционной невесты, которая просит матушку и батюшку не отдавать ее замуж, – самый драматичный сюжет свадебного обряда, – Наталья Степановна рада найти мужа, даже готова (ненадолго) стать кроткой, то есть войти в «роль», умоляет отца вернуть обиженного жениха. А Ломов ломается, дважды отказывается от первоначального намерения и дает себя уговорить (не в этом ли «говорящий» смысл его фамилии?).

«Здоровый, упитанный, но очень мнительный» Ломов, как его рекомендует список действующих лиц, постоянно находится на грани обморока, а в фольклорных текстах, как выяснили исследователи, в обморок обычно падают женские персонажи⁵¹. У Ломова в ходе словесного поединка «отказывают» сердце, нога, рука, речь. Сердце, рука, нога, которые в той или иной функции постоянно присутствуют в репликах персонажей пьесы (просить руки, чтобы ноги здесь не было, плечо оторвалось, нога волочиться, сердцебиение, сердце лопнуло и пр.), – важнейшие приметы «телесного» кода свадебного обряда. Неспособность двигаться, говорить, видеть – это свойство невесты, которая, по словам А.К. Байбурина, уподобляется жертве: сначала расчленяется, а затем восстанавливается⁵².

---

⁵⁰ *Пропи В.Я.* Фольклор и действительность. – С. 174–204.

⁵¹ *Краюшкина Т.В.* Мотивы тела и телесных состояний человека в русских народных волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока. – Владивосток, 2009. – С. 119.

⁵² *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб., 1993. – С. 73.

Монолог Ломова содержит важный для обрядового «текста» невесты мотив сна: «Но самое ужасное у меня – это сон. Едва только лягу в постель и только что начну засыпать, как вдруг в левом боку что-то дерг! и бьет прямо в плечо и в голову... Вскрываю как сумасшедший, похожу немного и опять ложусь, но только что начну засыпать, как у меня в боку опять – дерг! И этак раз двадцать...» (С. XI, 317–318). С бытовой точки зрения, плохой сон Ломова объясняется его мнительностью и, действительно, необходимостью ночной «правильной, регулярной жизни» (в 35-то лет!). С другой стороны, «сон» – это обязательный структурно-семантический элемент причитаний невесты в традиционной свадьбе.

Сон невесты имеет необычный характер: не то сон, не то бодрствование – пограничное состояние:

Уж как мне-то, молодешеньке,
Не спалось да ночь темную.
Чуть маленько подзабылася,
Уж много снов во сне навидела...⁵³

Пробуждение ото сна связано с предстоящим изменением статуса – замужеством. Невеста, как известно, мыслится ритуально умершей, поэтому мотив сна в причитании соседствует с мотивом болезни и смерти и создает особое символическое пространство, сакральным центром которого является кровать/постель. Жених в свадебных песнях изображается наделенным силой и здоровьем – продуцирующей семантикой. А Ломов ведет себя как полумертвая невеста.

Реальное время действия в пьесе – лето. Однако символическое время действия отсылает к свадьбе. В свадебных песнях невеста традиционно уподобляется «винной яголке», которую побили крещенские морозы. У Чехова эту роль выполняет Ломов: «Холодно... Я весь дрожу, как перед экзаменом. <...> Брр!.. Холодно!» (С. XI, 316), «Ужасно холодно!» (С. XI, 318). Изображение надвигающейся зимы в песнях и причитаниях символизирует сватовство и близкое замужество. Образ зимы в свадебной лирике осмысливается не как

---

⁵³ Русская свадьба: в 2-х тт. – Т. 1. – М., 2000. – С. 180.

сезон года, а как постоянный признак «чужого» пространства⁵⁴. Ломов наделяется не только пространственными, но и временными характеристиками невесты. Этим объясняется поведение Натальи Степановны, которая дважды силой возвращает Ломова и дает согласие выйти за него замуж, хотя формально предложение так и не сделано: Ломов не произносит при Наталье Степановне этикетных слов. Мотив самопросватанья невесты известен по сказкам о героине и богатырше (девица Синеглазка, Усоньша-богатырша, Марья-моревна) и по былинам, сохранившим связь со свадебной обрядностью, но, в отличие от сказки, эту обрядность и символику переосмыслившим («Добрыня и Змей»).

Таким образом, сюжет пьесы получает не только бытовые и психологические, но и традиционно-культурные мотивировки, в игровой иронической форме воспроизводит свадебную обрядность вплоть до физиологических подробностей. Полисемантизм образов пьесы объясняется тем, что Чехов воспринимал традицию, так сказать целиком, как единое поле, без разделения на жанры, прецедентные тексты – как традиционную картину мира, данную в вербальных, акциональных и ментальных кодах.

В повести «Степь» знаком покидаемого Егорушкой «своего» пространства, домашнего прошлого становится кладбище с вишневыми деревьями. Посадка вишневых деревьев на кладбище – специфически южнорусское явление. Вишня на юге России актуальна в похоронной и свадебной обрядности, она обладает амбивалентной витально-мortalной семантикой. Потому и кладбище у Чехова «уютное, зеленое», «весело выглядывают белые кресты и памятники, которые прячутся в зелени вишневых деревьев и издали кажутся белыми пятнами», а когда вишня спеет, «белые памятники и кресты бывают усыпаны багряными, как кровь, точками». Потому и бабушка и отец Егорушки «спят» (С. VII, 14).

Это объясняется не просто особенностью детского сознания, еще не принимающего смерть, не только идеей о смерти-сне и последующем воскресении, но и традиционной южнорусской символикой

---

⁵⁴ Кургузова Н.В. Мифопоэтический аспект пространственно-временной системы русской свадебной лирики (песни и причитания): дисс... канд. филол. наук. – Орел, 2006. – С. 119–133.

вишни, создающей свой ассоциативный ряд и «работающей» на представление о человеческой жизни как странствии, путешествии между жизнью и смертью, между смертью и возрождением. Д.К. Зеленин, считавший южную Русь отдельным краем и по этническим особенностям, и по культуре, специфически южнорусскими региональными полагал манипуляции с вишневыми ветками, которые девушки ставили в воду, чтобы они распустились к Рождеству. По ним гадали⁵⁵. Э.А. Полоцкая тоже подчеркивает южнорусский характер вишни и вишневого сада и связывает этот образ с детскими впечатлениями Чехова⁵⁶.

У вишни есть и общефольклорная аграрная символика, и специфически брачная, которая актуализуется именно на юге России, в русско-украинском пограничье. До сих пор здесь в свадебный каравай вставляют вишневую ветку, если зимой – с искусственными цветами. Поэтому спелая вишня на могильных плитах напоминает Егорушке кровь, а смерть ассоциируется со сном, после которого наступает пробуждение.

Эти значения вишни обеспечивают надежду на будущее и в комедии «Вишневый сад». Как справедливо отметил А.М. Вилькин, на одном полюсе драмы – материальный «вишнёвый» сад, а на другом – «вечно умирающий и так же вечно возрождающийся мистический «вишнёвый сад»⁵⁷. Чеховский вишневый сад является одним из самых ярких и сложных символических образов в русской литературе. Его значение истолковывается в диапазоне от символа дворянского быта до метафоры смены исторических эпох. Это одновременно герой пьесы и ее центральный символ. Как герой он имеет портретную характеристику, биографию, возраст, персонифицированного двойника – Фирса. Как символ он охватывает судьбу России и именно так трактуется большинством исследователей. Но почему сад и почему вишневый?

И.А. Бунин, не принявший пьесы и ее поэтики, возмущался именно образом вишневого сада: по его мнению, сплошь виш-

---

⁵⁵ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М., 1991. – С. 29.

⁵⁶ Полоцкая Э.А. «Вишневый сад»: жизнь во времени. – М., 2004. – С. 139.

⁵⁷ Вилькин А.М. «Вишневый сад» вчера и сегодня (Заметки режиссера) // Чеховиана. Чехов и его окружение. – М., 1996. – С. 201.

2.2. Малороссийская этнокультурная традиция в творчестве А.П. Чехова

невых садов в России нет. В бунинской России, скорее всего, нет, а в чеховской, малороссийской, есть. Отдыхая весной в Сумах, Чехов в числе местных достопримечательностей часто называет цветущую вишню. В письме М.П. Чеховой 26 апреля 1889 года: «Ждем тебя с нетерпением <...> Вишни и сирень еще не цвели» (П. III, 198); в письме А.С. Суворину, май 1889 года: «Я глазам не верю. Недавно были снег и холод, а теперь я сижу у открытого окна и слушаю, как в зеленом саду, не смолкая, кричат соловьи, удоды, иволги и прочие твари. Псел величественно ласков, тоны неба и дали теплы. Цветут яблони и вишни» (П. III, 201). Сравнение цветущего вишневого дерева с невестой тоже встречается в чеховских письмах задолго до «Вишневого сада». Замена во втором акте пьесы в московской постановке южных тополей березами и елками казалась ему ужасной⁵⁸.

Символ «вишневый сад» связан с мифологическими представлениями о древе жизни (не зря же он в пьесе располагается на пригорке), а дерево – это медиатор между «верхним» и «нижним» мирами, между жизнью и смертью, прошлым и будущим. Выращивание садов было частью обрядов, посвященных богу растительности и посевов. А боги растительности, как известно, имели обыкновение умирать и вновь воскресать. В народной песне дерево часто связано с погубленным девичеством или с нежелательным браком. Подобный сюжет с другой мотивировкой встречаем и в истории Адама и Евы. Таким образом, создается семантика соблазна и грехопадения, утраты рая.

Брачная символика вишни усиливает это значение. Вишня традиционно символизирует чистоту и непорочность. В христианской мифологии вишня – райский плод. В русском фольклоре уже само определение – «вишневый» – имеет идеальный, качественно оценочный смысл, оно из того же ряда, что и эпитеты золотой, серебряный, жемчужный⁵⁹. В украинских песнях вишня связана с брачными или любовными мотивами:

---

⁵⁸ Полоцкая Э.А. Указ. соч. С. 25.

⁵⁹ Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. – Саратов, 1980. – С. 230.

Ой вишенько, черешенько,
Чом рясно не родиш?
Молода дивчинонько,
Чом гулять не ходиш?⁶⁰

Вишня связана с девичеством. Неслучайно сокол-жених похищает канареечку-невесту в вишневом саду. В другой песне сваты требуют в качестве приданого зелен сад со вишеньем. Чехов, несомненно, понимал связь вишни со свадебным обрядом. Об этом свидетельствует повесть «Попрыгунья», в частности один из ее начальных фрагментов: «Артист говорил Ольге Ивановне, что со своими льняными волосами и в венчальном наряде она очень похожа на стройное вишневое деревцо, когда весною оно сплошь бывает покрыто нежными белыми цветами» (С. VIII, 8). Символ «Вишневый сад» опирается на мифологемы жизни и смерти. Поэтому в пьесе так актуальны брачные мотивы: брак соединяет витальные и смертные идеи. Смерть сопровождается плачем, жизнь – смехом. Оплавав вишневый сад, а с ним и всю Россию, писатель смехом «обеспечил» ей возрождение. Как в древнем похоронном обряде: несут покойника к месту погребения – плачут, идут обратно – смеются и поют эротические песни, заклиная его возвращение в мир живых. Как в обрядах похорон Кострубоньки, когда хоровод поет весело:

«Хвалю тебе, Христе цару,
Що мой милий на цвинтару!
Ноженьками притоптала,
Рученьками приплескала.
А теперь, мій Кострубоньку,
Не лай, не лай, моеї мами,
Ти у глибокій уже ями»⁶¹.

Вообще «Вишневый сад» может быть назван пьесой о разрушенной, но поддающейся восстановлению гармонии. Нам особен-

---

⁶⁰ Народные песни Полтавщины. – Киев, 1963. – С. 10.

⁶¹ Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М., 1989. – С. 174.

2.2. Малороссийская этнокультурная традиция в творчестве А.П. Чехова

но близок вывод Б.И. Зингермана: история вишневого сада стала мифом, «таким же поэтически безусловным, как древний миф об утраченном рае, утраченном золотом веке. Тема утрат и расставаний срачивается в этой комедии с темой обретения и встречи, бесконечной смены времен года и смены поколений – с предчувствием чуда, вечного чуда обновления жизни, как в мифе об умирающем и вновь рождающемся Дионисе»⁶².

Так регионально-фольклорная символика вишни, введенная в литературу Чеховым, стала общерусской, а вишневый сад стал символом русской жизни.

---

⁶² Зингерман Б.И. Театр Чехова и его мировое значение. – М., 1988. – С. 383.

2.3. А.П. ЧЕХОВ И КАЗАКИ

Говоря о «предпосылках чеховского творчества и составляющих чеховского мира», В.Б. Катаев среди «разнообразных культурных и цивилизационных волн», столкнувшихся в Таганроге, назвал и казачество¹. К сожалению, это утверждение осталось едва ли не единственным в специальной литературе. В результате очень яркая и самобытная культурная традиция, с которой в той или иной степени был знаком Чехов, осталась вне поля зрения исследователей. Однако она не могла не попасть в поле зрения писателя, несомненно встречавшегося с ее проявлениями в повседневной жизни и в путешествиях по Приазовью и Донскому краю. Среди героев его ранних произведений есть и казаки. Вместе с тем вопрос об отношении Чехова к казачеству и казачьей традиционной культуре далеко не решен.

Таганрог формировался как торгово-купеческий город. Первый казачий полк появился в Таганроге в 1698 году в связи с русско-турецкими военными событиями. В 1712 году казаки покинули разрушенный город. И только в 1769 году по указу Екатерины II в Таганроге был вновь сформирован казачий полк. Однако до 1887 года Таганрог входил в Екатеринославскую губернию. 19 мая 1887 года было принято решение о включении Таганрога в состав Области Войска Донского. Само же присоединение формально состоялось 1 января 1888 года. В первом номере «Таганрогского вестника» от 1 января 1888 года редакция поздравляла горожан: «Привет вам, ... новые члены старого тихого Дона! С новым годом, с новым счастьем, с новым началом, с новыми начальниками и новыми свежими надеждами! С таким приветствием сегодня считаем уместным обратиться к гражданам города, присоединенного к области Войска Донского»². 2 января архиепископ Донской и Новочеркасский Макарий направил новому Войсковому атаману князю Святополку-Мирскому поздра-

---

¹ Катаев В.Б. Чехов и Таганрог: к проблеме культурного ответа // Таганрогский вестник: мат-лы междунар. науч. конф. «Молодой Чехов: проблемы биографии, творчества, рецепции, изучения». – Таганрог, 2004. – С. 2.

² Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 407.

вительную телеграмму: «Имею честь поздравить Вас и всех Ваших донцов с новым годом и с новою припискою к семье наших Донских казаков Ростова и Таганрога»³.

Думается, что у этого географического передела было несколько причин. Одна – политическая – связана с намерением атамана Войска Донского князя Святополка-Мирского, прозванного либеральными донскими публицистами «Окаянным», искоренить крамолу в многонациональных Ростовском уезде и таганрогском градоначальстве. Другая – экономическая – заключалась в том, что Таганрог и Ростов были самыми густонаселенными территориями Приазовья и Донской области, следовательно, давали самые большие налоговые сборы. Их присоединение к Области Войска Донского должно было решить многие экономические проблемы. Известен курьезный случай, когда таганрогский предприниматель Я.С. Поляков, разбогатевший на железнодорожных концессиях, чтобы получить дворянское звание, записался в казачье сословие, для чего, по предложению атамана Войска Донского князя Святополка-Мирского, внес с благотворительной целью в казну Войска двести тысяч рублей⁴.

В январе 1890 года в № 9 «Донского поля» появилась статья, в которой говорилось о пользе присоединения Таганрога, названного «казачьим городом», к Области Войска Донского. Сам этот факт преподносился как политически и исторически необходимый, но оправдание ему давалось опять-таки экономическое: «... то, что совершилось формально, *de jure*, лишь в 1888 г. – то *de facto* состоялось давным-давно. Всегда казаки бывшего Миусского округа могли назвать “своим” Таганрог, как в свою очередь и портовым. Таганрог сопричислял население Миусского округа, его помещиков и хозяев к классу лиц, наиболее кормивших Таганрог экспортирующий и Таганрог торгующий»⁵.

Как же сами таганрожцы отнеслись к перемене своего положения? Уж, конечно, они не считали свой город «казачьим». По словам

---

³ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 407.

⁴ *Седегов В. Д.* А.П. Чехов в восьмидесятые годы. – Ростов н/Д, 1991. – С. 59.

⁵ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 438.

лояльного П.А. Филевского, «с перенесением административного центра в Новочеркасск Таганрог по крайней мере спасся от Одесского ига и опасности попасть в ростовское подданство, но, конечно, не приобрел бдительного глаза, который бы далеко видел интересы Таганрога, возникшего на почве торговли и мореходства»⁶. П.Ф. Иорданов, отрицательно отзывавшийся о книге Филевского, выразился в письме Чехову значительно резче: «Вы должны знать, что с 1887 г. Таганрог утратил свое прошлое. Произошло это, когда в 1887 нас присоединили к печенегам...»⁷. А.В. Петров, один из таганрогских корреспондентов Чехова, писал ему о явно экспансионистском характере присоединения: «Вам, вероятно, известно, что согласно распоряжению Высшего Правительства наш край присоединяется к Области Войска Донского и вот с 1 января это должно совершиться фактически. Уже понаехало немало казачьих офицеров, а на святках встречаются 250 казаков, будущее наше начальство, – на каждом шагу уже попадаются навстречу красные лампасы, по-видимому, казаки смотрят на Таганрог как на завоеванный край»⁸.

Лучше всех отношение к присоединению выразил А. Алфераки в «Записке Таганрогского городского головы», направленной в Петербург⁹. Он признал необходимость усиления местной административной власти объединением края под рукой Наказного Атамана и этикетно выразил радость городского населения от подобного изменения. Однако он энергично возражал против полного подчинения Таганрога Области Войска Донского. Нет сомнения, что у Алфераки были личные мотивы для возражений, ибо такое подчинение изменяло меру его властных полномочий. Но, думается, главная причина была не в этом.

Автор «Записки» особо подчеркивал «коренное различие во всем строе жизни между Войсковою Областью и частями губернии» и вред от взаимных уступок и изменений для обеих сторон. По подсчетам Алфераки, до присоединения в Области Войска Донского на две

⁶ Филевский П.А. История города Таганрога. – Таганрог, 1996. – С. 207.

⁷ Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 552.

⁸ Там же. С. 405.

⁹ Алфераки А. Записка Таганрогского городского головы. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 893.

трети казаков приходилась одна треть неказачьих, преимущественно крестьян. После присоединения казаков и неказачьих должно было стать почти поровну, что неизбежно нанесло бы ущерб казачьему элементу. Следующий аргумент хочется привести полностью, поскольку он отражает отношение таганрожцев к казакам, которое разделял и Чехов: «В **качественном отношении** присоединяемое население более чем наполовину городское, торгово-промышленное, разнохарактерное, разноплеменное, разноверное (греки, армяне, евреи и иностранцы различного происхождения). Ближайшее общение с такими элементами быстро повлияет на изменение первобытных (! – М.Л.) нравов “станичников”, которые, как всегда в подобных случаях бывает, узнают преимущественно и прежде всего темные, отрицательные стороны “цивилизации” от люда, привыкшего в портовых городах к легкому заработку и к легкому же способу его тратить на удовольствия».

А. Алфераки несколько раз говорит об архаическом характере казачьего мира: «организация и весь быт казаков принадлежит иной исторической эпохе», эпохе славных подвигов и великих заслуг, оказанных казаками государству. «Поддерживать же казачество можно лишь под условием сохранения преданий, обособления его по-прежнему, даже замкнутости, при возможно тщательном избегании нововведений и посторонних влияний, несогласных с коренными обычаями и духом казачества», – пишет он далее.

Такое впечатление, что речь идет не о событиях конца XIX в. в России, а о Конквисте или открытии Америки! Тем не менее таганрогский градоначальник прав: и казаки сохранили свою бытовую и культурную архаику (до наших дней!), и неказачье население воспринимало и сейчас иногда воспринимает их почти как старообрядцев (среди казаков много старообрядцев) – консервативными, замкнутыми и диковатыми. Возможно, это случилось потому, что казаки занимались воинской службой, мало смешивались с неказачьями и жестко сохраняли свою традиционную культуру. Казаки – это своеобразный этносоциальный анклав на территории Российского государства. Оценивать их извне, с позиций чужой этничности, трудно – всегда есть риск поверхностного и поспешного суждения.

А.П. Чехов в своих оценках присоединения был, скорее, нейтрален. 23 июня 1887 года он писал Г.М. Чехову: «Поздравляю с “при-

соединением». Думаю, что Таганрогу от этого не будет ни лучше, ни хуже. Впрочем, быть может, будет больше внешнего порядка, будет единая власть вместо градоначальника, который решительно был бесполезен и для Таганрога не нужен» (П. II. С. 98).

Первый печатный рассказ Чехова «Письмо к ученому соседу» содержит уже намек на его отношение к казакам и вопросу о включении Таганрога в Область Войска Донского: «письмо» невежественного помещика подписано «уважающим Вас Войска Донского отставным урядником из дворян» Василием Семи-Булатовым (С. I, 16). В 1887 году Чехов написал рассказ «Казак», в 1888 – повесть «Степь», в 1897 – рассказ «Печенег» В.Я. Звизняцковский в одной из работ напомнил, что «первым произведением, которое гимназист третьего класса Антон Чехов задумал, а быть может и осуществил, была трагедия “Тарас Бульба”»¹⁰ о запорожских казаках. Одного этого обстоятельства достаточно, чтобы понять, что обращение писателя к казачьей теме было не случайным, что он обдумывал и переживал это событие. Справедливости ради надо заметить, что давно уехавший из Таганрога Чехов вряд ли принял перемены близко к сердцу. Об этом свидетельствуют редкие их упоминания в переписке писателя. В письме дяде, М.Е. Чехову, 20 июня 1886 года, когда вопрос находился еще в стадии обсуждения, он интересовался: «Что у вас поговаривают о присоединении Таганрога к Донской области?» (П. I. С. 251). 30 ноября 1887 года университетский товарищ писателя доктор И.В. Еремеев, из казаков, писал о присоединении как о деле решенном: «С нового года должно быть присоединение Таганрога к Области Войска Донского и я надеюсь получить место помощника окружного врача» (Таганрог и Чеховы, 2003. С. 404]. 16 июля 1889 года в письме И.П. Чехову, рассказывая о своем пребывании в Одессе, писатель вспоминает «толстого, всегда спящего и вечно жалующегося на утомление» И.Н. Грекова: «С ним пью вино и толкую о Донской области (он казак) и о сцене» (П. III. С. 230).

Во время поездки на родину в 1887 году по приглашению И.В. Еремеева Чехов побывал на свадьбе сестры приятеля в Новочеркасске –

---

¹⁰ Звизняцковский В.Я. Чехов и украинская культура: что еще не сказано – и почему? // «Как меня принимали в Харькове»: А.П. Чехов и украинская культура. – Киев, 2011. – С. 37.

столице донского казачества. О своих впечатлениях он писал родным 25 апреля: «Вчера и третьего дня была свадьба, с музыкой, бабьим козлогласием и возмутительной попойкой. Такая масса пестрых впечатлений...» (П. II.С. 72).

Чехов, видимо, не без иронии относился к казакам. О своем пребывании у Г.П. Кравцова, отставного казачьего хорунжего, помещика, он писал Н.А. Лейкину: «Жил я в последнее время в донской Швейцарии, в центре так называемого Донецкого кряжа: горы, балки, лесочки, речушки и степь, степь, степь... Жил я у отставного хорунжего, обитающего на своем участке вдали от людей. Кормили меня супом из гуся... будили стрельбой из ружей (в кур и гусей, которых здесь не режут, а стреляют)... тем не менее, жилось мне превосходно. Впечатлений тьма...» (П. II. С. 79). Е.А. Кожевникова, таганрогский краевед – исследователь Чехова, приводит опубликованные в «Областном обозрении и вестнике казачьих войск» за 1904 год от 25 июля воспоминания Я.Я. Полферова о сказанных с горечью словах Чехова: «Мне больно было видеть, что такой простор, где все условия созданы, казалось, для широкой культурной жизни, положительно окутан невежеством, и притом невежеством, исходящим из правящей офицерской среды...»¹¹.

В.Б. Катаев тонко подметил отразившееся в творчестве Чехова главное противоречие современной ему казачьей жизни: «несовпадение представлений, почерпнутых из описаний героической эпохи казачества», и «нравов почти зоологических» с «бессмысленной пальбой из ружей по домашней птице» и «тупым философствованием» – всем тем, что отразилось потом в рассказе «Печенег». Однако исследователь проводит различие между живыми впечатлениями писателя и их преломлением в чеховском художественном мире: «Но Чехов знал также, что молодой казак Петя Кравцов, которого он репетировал в гимназические годы, впоследствии возмужав и получив офицерский чин, уже носил пенсне и вводил у себя по книгам агрономические усовершенствования»¹².

Видимо, в художественном сознании Чехова сосуществовали

---

¹¹ Кожевникова Е. «Летом мне нужно быть на юге...» // Культура Дона. – 2007. – № 9–10. – С. 6.

¹² Катаев В.Б. Чехов и Таганрог: к проблеме культурного ответа. – С. 5.

казачество как социальное явление, как тип ментальности, действительный уклад жизни казаков и богатейшая казачья культурная традиция с ее особой пространственной символикой, специфически «мужским» содержанием, героикой и удалью. В произведениях и письмах писателя есть персонажи-казаки и особый «казачий» контекст некоторых мотивов, образов и бытовых реалий, который выявляется при этнокультурном их разъяснении.

Вернемся к чеховскому высказыванию о «козлогласии». Чехову, воспитанному на классической музыке и выросшему в Таганроге, где если и пели народные песни, то большей частью украинские, казачья песенная манера не могла не показаться странной. Украинские песни мелодичные, что называется, задушевные. Казачьи песни по преимуществу бодрые, боевые. Украинские песни льются, казачьи поются громко, открытым голосом; как говорят сами исполнители, их надо «орать». Народная песня всегда исполняется с подголоском, который «забирает» мелодию либо вниз, либо вверх. Подголосок казачьей песни исключительно верхний, высокий. По словам А. Листопада, известного собирателя донских песен, основные экспедиции которого приходились на 1902–1903 годы, подголосок – это «душа песни. Без него песня кажется не полною, как бы хорошо ни исполняли ее другие голоса. Подголосок оживляет мелодию, варьируемую средними голосами. Его сопровождение дает песне ширь и свободный размах, свойственные исконной казачьей песне и обусловленные историческим складом боевой жизни донских казаков. <...> На общем фоне музыкальной картины, которую образует основная мелодия с сопровождающими ее вариантами других голосов, легкие, оригинальные мелодические переливы и скачки подголоска дают впечатление полноты и своеобразной законченности»¹³. Этот высокий подголосок казачьей песни называется «дишка'нт», его исполнение называется «дишканить» или «подголашивать». В такой манере исполняются и «мужские» и «бабьи» песни, причем женщины еще крепче держатся песенной традиции. Видимо, исполнение песен с этим высоким, очень высоким (от тенора до альта), подголоском Чехов и назвал «козлогласием» (в прямом смысле – высоким «подголашиванием»). Ироническая, иногда даже

---

¹³ Листопад А. Песни донских казаков: в 4-х тт. – Т. 4. – М., 1953. – С. 16.

ерническая манера писем Чехова не может нас обмануть. 5 марта 1889 года в письме Суворину он подобным образом характеризовал понравившееся ему пение цыган: «Их пение похоже на крушение поезда с высокой насыпи во время сильной метели: много вихря, визга и стука» (П. III. С. 169).

Приведем коротко и другие примеры. Появление в произведениях писателя образа степи связывают с путешествием Чехова по Приазовью и Придонью. И действительно, этот образ появляется в рассказе «Счастье» и разворачивается во всей полноте в повести «Степь». Но мало кто замечает, что в повести образ степи складывается отчасти под влиянием казачьей культурной традиции, что хорошо видно при сопоставлении гоголевских и чеховских степей, например, с тургеневскими. Упоминание о Гоголе здесь не случайно. Его степь в «Тарасе Бульбе» – это не просто природный ландшафт, а мир казачества (козачества). Думается, Чехов назвал Гоголя «степным царем» не потому, что тот лучше всех писателей изобразил степь, а потому что он изобразил степь так, как ее понимал Чехов, как ее понимали в российском/малороссийском пограничье, в Приазовье и на Дону.

То, что Чехов связывал степь с казаками, косвенно следует из слов В.А. Гиляровского: «Нет, Антоша, не пивать тебе больше сливянки, не видать тебе своих донских степей, целинных, **платовских** (выделено мной – М.Л.), так прекрасно тобой описанных...»¹⁴.

Чехов и Гоголь воспроизводят стереотипно-казачье представление о степи, хотя у Чехова из явных «казачьих» отсылок – только песня «Наша матушка Расия всему свету га-ла-ва!», именно так поет ее Кирюха (С. VII. С. 78). Степь у казаков – это полое, порожнее пространство, территория молодечества и испытания, Дикое Поле. В казачьих песнях степь так и называется «дикой»¹⁵. Чеховская идея о детстве как испытании и переходе, сформулированная еще в рассказе «Гриша», обретает язык отчасти благодаря казачьей традиции. Процедура вступления в казачье сообщество рассматривалась как символическая смерть. У украинских казаков мальчик именно в 9 лет поступал в Сечь и становился молодыком. Нахождение в группе

---

¹⁴ А.П. Чехов в воспоминаниях современников. – М., 1960. – С. 134.

¹⁵ *Листопад*ов А. Указ. соч. С. 18.

молодиков было частью процедуры посвящения. Молодиков часто подвергали ритуальным осмеяниям и испытаниям¹⁶. Собственно, так происходит в любом обрядовом комплексе посвящения/испытания, но казачья традиция дожила до наших дней и уж тем более существовала во времена Чехова.

Степь – это еще и специфически мужское пространство. Мотивы мужского сообщества в чеховской повести и пребывания героя в экстремальных условиях могут быть навеяны именно «казачьими» впечатлениями писателя. Быт казаков был более архаизирован, чем быт русских. Казаки воспитывали мальчиков в возрастных мужских сообществах. Мужские качества, в том числе умение драться и постоять за себя, поощрялись общиной и являлись обязательным условием для вступления в нее¹⁷.

Еще один пример. Значимой деталью, указывающей на присутствие региональных традиционных представлений в повести «Степь», является красная рубаха Егорушки. Красный цвет имеет связь с родильной обрядностью, что подтверждается в тексте повести. Вспомним, что красная рубаха мальчика «пузырем вздувалась на спине» (С. VII, 14) – околлоплодный пузырь, в котором иногда рождается ребенок, называют рубашкой. Красный цвет повсеместно цвет жизни, он имеет апотропейный характер, то есть рубашка Егорушки – материнский оберег. У южных славян детская одежда была преимущественно красного цвета¹⁸. Но в культуре донских казаков существует специфическое представление, что плод зарождается в виде красной ниточки, основы¹⁹. Это дает дополнительные импульсы к интерпретации образа Егорушки, его душевного и духовного становления, вочеловечивания, о чем, собственно, и написана вся повесть.

---

¹⁶ Рыблова М.А. Малолетки и выростки в структуре донской казачьей общины XIX – начала XX вв // Молодежь и молодежные субкультуры этносов и этнических групп ЮФО. Традиции и современность. – Краснодар, 2008–2009. – С. 210, 211.

¹⁷ Там же. С. 57–68.

¹⁸ Богатырев П.Г. Народная культура славян. – М., 2007. – С. 230.

¹⁹ Власкина Т.Ю. Традиционные эмбриогенетические представления донских казаков // Мир славян Северного Кавказа. – Вып. 1. – Краснодар, 2004. – С. 179–180.

И даже образ «широкой, размашистой, богатырской» дороги находит аналогии в казачьих былинах и песенной лирике: «Ой-да не пролёгивала Вот и степь-дорожунья, она не широкая. Она не широкая, – шириною она, эта степь-дорожунья, она конца краю нет»²⁰.

В связи с присоединением Таганрога к Области Войска Донского особое значение приобрел еврейский вопрос. Об этом писал в Петербург А. Алфераки: «В предположенной к присоединению местности насчитывается до 16000 душ евреев. Эта крупная цифра осложняет и без того трудный вопрос о судьбе евреев с присоединением к Донской Области четырех городов... Будет ли предоставлено евреям остаться на месте? Если да, то для этой части Области должно быть сделано исключение из общих законов, правящих казачество; если нет, то придется их выселить. Последняя мера сопряжена однако с такими затруднениями и расходами и причинила бы столько несчастия множеству народа, что едва ли даже осуществима»²¹. Насколько нам известно, массовое переселение евреев не состоялось, но в повести «Степь» персонажи-евреи, обитающие вдали от городов, обида и агрессия Соломона – это не только результат личных впечатлений писателя, но, возможно, художественная реакция на эту обострившуюся проблему.

Разумеется, мы не предполагаем ставить чеховскую повесть в прямую зависимость от конкретного исторического факта и казачьей культурной традиции. Но, думается, «казачьи» впечатления могли дать писателю творческий импульс. Особенно заметно это в рассказе «Казак». Мещанин Торчаков, едущий с женой из церкви, не дал разговеться на Пасху встреченному в степи больному казаку. Согласно традиционным народным представлениям, такой поступок, особенно на Пасху или Рождество, нарушает все законы мироустройства, поскольку праздничные дары предназначаются душам предков-покровителей и самому Богу, которые в облике нищих и страждущих появляются в эти дни на земле. Особенно это касается первой части, первого куса какого-нибудь продукта. Именно против этого возражает жена Торчакова: «Не дам я тебе паску кромсать! С какими глазами я ее домой порезанную повезу?» (С. VI, 165).

---

²⁰ Листопадов А. Песни донских казаков. – Т. 1. – С. 93.

²¹ Алфераки А. Записка Таганрогского городского головы.

Заметим, что названием рассказа в центр повествования поставлена не фигура бердянского мещанина Торчакова, история которого излагается, а персонаж, казалось бы, второстепенный, случайный. В принципе, это мог быть представитель любой иной этнической или социальной группы, например, нищий или странник. Но это казак, да еще больной. Почему?

Казак для Торчакова в рассказе – это «иной», чужой, встретившийся в лиминальном пространстве степи. С одной стороны, он сохраняет общие свойства таких персонажей: ущербность, посредничество между «этим» и «иным» миром, представительство сакральных сил на земле²². Это общерусский и мировой сюжет. С другой стороны, больной или раненый казак в степи – это распространённый мотив казачьих песен. Как пишет исследователь донского фольклора Е.М. Белецкая, «главный образ военно-бытовой песни – умирающий казак или солдат, который лежит в чистом поле под ракитовым кустом»²³.

В чеховском рассказе казак едет «домой, на льготу» (С. VI, 165), то есть срок его службы окончен. Он не ранен во время боевых действий (этот мотив был бы нарушением исторической правды – Россия в это время не вела больших войн), а именно болен. Причем заболел он в дороге, поскольку по завершении службы казаки проходили медицинское освидетельствование и больные перед демобилизацией должны были получить лечение. Это отличает рассказ от казачьей песни. Но Чехову, видимо, важны не мотивировки, а «пограничная» природа казака. Больной, просящий «свяченой пасочки» казак уподобляется нищему. Поскольку нищенство могло восприниматься как форма праведничества, отношение к нищим было сострадательным и заботливым. Таким образом, встреча с нищим – это своего рода испытание. Во время народных праздников принято было одаривать нищих, поскольку в этом облике могли появляться среди людей Христос и святые. Поэтому не подать нищему – значило провиниться перед богом.

---

²² Левкиевская Е.Е. Нищий // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. – Т. 3. – М., 2004. – С. 408.

²³ Белецкая Е.М. Казаки перед лицом смерти // Мужской сборник. – Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации. – М., 2007. – С. 177.

Социальная ущербность нищего на телесном уровне обычно подкреплялась физическим недугом. У Чехова: «У самой дороги на кочке сидел рыжий казак и, согнувшись, глядел себе в ноги. <...> Казак поднял голову и обвел утомленными больными глазами Максима, его жену, лошадь» (С. VI, 164–165). Чеховский персонаж принимает позу, характерную для нищего и подчеркивающую его низкий социальный статус: сидит согнувшись и вниз.

Однако писатель очень точно воспроизводит антураж казачьих песен: чисто поле, оседланный конь, раненый казак.

Ай да, вот и, во кругу стоял
Да стоял, будто, винохо... ей, виноходый конь,
Да на все ноги коник ко... ей, на все кованный,
Ай да, вот и, шелковой уздой
Да конёчек, он был зану... ей, занузанный,
Ай да, вот и, ну, черкесским седлом
Да конёчек жа был осё... ей, был оседланный,
Ай, на коню-то сидит, вот бы, млад донской казак.
Ой да, вот и, он сидит, сидит
Да сидит ведь он больно ра... ей, больно раненый...²⁴
Ранение и болезнь в песнях синонимичны:
Один, братцы, оставался.
А-ой да, ну, не так-то бы он
Оставался молодец, –
За главную за причи... за тою причиной.
За тою, было, причиной:
А-ой да, заболела у него,
У доброго молодца,
Буйная его голо... буйная головушка²⁵.

Во всех казачьих песнях на эту тему больной (раненый) казак окружен друзьями-казаками или родными:

---

²⁴ Листопадов А. Песни донских казаков. – Т. 2. – М., 1950. – С. 322. Тексты песен цитируются с сокращением повторов.

²⁵ Там же. С. 359.

Сы донцами, молодец,
С донцами проща... распрощается²⁶

Редукция этого традиционного мотива усиливает ощущение одиночества встреченного казака, и без того уже противопоставленного общему празднику. А степь, по которой едет Торчаков, превращается в поле битвы и смерти казачьих песен. «Чего доброго, помрет в дороге...», – думает о казаке Торчаков (С. VI, 167).

Казак вносит в рассказ имплицитный, «свернутый» сюжет, который разворачивается за пределы повествования благодаря казачьей песне. Когда Торчаков отправится искать казака, выяснится, что никто его не видел. Либо в облике казака Торчакова испытывали сверхъестественные силы, то есть он встретил свою судьбу, долю, что вполне согласуется с пасхальной или святочной обрядностью, либо казак, действительно, умер. И тогда в дело вступает песенный сюжет: казака оплакивают однополчане, жена или мать. Вряд ли Чехов не знал бытующую на Дону и в Таганроге песню на эту тему «Ой, в Таганроге случилась беда». Эти версии не противоречат другу, а совпадают в контексте традиционной культуры. У восточных славян существует представление о «Пасхе мертвых», согласно которому накануне Пасхи Господь выпускает в «этот» мир души умерших, чтобы они могли встретиться с близкими и приобщиться к Пасхе²⁷. Поэтому чеховский казак не совсем «живой» – больной.

Муки совести приводят Торчакова к распаду семьи и хозяйства: «Лошади, коровы и ульи мало-помалу, друг за дружкой стали исчезать со двора, долги росли, жена становилась постылой...» (С. VI, 168). Это полностью соответствует страшными обрядовыми пожеланиями рождественских колядовщиков и пасхальных велечебников жадным хозяевам: не дадите пирога – мы корову за рога, свинку за щетинку, мерина за хвостик сведем на погостик.

В повести «Степь» главный герой многократно называется по имени, причем обычно именно в форме – Егорушка. Лишь один

---

²⁶ Листопадов А. Указ. соч. С. 324.

²⁷ Агапкина Т.А. Пасха // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. – Т. 3. – М., 2004. – С. 642.

раз, в самом конце, названа его фамилия, да и то косвенно: сынок Ольги Ивановны Князевой, – аттестует мальчика Иван Иванович Кузьмичов. Имеет ли художественное значение фамилия Егорушки? Какие дополнительные смыслы она привносит в повесть? Думается, в литературном произведении не бывает случайных деталей и то, что кажется несущественным на первый взгляд, находит объяснение в фольклорно-мифологическом контексте.

Среди казачьих песен есть и песня «Егорушка»:

Ты, Егорушка, Егор,
Егор – парень молодой.
Егор – парень молодой,
Не женатый, холостой.
Как поехал наш Егор
Хоть жениться на простор,
Хоть жениться да гулять,
Молодую жану брать.
Да молоденькую,
Да хорошенькую²⁸.

В повести «Степь» во всей полноте реализовалось чеховское представление о детстве-взрослении как переходе, умирании-возрождении, своего рода инициации. Последовательность событий повести в точности соответствует последовательности этапов этого архаического обряда. Представление о степи как о пространстве перехода, инобытия характерно не только для казачьей культуры, но наиболее полно воплощается именно в ней. В казачьей песне «Ой ты, степь широкая» мотиву раздольного «разгуляния» казака противостоит смертельный мотив, подчеркнутый психологическим параллелизмом и отрицательной частицей «не»:

Ой, да не летай, орел,
Низко по земле,
Ой да, не гуляй, казак,
Близко к берегу.

---

²⁸ Песни казачьей станицы. – Ростов н/Д, 1989. – С. 60.

Такая амбивалентность образа степи характерна и для самой «степной» повести Чехова. Но структура инициации, перехода, реализуется и в свадебной обрядности, где жениха именуют «князем». Финальные эпизоды повести, встреча Егорушки с Настасьей Петровной Тоскуновой, подтверждают нашу мысль.

В свадебных песнях жених-«князь» приезжает издалека, из «чужого мира», поэтому одним из центральных является мотив дальней дороги, пространственного перемещения. В величаниях жених изображается писаным красавцем, «красовитей» всех. Настасья Петровна восхищается Егорушкой: «Ангельчик мой! Красота моя неописанная! Я и не знала, что у Олечки такой сыночек!» (С. VII, 102). Обращение, похвала, выраженная словами с уменьшительно-ласкательными суффиксами, упоминание родителей, вырастивших такого сына, – характерные композиционные элементы свадебных величаний. Невесту могут именовать по-разному, но среди распространенных в свадебных песнях имен есть и Катенька (Катька – Атька в повести). И появляется Катька в примечательном, типично «женском» интерьере-пространстве: около швейной машины и клетки со скворцом в окружении цветов. Образы птиц, цветов/сада, мотивы женского рукоделья создают в свадебных песнях «символику счастья». Весь этот эпизод похож на свадебный стговор, включая стоящего на окне цыпленка, накрытого тарелкой, – традиционное свадебное обрядовое блюдо. Нас не должно смущать то обстоятельство, что Егорушка поселяется в доме Катьки, то есть в переводе на свадебный язык становится «приемышем», «примаком». Культурная практика показывает, что «примачество было формой первоначальной адаптации переселенцев на новом месте»²⁹. «Приемышами» называли также детей, взятых на воспитание в чужую семью³⁰. Так новая жизнь Егорушки получает закрепление в традиционном культурном коде.

Конечно, в повести «Степь» и речи нет о браке Егорушки, маленького мальчика. Но перемена его социокультурного статуса неизбежно вводит в повесть свадебные мотивы и символы, которые, в свою очередь, объясняют некоторые художественные детали повести.

---

²⁹ Щепанская Т. Примаки // Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. – СПб., 2005. – С. 494.

³⁰ Там же. С. 109.

Казачий материал в творчестве А.П. Чехова проясняет отношения писателя к традиционной народной культуре и как к набору словесных текстов, и как к набору «образов, формул, символов, общих мест», к «системе правил, по которым создаются и живут тексты и их составляющие»³¹; позволяет охарактеризовать природу чеховского подтекста, в котором традиционная культура, в том числе в ее региональных формах, образует «скрытый» сюжет со своей структурой и семантикой; дает основания говорить о сохранности тех или иных явлений народной традиции, поскольку их отражение в литературе является результатом непосредственных впечатлений писателя. Малороссийская и казачья традиции создают символический этнокультурный образ провинции в творчестве А.П. Чехова.

Литература

1. А.П. Чехов в воспоминаниях современников. – М., 1960.
2. Агапкина Т.А. Пасха // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. – Т. 3. – М., 2004. – С. 641–646.
3. Алфераки А. Записка Таганрогского городского головы. ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 893.
4. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Мифы, поверья и суеверия славян: в 3-х тт. – Т. 3. – М., 2002.
5. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 3-х тт. – Т. 2. – М., 1984.
6. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л., 1983.
7. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб., 1993.
8. Белецкая Е.М. Казаки перед лицом смерти // Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации. – М., 2007. – С. 167–178.
9. Богатырев П.Г. Народная культура славян. – М., 2007.
10. Бронская Л.И. Очерк Я. Абрамова «Корова» в контексте русской литературы второй половины XIX – первой половины XX века // Я.В. Абрамов в истории культурной и общественной мысли. – Ставрополь, 2012. – С. 216–223.

---

³¹ Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура; Inmemoriam. – СПб., 2003. – С. 54.

11. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. – М., 1989.
12. Ветловская В.Е. Анализ эпического произведения: Проблемы поэтики. – СПб., 2002.
13. Вилькин А.М. «Вишневы сад» вчера и сегодня (Заметки режиссера) // Чеховиана. Чехов и его окружение. – М., 1996. – С. 200–208.
14. Виноградова Л.Н. Звуковой портрет нечистой силы // Мир звучащий и молчащий. – М., 1999. – С. 179–199.
15. Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Ведьма // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. – Т. 1. – М., 1995. – С. 297–301.
16. Виноградова Л.Н., Толстая С.М. К сравнительному изучению мифологических персонажей: вештица и ведьма // Балканские чтения – 1. Симпозиум по структуре текста. – М., 1990. – С. 112–116.
17. Власкина Т.Ю. Традиционные эмбриогенетические представления донских казаков // Мир славян Северного Кавказа. – Вып. 1. – Краснодар, 2004. – С. 178–196.
18. Власова М. Русские суеверия. – СПб., 1998.
19. Грицай Н. «Точки зрения» в рассказе А.П. Чехова «Ведьма» // Молодые исследователи Чехова – 5: мат-лы междунар. научн. конф. – М., 2005. – С. 139–144.
20. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М., 1997.
21. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М., 1997.
22. Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. – СПб., 1994.
23. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. – Т. 2. – М., 1979.
24. Доманский Ю.В. Архетипический мотив зимней вьюги в прозе А.С. Пушкина и рассказе А.П. Чехова «Ведьма» // Мат-лы междунар. пушкинской конфер. – Псков, 1996. – С. 200–205.
25. Дубровина С.Ю. Зоонимные названия растений. Воловики и «воловы» травы // Этноботаника: растения в языке и культуре. – СПб., 2010. – С. 62–68.
26. Емельянов Л.Н. Методологические вопросы фольклористики. – Л., 1978.
27. Звиняцковский В.Я. Аксиография Чехова. – Винница, 2012.
28. Звиняцковский В.Я. Чехов и украинская культура: что еще не сказано – и почему? // «Как меня принимали в Харькове» (А.П. Чехов

- и украинская культура): сб. мат-лов междунар. науч. конфер. – Киев, 2011. – С. 14–42.
29. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М., 1991.
  30. Зингерман Б.И. Театр Чехова и его мировое значение. – М., 1988.
  31. Илья Муромец / Подгот. текстов, ст. и коммент. А.М. Астаховой. – М.; Л., – 1958.
  32. «Как меня принимали в Харькове» (А.П. Чехов и украинская культура): сб. мат-лов междунар. науч. конфер. – Киев, 2011.
  33. Каргин А.С. Прагматика фольклористики. Сборник статей, докладов, эссе. – М., 2008.
  34. Катаев В.Б. Чехов и Таганрог: к проблеме культурного ответа // Таганрогский вестник: мат-лы междунар. науч. конфер. «Молодой Чехов: проблемы биографии, творчества, рецепции, изучения». – Таганрог, 2004. – С. 1–8.
  35. Кожевникова Е. «Летом мне нужно быть на юге...» // Культура Дона. – 2007. – № 9–10. – С. 6.
  36. Козубовская Г.П., Бузмакова М. Рассказ А.П. Чехова «Ведьма»: жанровый архетип // Культура и текст. – Барнаул, 2008. – С. 287–298.
  37. Костомаров Н.И. Славянская мифология: исторические монографии и исследования. – М., 1994.
  38. Краюшкина Т.В. Мотивы тела и телесных состояний человека в русских народных волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока. – Владивосток, 2009.
  39. Криничная Н.А. Русская мифология: мир образов фольклора. – М., 2004.
  40. Круглов Ю.Г. Русские обрядовые песни. – М., 1982.
  41. Кургузова Н.В. Мифопоэтический аспект пространственно-временной системы русской свадебной лирики (песни и причитания): дисс. ... канд. филол. наук. – Орел, 2006.
  42. Левкиевская Е.Е. Мифологический персонаж: соотношение имени и образа // Славянские этюды: к юбилею С.М. Толстой. – М., 1999. С. 243–257.
  43. Левкиевская Е.Е. Нищий // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. – Т. 3. – М., 2004. – С. 408–411.
  44. Листопадов А. Песни донских казаков: в 4-х тт. – М., 1949–1953.
  45. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб., 1994.
  46. Мария Павловна вспоминает... // Шалюгин Г.А. Чехов: «Жизнь, которой мы не знаем...». – Симферополь, 2004. – С. 209–242.

47. Матюшина И.Г. Традиция словесных поединков в древнегерманской культуре // Слово устное и слово книжное. – М., 2009. – С. 54–183.
48. Медриш Д.Н. Фольклоризм // А.П. Чехов. Энциклопедия / сост. и науч. ред. В.Б. Катаев. – М., 2011. – С. 299–304.
49. Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. – Саратов, 1980.
50. Мелетинский Е.М. О былинных мотивах // Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура: Inmemoriam. – СПб., 2003. – С. 335–351.
51. Мелетинский Е.М. Эдда и ранние формы эпоса. – М., 1968.
52. Михайлин В. Тропа звериных слов: Пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. – М., 2005.
53. Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. – СПб., 2005.
54. Нагина К.А. Семантика метели в рассказе А.П. Чехова «Ведьма» // Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 6 (12). – С. 131–138.
55. Народная демонология Полесья. Т. 1 / Сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. – М., 2010.
56. Народные песни Полтавщины. – Киев, 1963.
57. Неклюдов С.Ю. Фольклор современного города // Современный городской фольклор. – М., 2003. – С. 5–26.
58. Песни казачьей станицы. – Ростов н/Д, 1989.
59. Письма А.П. Чехову его брата Александра Чехова. – М., 1939.
60. Плотникова А.А. Бобы, фасоль и горох в символике рождения и смерти // Кодови словенских култур. – Белград, 1996. – Кн. 1. – С. 47–55.
61. Плотникова А.А., Усачева В.В. Горох // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под.ред. Н.И. Толстого. – Т. 1. М., 1995. – С. 523–526.
62. Полоцкая Э.А. «Вишневы сад»: жизнь во времени. – М., 2004.
63. Пропи В.Я. Морфология / Исторически корни волшебной сказки. – М., 1998.
64. Пропи В.Я. Фольклор и действительность. – М., 1976.
65. Пруайяр Ж. де. Образ юга в литературном творчестве А.П. Чехова // Век после Чехова: междунар. науч. конф.: тезисы докл. – М., 2004. – С. 156–157.
66. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура; Inmemoriam. – СПб., 2003.
67. Пушкарева Н. «Мед и млеко под языком у нее» (Женские и мужские уста в церковном и светском дискурсах доиндустриальной России X–XIX в.) // Тело в русской культуре. – М., 2005. – С. 78–101.

68. Русская народная поэзия. Обрядовая поэзия. – Л., 1984.
69. Русская свадьба: в 2-х тт. – Т. 1. – М., 2000.
70. Русский демонологический словарь / Авт.-сост. Т.А. Новичкова. – СПб., 1995.
71. Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки. – М., 1995.
72. Рыблова М.А. Малолетки и выростки в структуре донской казачьей общины XIX – начала XX вв // Молодежь и молодежные субкультуры этносов и этнических групп ЮФО. Традиции и современность. – Краснодар, 2008–2009. – С. 57–68.
73. Рыблова М.А. Экстремалы Дикого Поля: основные этапы жизненного пути казака-воина // Мужской сборник. – Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации. – М., 2007. – С. 207–222.
74. Седегов В. Д. А.П. Чехов в восьмидесятые годы. – Ростов н/Д, 1991.
75. Словарь русских народных говоров / Сост. Ф. П. Филин. – Вып. 24. URL: <http://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng>.
76. Соколов М.Н. Рыба // Мифы народов мира. – Т. 2. – М., 1998. – С. 391–393.
77. Стеблин-Каменский М.И. Историческая поэтика. – Л., 1978.
78. Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003.
79. Толковый словарь русского языка: в 3-х тт. Т. 2 / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1938.
80. Толстой Н.И. Бык // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. – Т. 1. – М., 1995. – С. 272–274.
81. Филевский П.А. История города Таганрога. – Таганрог, 1996.
82. Чехов в воспоминаниях современников. – М. 1954.
83. Чехов М.П. Антон Чехов и его сюжеты. – М., 1923.
84. Шангина И. Расплетание косы // Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. – СПб., 2005. – С. 516–519.
85. Шулепова Э.А. «Гений места» и его провинция // Таганрогский вестник: мат-лы междунар. науч. конф. «Молодой Чехов: проблемы биографии, творчества, рецепции, изучения». – Таганрог, 2004. – С. 8–12.
86. Щепанская Т. Примак // Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. – СПб., 2005. – С. 493–495.

3

ТОПОГРАФИЯ ПРОВИНЦИИ. МИФОПОЭТИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ МОДЕЛИ

В.В. Кондратьева

3.1. СТЕПНОЙ МИР В РАССКАЗАХ А.П. ЧЕХОВА: МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Уникальность российской провинции состоит в том, что она воспринимается как особый мир, обладающий помимо географических, природно-климатических и исторических особенностей набором собственных ментальных характеристик, например таких, как чистота, гармоничность, духовность, подвижничество, открытость, или, наоборот, скука, серость, обыденность, закрытость. Кроме этого, необходимо помнить, что провинция является неотъемлемой частью региональной культуры. Она в значительной степени определяет облик русской культуры, выступая её духовной субстанцией, являясь носителем её духовного потенциала.

Е.К. Созина отмечает, что «свой природный ландшафт» характерен для творчества каждого писателя, «как специфический тип пространства он во многом определяет их художественное сознание и письмо»¹. В рассказах А.П. Чехова 1880-х годов, как не раз отмечали исследователи, приазовская топография занимает существенное место. В них можно усмотреть устойчивый набор этнографических примет, которые передают колорит юга России: степь, степной шлях, степные быки, курганы, легендарная Саур-Могила и т. д.

¹ Созина Е.К. Провинция в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка и А.П. Чехова: топология судьбы. URL: <http://www.km.ru/referats/0502F2D3271F4625B4797B7179304D8A>.

В рассказе «Счастье» (1887) Приазовье у Чехова обладает вполне реальными географическими признаками. В произведении упоминаются южнороссийские топосы: Таганрог, Бахмут, Ковыли, Есауловка, Матвеев Курган. Однако конкретизация уходит в повествовании на второй план, и на первое место выдвигается особая система пространственных координат, формируемая образами степи, неба, степного шляха, звезд, луны, Млечного пути. Время занимает всего несколько часов, но прием воспоминаний, с одной стороны, и акценты на вечности, с другой, существенно расширяют временные рамки: «В синеватой дали, где последний видимый холм сливался с туманом, ничто не шевелилось; сторожевые и могильные курганы, которые там и сям высились над горизонтом и безграничную степью, глядели сурово и мертво; в их неподвижности и беззвучии чувствовались века и полное равнодушие к человеку; пройдет еще тысяча лет, умрут миллиарды людей, а они всё еще будут стоять, как стояли, нимало не сожалея об умерших, не интересуясь живыми, и ни одна душа не будет знать, зачем они стоят и какую степную тайну прячут под собой» (С.VI, 216). Время конкретное, счетное, перерастает в бесконечность (как бесконечно пространство степи) и расширяется до масштабов вечности.

Конкретизации географии рассказа способствуют не только топография, упоминаемые курганы-степняки, но и образ клада. Существуют свидетельства о том, что казаки из Запорожской степи при переселении на Кубань зарывали свое добро в надежде на то, что после смерти Потемкина они вернутся на свои земли. В произведении появляются мотивы и образы, которые мы встречаем в рассказе Н.В.Гоголя «Заколдованное место»: это ясное представление, где находится клад, и невозможность его найти, мотив колдовства (упоминание Ефима Жмени провоцирует разговор о кладе) и примета, сопровождающая место захоронения клада, – огоньки, которые встречаются в хорошо известном на юге России поверии: «В соответствии с общерусской традицией, ... клады обнаруживают себя огоньками, когда выходят на поверхность земли “просушиваться” и “очищаться”»².

---

² Казакова Л.А. Предания о кладах (по материалам фольклорного архива ПсковГУ). URL: http://pskgu.ru/projects/pgu/storage/wg6110/wgpgu03/wgpgu03_08.pdf.

Кроме этого, степной мир и, конечно, степная дорога одновременно сопрягаются с историей России и народными преданиями о хранящихся в земных недрах степи кладах. Так, с образом дороги связан в повествовании последний путь Царя Александра I («Я его годов шестьдесят знаю, с той поры, как царя Александра, что француза гнал, из Таганрога на подводах в Москву везли» (С. VI, 211)); объездчик упоминает два клада, имеющие конкретные истории: первый клад связан со строительством флота Петром I, второй же – с событиями 1812 года, когда французы награбленное добро решают зарыть в Донецкой степи. Легенды, поверья, исторические факты способствуют тому, что в рассказе узнаваемая приазовская степь постепенно становится образом, отражающим общерусскую память, с широким историческим и культурным фоном.

Известно, что базовые архетипы связаны с природно-территориальными особенностями. Центральные образы – небо, степь (вариация образа земли), пастухи – формируют в рассказе архетипический контекст повествования. В синтаксическом ряду пространственные образы «степь и небо», а также временные указания «день и ночь» даны не только как антонимичные понятия, но и как составляющие бинарных пар, определяющих миропорядок. В пространственной модели образа степи чеховского рассказа выделяется центральная точка, вокруг которой словно организуется весь остальной мир. Ею становится знаменитая Саур-Могила: «Если взобраться на эту Могилу, то с нее видна равнина, такая же ровная и безграничная, как небо, видны барские усадьбы, хутора немцев и молочан, деревни, а дальнезоркий калмык увидит даже город и поезда железных дорог. Только отсюда и видно, что на этом свете, кроме молчаливой степи и вековых курганов, есть другая жизнь, которой нет дела до зарытого счастья и овечьих мыслей» (С. VI, 217). В результате подобной пространственной организации Чехов расширяет панораму изображаемого. Образ степи выстраивается не только по горизонтали, но и по вертикали, не замыкаясь в самом себе, переставая быть только южнороссийским топосом, а охватывая всю систему координат и воплощая идеюрусского или, может быть, вообще земногопространства, простора и безграничности. Такому смысловому эффекту способствуют еще два пространственных образа: степной шлях и Млечный путь. Запараллеливая два горизонтальных

образами, автор вновь выстраивает вертикаль (степной шлях – низ, Млечный путь – верх) и создает законченную, словно закругленную пространственную модель мира. И в результате степь выступает не просто местом действия, а метафорой мира, в котором протекает человеческая жизнь.

В рассказе «Счастье» важное место занимает образ пастуха, который среди общечеловеческих образов наделяется особыми культурологическими смыслами. М.Е. Щепановская считает, что одной из ведущих мифологем России является архетип «непобедимого воителя и пастуха/пастыря, который рисует образ выхода на новый путь»³. В одном из современных исследований дается этимология слова «пастух» и выявляется его «внутренняя форма» (термин А.А. Потебни) с опорой на балканские традиции и сюжеты⁴. Семантика образа пастуха удивительно богата: мессия, патриарх, вождь, защитник, кормилец, путеводитель, путник, владеющий «магическим знанием», «добрый пастырь», путешественник, пастух-гайдук, человек, занимающий «промежуточное положение между человеком и животным», пастух обладает магическим знанием. При этом особо выделено, что все это «подчеркивает основоположное и вечное единство мира»⁵. В рассказе Чехова фигуры пастухов становятся в пространстве той точкой, которая объединяет верх и низ, небо и землю, начало и конец (обратим внимание на то, что один пастух – глубокий старик, а второй – молодой). Следует отметить, что в мифологической фигуре «пастуха» воплощается функция объединения земли и неба в единый космос, что было блестяще реализовано в русском фольклоре, например загадках, сказках и несказочной прозе.

В художественном пространстве рассказа горизонталь, которая задается необозримыми просторами степи и положением тел пастухов (старый пастух лежит животом на земле, молодой же безусый пастух лежит на спине), уравнивается вертикалью, которая формируется взглядом Саньки, направленным в небо, «где

³ Щепановская Е.М. Архетипы России // Методология и методы исторической психологии: мат-лы XXVI межд. науч. конфер. 14–15 дек. 2009. – СПб., 2009. – С. 59.

⁴ Цивьян Т.В. Движение и Путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста / под ред. В.Н. Топорова. – М., 1999. – С. 89.

⁵ Там же. С. 91.

над самым его лицом тянулся Млечный путь и дремали звезды» (С. VI, 210). Молодой пастух включен во всеобщее бытие, он мысленно подключается к мирозданию: «Саньку интересовало не само счастье, а фантастичность и сказочность человеческого счастья». Мотив сказки, заданный в комментарии повествователя, не случаен: он подчеркивает не парадоксальность размышлений молодого пастуха, которая прежде всего бросается в глаза, а особую логику сознания, выходящего за пределы обыденности. Это логика сказочника, свойства которой точно определил Н. Рошияну: «Сказочники, по сути, верят не столько в возможность реального существования фантастических событий, происходящих в сказке, сколько в те истины, которые она выражает»⁶. Для Саньки истиной становится не само счастье, а его характер, фантастический, сказочный. Подобный тип сознания порождается природным ареалом, частью которого является юноша. В образе молодого пастуха воплощаются архетипические черты, такие как причастность к «природной мудрости, тайне общения с животными и растениями, с небесными светилами и подземным царством (душами мертвых), к идее времени, понимаемой как ритм жизни вселенной, определяющей и ритм жизни человека и природы»⁷.

В произведениях степного цикла развивается проблема «мучительного представления о разделенности человека и мира, лишаящего смысла человеческую жизнь»⁸. Так, в рассказе «Шампанское» (1887) в пространство степи вписывается судьба главного героя и его трагическое жизненное фиаско. Ощущение нереализованности мучает его. Герой служит на степном полустанке, жизнь в степи ему кажется тусклой, скучной. Лица, мелькающие в окнах проходящих мимо поездов, все равно что несостоявшиеся встречи, нереализованные возможности. Такая ситуация абсолютно закономерна и логична с точки зрения фольклорно-мифологического сознания,

---

⁶ Рошияну Н. Традиционные формулы сказки. – М., 1974. – С. 180.

⁷ Топоров В.Н., Соколов М.Н. Пастух // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х тт. – М., 1982. – Т. 2. – С. 291–293.

⁸ Разумова Н.Е. «Степь» Чехова: вариант интерпретации повести // Вестник Томского государственного университета. – 1998. – Т. 266. URL: [http://www.tsu.ru/webdesign/tsu/Library.nsf/designobjects/vestnik267/\\$file/chekhov.html](http://www.tsu.ru/webdesign/tsu/Library.nsf/designobjects/vestnik267/$file/chekhov.html).

поскольку степь – «это мифологически отдаленная и обособленная страна, своеобразно организованное пространство “блуждания”, место временного перерыва обычной жизни, т.е. место временной смерти»⁹, это пространство небытия. В эту же логику вписывается и осознание героя, что это чужой мир для него. Он признается: «На меня, уроженца севера, степь действовала, как вид заброшенного татарского кладбища. Летом она со своим торжественным покоем – этот монотонный треск кузнечиков, прозрачный лунный свет, от которого никуда не спрячешься, – наводила на меня унылую грусть, а зимою безукоризненная белизна степи, ее холодная даль, длинные ночи и волчий вой давили меня тяжелым кошмаром» (С. VI, 12). Мортальная семантика актуализуется сравнением степи с татарским кладбищем. Отчужденность героя от этого места возведена в степень: для него место пребывания – это кладбище, да еще и татарское.

Юг России в этом рассказе обозначен, но Чехов опускает детали топографии, характерные для указанного ареала. Главный герой только упоминает, что живет на юге. Однако южнороссийский колорит вносится в произведение деталями этнографического характера. Резкий поворот в судьбе героя происходит с момента появления в его доме молодой тети, в образе которой прослеживаются черты малороссийской ведьмы¹⁰. Появление молодой соблазнительной женщины, как по волшебству, все вокруг преображает: «За столом сидела маленькая женщина с большими черными глазами. Мой стол, серые стены, топорный диван... кажется, всё до малейшей пылинки помолодело и повеселело в присутствии этого существа, нового, молодого, издававшего какой-то мудреный запах, красивого и порочного» (С. VI, 16). И именно она, подобно красивой, шаловливой ведьме, перевернет и обрушит жизнь героя. В описании произо-

---

⁹ Ларионова М.Ч. Миф, сказка и обряд в русской литературе XIX века. – Ростов н/Д, 2006. – С. 191.

¹⁰ М.Ч. Ларионова отмечает, что представления о южных ведьмах, в силу их молодости и привлекательности, включают в себя мотивы телесности и соблазна: Ларионова М.Ч. «Я стала ведьмой от горя и бедствий, поразивших меня»: рассказ А.П. Чехова «Ведьма» // Творчество А.П. Чехова: рецепции и интерпретации: сб. мат-лов междунар. науч. конфер. – Ростов н/Д, 2013. – С. 98.

шедшего после рокового Нового года воссоздается почти гоголевская ситуация, события характеризуются как нечто нереальное, фантастическое, произошедшее по воле злого рока: «Помнится мне страшный, бешеный вихрь, который закружил меня, как перышко. Кружил он долго и стер с лица земли и жену, и самую тетю, и мою силу. Из степного полустанка, как видите, он забросил меня на эту темную улицу» (С. VI, 17).

Писатель и этнограф С.В. Максимов отмечает: «В малорусских степях среди ведьм очень нередки молодые вдовы (чеховская героиня замужем за человеком, который намного старше её и вдовство, скорее всего, не за горами – мое, В.К.) и притом, по выражению нашего великого поэта, такие что “не жаль отдать души за взгляд красотки чернобровой”» (у тети же черные глаза и, как мы понимаем из финала истории, герой все бросает ради неё – мое, В.К.). Здесь мы сталкиваемся с явлением, которое обстоятельно характеризует М.Ч. Ларионова в своих работах, а именно, с типологическим сближением двух писателей на общей этнокультурной почве. В данном случае Чехов и Гоголь «представляют одну этнокультурную традицию – малороссийскую <...> В этом случае сюжеты мотивы, персонажи Гоголя и Чехова оказываются структурно-семантическими вариантами некоего локального традиционного инварианта»¹¹.

В «Шампанском» степной полустанок, степь становятся странством роковой встречи и случая, изменившими жизнь главного героя.

В более поздних произведениях авантюристичность уходит на второй план и усиливается драматичный характер степного мира.

В рассказе конца 1890-х годов «В родном углу» показана история возвращения молодой героини в свою усадьбу. Дорога домой лежит через степь. Из небольшого описания пути видно, что девушка попадает под обаяние бескрайних просторов. Веру пленяет все: цветы, необыкновенные «странные» синие птицы, которые встречаются по дороге, дурманящий аромат, исходящий от нагретой земли и травы.

---

¹¹ Ларионова М.Ч. «Я стала ведьмой от горя и бедствий, поразивших меня»: рассказ А.П. Чехова «Ведьма» // Творчество А.П. Чехова: рецепции и интерпретации: сб. мат-лов междунар. науч. конфер. – Ростов н/Д, 2013. – С. 98, 99.

Во вступительной зарисовке степного пространства упоминается одинокий курган, ветряк, телега с волами, нагруженная углем. Упомянутые объекты указывает на степь как на *иной*, пограничный мир. Курган является местом захоронения покойных, пространством перехода в потусторонний мир. Мельница, как и курган, «одновременно принадлежит миру живых и мертвых», но считается нечистым местом¹².

С самого начала произведения на первый план выходит мифофольклорная ситуация перехода. Мотивация поездки в рассказе А.П. Чехова схожа со сказочной. Сам автор никак не объясняет, почему Вера приезжает в имение навсегда, но исходя из короткой истории героини, можно предположить, что, как и в сказке, причиной дальней дороги становится смерть родителей: мать покинула этот мир давно, а отец «умер три месяца назад в Казани» (С. IX, 314). Поездка в усадьбу состоит из двух этапов, что соответствует сказочной модели странствия: «от родного дома до лесной избушки» и «от лесной избушки в иное царство»¹³. Первая часть пути проходит по железной дороге до степной станции, которая в соответствии со сказочной логикой выполняет здесь функцию лесной избушки. Это своеобразная граница, за которой простирается чужой мир. Именно от станции начинается второй этап путешествия героини – по степи, являющейся воплощением *иномирья*, «местом временного перерыва обычной жизни»¹⁴.

Во время переезда мысли Веры обращены в будущее. Перемены, которые должны произойти с ней, намечаются почти сразу. Девушка словно интуитивно чувствует особенность пространства, по которому пролегает дорога. Здесь человек один на один остается с Богом. И она за много лет впервые молится и просит о благополучии: «Господи, дай, чтобы мне было здесь хорошо» (С. IX, 314).

Ситуация перемещения в *иной* мир получает логическое завершение пересечением границы, своеобразной модификацией которой становится овраг на подъезде к усадьбе. Приблизившись к нему, героиня понимает, что уже совсем скоро она увидит свой дом. Семантика границы усиливается образом ручья, протекающе-

---

¹² Ларионова М.Ч. Миф, сказка и обряд в русской литературе XIX века. – Ростов н/Д, 2006. – С. 195.

¹³ Протт В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1986. С. 48.

¹⁴ Ларионова М.Ч. Указ. соч. С. 191.

го по дну оврага, поскольку вода, река и, конечно, ручей являются водной границей, отделяющей *этот* мир от *иного*. Таким образом, пересечение «границы» становится знаком завершения перехода Веры в *иное* пространство. Здесь должна начаться новая жизнь, и автор четко обозначает момент ее прихода: «По желанию бабушки отслужили благодарственный молебен, потом долго обедали – и для Веры началась ее новая жизнь» (С. IX, 314).

В рассказе прослеживаются парадоксальные пространственные отношения. Уже в названии «В родном углу» актуализуется статус *своего*, родного мира. Действительно, героиня возвращается домой. Ей знакомо все вокруг: «Все, как было, – сказала Вера оглядываясь» (С. IX, 313). Она сразу узнает овраг, к которому «когда-то ... ходили по вечерам гулять» (С. IX, 314), узнает тополи, клуню, ей все так же знаком черный дым, идущий от горящей соломы. Однако в произведении формируется сложная взаимосвязь: усадьба неоднократно называется «степной», то есть свой дом, *свой* мир являются частью степного пространства, другими словами, *иного* мира. В этом контексте на протяжении всего повествования развивается ситуация неприятия героиней степной жизни.

Мотив отчуждения намечается уже в момент прибытия Веры на станцию: её встречает не старик Борис, которого она помнила еще девочкой, а неизвестный ей сердитый неразговорчивый кучер хохол. А.П. Чехов показывает, что вслед за эйфорией возвращения и встречи с близкими героиня постепенно отдаляется от мира бабушки и тети. Жизнь в усадьбе течет по одному и тому же кругу: вчера и всегда ужин, чтение, бессонная ночь и бесконечные мысли все об одном. Это однообразие порождает в девушке раздражение и отчаяние.

Происходящее абсолютно логично, поскольку Вера появляется здесь после долгой отлучки, она не вписывается в эту степную жизнь, с ее размеренным ритмом. Героиня буквально находится в пространстве, которое не является для нее *своим*. Она была еще ребенком, когда в последний раз приезжала сюда. И фактически для нее это возвращение в мир детства, но пришло время взросления и приобщения к другой настоящей жизни.

Мотив отчуждения усиливается контрастными характеристиками, которыми автор наделяет свою героиню и усадьбу: например, с одной стороны, «молодая, здоровая», изящная Вера и, с другой –

«старый, некрасивый», заброшенный усадебный сад, вид которого диссонирует с мечтами девушки о счастливой жизни. Как известно, сад является земным воплощением идеи рая. Таким будет вишневый сад в одноименной пьесе А.П. Чехова, старый, но красивый, рождающий поэтические чувства. Однако в описании сада из рассказа нет никакого намека на счастье и рай. Он расположен неудобно (вниз по склону), и дорожек в нем нет, что становится символическим знаком невозможности найти путь к раю.

Степной мир словно перевернут, в нем много противоречий. Так, дедушка нежно, со слезами на глазах обращается к своей внучке, но вдруг багровеет от гнева, со злобой глядит на прислугу и спрашивает, стуча палкой: «Почему хрену не подали?» (С. IX, 317). В доме тоже жизнь искажена: собственно забот по хозяйству не много, но «между тем весь день ходили, считали, хлопотали» (С. IX, 317).

Пространство насыщается звуками, создающими безрадостную картину: песни поются недурно, но от них становится грустно; с улицы доносятся крики «ка-ра-ул!»: «Это пьяный шел или грабили кого-нибудь по соседству в шахтах» (С. IX, 318). В печах завывает ветер. Следует отметить, что в традиционной культуре печь является обязательным компонентом пространства дома и обладает сакральным характером. Это залог тепла, уюта и гармонии в жилище. Неслучайно слово «дом» часто заменяется словесным оборотом «домашний очаг». Но в рассказе от печей исходит навевающий страх вой, который в народной традиции истолковывается как знак будущего несчастья.

В произведении также упоминается звук хлопающих ставен. Последние связаны с окнами, которые являются пограничным локусом дома, разделяющим внутренне пространство дома от внешнего *чужого*. Но незакрытые ставни становятся символическим знаком зыбкости этой границы. Даже церковный звон в степном мире «тревожный».

Таким образом, локусы, воплощающие идею гармонизации мира, потенциально содержащие в себе положительную эмоциональную окраску, сопрягаются с негативными звуками и указывают на преобладание темного, разрушительного начала в этом пространстве.

Гнетущий эмоциональный фон усиливается с помощью деталей, которые появляются в размышлениях Веры: тяжелый запах и духота

изб, кабацкая брань, невымытые дети, бабьи разговоры о болезнях. Все, что здесь происходит, навеивает тоску и скуку. Наряду с болезнью, все остальные характеристики пространства являются признаками разрушения «стройной системы космоса»¹⁵ и говорят о существующем хаосе.

В рассказе наблюдается тенденция к сужению пространства, которая сопровождается нарастающим ощущением одиночества и загнанности. Безграничный, величественный мир степи «порождает чувство заброшенности и одиночества»¹⁶. Человек чувствует себя здесь маленьким, потерянным, он не находит себе применения. И Вера, имея хорошее образование, не понимает, как оно может пригодиться ей здесь, в степи.

Несмотря на то, что центральным топосом является степная усадьба, действие чаще локализуется на небольшом пространстве. В рассказе говорится о том, что в доме каждый день бывает большое количество людей, молодежь любит собираться вечерами в одной комнате. Эти замечания порождают ощущение тесноты. Даже собственная комната не становится для Веры воплощением личного, интимного мира. Сюда часто заглядывает тетя, прислуга без спроса заходит прибираться. Однажды в Николин день, когда приезжает много гостей, девушка вообще не находит места в доме, где бы она могла остаться наедине с собой: «Вера пошла к себе в комнату, чтобы отдохнуть от разговоров и от табачного дыма, то и там были гости» (С. IX, 318). Символическим выражением жизненного пространства героини становится угол, который обозначается уже в названии рассказа

Таким образом, в произведении формируется следующий образный ряд: степь → усадьба → комната → угол; то есть художественное пространство строится по принципу «ступенчатого сужения образов» (термин А.Н. Веселовского).

Семантика образа степи осложняется тем, что пространство организуется не только по горизонтали, но и по вертикали, ориентированной вниз. Уже в начале рассказа появляется телега, груженная

---

¹⁵ Арнаутова Ю.Е. Колдуны и святые: Антропология болезней в средние века. – СПб., 2004. – С. 35.

¹⁶ Громов М.П. Книга о Чехове. – М., 1989. – С. 315.

углем, указывается, что сад расположен на склоне, а внизу протекает речка. Упоминаются существа, которые в мифофольклорной традиции связаны с нижним, хтоническим миром: по саду ползают ужи, Вера сравнивает тетю Дашу со змеей и мышью. В сознании чеховских персонажей возникают образы, связанные с пространством низа. Шахты, клады, «зарытые когда-то в степи», легендарная Саур-Могила являются главными темами историй, которые рассказываются по вечерам (С. IX, 318).

Жизнь в степном мире, в том числе духовная, словно замирает. Здесь читают мало, музыка не отличается разнообразием. В женихе, докторе Нещапове, отсутствует всякое проявление жизни. Он бледен, говорит очень тихо, но чаще молчит, литература и другие вопросы его «нисколько не интересуют», «понять... , что у него в душе и в голове ... трудно» (С. IX, 316). О том, что доктор любит Веру становится известно только со слов тети Даши, да и влюбляется он не в живого человека, а в фотографию. Объяснение в любви между героями так и не состоится.

Вера встречает в своем имени молодежь, которая спорит горячо, но всё это равнодушные и беззаботные люди: «Казалось, что у них нет ни родины, ни религии, ни общественных интересов» (С. IX, 319). Троекратное отрицание, которое наблюдается в этой фразе, выражает, на наш взгляд, идею пустынности пространства, но не физического, а внутреннего. Здесь же актуализуется мотив отсутствия дома в его онтологическом смысле как семейного очага, «прочного места во Вселенной»¹⁷ и продолжает развиваться в связи с образом солдата, который не знает своего отца и у которого нет своего дома.

Степь – необозримое пространство земли. Её природа полна очарования, от нее веет тайной. Эти бескрайние открытые просторы завораживают героиню и одновременно пугают, у нее возникает ощущение, что «спокойное зеленое чудовище поглотит ее жизнь, обратит в ничто» (С. IX, 316).

Мотив поглощения, связанный с образом степи, получает развитие в образе дедушки, поедающего невероятно много пищи: «За обедом и за ужином он ел ужасно много; ему подавали и сегодняшнее, и вчерашнее, и холодный пирог, оставшийся с воскресенья,

---

¹⁷ Бидерманн Г. Энциклопедия символов. – М., 1996. – С. 73.

и людскую солонину, и он все съедал с жадностью, и от каждого обеда у Веры оставалось такое впечатление, что когда потом она видела, как гнали овец или везли с мельницы муку, то думала: “Это дедушка съест”» (С. IX, 317). Дедушка словно становится органичной частью степи. Для Веры он *свой* и *чужой* одновременно. Дед главной героини напоминает фольклорного персонажа иного мира – Обьедало, который разом съедает двенадцать быков, хлеб кидает в рот полными возами, а все кричит: «Мало!». Схожий персонаж встречается в одном из описаний подвигов Ильи Муромца, который заключался в убиении нечестивого Идолища, пожирающего сразу по целому быку жареному и пил по котлу медаили пива, а котел был так велик, что его с трудом поднимали двадцать силачей. Это Идолище иногда называют Едалищем. Здесь важно, что Обьедало и нечестивое Идолище (Едалище) являются обитателями *чужого* мира. Такое взаимодействие образа степи и образа дедушки поддерживает хтонический характер первого.

Существенными характеристиками бытия в степи являются жестокость и деспотизм. Дедушка в моменты гнева «со злобой глядит на прислугу» (С. IX, 317), стучит или замахивается палкой. У тети Даши в доме часто меняется прислуга, мало кто выдерживает ее нрав. Во всех ее движениях, манере держаться с приказчиком и мужиками проявляется тиранство и властность. А.П. Чехов открыто дает характеристику своей героини, называя её руки «деспотическими».

Вера не приемлет такого отношения к людям. Но она понимает, что запретить тетке грубить – это «все равно, что в степи, которой конца не видно, убить одну мышь или одну змею» (С. IX, 322). Жестокость и тирания предстают перед ней как характеристики другой стороны бытия.

И однажды разрушительное начало овладевает Верой. Она гневается и кричит на Алену: «Вон отсюда! – крикнула Вера не своим голосом, вскакивая и дрожа всем телом. – Гоните ее вон, она меня замучила! – продолжала она, быстро идя за Аленой по коридору и топоча ногами. – Вон! Розог! Бейте ее!» (С. IX, 323). В этом эпизоде героиня уподобляется своему деду, который еще недавно, когда был не в духе, кричал: «Двадцать пять горячих! Розог!» (С. IX, 317). Девушка словно становится одним из властных и деспотичных обитателей степи.

Вера открывает в себе темную сторону. Это пик душевного кризиса, перелом в мироощущении. Примечательно, что сразу после вспышки гнева героиня бежит в овраг и прячется в терновнике. Пространство, в котором девушка скрывается, ориентированно вниз и одновременно предельно сужается. Оно буквально выражает сложное психологическое состояние Веры: в этот момент она находится в положении человека, загнанного в угол. Так актуализуется вторая часть словосочетания «в родном углу», а название приобретает аксюморонный характер. Для Веры нет выхода из этого мира, и героиня принимает решение выйти замуж за доктора Нещапova. Таким образом, ситуация перехода усиливается матримониальным мотивом.

В рассказе «В родном углу» происходит переход не через степное пространство (как это происходит в сюжетах традиционной культуры), а в мир степи. Вера принимает решение остаться здесь, выйти замуж и «заниматься хозяйством, лечить, учить, ... делать все, что делают другие женщины ее круга» (С. IX, 324). Это момент, когда меняется статус *своего/чужого*, и для героини *чужой* мир становится *своим*. Символическим знаком окончательного погружения в *чужое* пространство становится переезд Веры на завод. Дж. Пахомов отмечает «зловещий» характер заводов в чеховских произведениях¹⁸. Именно в этом месте сконцентрировано бездуховное бытование обитателей степи.

Степь поглощает Веру, уничтожая все ее мечты и надежды. «Надо не жить, – размышляет она, – надо слиться в одно с этой роскошной степью, безграничной и равнодушной, как вечность, с ее цветами, курганами и далью, и тогда будет хорошо...» (С. IX, 324). Героиня отказывается от жизни, иначе говоря, переходит в состояние, противоположное жизни, то есть смерти. Это вполне соответствует мифофольклорной трактовке, согласно которой степь является миром небытия.

Итак, мотив отчуждения, доминирование деспотизма в человеческих отношениях, нагнетание деталей, связанных с мотивами скуки, тоски, неуютности, связь пространственных образов с представлениями о нижнем мире придают образу степи хтонический

---

¹⁸ Пахомов Дж. Литературный пейзаж у Пушкина и Чехова // Чеховиана. Чехов и Пушкин. – М., 1998. – С. 69.

характер. Намеченная уже в начале рассказа ситуация перехода до конца не реализуется, поскольку собственно традиционный переход через степь не произошел. Мотив перехода преобразовывается в мотив поглощения, и героиня совершает переход в пространство степи, в мир небытия. Если переход в другой мир со сменой статуса означает новый виток в развитии героя, то здесь происходит история драматического примирения с реальностью.

В другом «степном» рассказе, «Печенег» (1897), отправной точкой в развитии событий Чехов делает «первобытные» диковатые нравы казака и их неприятие временным поверенным. Такая чуждость нравов обнаруживается легко на уровне сюжета согласно логике бинарной оппозиции *свой /чужой*. Тема чужого мира, его атмосфера задается не только историческими и житейскими реалиями, но характеристиками пространства.

Рассказ начинается с описания пути двух героев. Мортальные мотивы сразу же вводятся в произведение и вписываются в ситуацию поездки: Жмухин недавно пережил удар, теперь же, возвращаясь домой, он думает о смерти. Несколько видоизменяясь, этот мотив продолжает развиваться при описании перемещения чеховских персонажей по степи. Трясая езда по степной дороге доставляет неудобства, тарантас «визжит и, ... рыдает, точно его прыжки причинили ему сильную боль, и частный поверенный, которому было очень неудобно сидеть, с тоской посматривает вперед» (С. IX, 326).

Колорит особого казачьего мира Чехов задается прежде всего через место действия. Степь – пространственный образ заведомо мифопоэтического характера, «это мифологически отдаленная и обособленная страна, своеобразно организованное пространство “блуждания”, место временного перерыва обычной жизни, т.е. место временной смерти»¹⁹, это пространство небытия. Собственно мортальное значение реализуется прежде всего в образе степной дороги (например, в «Счастье» герой вспоминает, как по степному шляху везли умершего царя).

Дорога является принципиально важным компонентом мифопоэтического пространства. В.Н.Топоров подчеркивал, что путь всегда

---

¹⁹ Ларионова М.Ч. Миф, сказка и обряд в русской литературе XIX века. – Ростов н/Д, 2006. – С. 191.

соотнесен с сакральным центром. Дорога как пространственный образ содержит в себе совершенно конкретный фольклорно-мифологический смысл. Особое ритуальное и соционормативное значение дороги для русского этноса и русской культуры определяет Т.Б. Щепанская. Исследователь отмечает, что в семиотических исследованиях последнего периода «дорога – метафора и символ смерти», она «традиционно маркируется знаками смерти»²⁰.

В традиционной культуре, в частности в сказке, дорога героя, лежащая в чужой мир, делится на два этапа. По пути ему всегда встречается избушка, дом и т.п., где он останавливается и делает перерыв в своих странствиях. Именно по этому принципу выстраивается модель пути в «Степи»: Егорушка, его дядя и отец Христофор останавливаются отдохнуть и переночевать на постоялом дворе Мойсей Мойсеича. С мифологической точки зрения это жилище является «своего рода центром степи»²¹. Таким центром становится и печенегов хутор, в котором изредка останавливаются на ночь проезжие (история с землемером). «Странствие» частного поверенного во многом совпадает с моделью пути сказочного героя. Он перемещается в совершенно незнакомый (чужой) мир, по дороге останавливается в доме Жмухина, чтобы переночевать и набраться сил. В чеховском рассказе буквально реализуется сказочная ситуация: накормила, напоила и спать уложила. Только, в отличие от сказки, здесь все происходит наоборот: проезжему поверенному предлагают ужин – он отказывается и ест только хлеб и огурцы; герою хочется спать, но Жмухин своими разговорами не дает уснуть ему. Всю ночь он говорит о разных задачах жизни и мучает своего собеседника жалобами, праздно болтает о государственных и общественных вопросах.

Центральными пространственными образами в рассказе являются хутор и дом Жмухина. Здесь Чехов вводит одну из реалий своей современности: в данном произведении показан особый тип казачьего хутора. Это обособленная крестьянская усадьба на земельном участке индивидуального владения, в которой по всем обозначенным

---

²⁰ Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. – М., 2003. – С. 41.

²¹ Ларионова М.Ч. Указ. соч. С. 205.

автором приметам не очень благополучно обстоят дела. В усадьбе «печенега» воплощена совсем не «волшебная» сторона степной жизни. Мотивы скуки, одиночества, разлада и одичания, развивающиеся в рассказе «В родном углу», здесь доведены до предела. Сам хутор расположен «на припеке, и нигде кругом не ... видно ни воды, ни деревьев» (С. IX, 326). С точки зрения мифологического сознания в этом пространстве отсутствуют важные составляющие картины мира: вода, символизирующая источник жизни, являющаяся залогом ее, и деревья, издревле связанные с представлениями о жизни (древо жизни) и организующие жизненное пространство человека (дерево как мировой столб и центр мира). Этот, на первый взгляд, незначительный штрих в пространственной зарисовке указывает на нарушение порядка в мироустройстве.

Народные представления всегда связывали дом с семьей и очагом. И кухня получила, особый статус, поскольку здесь находилось второе, наряду с красным углом, сакральное место – печь. На кухне происходило священнодействие – приготовление пищи. Но в произведении этот локус лишается своего глубинного смысла. Здесь все смешано и неупорядочено: в кухне «стряпали, стирали, кормили работников; здесь же под скамьями сидели на яйцах гусыни и индейки, и здесь же находились постели Любви Осиповны и ее обоих сыновей» (С. IX, 327). Несомненно, в описании упоминаемого локуса содержится реалистический момент: воссоздание картины бедного запущенного жилища. С другой же стороны, эта картина почти первобытного хаоса является приметой одичания героев, не только внешнего (что проявляется в сыновьях Жмухина), но внутреннего.

Степной дом характеризуют неустроенность, теснота, нечистота, отсутствие уюта: «...комнаты душные, с низкими потолками и со множеством мух и ос» (С. IX, 327). На всем лежит печать старости и запустения: грубая мебель, «ружья, ягдташи, нагайки, и вся эта старая дрянь давно уже заржавела и казалась серой от пыли» (С. IX, 327). В описании жмухинской обители прослеживаются черты хтонического мира. Темная доска, висящая в углу, которая, когда-то была иконой, утратила традиционные жизнерадостные иконописные цвета (золотистый, малиновый, голубой и т.п.), в ней отсутствует один из важнейших принципов иконописи – светопись. Вместе с красками исчезает и изображение Бога, поглощенное

мраком. И возникает мысль, что мольбы жены «печенег», Любови Осиповны, обращенные к Нему, растворяются в темном хаосе, что становится знаком безнадежности и обреченности.

В рассказе нивелируется идея семьи, устойчиво связанная с образом дома. Отец не испытывает никаких чувств ни к своей жене, ни к детям. Он не видит, что его дети живут в безвыходном невежестве и дикости. Сама мать говорит о них: «Неграмотные, хуже мужиков, и сами же Иван Абрамыч брезгают, не пускают их в комнаты» (С. IX, 329).

Автор интересно вписывает основные события рассказа в особую композиционную раму. Центральная часть произведения (описание мучительной ночи, проведенной в нудных, скучных разговорах проезжим частным поверенным в доме Жмухина) обрамлена двумя дублирующими друг друга эпизодами. Приезд и отъезд гостя сопровождаются убийством домашней птицы: «<...> как раз в то время, когда тарантас въезжал во двор, младший высоко подбросил курицу, которая закудаhtала и полетела, описывая в воздухе дугу; старший выстрелил из ружья, и курица, убитая, ударилась о землю» (С. IX, 326); «старший держал ружье, у младшего был в руках серый петушок с ярким красивым гребнем. Младший изо всей силы подбросил петушка, тот взлетел выше дома и перевернулся в воздухе, как голубь; старший выстрелил, и петушок упал, как камень» (С. IX, 334). Эти эпизоды двойственны по своему значению. С одной стороны, они получают в тексте четкую мотивацию: молодые казаки учатся стрелять влет по движущейся мишени. Это эпизод, в котором отражается специфическое «мужское» содержание казачьей культуры. Но, с другой, – сама птица необычная. Курица, петух в традиционных народных представлениях связаны с тихим, спокойным домашним миром. Более того, с точки зрения мифопоэтики, курица является зооморфическим воплощением духа дома. Стрельба в птиц, происходящая в границах печенегова хутора, становится символическим знаком разрушения дома.

Мотив неупорядоченности, первобытного хаоса и дикости намечается уже в названии рассказа, которое на уровне ассоциаций раздвигает временные границы. Заглавие произведения, конечно же, отсылает нас к вышеприведенному высказыванию П.Ф. Иордана, который в письме в А.П. Чехову называет казаков печенегами:

«Вы должны знать, что с 1887 года Таганрог утратил свое прошлое. Произошло это, когда в 1887 нас присоединили к печенегам...»²². Как всякая метафора, это определение содержит в своей основе сходство и смежность. Рассказ «Печенег» построен на аллюзиях с древней историей, но древность приобретает резко отрицательную коннотацию. Печенеги – племена кочевников, живших военными походами и внезапными опустошающими набегами на соседей. Обратим внимание, что сам Иван Абрамыч Жмухин, отставной казачий офицер, служил когда-то на Кавказе. Тот, кто, подобно Жмухину, безвыездно пребывает в степи, – «дичает», становится невежествен и жесток, как древние степные кочевники-печенеги. А сыновья главного героя в прямом смысле совершают набеги на соседние сады и бахчи. Жмухин называет их волчатами и боится, что в дороге они могут зарезать кого-нибудь. Новоявленный «азиат-варвар» Жмухин буквально уничтожает свою жену, «не считая ее за человека». Он не замечает страданий её и задавливает молодую все еще красивую женщину своим деспотизмом и грубостью. Гостью она кажется больше похожей на приживалку, «бедную, никому не нужную родственницу, ничтожество» (С. IX, 333). С её образом связан мотив абсолютной несвободы. Когда чеховская героиня провожает частного поверенного, она внимательно смотрит на него «с наивным выражением, как у девочки», а ее скорбное, заплаканное лицо говорит о том, что «она завидует его свободе...» (С. IX, 333).

Таким образом, название «Печенег» указывает на коренных обитателей степи и делает актуальным переносное значение этого слова, а именно: дикость, грубость, невежество. Эти стороны степного бытия композиционно усиливаются рассказанными главным героем историями, о кавказской вдове, которую выпороли за то, что она своими стенаниями и плачем на могиле мужа не давала спать, и о хозяине шахт, не платящим за работу своим рабочим.

Итак, в рассказе «Печенег» в изображении степи, степной жизни доминирует мотив отчуждения, в человеческих отношениях преобладает деспотизм, в повествовании нагнетаются детали, связанные с мотивами скуки, тоски, неуютности. Чеховым создается мир

---

²² Таганрог и Чеховы. Материалы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003. – С. 552.

наоборот, в котором нарушен, прежде всего, нравственный и, как следствие, онтологический порядок, важными категориями которого являются добро, справедливость, человечность, культура и т.п.

Все эти смыслы усиливаются мифопоэтическими образами и приемами. Подтекстный смысл не проговаривается, а складывается в сознании читателя на основе «готовых» символических значений предметов, образов и явлений, уже существующих в культуре.

В.Б. Катаев точно подметил отразившееся в творчестве Чехова главное противоречие современной ему казачьей жизни: «несовпадение представлений, почерпнутых их описаний героической эпохи казачества», и «нравов почти зоологических» с «бессмысленной пальбой из ружей по домашней птице» и «тупым философствованием» – всем тем, что отразилось потом в рассказе «Печенег»²³. Однако исследователь проводит различие между живыми впечатлениями писателя и их преломление в чеховском художественном мире: «Но Чехов знал также, что молодой казак Петя Кравцов, которого он репетировал в гимназические годы, впоследствии возмужав и получив офицерский чин, уже носил пенсне и вводил у себя по книгам агрономические усовершенствования»²⁴. Видимо, в художественном сознании Чехова сосуществовали казачество как социальное явление, как тип ментальности, действительный уклад жизни казаков и богатейшая казачья культурная традиция с ее особой пространственной символикой, специфическим «мужским» содержанием, героикой и удалью.

В.Б. Катаев отмечает, что в чеховских текстах происходит «осознание степи как возбудителя мыслей о всей стране, “суровой и прекрасное родине”; как хранилище заветов, идущих из глубины веков...»²⁵. В произведениях формируется особый историко-культурный ландшафт, который включает в себя не просто конкретные этнографические реалии и топографические детали Приазовья, но с помощью актуализованных в них архетипических и мифопоэтических смыслов в повествовании формируется общечеловеческий контекст.

---

²³ Катаев В.Б. Чехов и Таганрог: к проблеме культурного ответа // Таганрогский вестник. – Вып. 2. – Таганрог, 2004. – С. 5.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

Топография провинции в произведениях А.П. Чехова многообразна, и отношение к ней неоднозначно. Во многом картину провинциального мира определяют совсем непространственные категории, такие как настроение, переживание. С одной стороны – восхищение просторами, лиричные пейзажные зарисовки, но с другой – доминирование мотива смерти и деталей мортального характера, что сближает образ степного мира с чужим миром.

3.2. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ ЮГА РОССИИ В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА

Известно, что основу рассказа «Перекасти-поле» составляет эпизод реальной поездки А.П. Чехова в Святые горы на реке Северный Донец и у главного героя был прототип – А. Сурат: «6 мая 1887 г. он (Чехов – В.К.) выехал из Славянска на извозчике в Святогорский монастырь, а 11 мая послал родным его описание, которое почти буквально передано в рассказе. В том же письме Чехов сообщал, что он “участвовал в крестном ходе на лодках”. Возвратившись в Таганрог, Чехов писал Н.А. Лейкину 14 мая 1887 года: “Недавно я вернулся из Святых гор, где при мне было около 15 000 богомольцев. Вообще впечатлений и материала масса...”¹. Документальность сюжета и образов в определенной степени подчеркивает подзаголовок произведения «Путевой набросок». Однако по законам художественной реальности изображенное обретает особые смыслы.

В рассказе явно отражена этнокультурная специфика юга России. Идея же перерастает этнографические границы. Так, уже в заглавии «Перекасти-поле» заложена смысловая двойственность, а именно связь, с одной стороны, с южно-российским ареалом, с другой – с символическим уровнем. Это и степное растение, и символ судьбы скитальца, странника. С последним в произведении развивается мотив *пути/дороги*, который связан с историей жизни Александра Ивановича, и по мере развития повествования трансформируется в крестный ход, подчеркивая иносказательность религиозной процессии.

В образе дороги воплощается особое мифоритуальное и соционормативное значение для русского этноса и русской культуры². Вообще, как замечает М.М. Бахтин, «редкое произведение обходится без каких-либо вариаций мотива дороги, а многие произведения прямо построены на хронотопе дороги и дорожных

¹ Мелкова А.С., Родионова В.М., Сахарова Е.М. Примечания // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: в 3-ти тт. – Т. 6. – М., 1976. – С. 674.

² См.: Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. – М., 2003.

встреч и приключений»³. Например, в сюжетно-композиционной структуре народной сказки образ пути/дороги является одним из обязательных компонентов. В.Я. Пропп подчеркивает, что «важен факт *отправки героя в путь*», поскольку «композиция сказки строится на пространственном перемещении героя»⁴.

Образ Александра Ивановича вариация героя-скитальца, с которым связана ситуация ухода. История чеховского героя буквально воплощает общее значение мотива *ухода*: отказ от прежней самоидентифицированности; стремление уйти из места, связанного с прежним самоопределением; неясность предстоящего пути; утрата всего из прежней жизни для того, чтобы обрести нечто, приносящее новый высший смысл существования.

Исследователь М.Н. Виролайнен трактует ситуацию *ухода* как мифологему и в её основе выделяет две составляющих. Первый источник мифологемы связан с архаическим ритуальным комплексом переходных обрядов, сопровождающих перемену места, состояния, социальной позиции и возраста. Вторая составляющая восходит к текстам Нового Завета, призывающим оставить все и идти за Христом, то есть эта ситуация обретает сакральный смысл, заключающийся в движении к Богу. На этой основе формируется житийный архетип, который развивается и в европейской, и в древнерусской традиции. Чеховским героем руководит одна из первичных идей человеческого сознания, а именно «необходимость расстаться с прежней жизнью, пожертвовать привычным, уйти из дома для обретения истины, жизненной дороги и нравственной правды»⁵. Уход для него главное условие духовного преображения. Он является странником, покинувшим дом и семью ради истинной, возвышенной жизни. И это уже не небольшое жизнеописание конкретного человека, несмотря на существование прототипа, а своего рода история человека вообще. Повествование об Александре Ивановиче в результате начинает восприниматься как обобщение.

---

³ Бахтин М.М. Эпос и роман. – СПб., 2000. – С. 24.

⁴ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1986. – С. 47.

⁵ Богодерова А.А. Сюжетная ситуация ухода в русской литературе второй половины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2011. – 17 с.

Этому смысловому эффекту способствует и то, что его странствия вписаны в топографию России: «он уроженец Могилевской губернии и в Святые Горы попал из Новочеркаска, где принимал православие» (С. VI, 257); отсюда он сбежал в Шклов, потом в Могилев, затем с товарищем пошел в Стародуб. «Далее рассказчик перебрал в своих воспоминаниях Гомель, Киев, Белую Церковь, Умань, Балту, Бендеры и, наконец, добрался до Одессы» (С. VI, 258).

Физический путь героя развивается параллельно духовному, поискам себя, своего места в мире и в повествовании сливается с мотивом крестного хода. Ситуация странничества окрашивается особыми священными интонациями в контексте праздника Святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских, который почитается как чудотворец и считается покровителем, не только купцов и детей, но путешественников и моряков (то есть тех же странников). Мы сталкиваемся в «путевом наброске» с характерным и принципиальным для русской культуры моментом, когда дорога является не только пейзажно-пространственным компонентом, но и выражает философско-эстетическое, символическое значение жизни/судьбы, пути к храму, «пути <...> духовного строительства»⁶, «пути к спасению души, естественного выхода для тяги души к бесконечности»⁷. Особое значение для понимания темы дороги в таком контексте имеет характерная для национальной психологии идея соборности, коллективности⁸, которая и реализуется в картине крестного хода.

В чеховском рассказе формируется хронотоп, особый характер которого определен южнороссийским топосом Святые Горы. Святые Горы или украинское «Святі Гори» – так называются меловые выступы на правом берегу реки Северский Донец. Впервые упоминание Святых Гор встречается в произведении Сигизмунда Герберштейна «Записки про Московию» (1526 год). Пещеры в меловых выступах были заселены монахами-пустынниками, которые жили здесь, по

⁶ Бекетова Н.А. «Колокола» С. Рахманинова: концепция предостережения // С.В.Рахманинов. К 120-летию со дня рождения (1873–1993): мат-лы концер. – М., 1995. – С. 66.

⁷ Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Общие вопросы. – М., 1988. – С. 85–86.

⁸ Там же. С. 184.

некоторым данным с XI века. Около 1624 года здесь был основан Святогорский Успенский монастырь, и до конца XVII века Святогорский монастырь не имел ни одного наземного сооружения.

В Изюмском уезде Харьковской губернии, на правом берегу Северного Донца, в 30 верстах от уездного города на вершине холма находится церковь Преображения. Чуть ниже тот же холм как бы раздробляется и спускается в чащу леса белыми, точно стесанными меловыми скалами. Здесь стоит церковь Св. Николая, с которой общаются по деревянной лестнице, под навесом.

Со Святыми горами связаны легендарные события русской истории, начиная с XII века. Именно этот момент художественно осмысляет И.А. Бунин в своем рассказе «Святые Горы»: «В южных степях каждый курган кажется молчаливым памятником какой-нибудь поэтической были. А побывать на Донце, на Малом Танаисе, воспетом “Словом”, – это была моя давнишняя мечта. Донец видел Игоря, – может быть, видел Игоря и Святогорский монастырь. Сколько раз разрушался он до основания и пустели его разбитые стены! Сколько претерпел он, стоя на татарских путях, в диких степных равнинах, когда иноки его были еще воинами, когда они переживали долгие осады от полчищ диких орд и воровских людей!»⁹. Топос Святые Горы провоцирует формирование широчайшего историко-культурного контекста, в который помещен сюжет рассказа.

Повествование рассказа начинается с описания монастырского двора: «Большой монастырский двор, расположенный на берегу Донца у подножия Святой Горы и огороженный, как стеною, высокими гостинными корпусами, теперь, в ночное время, когда его освещали только тусклые фонари, огоньки в окнах да звезды, представлял из себя живую кашу, полную движения, звуков и оригинальнейшего беспорядка. Весь он (монастырский двор – В.К.), от края до края, куда только хватало зрение, был густо запружен всякого рода телегами, кибитками, фургонами, арбами, колымагами, около которых толпились темные и белые лошади, рогатые вола, суетились люди, сновали во все стороны черные, длиннополые послуш-

---

⁹ Бунин И.А. Святые Горы: собр. соч. в 6-ти тт. – Т. 2. – М.: Художественная лит-па, 1987. URL: <http://ruslit.raumlibrary.net/book/bunin-ss06-02/bunin-ss06-02.html#work001008>.

ники...» (С. VI, 253). Сопоставление всего с живой кашей порождает мысль о первосубстанции, с которой начинается жизнь. Согласно традиционной культуре, каша – это основа жизни. Следует отметить в этой связи, что А.П. Чехов находится в ряду тех писателей, в произведениях которых мы не найдем признаков явного фольклоризма: ни фольклорной атрибутики, ни фольклорных приемов. Между тем, художественный мир писателя определяется не только фактами его биографии и социальной жизни, но и накопленной в словесном искусстве культурной традицией, восходящей к глубокой архаике. Эта смысловая среда есть мифопоэтический контекст творчества.

Возвращаясь к символическому образу каши, необходимо заметить, что этот образ как культурный знак содержит продуцирующую потенцию, неукротимую пульсацию жизни. Не случайно, кашей завершалась любая большая работа (сев, жатва, постройка дома и т. д.). Все в ней смешано: звуки, движения, животные и люди. Чехов перечисляет разные транспортные средства и опосредовано, почти метонимически, дает картину многообразия народов, укладов быта. Монастырь Святогорский становится подобен Ноеву ковчегу, в котором находятся носители самых разных этнокультурных особенностей.

Чехов акцентирует внимание на разных мещанах («...нужно еще быть любезным, тактичным, стараться, чтобы мариупольские греки, живущие комфортабельнее, чем хохлы, помещались не иначе как с греками, чтобы какая-нибудь бахмутская или лисичанская мещанка, одетая “благородно”, не попала в одно помещение с мужиками и не обиделась» (С. VI, 254)). С одной стороны, здесь выделяется топографическая составляющая (Бахмут и Лисичанск небольшие населенные пункты Таганрогского уезда). С другой – как отмечают таганрогские краеведы, между подобными мещанами не было принципиальной разницы, следовательно, это дифференциация становится художественным средством создания многомирья в художественном мире рассказа.

Метафорически обозначенное смешение всего перерастает в повествовании в стройный крестный ход. Обобщение получает логическое завершение в комментариях повествователя: «Народ толпами бродил по берегу и, чувствуя себя праздным, не знал, чем занять себя; есть и пить было нельзя, так как в скиту еще не кончилась поздняя

обедня; монастырские лавки, где богомольцы так любят толкаться и прицениваться, были еще заперты. Многие, несмотря на утомление, от скуки брели в скит. <...> По тропинке гуськом тянулись богомольцы. Всего больше было хохлов из соседних уездов, но было много и дальних, пришедших пешком из Курской и Орловской губерний; в пестрой веренице попадались и мариупольские греки-хуторяне, сильные, степенные и ласковые люди, далеко не похожие на тех своих хилых и вырождающихся единоплеменников, которые наполняют наши южные приморские города; были тут и донцы с красными лампасами, и тавричане, выселенцы из Таврической губернии. Было здесь много богомольцев и неопределенного типа, вроде моего Александра Иваныча: что они за люди и откуда, нельзя было понять ни по лицам, ни по одежде, ни по речам» (С. VI, 263–264). Описывая участников крестного хода Чехов охватывает широкую географию России.

Похожий прием будет использован Чеховым в повести «Степь». Странствуя с обозом по степи, Егорушка получает некое социальное знание. На своем пути мальчик встречает представителей разных социальных слоев современной автору России: купцов, священника, людей из народа. Художественное пространство степи начинает соотноситься с реально-историческим пространством тогдашней России. Так и в рассказе «Перекасти-поле» образ монастыря как одна из точек странствия героя и повествователя выполняет традиционную роль для художественной литературы места встреч и новых знакомств. Монастырь вмещает в себя несколько тысяч представителей разных сословий и народностей, которые позже будут участвовать в крестном ходе. А в сознании повествователя наблюдаемая процессия станет отражением величия России.

Интересна пейзажная зарисовка, описывающая два берега Донца: «Тропинка от монастыря до скита, куда я отправился, змеей вилась по высокому крутому берегу то вверх, то вниз, огибая дубы и сосны. Внизу блестел Донец и отражал в себе солнце, вверху белел меловой скалистый берег и ярко зеленела на нем молодая зелень дубов и сосен, которые, нависая друг над другом, как-то ухитряются расти почти на отвесной скале и не падать. <...> Оба берега – один высокий, крутой, белый с нависшими соснами и дубами, с народом, спешившим обратно по тропинке, и другой – отлогий, с зелеными лугами и дубовой рощей, – залитые светом, имели такой счастли-

вый и восторженный вид, как будто только им одним было обязано майское утро своею прелестью» (С.VI, 264). Разные по характеру ландшафта берега реки, несомненно, являются реалией. Но в связи с этим противопоставлением можно вспомнить еще одного русского писателя-реалиста, И.С. Тургенева, который в «Записках охотника» контрастность двух российских ландшафтов (леса и степи) соотносит с типами и характерами крестьян. Очерк «Хорь и Калиныч» открывается «физиологическим» сопоставлением орловских и калужских крестьян, и это не только противопоставление и сближение двух характеров, двух творческих натур, которое делается сюжетом очерка, но также сравнение этнографических типов. Коренные противоположные типы, они вместе составляют сложное единство, являющиеся частями единого русского характера. Так, и у Чехова, как нам представляется, «категории пространства связаны с окружающим миром, общественно-историческим, национально-культурным фоном, содержат важную информацию о социальных, нравственных и этнических характеристиках народа»¹⁰.

Двойственность пейзажа, диапазон насыщенных звуков, многообразии упоминаемых народов, выступают косвенной характеристикой народа, населяющих регион. Но обобщение идет дальше: это не только южнороссийские народы, за ними просматривается вся Россия. Чехов словно вписывает образ России в южнороссийский ареал, с его особым этнокультурным и историко-культурным фоном.

Пространство в рассказе «Перекасти-поле» как совокупность ландшафтов и топосов становится существенным способом обобщения и характеристики национальной жизни. Во многом такой емкой метафоризации способствуют мотивы *пути/дороги* и *ухода*, являющиеся важнейшим средством чеховской изобразительности и выполняющие сюжетобразующую, моделирующую, оценочную функцию в произведении.

Юг России в произведениях А.П. Чехова не ограничивается изображением степи, степного хутора, усадьбы или более конкретного

---

¹⁰ Шаладонова Ж.С. Топосы национального пространства в произведениях А. Чехова, Н. Гоголя и Я. Коласа // Чеховские чтения в Ялте. – Вып. 15. Мир Чехова: пространство и время: сб. науч. тр. – Симферополь, 2010. – С. 59.

образа монастыря Святые горы. Ещё одним важным воплощением южнороссийского геокультурного комплекса становится образ южного города, который прочно закрепился в прозе А.П. Чехова. Многие исследователи отмечали, что таганрогская действительность стала основным источником темы провинции у Чехова, в его произведениях отражены страницы таганрогской жизни, в частности, детства, учебы в гимназии, а также отразились впечатления и двух поездок писателя в Таганрог (в 1881 и 1887 годах) [Громов 1989; Седегов 1972].

Одним из первых обратил внимание на местный колорит в произведениях А.П. Чехова В.Г. Тан, который указывал на рассказы («Огни», «Степь», «Палата № 6», «Холодная кровь», «Хирургия», «Человек в футляре», «Лошадиная фамилия» и др.), в которых явно прослеживались таганрогские впечатления писателя.

В 1910 году П.Н. Сурожский написал статью «Живые персонажи у Чехова», в которой утверждал, что Таганрог и Приазовье дали богатый материал этносоциального характера для произведений Чехова: «Местный колорит в произведениях Чехова бросается в глаза всякому, кто сколько-нибудь знаком с жизнью и населением Таганрога и прилегающего к нему района. Это одинаково заметно и в ранних, и в зрелых произведениях Чехова... Наблюдательному и вдумчивому Чехову открывался в родных местах широкий простор для художественных восприятий... Все это дало молодому Чехову огромный запас жизненных наблюдений, которые он использовал потом в своих произведениях» (С. IX, 532).

А.Б. Тараховский в статье «А.П. Чехов и Таганрог» (1914) среди рассказов, в которых нашли отражение таганрогские впечатления и топография южного города, особо выделял «Огни» Чехова: «Это – таганрогская жизнь не только по месту действия, но и по характеру изображаемых лиц. В этом рассказе художественно описана дачная местность у моря – “Елисаветинский парк” (Карантин)... описана также главная Петровская улица и “Европейская гостиница”. Действующие лица “Огней” – таганрогские обыватели, и сама жизнь их – жизнь таганрожцев 80-х годов» (С. VII, 646).

Обратим внимание, что уже в первых замечаниях о таганрогском колорите, отраженном на страницах чеховских произведений, речь почти не идет о топографических особенностях города. Последний

же является сложным многоструктурным образованием, которое включает в себя целый комплекс пространств, социальных и культурных. В отличие от природного городское пространство имеет особую структуру, подчиненную задачам и функциям человеческой деятельности. Город – это прежде всего организация, которая подразумевает социальные, частные формы городской жизни.

Русская литература знает традицию топографически точного изображения города, например, Петербург в произведениях А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского. В произведениях этих писателей город становится важнейшей пространственной единицей, «одним из самых сильнейших воплощений культуры, одним из самых богатых её гнезд»¹¹. Петербург предстает перед читателем как «культурно-исторический организм», обладающий душой, который воспроизводит пространственно-временную картину мира, притом в ее символично-идеологическом ценностном аспекте.

И вот в литературе второй половины XIX века на первый план выходит провинциальный город.

Известно, что город представляет собой архитектурный топос. Облик города формируется синтезом архитектурных искусств: архитектуры, зодчества, градостроительства, дизайна, рекламы, ремесел, декоративно-прикладного искусства. Физическое пространство любого города представляет собой средоточие всевозможных зданий, сооружений, конструкций. Это могут быть объекты бытового назначения, жилые дома, магазины, государственные учреждения, промышленные предприятия. Сюда же включаются скверы, парки, набережные, площади и т.п. Однако Чехов отходит от этого принципа изображения города. Как однажды сказал Д.Самойлов, город – это не серия сюжетов, а система ощущений. Это очень точно определяет особенность чеховского подхода к изображению провинциального города.

В повести «Степь» почти всё повествование занимает описание перемещения, «странствия», Егорушки с обозом по степи, а в конце появляется город – конечная цель этого странствия. Открытому степному пространству явно противопоставляется четко разграни-

---

¹¹ Анициферов Н.П. «Непостижимый город...» Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. – Л., 1991. – С. 25.

ченное маленькими улицами, переулками и заборами пространство небольшого города, где будет учиться мальчик. «Он (дядя Иван Иванович – В.К.) и Егорушка долго шли по мощеным улицам, потом шли по улицам, где были одни только тротуары, а мостовых не было, и в конце концов попали на такие улицы, где не было ни мостовых, ни тротуаров» (С. VII, 100). Унылая картина городских окрестностей дана на контрасте со степью. Здесь уже совсем другая дорога, лишенная поэзии, загадочности. Зарисовка выстроена по принципу градации, которая позволяет автору без лишних слов дать представление об окраине города, об убогости быта и, конечно, жизни в этом месте. Сухое упоминание мостовых, тротуаров, улиц подчеркивает безликость городского пространства. В финале же городской зарисовки упоминается топографическая особенность, которая будет восприниматься исследователями и критиками как символ жизни в провинции. Речь идет о сером заборе: «Иван Иванович и Егорушка дошли до красного домика, повернули налево в переулок и направились к третьим воротам справа. По обе стороны этих серых, очень старых ворот тянулся серый забор с широкими щелями; правая часть забора сильно накренилась вперед и грозила падением, левая покосилась назад во двор, ворота же стояли прямо и, казалось, еще выбирали, куда им удобнее свалиться, вперед или назад. Иван Иванович отворил калитку и вместе с Егорушкой увидел большой двор, поросший бурьяном и репейником». (С.VII, 101).

Пожалуй, это первое произведение, где упоминается серый забор. Автор заостряет внимание на детали, которая явно говорит об убогости и закрытости жизни горожан. И серый забор способствует формированию унылого фона. Традиционно забор являлся модификацией границы, пересечение которой означал переход из одного мира в другой. Забор как символический пространственный знак словно разграничивает жизнь Егорушки до поездки в чужой город и жизнь после поездки. Именно за ним находится новый дом Егорушки, где ему суждено провести несколько лет. И здесь можно почувствовать интонации так и не написанного продолжения истории мальчика: мысль Чехова о том, что его герой непременно закончит плохо.

Серый забор встречается и в «Даме с собачкой»: «Как раз против дома тянулся забор, серый, длинный, с гвоздями» (С. X, 138). Город

С. Гуровым воспринимается поначалу «под знаком доминирования двухмерного пространства, локализованного в образе забора». Для героя наблюдаемая им картина – это постоянная жизненная среда Анны Сергеевны¹². Длинный, высокий забор с гвоздями становится символом отгороженности города от внешнего мира, символом невозможности проникнуть в него ни новой мысли, ни солнечному свету. Н.Я. Берковский пишет: «Серые заборы – символика, у Чехова они отделяют человека от природы, от других людей, от истинного содержания жизни»¹³. Забор – деталь, которая отражает общую чеховскую оценку ограничения пространства, отделением его от большого мира. Но, с другой стороны, значение указанного образа имеет и сюжетную мотивировку: Гуров и Анна Сергеевна буквально разделены обстоятельствами жизни, герои несвободны и находятся в разных мирах. И граница между ними так и не будет окончательно преодолена.

Среди небольшого количества пространственных деталей, связанных с образом провинциального города, внимание писателя акцентируется на улицах. В повести «Моя жизнь» события также происходят в южном городе. Небольшое место отводится характеристике Дворянской улицы: «Мы жили на Большой Дворянской – это была главная улица в городе, и на ней по вечерам, за неимением порядочного городского сада, гулял наш beau monde. Эта прелестная улица отчасти заменяла сад, так как по обе стороны ее росли тополи, которые благоухали, особенно после дождя, и из-за заборов и палисадников нависали акации, высокие кусты сирени, черемуха, яблони. Майские сумерки, нежная молодая зелень с тенями, запах сирени, гуденье жуков, тишина, тепло – как все это ново и как необыкновенно, хотя весна повторяется каждый год! Я стоял у калитки и смотрел на гуляющих» (С. IX, 197). Косвенно в произведении через топоним вводится тема дворянства и, как следствие, идеи просвещения, культуры, искусства. В отрывке актуализуются мотивы новизны, молодости, весны и т.п. Наперекор этим мотивам дальше по тексту звучит мысль героя о суровости жизни. И явным становится диссо-

---

¹² Разумова Н.Е. Творчество А.П. Чехова в аспекте пространства. – Томск, 2001. – С. 419.

¹³ Берковский Н.Я. О русской литературе. – Л., 1985. – С. 284.

нанс между ассоциативным полем, которое формируется в связи с названием улицы, и убожеством интересов её обитателей.

Приметы южного города угадываются в описании маленького домика в рассказе «Приданое»: дом с палисадником, «оштукатуренный в белый цвет, с черепичной крышей и ободранной трубой», «зелень шелковиц, акаций и тополей, посаженных дедами и прадедами» (С. II, 188), постоянно прикрытые ставни (деталь, которая откровенно раздражала Чехова в таганрогской жизни). Всё, что находится вокруг домика, зелень, в которой утопает домик, повествователь называет раем, пространство же дома противопоставляется ему.

Интересен не только дом и то, какая жизнь в нем протекает, но и топоним – Московская улица. Основные мотивы – подготовка приданого и смерть так и не вышедшей замуж невесты – актуализуют в рассказе одно из символических значений, связанных с образом Москвы в традиционной культуре. Известно, что в свадебных песнях Москва – главный сакральный центр, необыкновенное пространство, в котором совершается брак. «Амбивалентность характеристики является одним из ведущих принципов построения сакрального пространства, попасть в которое можно, лишь изменив свой статус, через символическое умирание и ритуальное эмоциональное переживание»¹⁴. Иными словами, как замечает М.Ч. Ларионова, «Москва в свадебных песнях – иной мир, пространство перехода, инициации»¹⁵. В топониме «Московская улица» с точки зрения традиционной культуры воплощается идея иного мира: подготовка приданного опосредовано выражает идею свадьбы и символической смерти невесты, но в повествовании смерть лишается ритуально-обрядовой условности и становится реальной. Повторяющаяся из приезда в приезд ситуация – шитьё приданого – хорошо иллюстрирует знаменитую мысль М.М. Бахтина о жизни в провинции, движущейся по кругам, «повторяющегося “бывания”», жизнь, в которой ничего не меняется, и потому это, в буквальном и переносном смысле, мир

¹⁴ Кургузова Н.В. Сакрализация и эмоциональное восприятие географических центров в свадебной поэзии // Диалектика рационального и эмоционального в искусстве слова: Сб. науч. ст. к 60-летию А.М. Буланова. – Волгоград, 2005. – С. 65–70, 68.

¹⁵ Ларионова М.Ч. Миф, сказка и обряд в русской литературе XIX века. – Ростов н/Д, 2006. – С. 215.

смерти. Так в чеховском рассказе входят в сцепление два момента, неясно несущие в себе мортальную семантику: подготовка приданого и повторяемость события, отсутствие развития. Обратим внимание на то, что в произведении жизнь города метонимически обобщается в образе одной улицы и жизни одной семьи. Это позволяет утверждать, что смысл рассказа перерастает рамки бытовой зарисовки из жизни семьи Чекамасовых и приобретает символическое звучание.

Топоним «Московская улица» встречается и в рассказе «Невеста», события которого также происходят в провинциальном городе. Главная героиня Надя Шумина мечтает выйти замуж, но, чем ближе свадьба, тем сильнее в ней развивается мысль, что замужество – это ошибка и жизнь в этом провинциальном городе нехороша.

Процесс отторжения Надей существующих порядков, да и окружающей ее обстановки и ситуации уже начался. Наивысшего своего развития он достигает в тот момент, когда Надя и её жених Андрей Андреич отправляются вместе на Московскую улицу, чтобы еще раз осмотреть дом, который наняли и давно уже приготовили для молодых. Дом на Московской улице, в котором Надя должна поселиться после свадьбы с молодым мужем, – буквально новый мир. Образ дома важен как символ ее будущей, возможной замужней жизни. Но Чехов использует всю систему художественных средств, чтобы подчеркнуть неприятие героиней этого мира: «... она чувствовала себя слабой, виноватой, ненавидела все эти комнаты, кровати, кресла, ее мучило от нагой дамы. Для нее уже ясно было, что она разлюбила Андрея Андреича или, быть может, не любила его никогда» (С. X, 210). Для нее абсолютно всё: ее жених Андрей Андреич, подготовка к свадьбе, новый дом, где «едко пахнет краской» – становится выражением пошлости мира. Ей становятся противны даже ранее казавшиеся нежными и ласковыми прикосновения к ней ее жениха: «...и его рука, обнимавшая ее талию, казалась ей жесткой и холодной, как обруч» (С. X, 210).

Надежда пытается найти поддержку в Саше, друге детства, высказывает ему уже за долгие, бессонные ночи сформировавшиеся мысли: «Жениха я презираю, себя презираю, презираю всю эту праздную, бессмысленную жизнь... Эта жизнь опостылела мне... <...> Возьмите меня с собой, бога ради!» (С. X, 213–214). И Саша откликается на отчаяние героини, он единственный, кто понимает

ее: «он еще ничего не сказал ей, но уже ей казалось, что перед нею открывается нечто новое и широкое, чего она раньше не знала, и уже она смотрела на него, полная ожиданий, готовая на всё, хотя бы на смерть» (С. X, 214). Мы видим, что теперь героиня полностью готова отречься от своей нынешней жизни и устремиться навстречу новой, неизведанной, но прекрасной жизни. После этого разговора впервые за многие бессонные ночи, полные раздумий, она уснула спокойно и проспала до самого вечера. Надя принимает решение покинуть свой дом и уехать в Петербург навстречу новой жизни.

Идея перехода в иной мир реализовалась, но в отличие от рассказа «Приданое» это отказ от привычной жизни и переход в новую. Здесь впервые появляется скрытый, но весьма важный в свадебной обрядности образ дороги. Дорога воплощает как символический, так и действительный переход невесты из одного мира в другой. Таким образом, переезд Надежды из ее родного города в Петербург, который она совершает вместе с Сашей, является важным символическим этапом как в инициационном переходе, так и в территориальном.

Один и тот же топоним, связанный с провинциальным городом, при сохранении одного символического значения способствует формированию двух противоположных идей в произведениях Чехова. В рассказе «Приданое» название улицы опосредованно выражает идею смерти, которая и реализуется в сюжете. В «Невесте» же идея иномирья, заданная топонимом «Московская улица» наперекор традиционному мортальному значению говорит о попытке ухода от пошлости провинциальной жизни, которая «отсасывает крылья».

Казалось бы, при художественном освоении образа южного города автор должен был остановиться на «географо-климатическом положении», а также на «различной интенсивности экономических потоков, через него проходящих», на всём том, что формирует разнообразие этих показателей и формирует специфические для данного города «социальные формулы». В произведениях Чехова мы не найдем городское пространство как «сложное многоструктурное образование, включающее в себя целый комплекс пространств, основополагающим из которых является физическое пространство»¹⁶.

---

¹⁶ Туркина В.Г. Город как «топос». URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/gorod-kak-topos>.

Элементы городского пейзажа становятся средством характеристики жизни в провинции. Само описание дается через восприятие героя. Чехов делает акцент на нравах, привычках, интересах провинциалов, а вот южные они или из центральной полосы России – это уже вопрос второстепенный.

Топографические характеристики южного города у Чехова имеют относительно устойчивое пространственное закрепление и слабо соотносятся с глубокой традиционной геокультурной самоидентификацией юга России. Автор изображает не столько город, сколько впечатление от жизни в нем. Казалось бы, картина жизни в южном, пусть даже и провинциальном городе, должна иметь особый колорит, яркий, красочный, романтический. Всё даёт для этого повод: и море, и необъятные степи, и богатый растительный мир, и смешение разных национальных культур (греческой, армянской, малороссийской, казачьей, еврейской, русской и т. д.). Но создаётся впечатление, что для писателя это не главное. Важно, какова жизнь вообще, и зарисовки из провинциальной жизни становятся частью целостной картины русской жизни. Нечасто встречающиеся топографически точные детали и «портретное» сходство с известными Чехову южными городами привлекают внимание. Именно эти детали позволяют перевести повествование в плоскость символических смыслов, что способствует обобщению изображаемых картин.

3.3. ПОЭТИКА ОППОЗИЦИИ «СТОЛИЦА-ПРОВИНЦИЯ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.П. ЧЕХОВА

С провинцией традиционно связывается образ мира, который характеризуется географическими, природно-климатическими и историческими особенностями. Это понятие также включает нравственно-культурные категории. Исходя из этого, провинция противопоставляется столице как периферия центру. Указанная бинарная оппозиция характеризуется двумя пространствами, каждое из которых обладает особыми ценностями, темпоральными, культурными характеристиками.

В произведениях А.П. Чехова провинция встречается часто, например в рассказе «На подводе» (1897). В основе этой истории лежит описание поездки. Сюжет прост: сельская учительница, получив жалованье, возвращается из города в деревню, где находится школа, в которой она служит. На первый план пространственно-образной системы выходит образ дороги, который композиционно организует весь текст.

В хронотоп дороги Чехов вписывает прошлое, настоящее (жизнь в провинции) и неясное будущее героини. Такой прием ведет к лаконичности повествования. Кроме этого, помещая жизнь Марьи Васильевны в пространство пути, автор насыщает её символическими смыслами. Дорога традиционно ведет из одного пространства в другое. В культуре древних народов с этим образом связывалось представление о переходе из *своего* мира в *чужой*. Осмысление картины мира через бинарные оппозиции характерно для фольклорного сознания. Пространственные представления развивались по мере того, как окружающий мир различными способами осваивался. Оппозиция *свой/чужой* соотносилась с представлениями о «внутреннем» и «внешнем» пространстве, о «живом» и «мертвом». Д.А. Шукина в этой связи ведет речь об «архаической концепции пространства», для которой присуще осознание места пребывания как «территории существования, обитания, отграниченной от внешнего пространства, от остального мира»¹.

¹ Шукина Д.А. Пространство в художественном тексте и пространство художественного текста. – СПб., 2003. – С. 13.

Свой мир характеризуется освоенностью, гармонией, узнаваемостью. Исходя из этого, можно утверждать, что таким миром для чеховской героини некогда был дом в Москве, в котором она жила с отцом, матерью и братом. Тринадцать лет назад Марья Васильевна покинула Москву. Образ Москвы эмоционально маркируется ощущением счастья, радости. О прошлом времени напоминает только фотография матери, но ее изображение стало совсем неразличимо, и из памяти образ близкого человека почти стерся. Москва в рассказе не конкретизирована (за исключением упоминаемых Красных ворот) и достаточно условна, прежде всего, она связана в сознании Марьи Васильевны с близкими людьми. В нынешнем, другом, мире у нее все иначе: отец и мать умерли, а связь с братом постепенно исчезла, она живет в глухой деревне одна, преподает в сельской школе. Существенно то, что ни разу за все произведение её тепершнее место пребывания не называется домом.

Центральный пространственный образ, дорога, в рассказе получает символическое осмысление, характерное для архаического сознания: физическое перемещение вписывается «в сюжет жизненного пути»². В тексте формируется сцепление трех категорий: жизнь → дорога → провинция. И если посмотреть на этот ряд с точки зрения традиционной культуры, в которой образ дороги связывался с миром небытия, то становится очевидным, что на уровне логики фольклорно-мифологического сознания подчеркивается отчуждение героини по отношению к миру, в котором она существует, и к делу, которым она занимается. Переходное пространство парадоксальным образом становится для чеховской героини из временного постоянным. Вся теперешняя жизнь в провинции у Марьи Васильевны ассоциируется только с этой дорогой и школой. Молодой женщине кажется, что она живет здесь не тринадцать лет, а сто. Чехов композиционно сопрягает описание трудной поездки по плохой провинциальной дороге, пейзажные зарисовки самой дороги с картинами нелегкой жизни Марьи Васильевны, которые возникают в ее сознании. Жизнь молодой учительницы потеряла мажорные краски и радость. Приметами теперешнего существования чеховской героини стали холод, грязь,

---

² Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. – М., 2003. – С. 62.

шум, ежедневная головная боль, «жжение под сердцем» и маленькая квартирка, состоящая из одной комнатки, в которой «все так неудобно, неуютно» (С. IX, 338). Марью Васильевну и подобных ей людей Чехов называет «молчаливыми ломовыми конями», которые подолгу выносят эту «трудную, неинтересную» жизнь. Деревенский быт, работа не по призванию изменили и саму героиню: «...от такой жизни она постарела, огрубела, стала некрасивой, угловатой, неловкой, точно ее налили свинцом» (С. IX, 339). Автор помещает её размышления о сложности и непонятности жизни в контекст таких описаний: «А дорога все хуже и хуже... Въехали в лес. Тут уж сворачивать негде, колеи глубокие, и в них льется и журчит вода. И колючие ветви бьют по лицу» (С. IX, 337); «Крутой подъем на гору, по глине; тут в извилистых канавах текут с шумом ручьи, вода точно изгрызла дорогу – и уж как тут ехать! Лошади храпят» (С. IX, 337); «там, гляди, мужики не пускают, там попова земля, нет проезда, там Иван Ионов купил у барина участок и окопал его канавой. То и дело поворачивали назад» (С. IX, 339). В результате возникающей взаимосвязи реального и мыслимого пространства образ дороги в рассказе лишается качества реального физического пространства и приобретает качество ментального. По определению Д.А. Щукиной, «ментальное пространство соотносимо с понятием “картина мира”, “сознание”, оно субъективно, абстрактно, виртуально, содержит образные, понятийные, символические представления о пространственных характеристиках бытия» [Щукина 2003: 9]. Здесь принципиален антропоцентрический характер этого типа пространства. Поскольку оппозиция *свой/чужой* имеет космогонический характер и соотносится с антитезой *Космос/Хаос*, очевидно, что мир, в котором находится Марья Васильевна, воспринимается ею как Хаос

Одним из характерных представлений для фольклорно-мифологического сознания является понимание, что «человек должен пройти путь смерти, пространствовать в буквальном смысле слова, и тогда он выходит обновленным, вновь ожившим, спасенным от смерти»³. Время описываемых событий – апрель. Это период, который метафорически выражает состояние переходности и обновления одновременно. Автор заостряет внимание на внезапном

---

³ Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. – М., 1978. – С. 506.

3.3. Поэтика оппозиции «столица-провинция» в произведениях А.П. Чехова

преображении мира: еще кое-где видны следы суровой зимы, но все-таки состояние всего живого вокруг говорит о наступлении весны. Но главная героиня, Марья Васильевна, словно не замечает ни наступившего тепла, «ни томных, согретых дыханием весны прозрачных лесов», ни «неба, чудного, бездонного, куда, кажется, ушел бы с такою радостью» (С. IX, 335). И здесь в чеховском произведении на первый план выходит эмоциональный фон, переживание: скука, неразрешимая тоска. Подчеркивается диссонанс между состоянием природы и ощущениями героини.

Однако Чехов дает своей героине шанс на внутреннее преобразование, окончательное изменение статуса, обыгрывая идущий из традиции мотив. Известно, что важной деталью хронотопа дороги является встреча на пути с кем-нибудь или с чем-нибудь. Дорога, как отмечает М.М. Бахтин, «преимущественное место случайных встреч. <...> Здесь могут случайно встретиться те, кто нормально разъединен социальной иерархией и пространственной далью, здесь могут возникнуть любые контрасты, столкнуться и переплестись различные судьбы»⁴. Исследователь Е.Е. Левкиевская отмечает судьбоносность таких встреч: «Дорога – это <...> место, где проявляется судьба, доля, удача человека при его встречах с людьми, животными и демонами»⁵. По пути учительнице встречается уже не молодой, но не утративший красоты помещик Ханов. Героиня размышляет о том, что он бессмысленно, бесцельно живет. Весь его облик словно отмечен печатью неизбежной гибели: «Около старого Семена он казался стройным, бодрым, но в походке его было что-то такое, едва заметное, что выдавало в нем существо уже отравленное, слабое, близкое к гибели» (С. IX, 338). Пока Марья Васильевна едет с ним рядом, в ее голове дважды звучит риторический вопрос: «Быть женой?» (С. IX, 338). Молодая женщина, глядя на него, размышляет: будь он ее женихом или братом, она бы спасла его. Так в тексте намечается мотив, пришедший из фольклора, в частности народных сказок, в которых героиня идет в тридесятое царство, в иной мир, чтобы найти и спасти своего возлюбленного или суженного (вспомним сказку «Финист Ясный

⁴ Бахтин М.М. Эпос и роман. – СПб., 2000. – С. 192.

⁵ Левкиевская Е.Е. Дорога // Словарь языческой мифологии славян [электр. ресурс]. URL: <http://www.swarog.ru/h/htonicheskie0.php>.

Сокол»). Интересно, что чеховскую героиню зовут именем *Марья*, характерным для сказок (*Марья Маревна, Марья искусница*), а не *Мария*. Усложнение семантики образа дороги брачными мотивами обусловлено в рассказе не только ассоциациями со сказкой. *Марья Васильевна* находится в том возрасте, когда «периоды оседлости сменяются передвижениями»⁶. Согласно Т.Б. Щепанской молодость является временем «инициационных путешествий»: для девушки – это замужество⁷. Кроме этого, «символика дороги пронизывает свадебные (как и вообще переходные) обряды: свадьбу *гуляют*, беспрестанно ездят друг к другу и катаются на лошадях, заключение брачной связи обозначается как прокладывание дороги...»⁸. В этой связи значима фамилия героя – *Ханов*, которая происходит от слова «хан» и вызывает ассоциации с чужаком, инземцем. Это вполне соответствует статусу жениха, поскольку в свадебном обряде он представляется человеком, пришедшим с чужой стороны. Но пути героев расходятся, словно автор намекает на непреодолимое безысходное одиночество в этом мире.

В финале рассказа обновление героини в рассказе Чехова намечается и почти совершается. В одном из вагонов проходящего мимо поезда *Марья Васильевна* видит женщину, сильно напоминающую ее покойную мать: «такие же пышные волосы, такой же точно лоб, наклон головы» (С. IX, 342). Это сходство провоцирует появление счастливого видения: учительнице кажется, что никто не умер, она слышит звуки рояля, голос отца, и сама она молодая, красивая, нарядная, «чувство радости и счастья вдруг охватывает ее», и ей кажется, «что и на небе, и всюду в окнах, и на деревьях светится ее счастье, ее торжество» (С. IX, 342). Неслучайно именно после переправы, в конце пути, молодая учительница вдруг ощущает себя обновленной. Дорога подходит к своему финальному моменту. Это согласуется с фольклорно-мифологическим принципом: героиня фактически совершила переход в другой мир и в другое состояние. Именно теперь она улыбается Ханову «как равная и близкая» ему,

---

⁶ Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. – М., 2003. – С. 62.

⁷ Там же. С. 62.

⁸ Там же.

3.3. Поэтика оппозиции «столица-провинция» в произведениях А.П. Чехова

возникает ощущение, что она стала для него своей, а значит и мир этот, наконец, может стать *своим*. Однако до конца ситуация перехода не реализуется. Окрик Семена «Васильевна, садись!» выводит героиню из забытья, и видение счастливой радостной жизни исчезает.

Обратим внимание на название конечного пункта прибытия Марьи Васильевны – Вязовье. Такое наименование, вероятно, связано с деревом вяз. У древних греков образ этого дерева связывался с похоронным обрядом: он высаживался на могиле умершего. Описывая в «Энеиде» преддверие загробного мира, Вергилий пишет:

Вяз посредине стоит огромный и темный, раскинув
Старые ветви свои; сновидений лживое племя
Там находит приют, под каждым листком притаившись⁹.

Кроме этого, корень «вяз» вызывает ассоциации и с глаголом «вязнуть», то есть «застрывать в чем-нибудь вязком, липком», что можно интерпретировать как невозможность выбраться героине из нудной, тяжелой, неинтересной жизни в Вязовье. Мотив обновления, возрождения как результат перехода через пространство инобытия не получает своего завершения. Переход состоялся, однако обновление только наметилось, но не произошло.

Итак, в рассказе А.П. Чехова «На подводе» образ провинции, вписанный в хронотоп дороги, насыщается и усложняется мифопоэтическим смыслами. В сознании Марьи Васильевны происходит разделение мира на *свой мир* и *чужой*. Дорога, воспринимаемая как жизнь, аллегорически выражает самоощущение героини в новом для нее мире, который не становится для неё *своим*, не смотря на то, что здесь всё знакомо. И отсюда скука, тоска и псевдообновление.

А. Собенников справедливо утверждает, что *столица и провинция* в произведениях Чехова не столько реальная данность, сколько «нравственно-философский императив, раскрывающий ценностный мир автора»¹⁰, что это противопоставление отражает основу миро-

⁹ Вергилий. Энеида // Вергилий. Собрание сочинений. – СПб., 1994. – С. 226.

¹⁰ Собенников А.С. Художественный символ в драматургии А.П. Чехова: типологическое сопоставление с западно-европейской новой драмой. – Иркутск, 1989. – С. 174.

образа писателя, которая включает антитезу человеческого существования, составляющую такие семантические ряды как родина – чужбина, тепло – холод, прекрасная жизнь – неудачная жизнь и т. д.¹¹ В рассказе «На подводе» автор дает зарисовки провинциальной жизни, делает акцент на особенностях бытовых, топографических, культурных. Но на первое место выводит внутреннее переживание жизни героиней, находящейся вне *своего* мира. Здесь раскрывается индивидуально-авторский подход в изображении провинции. Клод Леви-Строс делает важное замечание, что оппозиция является специфическим способом ассоциативного познания и описания мира¹². Оппозиция *свой/чужой*, в контекст которой Чехов помещает образ провинции и проселочной дороги, ведущую в деревню Вязовье, становится способом оценочного миропонимания, а также тем художественным механизмом, который позволяет писателю придать онтологический и антропоцентрический характер образу провинции.

В рассказе А.П. Чехова «По делам службы» (1899) также прослеживается противопоставление, соответствующее пространственным единицам «провинция» и «столица» («эта жизнь» и «та жизнь»), где настоящей представляется, безусловно, только вторая. Для чеховского героя, следователя Лыжина, «родиной, настоящей Россией» являются Москва, Петербург. Все остальное – «провинция, колония» – бессмысленно, мелко, неинтересно, «не жизнь, не люди, а что-то существующее только “по форме”, как говорит Лошадин» (С. X, 92). Эта мысль настойчиво повторяется в сознании молодого следователя: «...Он все думал о том, что это кругом не жизнь, а клочки жизни, отрывки, что все здесь случайно <...>; и ему даже было жаль этих девушек, которые живут и кончат свою жизнь здесь в глуши, в провинции, вдали от культурной среды, где ничто не случайно, все – осмысленно, законно...» (С. X, 97). Вывод из этих рассуждений: «Если жить, то в Москве, здесь же ничего не хочется, легко миришься со своей незаметной ролью и только ждешь одного от жизни – скорее бы уйти, уйти» (С. X, 93).

Противопоставленность двух миров находит выражение в характеристиках пространственных образов: в земской избе деревни

---

¹¹ Собенников А.С. Указ. соч. С 178–179.

¹² Леви-Строс К. Первобытное мышление. – М., 1994.

3.3. Поэтика оппозиции «столица-провинция» в произведениях А.П. Чехова

Сырня темно, холодно, неудобная постель в комнате, которая называется «чёрная», тараканы; а в связи со столицей в сознании Лыжина возникают освещенные улицы, кабинеты с книгами, прогулка по Невскому или по Петровке в Москве, здесь можно послушать «порядочное пение» или посидеть в ресторане. В размышлениях героя одно и то же событие приобретает разную степень значимости в зависимости от того, где именно оно произошло, в провинции или столице: «Если бы этот человек убил себя в Москве или где-нибудь под Москвой и пришлось бы вести следствие, то там это было бы интересно, важно и, пожалуй, даже было бы страшно спать по соседству с трупом; тут же, за тысячу верст от Москвы, всё это как будто иначе освещено, всё это не жизнь, не люди, <...> всё это не оставит в памяти ни малейшего следа и забудется, едва только он, Лыжин, выедет из Сырни» (С. X, 92–93).

Таким образом, герой традиционно переживает «пространства, которые обладают закрепленными за ними ценностными и культурными характеристиками»: центр характеризуется для Лыжина значительностью, динамичностью, а периферия – второстепенностью. Здесь наблюдается ситуация, когда центр в модели мира российской интеллигенции (а в качестве него чаще всего выступает официальная столица, хотя возможны и другие воплощения центра) обладает сакральными свойствами, получает положительные ценностные характеристики, результатом становится стремление покинуть пространство провинции и попасть в пространство центра.

Всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее («свое») пространство и внешнее («чужое»). Это универсальная модель пространства, которая выражает не просто бинарность мироустройства, но и его устойчивость. О наличии двух миров с границей между ними в произведениях А.П. Чехова пишет И.Н. Сухих¹³. В одном – герой живет, а другой – часто связан с прошлым или, наоборот, с ним связаны устремления и надежды чеховского героя. Такое противопоставление миров, по мнению ученого, обусловлено развитием сюжета ухода. В пространственной модели рассказа традиционная в социокультурном смысле бинарная оппозиция *провинция/столица* выстраивается по мифопоэтическому принципу

¹³ Сухих И.Н. Проблемы поэтики Чехова: изд. 2-е, доп. – СПб., 2007. – С. 325.

своей/чужой. О Москве и о Петербурге он размышляет как о *своем* мире: здесь у него друзья, родные, он мысленно прогуливается по знакомым улицам, сидит в теплом кабинете за книгой или посещает ресторан.

А селение Сырня для героя – это *чужой* мир, ему кажется, что всё происходящее – сон. Такой смысл актуализуется мифопоэтической семантикой целой системы деталей.

Чужой мир в традиционной культуре – это мир смерти, болезни, мир, где нарушена гармония и царит хаос, хтонический мир. Обратим внимание, что пространство, в которое попадает чеховский герой, изначально маркировано смертью: здесь произошло самоубийство, труп лежит в соседней комнате в нескольких шагах от Лыжина. Жителями деревни владеет страх. Еще одна деталь, которая косвенно связывает образ селения с мортальными мотивами. В эту деревню сопровождает героев сотский по фамилии Лошадин. Этимология и семантика фамилии персонажа интересна с фольклорно-мифологической точки зрения. Образованная от слова «лошадь», она опосредованно связана с образом коня. В традиционной культуре конь (лошадь) – хтоническое существо, с помощью которого переправлялись в царство мертвых. В.Я. Пропп отмечает, что в религиях и в сказках конь считается «заупокойным животным», ведущей становится его «замогильная природа»¹⁴. Сотский Лошадин дважды сопровождает доктора и судебного следователя по дороге, которая ведет в селение Сырня, где произошло самоубийство. Кроме этого, с точки зрения архаического сознания, раскрывается еще одна функция образа сотского: седовласый старик Лошадин фактически выполняет функцию Харона, проводника в мир мертвых.

Однако внимание привлекает и то, что детали провинциального мира в этом рассказе неоднозначны. Так пространство земской избы четко организовано на объединении противоположностей. Дом поделен на две половины: правая часть господская, называется «чистой» или «приезжей», а левая – «чёрная, с большой печью и полатями». В пространственной модели земской избы четко выдержан принцип противопоставления.

---

¹⁴ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1986. – С. 173, 180.

Кроме того, с самого начала рассказа заявляется, что самоубийство странное: Лесницкий заказал самовар, разложил на столе закуски и покончил с собой. Стол как центр пространства приезжей – реалия предметного мира, которая непосредственно связана с идеей дома. У Е.Я. Шейниной мы встречаем следующее толкование: «Стол является символом так называемого “культурного горизонта”»¹⁵. А.К. Байбурин замечает: «... в традиционных представлениях почти повсеместно проводилась аналогия между столом в доме и престолом, алтарем в церкви»¹⁶. Обратим внимание, что акт саморазрушения происходит в особой точке жилища, возле стола, то есть в одном месте локализуются священнодействие и грех. Самовар, закуски связаны с сакральным действием – приемом пищи, актуализующим идею жизни. Кроме этого, некоторые художественно значимые подробности, сопровождающие образ самоубийцы, соединяют в себе детали с противоположной смысловой и культурно-символической маркировкой: например, на *мертвом* человеке надеты *новые* калоши; Лесницкий накрыт *белым* покрывалом, из-под которого видны *черные* калоши.

Таким образом, общая картина провинциального мира в рассказе соединяет детали абсолютно разные по своим характеристикам: грязная холодная земская изба и теплый, светлый усадебный дом фон Тауница, «чистая» и «черная» половины земской избы, решение покончить жизнь самоубийством и новая обувь, черный и белый цвета, сопряженные с образом покойника. На этом этапе можно сделать предположение, что пространственная картина провинции отражает идею бинарности бытия. Но актуальным здесь становится не противопоставление, о котором говорят в связи с оппозицией *столица/провинция*, а связь, соединенность этих противоположностей, без взаимоисключений.

Вся система художественно значимых деталей и мифопоэтических знаков ведет к пониманию развязки рассказа. Утром на Лыжина словно нисходит просветление. Ему открывается онтологический смысл всего происходящего. Он начинает понимать, что

---

¹⁵ Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов – М.; Харьков, 2001. – С. 217.

¹⁶ Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян – М., 2005. – С. 180.

все взаимосвязано в жизни и судьбы совершенно разных людей также связаны друг с другом, что ничего случайного не происходит, что все тяготы, трудности имеют смысл, только он не всем понятен. Мысль о связи и взаимообусловленности противоположностей содержится и в странном страшном сне Лыжина. С одной стороны, герои сна те, кто принимают на себя тяжесть бытия, чтобы другим было легко. С другой – Лесницкий и Лошадин воплощают в себе противоположное отношение к жизни: Лесницкий – разочарование, отчаяние, потерянности, Лошадин – светлое смирение. Они идут рядом. «И несчастный, надорвавшийся, убивший себя “неврастеник”, как называл его доктор, и старик мужик, который всю свою жизнь каждый день ходит от человека к человеку, – это случайности, отрывки жизни для того, кто и свое существование считает случайным, и это части одного организма, чудесного и разумного, для того, кто и свою жизнь считает частью этого общего и понимает это. Так думал Лыжин, и это было его давней затаенной мыслью, и только теперь она развернулась в его сознании широко и ясно» (С. Х, 99). Жизнь и всё, что в ней происходит, уже представляются главному герою не обрывками, не кусочками, а целостной картиной бытия.

Лейтмотивом рассказа становится дорога: герои в дороге на протяжении всего повествования. Мотивировка перемещения судебного следователя Лыжина по сути своей сходна с фольклорной. Согласно В.Я. Проппу, сказочный герой, например, отправляется в путь, когда происходит какая-нибудь беда¹⁷. Здесь важно, что герой вынужден это сделать, если происходит беда, нарушен запрет (в рассказе причиной поездки Лыжина становится самоубийство Лесницкого).

Дорога – это мифологема движения, пространственно-временной ориентации и цели; аспект смысла жизни и вектор истории; универсалия научного и художественного познания и культурного творчества. Своим универсализмом архаическая семантика пути обязана широким смысловым связям с топологией жизненного пространства, его ценностным иерархиям и всей социальной системе с моделями поведения и ритуальной практикой. М.М. Бахтин от-

---

¹⁷ См.: Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1986. – С. 46–47.

3.3. Поэтика оппозиции «столица-провинция» в произведениях А.П. Чехова

мечает, что «передвижение героя, путешествие являются средством открытия мира. И наконец, поскольку дорога представляет собой целенаправленное, линейное пространство, то она часто получает метафорическое значение жизненного пути человека. Эта метафора отразилась в устойчивых словосочетаниях: найти свою дорогу, сбиться с пути»¹⁸.

Дорожные приметы, встречающиеся в рассказе, становятся приметами судьбы. «Дорога шла сначала по краю леса, потом по широкой лесной просеке; мелькали и старые сосны, и молодой березняк, и высокие молодые, корявые дубы, одиноко стоявшие на полянах, где недавно срубили лес, но скоро всё смешалось в воздухе, в облаках снега; кучер говорил, что он видит лес, следовательно же не было видно ничего, кроме пристяжной. Ветер дул в спину <...> Вот какая-то деревушка, ни одного огонька в ней. Опять лес, поле, опять сбились с дороги и кучер слезал с козел и танцевал. Тройка понесла по темной аллее, понесла быстро, и горячая пристяжная была по передку саней. Здесь деревья шумели гулко, страшно, и не было видно ни зги, точно неслись куда-то в пропасть, и вдруг – ударил в глаза яркий свет подъезда и окон, раздался добродушный, залихватый лай, голоса... Приехали» (С. X, 96). В приведенном отрывке дорога ведет через лес, который является в традиционной культуре местом испытания и инициации, символом заблуждений, тягот жизни и т. д. Система знаков, сопровождающих образ дороги, явно несут символический смысл: метель, лес, герои трижды заблудились, выехали не к той деревне, а деревня тёмная, и вдруг – яркий свет и усадьба фон Тауница, которая была конечной целью пути. Примечательно, что ситуация «вдруг» и реального озарения светом путников совпадает с внутренним озарением, нравственно-философским открытием Лыжина. И здесь буквально реализуется фольклорно-мифологическое значение мотива дороги (пути): встретившись со смертью, герой выходит обновленным. Если традиционно дорога предполагает движение и любая остановка лишь частность, эпизод в этом движении, то в этом рассказе случайность, остановка в земской избе, где произошла трагедия, и посещение имения фон Тауница, становятся переломными для сознания чехов-

¹⁸ Бахтин М.М. Эпос и роман. – СПб., 2000. – С. 33.

ского героя. И физическое перемещение героя трансформируется в духовное странничество.

Таким образом, в рассказе «По делам службы» провинция является не просто понятием географическим и административно-территориальным, а по содержанию – нравственно-культурным, но она становится философской категорией.

А.П. Чехов изображает события и героев, поместив их в пространственную модель, символический смысл которой определяет система мифопоэтических знаков. Если в начале рассказа в сознании героя столица и провинция были противопоставлены, то в финале он начинает понимать единство всего существующего, взаимообусловленность всего в мире. Кроме этого, исходя из поэтики и идейной насыщенности пространства провинции в рассказе «По делам службы», напрашивается вывод о том, что провинция стала для чеховского героя пространством давящим, разрушающим и одновременно гармонизирующим. В рассказе «По делам службы» прежде всего наблюдается неоднородность пространственной картины мира.

Провинция в рассказе становится тем миром, который оказывает влияние на изменение мировоззренческой парадигмы героя, инициирует обращенность индивидуального сознания к отысканию общих законов и принципов бытия.

Хронотоп провинции часто выполняет в произведениях А.П. Чехова сюжетообразующую, моделирующую, оценочную функцию. Мифопоэтический подход позволяет увидеть в пространственном образе провинции структурные и смысловые пласты, обогащающие его понимание и толкование. Картину провинциального мира не всегда определяют пространственные категории, но также настроение, переживание. Принципы организации пространства провинции, детали, настроение – все говорит о двойственности этого мира, отражает идею бинарности бытия. В пространственной модели чеховских произведений традиционная в социокультурном смысле бинарная оппозиция «провинция/столица» выстраивается по мифопоэтическому принципу «свой/чужой». Но актуальным здесь становится не противопоставление, о котором говорят в связи с оппозицией «столица/провинция», а соединенность этих противоположностей, без взаимоисключений.

Литература

1. *Анциферов Н.П.* «Непостижимый город...» Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. – Л., 1991.
2. *Арнаутова Ю.Е.* Колдуны и святые: Антропология болезней в средние века. – СПб., 2004.
3. *Байбурин А.К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – М., 2005.
4. *Батракова С.П.* Чеховский сад («Черный монах» и «Вишневы сад») // Чеховиана: Мелиховские труды и дни. – М., 1995.
5. *Бахтин М.М.* Эпос и роман. – СПб., 2000.
6. *Бекетова Н.А.* «Колокола» С. Рахманинова: концепция предостережения / С.В. Рахманинов. К 120-летию со дня рождения (1873–1993): мат-лы конфер. – М., 1995. – С. 64–73.
7. *Берковский Н.Я.* О русской литературе. – Л., 1985.
8. *Бидерманн Г.* Энциклопедия символов. – М., 1996.
9. *Богодерова А.А.* Сюжетная ситуация ухода в русской литературе второй половины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2011.
10. *Бунин И. А.* Святые горы: собр. соч. в 6-ти тт. – Т. 2. – М., 1987 [электрон.ресурс]. URL: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/bunin-ss06-02/bunin-ss06-02.html#work001008>.
11. *Вергилий.* Энеида // Вергилий. Собрание сочинений. – СПб., 1994.
12. *Виролойнен М.Н.* Речь и молчание: сюжеты и мифы русской словесности. – СПб., 2003.
13. *Гачев Г. Д.* Национальные образы мира: Общие вопросы. – М., 1988.
14. *Гольденберг А.Х.* Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя: монография. – М., 2012.
15. *Горячева М.О.* Проблема пространства в художественном мире А.П. Чехова. Дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1992.
16. *Горячева М.О.* Семантика «сада» в структуре художественного мира Чехова // «Russianliterature». – Amsterdam, 1994. – № XXXV–II. – С. 171–179.
17. *Горячева М.О.* Тема степи у Чехова: Авторские рецепции и художественная реальность // Таганрогский вестник. – Вып. 3. – Таганрог, 2008. – С. 113–122.
18. *Горячева М.О.* Проблема пространства в художественном мире А.П. Чехова: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1992.

19. Громов М.П. Книга о Чехове. – М., 1989.
20. Звиняцковский В.Я., Панич А.О. «У лукоморья дуб зеленый...» // Чеховиана. «Три сестры» – 100 лет. – М., 2002. – С. 82 – 101.
21. Зингерман Б.И. Театр Чехова и его мировое значение. – М., 1988.
22. Казакова Л.А. Предания о кладях (по материалам фольклорного архива ПсковГУ) [электрон. ресурс]. URL: http://pskgu.ru/projects/pgu/storage/wg6110/wgpgu03/wgpgu03_08.pdf.
23. Катаев В.Б. Чехов и Таганрог: к проблеме культурного ответа // Таганрогский вестник. – Вып. 2. – Таганрог, 2004.
24. Коробейникова А.А., Пыхтина Ю.Г. О пространственных архетипах в литературе // Вестник ОГУ. – 2010. – № 11. – С. 44–50.
25. Криничная Н.А. Русская мифология: Мир образов фольклора. – М., 2004.
26. Кургузова Н.В. Сакрализация и эмоциональное восприятие географических центров в свадебной поэзии // Диалектика рационального и эмоционального в искусстве слова: сб. науч. ст. к 60-летию А.М. Буланова. – Волгоград, 2005. – С. 65–70.
27. Ларионова М.Ч. Миф, сказка и обряд в русской литературе XIX века. – Ростов н/Д, 2006.
28. Ларионова М.Ч. Море и степь в ранних произведениях А.П. Чехова // XXV Фетовские чтения: (Курск, 15–16 октября 2010 г.) / под ред. Н.З. Коковиной. – Курск, 2011. – С. 213–220.
29. Ларионова М.Ч. «Я стала ведьмой от горя и бедствий, поразивших меня»: рассказ А.П. Чехова «Ведьма» // Творчество А.П. Чехова: рецепции и интерпретации: сб. материалов Междунар. науч. конфер. – Ростов н/Д, 2013. – С. 97–106.
30. Ларионова М.Ч. Миф, сказка и обряд в русской литературе XIX века. – Ростов н/Д, 2006.
31. Леви-Строс К. Первобытное мышление. – М., 1994.
32. Левкиевская Е.Е. Дорога // Словарь языческой мифологии славян [электр. ресурс]. URL: <http://www.swarog.ru/h/htonicheskie0.php>.
33. Лихачев Д.С. Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. – М., 1998.
34. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб., 1994.
35. Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. – Саратов, 1980.
36. Мелкова А.С., Родионова В.М., Сахарова Е.М. Примечания // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 тт. Сочинения: в 18 т. – Т. 6. [Рассказы], 1887. – М., 1976.

3.3. *Поэтика оппозиции «столица-провинция» в произведениях А.П. Чехова*

---

37. *Одесская М.М.* Уолденский отшельник и степной странник: философия природы // Таганрогский вестник. – Вып. 3. – Таганрог, 2008. – С. 78–86.
38. *Пахомов Дж.* Литературный пейзаж у Пушкина и Чехова // Чеховиана. Чехов и Пушкин. – М., 1998.
39. *Плотникова А.А.* Кладбище // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. А–Я; изд. 2-е, испр. М., 2002. С. 228–230
40. *Пропт В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Ленинград, 1986.
41. *Разумова Н.Е.* Творчество А.П. Чехова в аспекте пространства. Томск, 2001.
42. *Разумова Н.Е.* «Степь» Чехова: вариант интерпретации повести // Вестник Томского государственного университета. – 1998. – Т. 266 [электрон. версия]. URL: [http://www.tsu.ru/webdesign/tsu/Library.nsf/designobjects/vestnik267/\\$file/chekhov.html](http://www.tsu.ru/webdesign/tsu/Library.nsf/designobjects/vestnik267/$file/chekhov.html).
43. *Рошьяну Н.* Традиционные формулы сказки. – М., 1974.
44. *Сазонова Л.И.* Поэзия русского барокко. – М., 1991.
45. *Седегов В.* Таганрогские детали в произведениях Чехова // Чеховские чтения. Таганрог, 1972. – Ростов н/Д, 1974. – С. 55–61
46. *Собенников А.С.* Художественный символ в драматургии А.П. Чехова: типологическое сопоставление с западно-европейской новой драмой. – Иркутск, 1989.
47. *Созина Е.К.* Провинция в творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка и А.П. Чехова: топология судьбы [электрон.ресурс]. URL: <http://www.km.ru/referats/0502F2D3271F4625B4797B7179304D8A>.
48. *Сухих И.Н.* Проблемы поэтики Чехова. – СПб., 2007.
49. Таганрог и Чеховы. Мат-лы к биографии А.П. Чехова. – Таганрог, 2003.
50. *Топоров В.Н., Соколов М.Н.* Пастух // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х тт. – М., 1982. – Т. 2. – С. 291–293.
51. *Туркина В.Г.* Город как «топос» [электрон.ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/gorod-kak-topos>.
52. *Фарыно Е.* К невостробованной мифологемике «Лошадиной фамилии» Чехова // *Literatura rosyjska przelomu XIX i XX wieku; pod red. E. Biemat i T. Bogdanowicza.* – Gdansk, 1999.
53. *Фрейденберг О.М.* Миф и литература древности. – М., 1978.
54. *Цивьян Т.В.* Движение и Путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. – М., 1999.
55. *Черепанова О.А.* Путь и дорога в русской ментальности и в древних текстах [электрон.ресурс]. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1999/213.html>.

56. Шаладонова Ж.С. Топосы национального пространства в произведениях А. Чехова, Н. Гоголя и Я. Коласа // Чеховские чтения в Ялте. – Вып. 15. Мир Чехова: пространство и время: сб. науч. тр. – Симферополь, 2010. – С. 59–67.
57. Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. – М.; Харьков, 2001.
58. Щепановская Е.М. Архетипы России // Методология и методы исторической психологии: мат-лы XXVI межд. науч. конфер. 14–15 дек. 2009. – СПб., 2009. – С. 58–64.
59. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. – М., 2003.
60. Шукина Д.А. Пространство в художественном тексте и пространство художественного текста. – СПб., 2003.
61. Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: в 5-ти тт. – Т. 1 / Рос. акад. наук. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); ред. кол.: Л.А. Дмитриев, Д.С. Лихачев, С.А. Семячко, О.В. Творогов (отв. ред). – СПб., 1995.

4

ВОКЗАЛЫ И ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ СТАНЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ

А.П. ЧЕХОВА 1890-х гг.

Т.М. Субботина

Изучение творчества А.П. Чехова побуждает многих литературоведов к поиску «констант художественного мира» писателя (И. Сухих), т.е. таких черт индивидуальной авторской манеры, которые, намечаясь в ранних рассказах Чехова, прослеживаются и в его зрелом творчестве. А. Чудаков, М. Горячева, Н. Разумова, М. Ларионова, В. Кондратьева и др. рассматривают произведения Чехова с точки зрения выявления в них доминантных для писателя принципов создания художественного пространства. Так, М.О. Горячева выделяет «наиболее значимые пространственные единицы» в творчестве Чехова – «город, имение, сад, деревня, дорога, озеро, степь, небо, море»¹, а Н.Е. Разумова в своей монографии «Творчество А.П. Чехова в аспекте пространства», вводя понятия «основного топоса» и «сенсорной доминанты», убедительно демонстрирует возможности «пространственного подхода» к изучению эволюции мировосприятия и художественной манеры Чехова².

Нам представляется, что к числу наиболее значимых для Чехова пространственных единиц с полным основанием можно было бы отнести топос железнодорожной станции (вокзала)³. Дорожный

¹ *Горячева М.О.* Проблема пространства в художественном мире А.П. Чехова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1992. – С. 9.

² *Разумова Н.Е.* Творчество А.П. Чехова в аспекте пространства. – Томск.: Изд-во ТГУ, 2001.

³ Термин «топос» применительно к постоялому двору, железнодорожной станции, вокзалу, изображенным у Чехова, мы используем, исходя из соображений Ю.М. Лотмана, который определяет данное понятие как

сюжет достаточно широко представлен в творчестве писателя, и те пространственные знаки, с которыми связан мотив остановки в пути, безусловно, должны быть наделены не только художественной, но и онтологической семантикой. Отметим и тот факт, что роль такого пространственного знака в прозе Чехова первоначально играет постоялый двор, однако в произведениях преимущественно послесахалинского периода почтовая дорога заменяется железной, а пространство постоялого двора постепенно уступает место пространству вокзала.

4.1. ПОСТОЯЛЫЕ ДВОРЫ В КОНТЕКСТЕ ЧЕХОВСКОГО МОТИВА ОСТАНОВКИ В ПУТИ

По свидетельству авторов Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, постоялые дворы существовали на Руси издавна, они содержались частными лицами, которые брали с тех, кто останавливался в них на ночлег и отдых, особую пошлину – «постоялое»¹. Начиная с XVIII в. постоялые дворы строились и в городских поселениях, и на дорогах, и в селах. Как правило, хозяева постоялого двора проживали здесь же, бок о бок с гостями, ночевавшими в «проезжих» комнатах. В рассказе А.П. Чехова «На пути» гостевая комната названа «проезжающей». К середине XIX века постоялый двор представлял из себя «комплекс, объединяющий

«пространственный континуум текста, в котором отображается мир объекта» (Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1970. – С. 280–281). Топос в таком понимании – это элемент художественного пространства текста, восходящий к поэтике бессознательного и служащий для выражения не столько пространственных отношений, сколько ценностных представлений автора.

¹ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь: в 86-ти тт. [электрон. ресурс]. URL: <http://www.endic.ru/brokgause/Postojal-dvor-5239.html>.

4.1. Постоялые дворы в контексте чеховского мотива остановки в пути

комнаты для ночлега приезжих, трактир, а также двор для лошадей и экипажей временных постояльцев»².

Исходя из историко-бытовых реалий, мы можем сделать предположение о том, что в художественном произведении важнейшими признаками пространственного образа постоялого двора следует считать, во-первых, его расположение у большой дороги, благодаря которому он становится местом случайных встреч; во-вторых, его функционирование как маркера пограничности, обозначающего смыкание «своего» пространства – дома – где живут, едят, растят детей хозяева, и «чужого» – пространства случайных гостей.

И.Н. Сухих, анализируя вслед за М. Бахтиным особенности мотива случайной встречи в рамках хронотопа «большой дороги», справедливо отмечает: «В отличие от гоголевских, тургеневских или толстовских чеховские встречи на «большой дороге» – действительно случайные встречи», а не «случайно-закономерные», как у его предшественников, русских классиков³. Нам представляется, что семантика «случайности» проезжающих и их встреч уже не позволяет считать постоялый двор частью «своего» пространства – здесь «свое» становится зыбким, расплывчатым, двоится и оборачивается «чужим».

Именно поэтому чеховские постоялые дворы отличаются от описанных в классической литературе и заслуживают особого внимания. Одно из наиболее развёрнутых и ярких изображений постоялого двора в досахалинский период творчества писателя представлено в повести «Степь» (1888). Приведём описание постоялого двора Мойсей Мойсеича: «...большой одноэтажный дом с ржавой железной крышей и с темными окнами. Этот дом назывался постоялым двором, хотя возле него никакого двора не было и стоял он посреди степи, ничем не огороженный. Несколько в стороне от него темнел жалкий вишневый садик с плетнем, да под окнами, склонив свои тяжелые головы, стояли спавшие подсолнечники. В садике трещала маленькая мельничка, поставленная для того, чтобы пугать стуком зайцев. Больше же около дома не было видно и слышно ничего, кроме степи».

² Плужников В.И. Термины российского архитектурного наследия. Словарь-гlossарий. – М.: Искусство, 1995. – С. 105.

³ Сухих Н.И. Проблемы поэтики А.П. Чехова. – Л., 1987.

По справедливому замечанию М.Ч. Ларионовой, постоянный двор Мойсей Мойсеича, «своего рода центр степи, главный локус «инога» мира»⁴. На это указывает, как нам кажется, прежде всего отсутствие забора – пространство дома никак не отделено от пространства степи. Отсутствует и промежуточный, «буферный» локус двора, в котором «своё» и «чужое» пространства взаимодействуют и перетекают друг в друга. Егорушка интуитивно чувствует мимирию обмана, «невсамделишность», постоянного двора и наивно-прагматически ставит под сомнение само обозначение – «постояльный двор»: «никакого двора не было».

Для Мойсей Мойсеича, его брата, жены и детей постоянный двор – это ещё и постоянное жилище, дом. Обращает на себя внимание использование наименований объектов «домашнего» пространства с «размерными» суффиксами: вишневый садик, мельничка. Уменьшительность в данном контексте (ночь, усталость, сонное состояние мальчика) становится признаком изменения семантики, указанием на неистинность, мнимость описываемого.

Игрушечная, ненастоящая «мельничка», которая нужна только для отпугивания зайцев, соотносится с другой мельницей, – той, которую увидел Егорушка, покидая родной город, мельницей, маркирующей границу «своего» и «чужого» миров⁵. На границе родного города и степи мальчик видел и вишневые деревья: они росли на кладбище, и их появление хотя и связано для Егорушки со «страшными» воспоминаниями о смерти бабушки, но не пугает его. Кладбище – это одновременно и «чужое», и не совсем «чужое», еще привычное пространство, в которое ушли близкие люди – отец и бабушка, и поэтому кресты и памятники из-за ограды выглядят «весело». Яркая цветовая гамма (белые пятна крестов и памятников, зелень вишневых деревьев и красный цвет ягод) создаёт светлую тональность привычной и родственной грусти: «Егорушка вспомнил, что, когда цветет вишня, эти белые пятна мешаются с вишневыми цветами в белое море; а когда она спеет, белые памятники и кресты бывают усыпаны багряными, как кровь, точками. За оградой под

---

⁴ Ларионова М.Ч. Миф, сказка и обряд в русской литературе XIX века. – Ростов н/Д, 2006. – С. 205.

⁵ Ларионова М.Ч. Указ. соч. С. 195.

вишнями день и ночь спали Егорушкин отец и бабушка Зинаида Даниловна» (С. VII, 14). В этом контексте «вишневый садик» на постоялом дворе Мойсей Мойсеича в тусклом освещении выглядит пародийно-пугающе: он является знаком мира смерти и при этом неоднозначно «чужого» мира.

Интерьер постоялого двора также указывает на присутствие «чужих» сил: темнота («Комната казалась мрачной... и казалось, если бы в комнате повесили десяток ламп, то она не перестала бы быть темной») (С. VII, 32), дурной запах («у него захватило дыхание от запаха чего-то кислого и затхлого») (С. VII, 38), нечистота («из-под сального одеяла выглянула... кудрявая головка») (С. VII, 39), «ломоть хлеба, *вымазанный медом*» (выделено мной – Т.С.) (С. VII, 38). Знаками присутствия «нечисти» в доме становятся и странные звуки, комплекс которых тщательно прописан Чеховым: «всплеснул руками и простонал», «закричал таким диким, придушенным голосом, как будто тонули звал на помощь», «закатился таким судорожным смехом, что едва устоял на ногах» (С. VII, 32–39).

По свидетельству исследователей народной культуры, в произведениях словесности «акустический код является не только весьма выразительным в условиях ночных встреч с персонажами нечистой силы, но нередко служит единственным источником информации о появлении среди людей незримых мифических существ»⁶. Акустический код нечисти, присутствие которой ощущает Егорушка, актуализируется в сочетании с орнито- и зооморфными акцентами в описании персонажей. Так, хозяин постоялого двора уподобляется ночной птице: его «черный сюртук взмахивал фалдами, точно крыльями, всякий раз, как Мойсей Мойсеич от радости или в ужасе всплескивал руками» (С. VII, 30). «Птичья, ошипанная фигурка» (С. VII, 34) и «большой птичий нос» (С. VII, 31) – отличительные особенности внешнего облика его брата Соломона. Показательна и такая деталь интерьера: «...на одной стене в серой деревянной раме висели какие-то правила с двуглавым орлом, а на другой, в такой же раме, какая-то гравюра с надписью: «Равнодушие человек»» (С. VII, 32).

---

⁶ *Виноградова Л.Н.* Звуковой портрет нечистой силы // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / Отв. редактор С.М. Толстая. – М., 1999. – С. 198.

Можно предположить, что эти семейные реликвии, расположенные там, где обычно висят семейные портреты, имплицитно определяют «птичью» сущность братьев. «Индюшачьи» звуки издаёт жена хозяин Роза, её же – «большую, очень толстуюеврейку с распущенными волосами» (С. VII, 38) – видит Егорушка вместо обещанного медведя. Эти детали дополняют картину «чужого» пространства – еще более страшного оттого, что оно так походит на «свое». «Все представляется не тем, что оно есть...» (С. VII, 45) – такова авторская оценка «чужого» пространства в «Степи».

Постоялый двор, таким образом, реализует теневой, профанный вариант дома, что особенно остро чувствует ребенок, девятилетний Егорушка. Толстая Роза с её показной навязчивой лаской («ты здесь безмаменьке») и ржаным пряником в виде сердца в качестве угощения в этом контексте выступает как сниженный двойник матери.

С пространством постоялого двора в повести «Степь» связан и комплекс разбойничьих мотивов, источники которых можно найти в русском фольклоре и литературе романтизма. Ночью у Мойсей Мойсеича спутники Егорушки, Кузьмичов и о. Христофор, считают деньги. Атмосфера этого действия напоминает дележ добычи разбойниками. Во-первых, денег, по мнению Егорушки, очень много, целая «куча» («сколько на эту кучу можно купить бубликов, бабок, маковников» (С. VII, 37)); во-вторых участники этой сцены занимаются дележом, выделением доли для неких авторитетных и загадочных людей («вы отсчитайте семь тысяч восемьсот для Варламова, а я буду считать для Гусевича» (С. VII, 37)). Наконец, истинно разбойничьим, романтически-вольным является отношение персонажей к этим деньгам. Так, Кузьмичов «валит» пересчитанные деньги «в грязный мешок без всякой церемонии с таким равнодушием, как будто это были не деньги, а бумажный хлам» (С. VII, 39). Егорушка же чувствует «нечистую» природу этих денег, он ощущает «противный запах гнилых яблок и керосина, шедший от кучи» (С. VII, 37). Создаётся впечатление, что деньги награблены, а не заработаны честной коммерцией.

Своеобразным философским обрамлением этой сцены становятся грустные рассуждения о. Христофора о невозможности счастья и благополучия без греха: «...ничего мне не надобно! Всё

у меня есть и всё слава богу. Счастливей меня во всем городе человека нет. Только вот грехов много, да ведь и то сказать, один бог без греха» (С. VII, 35). Диалектика счастья-благополучия и греха продуцируется и традиционным культурным контекстом, который заставляет вспомнить о «постоянном ощущении опасности, неприкаянности разбойников» в погоне за деньгами, которые обеспечат вольное житьё⁷.

В аспекте «разбойничьего» мотива может быть рассмотрена и другая остановка в пути, описанная в повести «Степь». Попавший в страшную грозу, промокший и начинающий заболевать Егорушка остаётся на ночлег в какой-то странной избе. «Тощая, горбатая старуха, с острым подбородком», щурясь и вздыхая, предлагает ему еду и ночлег, без конца поминая каких-то «наших», которые «в степу ночуют» (С. VII, 88). Это местоименное определение – «наши» – без указания конкретных имён напоминает о разбойничьем братстве. Причитая по поводу неприкаянности «наших», старуха достаёт «длинный, острый ножик, очень похожий на те ножи, какими на постоялых дворах разбойники режут купцов» (С. VII, 89).

«Разбойничий» контекст этого эпизода, как и эпизода на постоялом дворе Мойсей Мойсеича, естественно связан с контекстом профанного дома, места обитания таинственных и явно «нечистых» сил. Так, старуха держит в руках сальную свечку, но церковной свечи, чтобы засветить перед образами, в доме нет («не знаю, куда Степанида девала» (С. VII, 89)). Спящие обитатели этого странного дома представляются Егорушке в фантастическом свете: «Егорушка подошел к столу и сел на скамью около чьей-то головы. Голова задвигалась, пустила носом струю воздуха, пожевала и успокоилась. От головы вдоль скамьи тянулся бугор, покрытый овчинным тулупом. Это спала какая-то баба» (С. VII, 89). Да и сама старуха внешне и функционально напоминает Бабу Ягу из народных сказок⁸. И снова странные запахи, тряпье вместо постели, таинственный стук...

---

⁷ Некрылова А.Ф., Савушкина Н.И. (вступительная статья) // Народный театр. – М., 1991. – С. 9.

⁸ Протт В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – М., 2004. – С. 36–90.

Связь разбойничьего мотива с демонологическим для русской литературы и фольклора отнюдь не является случайной⁹. В чеховской прозе данная семантика индуцируется спецификой пространства постоянного двора и (или) иного временного прибежища у большой дороги – эпически-масштабной и опасно-прекрасной одновременно. Осмысленная богатырский и в то же время разбойничий размах большой дороги, Егорушка не случайно ставит в один ряд Илью Муромца и Соловья Разбойника: «Можно, в самом деле, подумать, что на Руси еще не перевелись громадные, широко шагающие люди, вроде Ильи Муромца и Соловья Разбойника, и что еще не вымерли богатырские кони» (С. VII, 48).

В VI главе «Степи» постоянный двор рассматривается как главный топос «разбойничьего» мотива. В рассказе Пантелея одна за другой предстают три истории кровавых преступлений, пространственно связанных с постоянным двором. Кажется, что Чехов последовательно воспроизводит механизм фольклоризации сюжета, который может быть назван «Убийство на постоялом дворе». Первая из рассказанных стариком историй наиболее конкретна. Это история убийства косарями купцов – отца и сына, торговавших образами (!). Рассказ насыщен бытовыми подробностями. Назван, например, нынешний хозяин постоянного двора – Игнат Фомин, указана причина страшного убийства – хвастовство купца, остались материальные знаки памяти об убиенных – два покосившихся могильных креста у дороги, известна судьба убийц.

Вторая из рассказанных Пантелеем историй произошла уже не здесь, а где-то «в России», где и постоянные дворы другие («чужие»): «Там дворы крытые на манер базов, или, скажем, как клуни в хороших экономиях» (С. VII, 69). В контекст «чужого» пространства вписываются и совершенно уж сказочные образы разбойников: «...а там подвал, большой такой, темный да сумный... Набочке фонарик горит. Посреди подвала стоят человек десять народу в красных рубахах,

⁹ Так, например, С.Ю. Неклюдов отмечает в фольклорном Разине явные демонологические черты, сверхъестественные свойства, обусловленные общением с нечистой. См. об этом: Фольклорный Разин: аспект демонологический // In Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах / отв. ред. и сост. Д. И. Антонов, О.Б. Христофорова. – Вып. 3. – М., 2014. – С. 237–274.

засучили рукава и длинные ножики точат...» (С. VII, 69). Обратим внимание на расположение логова разбойников – ниже земли, в подвале; на их красные рубахи и таинственный (дьявольский) огонь; на явную гиперболизацию свирепости разбойников («потом в подвале костей человеческих нашли видимо-невидимо» (С. VII, 70)). Этот рассказ Пантелея имеет некоторое сходство с русской фольклорной быличкой (о чем свидетельствует близость рассказываемого к кошмару и сновидению, наличие деталей, усугубляющих зловещий смысл, описываемые события происходят в темноте, в уединенном месте). Есть в нем и черты народной агиографии: купец – святой человек, и не себя защищает, а «сиротские» деньги. Фольклорно-сказочной является и щедрость купца, который спасителям «на радостях трисотенных пожертвовал», и сжатость констатации справедливого наказания разбойников («потом их в Моршанске через палачей наказывали»).

В третьем рассказе Пантелея еще меньше конкретики, есть только имя-отчество купца – Петр Григорьич. И снова таинственный постоялый двор, дурные предчувствия, ночное нападение, «длинные ножики». Спасает купца на этот раз не закон, не деревенская община, а молитва. «Молились мы, молились, плакали, плакали, а бог-то нас и услышал. Сжалился, значит... В самый раз, когда хозяин купца за бороду взял, чтоб, значит, ножиком его по шее полоснуть, вдруг кто-то ка-ак стукнет со двора по окошку! <...> Должно, угодник божий или ангел. Потому акромя некому...» (С. VII, 72).

При всей своей фантастичности эти удивительные истории кажутся слушателям куда более реальными и понятными, чем сама жизнь, и создают неповторимый фольклорно-романтический ореол вокруг ночных остановок на пути через степь.

«Жизнь страшна и чудесна, а потому какой страшный рассказ ни расскажи на Руси, как ни украшай его разбойничьими гнездами, длинными ножиками и чудесами, он всегда отзовется в душе слушателя былью, и разве только человек, сильно искусившийся на грамоте, недоверчиво покосится, да и то смолчит» (С. VII, 73), – резюмирует Чехов, связывая между собой «страшное», «разбойников» и то место остановки у большой дороги, где они находят приют.

Подобная связь обнаруживается в рассказе «Ведьма», написанном двумя годами раньше «Степи». Правда, действие в нем происходит не на постоялом дворе, но тоже в «служебном» помещении при до-

роге, исполняющем в то же время функцию дома для дьячка Савелия и его жены Раисы Ниловны. Дом этот когда-то был сторожкой при церкви, но церковный приход «упразднили», а сторожка осталась. Сюда раньше, когда дьячком был отец Раисы Ниловны, много людей приходило «от трясушки лечиться: и из деревни, и из выселков, и из армянских хуторов» (С.IV, 378), сейчас же изредка попадают проезжие, попавшие в непогоду: в грозу или в снежный буран. Указанные признаки соответствуют рассматриваемой нами типологии постоянного двора и позволяют характеризовать сторожку Ёйкиных как вариант постоянного двора.

История сторожки отражает тот же процесс постепенного «упразднения» признаков дома как обжитого «своего» пространства, который мы рассмотрели на примере постоянного двора Мойсей Мойсеича в «Степи», при этом депозитизация пространства дома и нагнетение признаков inferнальности, характеризующих «чужое» пространство, выражены в «Ведьме» не менее убедительно. Дьячиха вспоминает о тех временах, когда её дом был «живым» и людным: «когда папенька живы были и тут жили, то много разного народа ходило к ним... и никто их бесами не обзывал» (С.IV, 378), теперь же здесь обитают «чертиха», «ведьма» и «длиннополый нечистый дух» – так называют один другого опостылевшие друг другу супруги. Бушующая вокруг сторожки снежная буря в контексте традиционного для русской литературы «метельного» сюжета воспринимается как торжество «бесов», нечисти.

Семантика «метельного» сюжета у Чехова, как и у Пушкина, предполагает ситуацию испытания героя, оказавшегося во власти потусторонних сил¹⁰. Инициационное испытание и в фольклоре,

---

¹⁰ См. об этом: Доманский Ю.В. Архетипический мотив зимней вьюги в прозе А.С. Пушкина и в рассказе А.П. Чехова «Метель» // Мат-лы междунар. пушкинской конфер. – Псков, 1996. – С. 200–205; Головачёва А.Г. Повести Ивана Петровича Белкина, «пересказанные» Антоном Павловичем Чеховым // Чеховиана: Чехов и Пушкин. – М., 1998. – С. 175–191; Собенников А.П. Судьба и случай в русской литературе: от «Метели» А.С. Пушкина к рассказу А.П. Чехова «На пути» // Чеховиана: Чехов и Пушкин. – М., 1998. – С. 137–144; Козубовская Г.П., Бузмакова М. Рассказ А.П. Чехова «Ведьма»: жанровый архетип // Культура и текст. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2008. – С. 287–298; Нагина К.А. Семантика метели в рассказе А.П. Чехова «Ведьма»

и в литературе, как правило, реализуется посредством мотивов сна и смерти. По утверждению В. Проппа, сон в волшебной сказке связан именно с мотивом бабы-яги, и пространство, окружающее её избушку, уже само вызывает неодолимую дремоту. Во власть сна попадает почтальон, едва переступив порог сторожки, сквозь сон он слышит «мягкий женский голос»: «Спали бы себе да спали на доброе здоровье!» (С. IV, 383). В рассказе «Ведьма», как показывает К.А. Нагина, функции традиционной бабы Яги делегированы дьячихе Раисе Ниловне: она насылает на героя сон, предлагает еду-питье своему гостю и проводит испытание огнем. При этом «ситуация инициационного испытания обнажает несостоятельность «белокурого молодого почтальона», который оказывается ложным героем»¹¹. Он даже не пытается бороться со сном, дважды отказывается от предложения «покушать чаю» и ретируется перед огнем эротических желаний хозяйки дома.

Размышляя над значением чеховской отсылки к истории Юдифи и Олоферна в контексте несостоявшегося инициационного испытания, К.А. Нагина утверждает, что оно состоит в разоблачении ложного героя – «белокурого молодого почтальона». Нам представляется, что библейский сюжет, в котором тесно переплетены эротический и смертельный мотивы, является своеобразной основой для «разбойничьего» развития сюжета, в котором предполагается смерть от «длинных ножигов». Атмосфера неминуемой опасности окружает спящего почтальона. И хотя «почтальонная сабля на широком ремне» только отдаленно походит и на тот «длинный плоский меч, с каким рисуется на лубочных картинках Юдифь у ложа Олоферна» (С. IV, 380), и на «длинные ножики» разбойников с постоялого двора, разыгрывается всё тот же сюжет убийства спящего гостя. Однако в данном случае он перенесен в ментальную плоскость.

(пушкинский и толстовский коды в авторском преломлении) // Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 6 (10). – С. 131–138; *Ларионова М.Ч.* «Я стала ведьмой от горя и бедствий, поразивших меня»: рассказ А.П. Чехова «Ведьма» // Творчество А.П. Чехова: рецепции и интерпретации: сб. мат-лов междунар. науч. конфер. – Ростов н/Д, 2013. – С. 97–107.

¹¹ *Нагина К.А.* Семантика метели в рассказе А.П. Чехова «Ведьма» (пушкинский и толстовский коды в авторском преломлении) // Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 6 (10). – С. 135.

Не случайно в начале рассказа дьячиха шьет из грубого рядна мешки. Согласно легенде, Юдифь после того, как убила спящего Олоферна, выносит вместе со своей служанкой-помощницей из шатра его отрубленную голову именно в мешке со съестными припасами. У Чехова дьячок Савелий, заметив огненный взгляд жены, устремлённый на почтальона, закрывает его лицо платком, становясь, таким образом, соучастником воображаемого преступления. И затем перед читателем предстает результат этого ментального злодеяния – созерцание женщиной «расчлененного» тела героя-любownika: «Ничего, что лицо было закрыто. Ее не столько занимало лицо, как общий вид, новизна этого человека» (С. IV, 382).

Итак, несовпадение сказочно-мифологического сюжета с сюжетом рассказа вовсе не лишает пространство испытания его inferнальной сущности, а хозяйку этого пространства, по крайней мере, в ощущениях её мужа, черт сверхъестественного существа: «Ведьма! – негодовал он. – Тьфу, противная!» (С. IV, 386). В сердцах и дьячиха вспоминает о «нечистой» сущности своего мужа: «А жену поищи себе в лесу! Какая я тебе жена?» (С. IV, 385).

Напомним, что место, где происходит действие, – Гуляевский бугор, имение генерала Калиновского. Топоним «Гуляевский», думается, не случаен, он маркирует уже знакомый нам «разбойничий» контекст остановки на постоялом дворе. «Гуляет» в народных песнях «удал добрый молодец» Стенька Разин, и это «гуляние» напрямую связано с разбоем:

Ходил, гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепкую думушку с голытьбою:
«Судари мои, братцы, голь кабацкая!
Поедем мы, братцы, на сине море гулять,
Разобьем, братцы, басурмански корабли,
Возьмем мы казны сколько надобно...»¹²

Фамилия генерала Калиновского указывает на иной – фольклорно-мифологический контекст. «Калинов мост в народной сказке разделяет «этот» и «иной», потусторонний мир. Калин-царь

---

¹² Курсив мой – Т.С.

4.1. Постоялые дворы в контексте чеховского мотива остановки в пути

в былине – это «чужой», иномирный и иноверный персонаж. Учитывая метель, в рассказе образуется маргинальный, демонический хронотоп», – отмечает М.Ч. Ларионова¹³. Таким образом, пространство сторожки превращается в некое иномирное пространство, в ложный дом, где, как и в чеховской «Степи», «все представляется не тем, что оно есть».

---

¹³ Ларионова М.Ч. «Я стала ведьмой от горя и бедствий, поразивших меня»: рассказ А.П. Чехова «Ведьма» // Творчество А.П. Чехова: рецепции и интерпретации: сб. мат-лов междунар. науч. конфер. – Ростов н/Д, 2013. – С. 101.

4.2. ОТ ПОСТОЯЛОГО ДВОРА К ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ СТАНЦИИ: РАЗВИТИЕ СЕМАНТИКИ ПОГРАНИЧНОСТИ

В чеховских произведениях преимущественно послесахалинского периода почтовая дорога заменяется железной, а пространство постоянного двора – пространством станции или вокзала. Безусловно, подобное замещение обусловлено биографически (длительное перемещение писателя на Сахалин «коннопешим» образом, без сомнения, уступает по комфорту переезду по железной дороге, который пока на такое длительное расстояние невозможен) и исторически (наибольший размах строительства железнодорожных путей в мире и в России во второй половине XIX в. приходится именно на период с 1880 по 1890 год – 244,7 тыс. км.; тогда же были построены и вокзалы в крупных городах России¹). Однако образность, питаемая историко-биографическими источниками, приобретает у Чехова особую символическую глубину.

Так, в рассказе «Убийство» содержится своеобразная историческая справка: постоянный двор вдовы Авдотьи Тереховой, построенный ещё при Александре I, превращается в «полустанок, который назывался просто разъездом» (С. IX, 142). Трудно не заметить черты типологического сходства этого постоянного двора с теми, которые изображены в повести «Степь» и в рассказе «Ведьма»: то же уныние, нечистота в физическом смысле («во дворе было грязно даже летом»), и в ощущении присутствия inferнальной нечисти, темных сил; то же включение в «разбойничий» контекст: «У тех, кто, бывало, проезжал мимо на почтовых, особенно в лунные ночи, темный двор с навесом и постоянно запертые ворота своим видом вызывали чувство скуки и безотчетной тревоги, как будто в этом дворе жили колдуны или разбойники» (С. IX, 142). Прямой переключкой со «страшными» рассказами Пантелея возле покосившегося могильного креста об убийстве купцов на постоялом дворе («Степь») выступает в «Убийстве» упоминание о том, «как лет 30 назад обозчики, рассердившись, затеяли драку и убили проезжего

¹ Сотников Е.А. Железные дороги мира из XIX в XXI век. – М., 1993. – С. 17.

купца, и в полуверсте от двора до сих пор еще стоит погнувшийся крест» (С. IX, 143).

Однако спустя десять лет на этом самом месте уже расположена настоящая железнодорожная станция. От некогда богатого постоянного двора остается пристанционный трактир. Исторический экскурс в контексте рассказа имеет особую значимость: его персонажи с символической фамилией Богомолы теряют «старую веру», но так и не обретают новую. Название станции – Прогонная – формирует представление о промежуточности жизни, о механистичности пути, который не оканчивается обретением истины и гармонии с миром.

В этом рассказе, как и в большинстве других чеховских произведений 1890-х годов, изображена провинциальная жизнь – и станция показана маленькая, незначительная с точки зрения географии. Однако, в отличие от провинциальных железнодорожных станций ранних рассказов, которые упоминалась лишь как место комического, анекдотического происшествия («Жалобная книга», «Толстый и тонкий» и др.), вокзалы и станции в зрелой чеховской прозе маркируют границу – между деревней и городом, культурой и природой, социальностью и бытийностью.

Топос провинциальной железнодорожной станции продолжает и развивает, таким образом, ту семантику пограничности, которая заложена была у Чехова в описании постоянных дворов. Показателями пограничности пространства станции являются «тишина», «темнота» и «пустота»: «...все тихо разошлись, и стало опять темно и пусто, и наступила та самая тишина, какая бывает только на станциях, одиноко стоящих в поле или в лесу, <...> когда чувствуется вся эта пустота кругом, вся тоска медленно текущей жизни» (С. IX, 133). К показателям пустынности и безлюдья можно добавить ещё и признак невероятной жары, зноя. «Невесёлая станция, одиноко белеющая в степи, тихая, со стенами, горячими от зноя, без одной тени и, похоже, без людей» (С. IX, 313) – так описывает автор станцию Донецкой железной дороги в экспозиции рассказа «В родном углу».

Подчёркнутая удалённость железнодорожной станции от жилья у Чехова может выступать как средство характеристики уклада жизни («Село Уклеево лежало в овраге, так что с шоссе и со станции железной дороги видны были только колокольня и трубы ситценабивных фабрик» (С. X, 144) – в повести «В овраге») или как

средство психологической характеристики («жена старосты Мавра <...> во всю свою жизнь нигде не была дальше своего родного села, никогда не видела ни города, ни железной дороги» (С. X, 42) – в рассказе «Человек в футляре»).

В повести «Моя жизнь» удалённость вокзала от города – «вокзал строился в пяти верстах от города» (С. IX, 207) – объясняется прозаически: городское управление попыталось сэкономить на взятке инженерам-строителям. В окрестностях станции Дубечни, где разворачивается едва ли не большая часть событий повести, – поля озимых и яровых, вид которых рождает у героя радостное чувство, однако на самой станции «было жарко, пахло извёсткой, и рабочие вяло бродили по кучам щепы и мусора» (С. IX, 208). Таким образом, пространство станции выделяется из окружающей природы и приобретает признаки «нечистого» места.

«Нечистота» – это не только «развалины», «неубранство», «хлопающие ставни», «воры ночные и дневные», но и «хаос» (С. IX, 260), который понимается как состояние некоторого промежуточного пространства. В соответствии с традиционными представлениями всякое переходное пространство является «нечистым», его населяют существа, наделённые чертами inferнальности. В пространстве железнодорожной станции возникают призрачные фигуры: «Матвей оглянулся, но уже не было ни саней, ни мужика, как будто всё это ему только примерещилось» (С. IX, 136), чудовища: «собака мчалась по улице, <...> ей казалось, что её преследует по пятам какое-то чудовище» (С. IX, 207). Марья Васильевна («На подводе»), переживая поезд у переезда, узнаёт в женщине, стоящей на площадке одного из вагонов, свою умершую мать: «...такие же пышные волосы, такой же точно лоб, наклон головы» (С. IX, 342). Даже знакомые и близкие люди в окрестностях железнодорожной станции обретают «чужие» черты («Моя жизнь»): «у ворот усадьбы или в саду меня встречало неожиданно милое привидение – она! Оказывалось, что она приехала по железной дороге и со станции пришла пешком» (С. IX, 242).

Однако главное демоническое существо пространства станции – это, конечно, сам поезд, который приобретает – вполне в духе монолога Феклуши из пьесы А. Островского «Гроза» – облик огнедышащего чудовища: «Шёл длинный товарный поезд, который тащили два локомотива, тяжело дыша и выбрасывая из поддувала снопы

багрового огня. На переезде в виду станции передний локомотив издал пронзительный свист.

– Свистить... – проговорила Дашутка («Убийство») (С. IX, 156).

Обратим внимание на выделение акустического признака присутствия нечистой силы, характерного, как мы уже убедились, и для чеховского описания постоянных дворов. В рассказе «Убийство» это свист. «Свист – явление, неизменно связываемое в народных представлениях с призывом зла, лиха, беды, нечистой силы»². Двойное упоминание о свисте – в объективно-повествовательной речи и в реплике Дашутки – способствует акцентуации важного звукового сигнала. «Пронзительным свистом» провожает проходящих мимо женщин и «чугунка» – так в повести «Моя жизнь» называются чернорабочие на строительстве железной дороги. Безликость толпы оборванцев и то, что в городе её все боялись, – тоже своеобразный признак «нечистой» природы.

Ещё один признак звукового самопроявления нечисти – брань, ругань. Упомянутая нами «чугунка» из «Моей жизни» «пила, ела, нехорошо бранилась» (С. IX, 206). «Как греховное, нечистое поведение брань соотносится с демонологическими персонажами», – отмечают авторы словаря «Славянская мифология»³. С другой стороны, «брань широко используется в роли оберега: ею прогоняют лешего, домового, русалку, ходячего покойника, вампира и т.п.»⁴. Восемнадцатилетняя Дашутка в чеховском рассказе отвечает работнику, который «выбрал её нехорошими словами», «скороговоркой длинную, отборную бранью, которой она могла научиться в только в трактире у пьяных мужиков» (С. IX, 150). Дашуткина брань выступает, как видим, в функции оберега, защиты от чужой агрессии – и в бытовом, и в фольклорно-мифологическом смысле. С другой стороны, девушка, хоть и невольно, но оказывается соучастницей убийства, т.е. совершает греховный поступок, тем самым приближаясь к «чужому» пространству и нечисти, поэтому и «говорит» на языке нечисти.

² *Виноградова Л.Н.* Звуковой портрет нечистой силы // Мир звучащий и молчаливый: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. – М. – С. 296.

³ *Славянская мифология. Энциклопедический словарь:* изд. 2-е. – М., 2002. – С. 56.

⁴ Там же. С. 56.

В рассказе «Убийство» «нечистое» пространство железнодорожной станции, в котором вот вот-вот произойдет преступление, погружено в снежную бурю, метель. Развивая и опредмечивая намеченный в рассказе «Ведьма» мотив, автор видит в хаосе метели страшное присутствие бесовской силы: «Когда сильная буря качает деревья, то как они страшны! <...> Как ведьмы на шабаше, кружатся облака снега» (С. IX, 136), «...в это время пошёл снег хлопьями <...> он всё встряхивал головой, так как что-то давило ему голову и плечи, будто сидели на них бесы» (С. IX, 151). И в этом хаосе метели и бесовства уже не ясно, кто более греховен: убийцы, поддавшиеся звериному инстинкту, или жертва, Матвей, который тоже был одержим бесами («бес забрал меня окончательно и заслонил свет от очей моих своими погаными копытами» (С. IX, 140)).

Само помещение железнодорожной станции или вокзала также имеет внешние признаки промежуточного, приграничного положения. Оно по сути является звеном, соединяющим природную и социальную жизнь. До сих пор эту функцию – и в русской классике, и в чеховском творчестве – выполняла усадьба. «Это прежде всего образ русской культуры вообще, как места осмысленной встречи русского человека с природным миром; за национальными чертами здесь отчетливо проступают черты эпохальные», – так характеризует роль пространства усадьбы в русской литературе В. Щукин⁵.

В чеховской прозе 1890-х годов усадьба депоэтизируется, а усадебная модель культуры профанируется, уступая место новой, вокзальной модели. Антропоцентричность усадебной организации жизни уступает место полицентричности случайных встреч, ни к чему не обязывающих знакомств, дорожных разговоров с целью скоротать время. Зависимость человека от звонков, предупреждающих об отправлении поезда, вокзального расписания, станционного и прочего железнодорожного начальства – всё это характеризует новый культурный топос и провоцирует изменение сущности героя.

Наиболее последовательно этот процесс представлен в повести «Моя жизнь». Усадьба Чепраковых – «очень старая, давно заброшенная» – продана за долги и стала помещением железнодорожной

---

⁵ Щукин В. Поэзия усадьбы и проза трущобы // Вест. МГУ. Серия 9. Филология. – 1994. – № 2. – С. 10.

станции: мать Чепракова при продаже выговорила себе право жить в одном из боковых флигелей ещё два года и выпросила для сына место при конторе» (С. IX, 209). Пограничность положения бывшей усадьбы подчёркнута противостоянием прошлого и настоящего. «Барыня-помещица» генеральша Чепракова иногда вспоминает, что прислуга обязана её «величать превосходительством», учит сына правильно держать нож и встречает гостя вопросом: «Вы дворянин?» (С. IX, 210). При этом усадьба-станция характеризуется атмосферой одичания, тесноты и вырождения: окна забиты досками, по двору ходят телята, сад, уже одичавший, заглушён бурьяном и кустарником, комнаты флигеля, в которых обитает бывшая хозяйка имения, загромождены мебелью, перенесённой сюда из большого дома. И снова реализуется метафора нечисти как сущности пограничного пространства: в самой барыне «было уже что-то мертвенное и даже как будто чувствовался запах трупа» (С. IX, 210).

Социально-культурные функции, которые традиционно выполняла барская усадьба, теперь переходят к вокзалу. На вокзале едят и пьют, и важным локусом вокзального пространства становится пристанционный трактир или буфет: «на станции подошли к буфету и выпили по рюмке хересу» («В овраге») (С. X, 159), «можно было закусить, выпить пива» («Расстройство компенсации») (С. X, 228), Саша на вокзале угощает Надю «чаем, яблоками» («Невеста») (С. X, 217). Здесь, на вокзале, как ранее в дворянских усадьбах, концентрируется и духовная жизнь. На станции Прогонной в рассказе «Убийство» даже проходит всенощная церковная служба – как когда-то в домовых церквях.

На железнодорожной станции у Чехова звучит музыка («за платформой в толпе бойко играли на гармонике и на дешёвой визгливой скрипке» («Анна на шее») (С. IX, 163); на станции, описанной в рассказе «Расстройство компенсации», собираются дачники в ожидании свежих газет и новостей, которые привозит курьерский поезд, здесь же стоит книжный шкаф – можно посмотреть книги. Как тут не вспомнить еврейский оркестр («четыре скрипки, флейта, контрабас»), который приглашают хозяева вишневого сада, персонажи последней чеховской пьесы, а также знаменитый «многоуважаемый шкаф» – в имени, которое тоже из усадьбы постепенно превраща-

ется в вокзал, ведь отсюда по железной дороге вот-вот разъедутся прежние хозяева, и вскоре «понаедут» дачники...

Основные элементы пристанционного пейзажа тоже покажутся читателю знакомыми: лунный свет, заливающий платформы, по которым гуляют дачники, пруд («луна отражалась в пруде») (С. IX, 164), сад, переходящий в поле и степь, кусты сирени, «крик кузнечиков», собака, сопровождающая гуляющих. Всё это калькированные элементы традиционного усадебного мира, однако мир этот, концентрируясь вокруг вокзала, утратил прежнюю устойчивость, и теперь его обитатели – люди временные, «дачники и горожане, приехавшие сюда в хорошую погоду подышать чистым воздухом» (С. IX, 165).

Ощущение подвижности жизни, необходимости принять важное решение настигает героев чеховских рассказов на вокзале («Дама с собачкой», «О любви», «Расстройство компенсации»); в купе поезда («Печенег», «Невеста») или у переезда («Убийство», «На подводе»), вот только достичь желаемой гармонии с миром никому из них так и не удаётся.

4.3. УСАДЬБА, ДАЧА, ДОМ-ВОКЗАЛ В ПЬЕСЕ «ВИШНЕВЫЙ САД»: МЕЖДУ КУЛЬТУРОЙ И ПРИРОДОЙ

Говоря о пространственной организации пьесы «Вишневый сад», так или иначе приходится обращаться к оппозиции усадьба/дача. Дача и дачное пространство возникают как результат дробления усадебного пространства, и путь от усадебного топоса к дачному, от усадебной формы ментальности к новой, дачной, по существу, составляет основу сюжетной канвы пьесы.

«Размывание основ» усадебной метафизики в немалой степени было связано с экспансией культуры дачной. <...> Усадьба и дача заявляют разные системы ценностей. Это не вопрос о форме собственности, а о типе культурного поведения», – отмечает Л.Н. Летягин в статье «Усадебный металандшафт России». Устойчивость, «патриархальность», преемственность традиционных родовых ценностей рассматриваются как существенные детерминанты усадебного мира, тогда как главными отличительными чертами дачной жизни автор статьи называет «независимость от места, несформированность чувства наследственной, родовой привязанности к ландшафту»¹.

Сам Чехов, который по происхождению и социальной истории своей семьи был гораздо ближе к Лопахину, идеологу дачного пространства, чем к Гаевым, связанным с усадебным пространством, испытывал, как известно, некоторую брезгливость в отношении дачной идиллии. Купив в 1892 году подмосковное Мелехово, он стремился обустроить его именно как типичную усадьбу. В своих письмах он упоминал традиционные черты родового поместного гнезда. «Комнаты громадные», «липовая аллея», «просторная жизнь», «лес, сад, парк», «река, пруд, церковь» – «наша деревенская жизнь в собственной усадьбе, окруженной лесами и полями, была лучше всякой “дачной” жизни, испытанной нами до сих пор»².

¹ Летягин Л.Н. Усадебный металандшафт России [электрон.ресурс]. URL: <http://aesthetics-herzen.narod.ru/collegium/leo/leo-land.htm>.

² Чехова М.П. Из далекого прошлого. – М., 1960. – С. 116.

Не только право собственности на землю, но и особый ландшафтный размах рассматриваются Чеховым как главные отличия усадьбы-имения от дачи. Дачная жизнь предполагает скученность и тесноту: так, Лопухин предлагает Раневской «вишневый сад и землю по реке разбить на дачные участки» размером в десятину – «у вас до осени не останется ни одного свободного клочка, всё разберут» (С. XIII, 205). Дача – это и особый образ жизни. На смену аристократической бездеятельности, поэтической небрежности усадебного быта придет трудовая, хозяйственная жизнь: «И можно сказать, дачник лет через двадцать размножится до необычайности. Теперь он только чай пьет на балконе, но ведь может случиться, что на своей одной десятине он займется хозяйством...» (С. XIII, 206).

По мнению Г.Ю. Стернина, драматизм ситуации превращения усадьбы в дачу особенно остро воспринимается через сопоставление «содержания “дачных” рассказов Чехова с усадебными мотивами его же пьес», что позволяет «почувствовать остроту возникшего здесь противостояния»³. Действительно, можно назвать целый ряд чеховских произведений 1890-х годов, в которых, как и в «Вишнёвом саду», изображается распад усадебного образа жизни и наступление новой, дачной идеологии: «Новая дача», «Расстройство компенсации», «У знакомых», «Анна на шее», «Моя жизнь». Вместе с «Вишнёвым садом» они создают метатекст, внутри которого прослеживаются вполне определённые смысловые закономерности. К числу таких закономерностей относятся в первую очередь общие пространственные характеристики: бывшая усадьба (дача) удалена от города, но не слишком: «от станции на лошадях минут двадцать» («У знакомых») – «ваше имение находится в двадцати верстах от города, возле прошла железная дорога» («Вишневый сад»). Сходятся и пейзажно-ландшафтные признаки: усадьбы и дачи стоят в некотором отдалении от собственно крестьянского жилья, среди природы: в «березовом лесу» («Расстройство компенсации»), на «берегу реки» с «роскошным видом на зеленую долину с деревушками» («Новая дача»), в «зеленом поле» («Невеста»), серди вишневого сада – в пьесе.

---

³ Стернин Г.Ю. Русская художественная культура второй половины XIX – начала XX века. – М., 1984.

Социально и портретно сближаются помещики, хозяева имений, и новые герои-дачники. Так, внешность Артынова (владельца «дачного места») в «Анне на шее» явно сочетает черты дачника и помещика. С одной стороны, портрет Артынова перекликается с описанием внешности типичного дачника Битного-Кушле-Сувремовича («Расстройство компенсации»): у обоих заметная полнота, ласковые «масленные глаза» («армянские глаза навывкате»), вольности в costume: «рубаха, расстёгнутая на груди», «ситцевая рубашка навывпуск», оба ведут себя как «баловники» и любимцы публики. Однако внешность Артынова, в которой обозначено ещё и романтическое, мефистофелевское начало («высокие сапоги со шпорами», «чёрный плащ», «за ним, опустив свои острые морды, ходили две борзые» (С. IX, 164)), явно рифмуется не только с портретом дачника, но и с обликом «какого-то помещика со шпорой на правой ноге и с догом, который ходил за ним» из «Расстройства компенсации» (С. X, 229).

Такое сближение свидетельствует о стирании границ между двумя социальными типами – помещиком и дачником, о том, что путь от усадьбы к даче представляет собой процесс, протяжённый во времени, а также о снижении романтического усадебного кода. Таинственный и до сих пор безымянный помещик с одной шпорой («Расстройство компенсации») лишается ореола загадочности, когда выясняется, что он, вопреки «романтическим» ожиданиям, встречает всего лишь «полную пожилую даму, которая обняла его и несколько раз повторила взволнованным голосом: «Alexis!». По всей вероятности, это была его мать» (С. X, 229). Слетает аристократический флёр и с Артынова, который постепенно становится для героини «Анны на шее» одним из «всех этих», «как все» (С. IX, 171).

Как уже было сказано, одной из важных составляющих провинциального пространства поздней прозы Чехова является железнодорожная станция (вокзал). Железная дорога вообще занимает значительное место в рассказах послесахалинского периода, при этом топоним железнодорожной станции наполняется особым смыслом именно в связи с изображаемой Чеховым экспансией дачного пространства. Небольшая провинциальная станция приобретает художественный статус своеобразного центра дачного

пространства, переподчиняя себе те функции, которые ранее выполняла дворянская усадьба. Позволим себе сформулировать некоторую гипотезу: путь от усадьбы к даче лежит через вокзал, точнее, железнодорожную станцию. Если говорить в этом аспекте о «Вишнёвом саде», то на первый план выдвигается символика дома-вокзала.

В «Вишневом саде», как ни в одной другой пьесе Чехова так часто не упоминаются железная дорога, поезда, вагоны, станции. И хотя через вишнёвый сад железная дорога непосредственно не пролегла, напрашивается аналогия между историями имений Раневской и Пищика: «Вот, думаю, уж всё пропало, погиб, ан глядь, – железная дорога по моей земле прошла, и ... мне заплатили» (С. XIII, 209). На близость к железной дороге как на важный фактор сохранения дома Раневской указывает Лопухин: «Ваше имение находится только в двадцати верстах от города, возле прошла железная дорога...» (С. XIII, 209). Близость имения к железнодорожной станции вообще достаточно явно декларируется в пьесе: «двадцать минут на станцию ехать» (С. XIII, 243).

Практически все персонажи пьесы (за исключением, разумеется, Фирса) находятся в движении, в дороге. Поездом приезжают из Парижа Раневская и Аня, в конце пьесы Раневская вновь спешит на поезд. Лопухин, встретив Любовь Андреевну в два часа ночи, в пятом часу утра едет в Харьков, в конце пьесы он снова спешит на харьковский поезд. Петя Трофимов именно «в вагоне» поезда получает свое прозвище – «облезлый барин» (С. XIII, 211). Поездом приезжает в уже проданное имение Симеонов-Пищик. После торгов Гаев и Лопухин возвращаются поездом «в половину десятого». Яша мечтает: «Через шесть дней я опять в Париже, Завтра сядем в курьерский поезд и закатим, только нас и видели» (С. XIII, 247). Варя опять же поездом едет к Рагулиным, где после продажи имения Раневской будет служить экономкой. Создаётся впечатление, что все эти люди случайно встретились в доме-вокзале, и скоро поезда вновь унесут их друг от друга.

Таким образом, усадебная модель дома профанируется, уступая место новой, вокзальной модели. «Усадьба как модель культуры депоэтизируется и дискредитируется. Демонстрируется изжитость связанного с усадьбой принципа жизненной организации, основанного

на антропоцентрической картине мира»⁴. Антропоцентричность усадебной организации жизни оборачивается полицентричностью: случайные встречи, небрежные знакомства, пустые дорожные разговоры, новые «значительные лица» – начальники станций, почтовые чиновники. С другой стороны, вокзальный топос задаёт и характерный подтекст зависимости человека от железнодорожного расписания и специфического ритма жизни. Так, Фирс с горечью отмечает перемену в социальных приоритетах хозяев дома: «Прежде у нас на балах танцевали генералы, бароны, адмиралы, а теперь посылаем за почтовым чиновником и начальником станции» (С. XIII, 197). Всё это характеризует новый культурный топос дома-вокзала и объясняет изменение сущности героя.

С первых же реплик пьесы указание на время события соотносится с вокзальным расписанием: «Лопахин. Пришел поезд, слава богу. Который час? Дуняша. Скоро два» (С. XIII, 197). Пристальное, поистине железнодорожное внимание к точному времени проявляет именно Лопахин – он же катализатор экспансии дачного пространства: «до поезда осталось всего сорок шесть минут» (С. XIII, 243). Другие персонажи воспринимают время более абстрактно, «эпично», но тоже в связи с расписанием железной дороги: «Трофимов. Господа, идёте садиться в экипажи... Уже пора! Сейчас поезд придет! <...> Гаев (сильно смущен, боится заплакать). Поезд, станция... Круазе в середину, белого дуплетом в угол...» (С. XIII, 252).

Вокзалом, временным прибежищем на пути становится сам дом, окружённый вишневым садом. Размываются культурные, этнические, духовные границы, движутся друг мимо друга совсем разные люди. Будучи частью железной дороги, вокзал является тем переходным узлом, где, собственно, и разворачиваются основные события железнодорожного сюжета, совершаются поворотные события в судьбах персонажей, находящихся в состоянии плохо осознаваемого ими самими движения.

Те, кто собирается в доме Раневской к её приезду, – люди достаточно случайные. Ничего или почти ничего не известно об их настоящем доме, кажется, все они одиноки. О семье и своём про-

---

⁴ Разумова Н.Е. Творчество А.П. Чехова в аспекте пространства. – Томск, 2001. – С. 328.

шлом упоминает Лопехин – однако это не столько реальная личная история, сколько обозначение некоторых исторических, эпических вех; отрывочность биографии Раневской создаёт тональность дорожного рассказа «о жизни» случайным попутчикам; да ещё Пищик упоминает о своей полумифической Дашеньке. Здесь, в доме-вокзале, вспыхивают и гаснут, не получая дальнейшего развития, типичные дорожные романы: Дуняши и Яши («Вы уезжаете... меня покидаете...» (С. XIII, 246) и Вари с Лопехиным («Если есть ещё время, то я хоть сейчас готов <...> Вы куда же теперь, Варвара Михайловна?» (С. XIII, 250).

Как уже отмечалось выше, вокзалы и станции в зрелой прозе и драматургии Чехова маркируют границу – между деревней и городом, культурой и природой, социальностью и бытийностью. Показателями пограничности положения дома-воказала в «Вишневом саде» являются, например, тишина, темнота и пустота, торжествующие в финале пьесы: «Сцена пуста. <...> Становится тихо. <...> Наступает тишина, и только слышно, как далеко в саду топором стучат по дереву» (С. XIII, 254).

И «звук лопнувшей струны, замирающий, печальный», и стук топора по дереву в опустевшем имении – всё это акустические знаки таинственных, «чужих» сил, заполняющих опустевшее пространство. О символике звука лопнувшей струны в чеховской пьесе написано немало. Э.А. Полоцкая, И.Н. Сухих, С. Кайдаш-Лакшина, Т.Г. Ивлева связывают его с эсхатологическим концом жизни, М.Ч. Ларионова выявляет его двойственное значение: «Это конец состязания между героями, завершение очередного этапа их жизни и начало нового»⁵. Однако в любом случае это звук «точно с неба», т.е. в нем выражена символика «чужого».

В соответствии с традиционными представлениями всякое переходное пространство (а значит, и вокзальное) населяют существа, наделённые чертами inferнальности. В рассказах Чехова в пространстве железнодорожной станции нередко возникают призрачные фигуры: Марья Васильевна («На подводе»), пережидая поезд у переезда, узнаёт в женщине, стоящей на площадке одного из ваго-

---

⁵ Ларионова М.Ч. Миф, сказка и обряд в русской литературе XIX века. – С. 127.

нов, свою умершую мать: «...такие же пышные волосы, такой же точно лоб, наклон головы» (С. IX, 342). Сравним с «Вишнёвым садом»: «Посмотрите, покойная мама идёт по саду... в белом платье <...> Никого нет. Мне показалось. Направо, на повороте к беседке, белое деревцо склонилось, похоже на женщину...» (С. XIII, 210).

Процесс перерождения дворянского дома усадебного типа в дом-вокзал, показанный в повести «Моя жизнь», пожалуй, наиболее близок изображённому в «Вишнёвом саде». Судьба имения Чепраковых – это один из вариантов будущего и для поместья Раневской. Напомним, что усадьба Чепраковых – «очень старая, давно заброшенная», «позади большого дома ...старый сад» (С. IX, 208, 210) – продана за долги и стала помещением железнодорожной станции. Однакомать Чепракова при продаже «выговорила себе право жить в одном из боковых флигелей ещё два года и выпросила для сына место при конторе» (С. IX, 209). Весьма показательна фраза г-жи Чепраковой: «...мы не уедем отсюда. Будем жить тут на станции, а это всё равно, что в имении» (С. IX, 210).

К бывшему имению Чепраковых подведены телеграфные провода – здесь телеграммы принимают и отправляют дальше. Действительно, исторически развитие железных дорог и телеграфа зачастую пересекалось. Но ведь и в пьесе «Вишнёвый сад», в доме-вокзале, тоже принимают телеграммы.

Напрашивается еще целый ряд сопоставлений. Угощает своего постояльца Чепракова «пирогом с горьким творогом и молочным супом» – вспоминается знаменитый Варин молочный суп, которым кормят всех в имении Раневской. При этом барские замашки свойственны Чепраковой не менее, чем Раневской, которая «требует самое дорогое и на чай лакеям даёт по рублю» (С. XIII, 201). Чепракова тоже не может забыть, что она «генеральша», «которую прислуга обязана величать превосходительством» (С. IX, 210). Мертвенность г-жи Чепраковой и даже «запах трупа», который, кажется, она распространяет, – почти натуралистическая деталь! – не так уж далеки от прогулки по бывшему кладбищу из второго действия «Вишнёвого сада».

В чеховских рассказах на вокзалах едят и пьют, и важным локусом вокзального пространства становится пристанционный трактир или буфет. Но ведь и в «Вишневом саде» едят не в доме (тут Раневская

только пьёт кофе, да ещё «дачник» в мечтах Лопехина «чай пьёт на балконе» (С. XIII, 206). Мотив еды вообще устойчиво связывается в пьесе с топосом вокзала: «Вот железную дорогу построили, и стало удобно... Съездили в город и позавтракали...» (С. XIII, 218), «Сядем на вокзале обедать, и она требует самое дорогое...» (С. XIII, 201). Даже бутылку шампанского, которой Лопехин собирается отметить свой триумф, он разыскал на станции («на станции нашёл только одну бутылку» (С. XIII, 201)). Происходит смысловое наложение двух топосов: дома, где ели раньше, и вокзала, где едят сейчас. Мотив еды, таким образом, усиливает семантику пограничности дома-вокзала.

Наконец, железнодорожные вокзалы в чеховскую эпоху выполняли и важные социально-культурные функции. Здесь устраивались концерты, звучала музыка. Согласно мнению М.Р. Фасмера, слово «вокзал» (первоначально «фоксал») происходит от «Воксхолл» (англ. Vauxhall) – названия парка и увеселительного заведения в пригороде Лондона, принадлежавшего в XVII веке Джейн Вокс (Jane Vaux)⁶. В большом зале имения проходили концерты и балы, а в парке устраивались многоярусные гулянья с иллюминацией, завершавшиеся фейерверком.

В русском языке слово стало нарицательным благодаря вокзалу в Павловске – прямо в его помещении в XIX веке проходили музыкальные концерты. Этим музыкальным вечерам посвятил, например, своё стихотворение «Концерт на вокзале» О. Мандельштам, а его же книга «Шум времени» открывается описанием атмосферы девяностых годов, которое возникает на пересечении вокзальной и музыкальной тем: «В двух словах – в чем девяностые года. Буфы дамских рукавов и музыка в Павловске; шары дамских буфов и все прочее вращаются вокруг стеклянного Павловского вокзала, и дирижер Галкин – в центре мира»⁷.

Думается, что в аспекте рассмотрения имения Раневской как дома-вокзала бал в третьем действии «Вишневого сада», которым феерически дирижирует Шарлотта, – явление вполне естественное. И еврейский оркестр («четыре скрипки, флейта, контрабас»), кото-

---

⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – Т. 1. – М., 1964. – С. 335.

⁷ Мандельштам О.Э. Шум времени. – М., 2007. – С. 7.

рый приглашают хозяева вишневого сада, – как это ни парадоксально, характеризует метаморфозу, происходящую с именем, которое из усадьбы постепенно превращается в вокзал ...

Таким образом, вокзал и железнодорожная станция не только наделены семантикой пограничности, но и становятся частью «дачного» пространства многих чеховских текстов 1890-х годов и в первую очередь, «Вишнёвого сада». «Дачный» текст, с одной стороны, профанирует и десакрализует «усадебный», с другой – отражает ощущение неустойчивости мира, временности – жилья и жизни.

Литература

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. В 86-ти тт. [электрон. ресурс]. URL: <http://www.endic.ru/brokgause/Postojaldvor-5239.html>.
2. Виноградова Л.Н. Звуковой портрет нечистой силы // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. редактор С.М. Толстая. – М., 1999.
3. Головачёва А.Г. Повести Ивана Петровича Белкина, «пересказанные» Антоном Павловичем Чеховым // Чеховиана: Чехов и Пушкин. – М., 1998. – С. 175–191.
4. Горячева М.О. Проблема пространства в художественном мире А.П. Чехова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1992. – С. 9.
5. Доманский Ю.В. Архетипический мотив зимней вьюги в прозе А.С. Пушкина и в рассказе А.П. Чехова «Метель» // Мат-лы междунар. пушкинской конфер. – Псков, 1996. – С. 200–205.
6. Козубовская Г.П., Бузмакова М. Рассказ А.П. Чехова «Ведьма»: жанровый архетип // Культура и текст. – Барнаул: Изд-во БГПУ, 2008. – С. 287–298.
7. Ларионова М.Ч. «Я стала ведьмой от горя и бедствий, поразивших меня»: рассказ А.П. Чехова «Ведьма» // Творчество А.П. Чехова: рецепции и интерпретации: сб. мат-лов междунар. науч. конфер. – Ростов н/Д, 2013. – С. 97–107.
8. Ларионова М.Ч. Миф, сказка и обряд в русской литературе XIX века. – Ростов н/Д, 2006.
9. Летыгин Л.Н. Усадебный металандшафт России [электрон. ресурс]. URL: <http://aesthetics-herzen.narod.ru/collegium/leo/leo-land.htm>.

10. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. – М., 1970.
11. *Мандельштам О.Э.* Шум времени. – М., 2007.
12. *Нагина К.А.* Семантика метели в рассказе А.П. Чехова «Ведьма» (пушкинский и толстовский коды в авторском преломлении) // Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 6 (10). – С. 131–138, С. 135.
13. *Некрылова А.Ф., Савушкина Н.И.* (вступительная статья) // Народный театр. – М., 1991.
14. *Плужников В.И.* Термины российского архитектурного наследия. Словарь-гlossарий. – М., 1995.
15. *Пропи В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. – М., 2004.
16. *Разумова Н.Е.* Творчество А.П. Чехова в аспекте пространства. – Томск, 2001.
17. *Славянская мифология. Энциклопедический словарь: изд. 2-е.* – М., 2002.
18. *Собенников А.П.* Судьба и случай в русской литературе: от «Метели» А.С. Пушкина к рассказу А.П. Чехова «На пути» // Чеховиана: Чехов и Пушкин. – М., 1998. – С. 137–144.
19. *Сотников Е.А.* Железные дороги мира из XIX в XXI век. – М., 1993. – С. 17.
20. *Стернин Г.Ю.* Русская художественная культура второй половины XIX – начала XX века. – М., 1984.
21. *Сухих Н.И.* Проблемы поэтики А.П. Чехова. – Л., 1987.
22. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – Т. 1. – М., 1964.
23. *Фольклорный Разин: аспект демонологический* // InUmbra: Демонология как семиотическая система. Альманах / отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. – Вып. 3. – М., 2014.
24. *Чехова М.П.* Из далекого прошлого. – М., 1960.
25. *Шукин В.* Поэзия усадьбы и проза труппы // Вест. МГУ. Серия 9. Филология. – 1994. – № 2.

Сдано в набор 12.10.16. Подписано в печать 30.10.2016.
Формат 62 x 94 / 16. Бумага офсетная. Гарнитура Minion Pro.
Печать цифровая. Заказ № ___/16.
Тираж 500 экз.

Подготовлено и отпечатано DSM Group (ИП Лункина Н.В.).
г. Ростов-на-Дону, ул. Седова, 9, тел. 263-57-66
E-mail: dsmgroup@mail.ru